

XLV г. | № 7 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 3.

„Царь Іудейскій“.

„...Священные Писанія глаголы
Напоминаютъ звѣзды въ небесахъ:
Въ тиши ночей изъ темно-синей дали
Загадочно, таинственно онѣ
Льютъ намъ свое сіяніе на землю“...

(„Царь Іудейскій“).

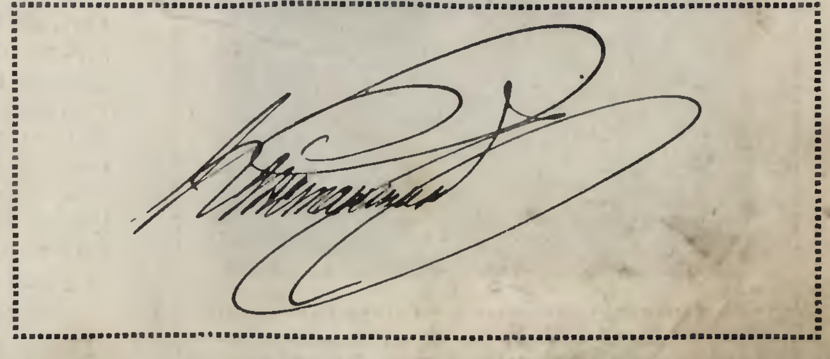
Цитату, взятую нами изъ „Царя Іудейскаго“, пьесы К. Р., можно примѣнить къ самому произведенію Августѣйшаго поэта. Эта вдохновенная драма, представленная предъ избранными зрителями въ Императорскомъ Эрмитажномъ театрѣ и уже обратившая на себя такое вниманіе русской читающей публики, таитъ въ себѣ нѣчто отъ небесныхъ звѣздъ. Она такъ же загадочно и таинственно „льетъ намъ свое сіяніе“ въ тишинѣ и темнотѣ обыденщины, какъ и ея священный сюжетъ. Въ ней такъ много Неба и небесныхъ огней! Она трогаетъ и волнуетъ насъ внезапной близостью ко всему тому, что намъ дорого и свято съ самаго ранняго дѣтства. Она вводитъ насъ въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ горячими вѣрованіями и идеалами человѣчества и будитъ въ насъ замолкшіе голоса добра и вѣчной правды. Это тѣ „забытыя слова“, которыя таятся въ душѣ, какъ брошенное въ землю зерно, и вдругъ расцвѣтаютъ въ ней словно лиліи:

„Они ласкаютъ, трогаютъ, волнуютъ,
Мнѣ слышится родное что-то въ нихъ,
Какъ будто мнѣ они уже звучали
Когда-то, гдѣ-то, какъ забытый сонъ,
Какъ пѣсня матери надъ колыбелью“...

Отъ драмы К. Р. вѣетъ какой-то глубочайшей интимностью духа. Всѣ эти ласкающія, трогающія и волнующія рѣчи подходятъ слишкомъ близко къ нашей душѣ. Онѣ почти то же, что молитвенныя переживанія, требующія одиночества въ кельѣ своей... И поэтому о „Царѣ Іудейскомъ“ такъ трудно говорить и писать: объ этой драмѣ нельзя писать рецензій и критическихъ разборовъ — она слишкомъ необычна для этого... Но о ней неустанно и свѣтло думается, —и вотъ этими думами намъ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями...

Необыченъ сюжетъ этой драмы. Это, въ сущности, мистерія или даже ораторія, пронизанная музыкой словъ и мыслей. Это сама музыка, претворившаяся

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Августѣйшій авторъ драмы „Царь Іудейскій“.

въ поэзію священныхъ словъ и картинъ. Предъ читателемъ (и зрителемъ) возстаютъ образы и лица, такъ близко знакомые нашей душѣ, но у насъ еще не виданные въ живомъ сценическомъ воплощеніи: Іосифъ Аримаѳейскій. Никодимъ, Симонъ Киринеянинъ, Понтій Пилатъ... Евангельскіе образы близко — во плоти — возникаютъ предъ нами, и великое евангельское событіе крестныхъ страданій поэтому захватываетъ насъ съ небывалой силой: невозможно не испытывать глубочайшаго волненія, когда сценическая иллюзія, такъ близкая къ самой жизни, заставляетъ насъ чувствовать и почти знать, что вотъ тутъ, за низенькой стѣной, отгораживающей садъ Іосифа отъ улицы, идетъ Самъ Христосъ... Нельзя не чувствовать глубочайшихъ душевныхъ движеній, когда мы воочію видимъ паденіе страшной тьмы на землю въ минуты голгоѳской казни и ослѣпительные мечи молніи, разсѣкающіе землю, и когда мы слышимъ,—такова сила и дѣйственность сопровождающей драму музыки,—трескъ раз-

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

рывающейся завѣсы храма... Быть-можетъ, еще никогда у насъ въ Россіи на долю театра не выпадало такой величавой задачи!

Необычно и самое строеніе этой драмы-мистеріи. Передъ нами проходитъ великая міровая трагедія Христа: все въ пьесѣ полно Имъ, все посвящено Ему—всѣ дѣйствія, всѣ рѣчи, все окружающее и даже заглавіе пьесы. Но Его мы не видимъ. И не слышимъ. Слышимъ изъ устъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ только Его слова, почти цѣликомъ переложенныя изъ Евангелія.

И тѣмъ не менѣе это отсутствіе главнаго Лица драмы не только не умаляетъ ея силы и ея художественнаго значенія, но съ необыкновенной выразительностью подчеркиваетъ и то и другое. Въ нашей печати, когда заходила рѣчь о драмѣ „Царь Іудейскій“, неоднократно указывалось, что Христосъ не выведенъ въ пьесѣ по цензурнымъ обстоятельствамъ. Но когда драма протекаетъ предъ нами въ своемъ сценическомъ воплощеніи, то становится поразительно ясно, что невозможно уже съ чисто художественной точки зрѣнія допустить, чтобы Христосъ появлялся предъ нами воочію, какъ заурядное дѣйствующее лицо пьесы. У каждаго изъ насъ съ ранняго дѣтства сложился свой особый глубоко-интимный образъ Христа, и появленіе на сценѣ актера, загримированнаго Христомъ, произвело бы почти кощунственное и несомнѣнно болѣзненное впечатлѣніе. Этотъ актерскій образъ не только не подошелъ бы подъ то представленіе, которое у каждаго изъ насъ сложилось въ душѣ — представленіе необычайно нѣжное, почти безтѣлесное—но онъ оскорбилъ бы насъ именно своей плотской грубостью... И тогда все значеніе драмы понизилось бы до уровня обыкновеннаго „представленія“...

Но Августѣйшій авторъ пьесы проявилъ и большой художественный тактъ и необычайную деликатность по отношенію къ человѣческой душѣ: онъ сдѣлалъ такъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, чтобы придать пьесѣ величіе и силу и тончайшую символическую расцвѣченность... Въ пьесѣ нѣтъ Христа, какъ „дѣйствующаго лица“, но въ ней есть Христосъ, какъ Христосъ, какъ незримый, но ощутимый всѣми фибрами души Божественный образъ, нерукотворно отразившійся на ней, подобно тому, какъ нѣкогда, по словамъ легенды, отразился на полотенцѣ... Когда мы смотримъ или читаемъ драму К. Р., то чувствуемъ, что Христосъ гдѣ-то около насъ, совсѣмъ близко — быть-можетъ, какъ и въ жизни, Невидимый, но Присутствующій. Это глубоко символично и прекрасно по замыслу! И съ самаго начала пьесы, когда Онъ проходитъ гдѣ-то тутъ, совсѣмъ близко, при крикахъ „Осанна“, и до послѣдняго акта, когда мироносицы приносятъ вѣсть о Его воскресеніи, мы ощущаемъ эту трогающую и волнующую близость Христа. И мы уносимъ изъ театра это нѣжное и глубокое ощущеніе: оно долго не покидаетъ насъ. Намъ кажется, что мы видѣли Христа, видѣли „Царя Іудейскаго“ въ тяжкіе дни Его земныхъ мученій,—но видѣли не этими плотскими глазами, но какимъ-то внутреннимъ, чистымъ и нѣжнымъ зрѣніемъ...

Драма „Царь Іудейскій“ распадается на четыре дѣйствія и пять картинъ. Въ первомъ дѣйствіи въ толпѣ ликующаго народа Христосъ вступаетъ въ Іерусалимъ на осляти подъ крики „Осанна“. Противники Іисуса—фарисеи и саддукеи—спорятъ и враждуютъ изъ-за Него съ Его почитателями. Подготовляется заговоръ: фарисеи и саддукеи сговариваются схватить Христа и предать Его суду, возстановивъ противъ Него народъ. Появляются Іосифъ Аримаѳейскій съ Никодимомъ и ведутъ тихую бесѣду о Христѣ и Его ученіи. Они становятся свидѣтелями подготовляющагося злодѣйскаго замысла, и когда потомъ сюда же является жена Понтія Пилата, Прокула, съ женой Иродова домоправителя, Іоанной, Іосифъ сообщаетъ Прокулѣ о готовящемся замыслѣ противъ Христа и проситъ ее ходатайствовать предъ Пилатомъ за Христа. Изъ разговоровъ Прокулы съ Іоанной мы узнаемъ, что Прокула расположена къ Христу и къ Его ученію. Въ наступившей тьмѣ гдѣ-то поблизости проходитъ съ учениками Христосъ. Слышится пѣніе Его учениковъ:

„О Господи, Боже спасенья,
Къ Тебѣ я взываю мольбой,
И жаркія сердца моленья
Всегда и вездѣ предъ Тобой!“

Второе дѣйствіе переноситъ насъ во дворецъ Пилата. Раннее утро. Тихая и нѣжная бесѣда влюбленныхъ — Александра и Ліи, невольниковъ Прокулы, тайныхъ христіанъ. Изъ словъ Александра мы узнаемъ, что Христосъ уже схваченъ:

...„И вдругъ толпа
Мнѣ преградила путь. То были слуги
Первосвященника. Я ихъ узналъ
При свѣтѣ факеловъ. Не видно было,
Кого вели они, но разсмотрѣлъ
Я римскихъ воиновъ. На мѣди шлемовъ
И латъ играли мѣсяца лучи
И пламень свѣточей. Шли эти люди
Кто съ кольями, а кто съ мечами“.

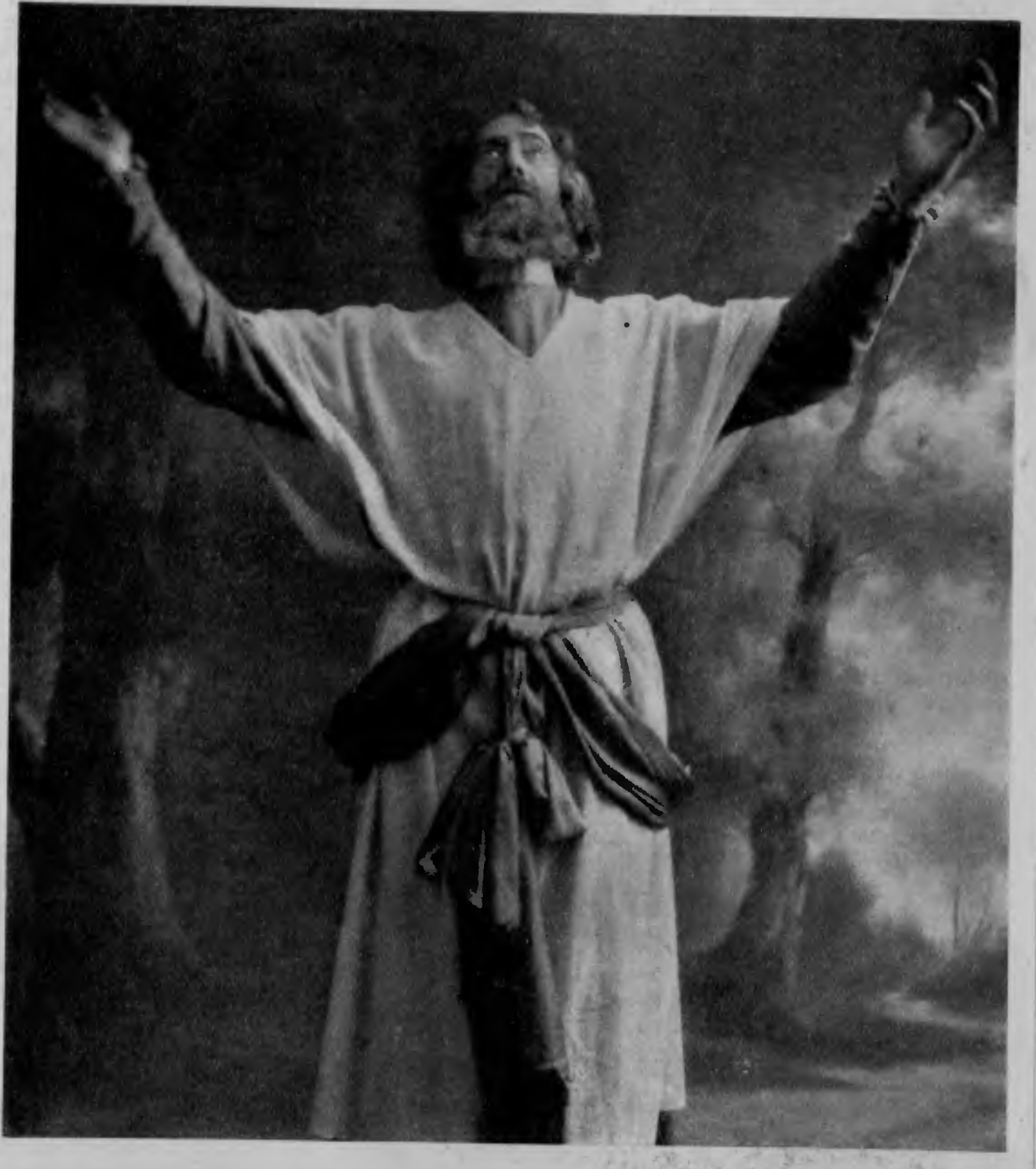
О томъ, что Христосъ схваченъ и предается суду, сообщаетъ затѣмъ и явившійся сюда и встрѣченный Прокулой Іосифъ Аримаѳейскій. Всходитъ солнце, за сценой издали слышны доносящіеся изъ храма звуки трубъ левитовъ. Іосифъ, Александръ, Лія, Іоанна преклоняютъ колѣни и молятся. Это—одно изъ трогательнѣйшихъ мѣстъ пьесы: слова молитвъ звучатъ здѣсь настоящей музыкою — такъ много въ нихъ гармоніи и поэзіи:

Іосифъ.

Боже, всесильной рукою
Столько творящій чудесъ,
Ты засвѣтилъ надъ землею
Свѣтлое солнце небесъ.
Боже, не только намъ въ очи
Солнечный свѣтъ Ты пролей—
Въ сердцѣ, гдѣ сумерки ночи,
Также да будетъ свѣтлѣй!

Іоанна.

Дай мнѣ не быть малодушной,
Дай мнѣ смиренной душой
Быть неизмѣнно послушной
Волѣ Твоей пресвятой!

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

Дай мнѣ въ часы испытанья
Мужества, силы въ борьбѣ!
Дай мнѣ въ минуту страданья
Вѣрной остаться Тебѣ!

Лія.

Солнца лучомъ озарившій
Смертныя очи мои,
Дай мнѣ, людей возлюбившій,
Непрестающей любви!
Въ небѣ вослѣдъ за ненастьемъ
Солнцу велѣвшій сіять,
Сердце избранника счастьемъ
Дай мнѣ всю жизнь озарять!

Александръ.

Первыми солнца лучами
Ночи разсѣявшій тьму,
Чистыми дай намъ сердцами
Имени пѣть Твоему!
Трудъ повседневный, усердный,
Нами творимый въ любви,
Солнцемъ Твоимъ, милосердный
Господи, грѣй и живи!

Дальнѣйшее теченіе пьесы въ этомъ дѣйствіи распадается какъ бы на двѣ части: предъ зрителями на сценѣ происходитъ внутренняя жизнь дворца Пилата: приходитъ Пилатъ, бесѣдуетъ съ своими домашними и съ сослуживцемъ, центуріономъ, съ пріѣхавшими къ нему изъ Рима гостями—префектомъ когорты и трибунами легіона. А за сценой происходитъ судъ надъ Христомъ, Котораго яростная толпа привлекла къ лиѳостротону. Понтій оставляетъ жену съ гостями и уходитъ судить Іисуса. Прокула, умолившая его пощадить Христа, волнуется и съ страхомъ прислушивается къ гулу народной толпы за стѣнами. Понтій не прочь отпустить Христа, но префектъ когорты сообщилъ ужасную для него вѣсть, что казненъ всесильный покровитель Понтія, временщикъ Сеянъ. Кромѣ того, тутъ же Понтій получаетъ письмо изъ Рима, въ которомъ ему объявляется немилость за служебныя упущенія. Въ душѣ у Пилата пробуждается чиновникъ-формалистъ, и совершается запечатлѣнное въ Евангеліи событіе: Христосъ преданъ черни, Варавва отпущенъ. Христа бичуютъ. Эта трагедія происходитъ за сценой: о ней говоритъ, приходя внутрь дворца, то центуріонъ, то Александръ, то префектъ, то самъ Пилатъ. Но трагизмъ невидимаго зрителями событія властно вторгается въ величаво спокойную обстановку намѣстническаго дворца и передается зрителю. За сценой непрерывно слышится гулъ толпы, доносятся крики „Распни его!“ И то, что происходитъ за сценой, сливается съ происходящимъ на сценѣ въ одно жуткое ощущеніе великой трагедіи. Занавѣсъ падаетъ подъ крики народа: „Пусть кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ!“ И крики

этотъ долго стоитъ въ ушахъ, какъ заключительный зловѣщій аккордъ.

Третье дѣйствіе состоитъ изъ двухъ картинъ. Первая картина происходитъ въ обиталищѣ Іосифа Аримаѳейскаго. Предъ нами дворъ и садъ при домѣ Іосифа и часть дома, на крышѣ котораго устроена куща. Каменная ограда сада отдѣляетъ садъ отъ городской улицы. При поднятіи занавѣса Іосифъ на крышѣ подъ кущей читаетъ свитокъ Закона. Къ нему является Никодимъ, и они ведутъ бесѣду о вѣрѣ, объ Іисусѣ, о томъ, какой формализмъ и безсердечная сухость царятъ въ Синедріонѣ и среди владыкъ храма:

„... Измышленьями сухого знанья
Уже давно у насъ подмѣнены
Святой законъ и заповѣди Божьи.
У насъ царитъ обрядность вмѣсто вѣры,
А вмѣсто Господа—Синедріонъ...“

Этотъ разговоръ нарушается приходомъ Симона, Руфа (молодой поселянинъ) и Вартимея съ садовыми орудіями. Происходитъ милая идиллическая сцена, вся осіянная свѣтомъ весны. Красиво звучатъ слова Руфа о веснѣ:

„На крыльяхъ ласточекъ летитъ весна!
Смотри, отецъ, ужъ двѣ изъ нихъ хлопочутъ
Подъ крышею у стараго гнѣзда.
А здѣсь подъ вазой алый гіацинтъ
Готовится раскрыть, пригрѣтый солнцемъ,
Своихъ кудрей румяныхъ завитки...“

Но это мирное, идиллическое настроеніе сразу смѣняется тоскою и ужасомъ. Приходитъ Іоанна и объявляетъ, что Христосъ осужденъ на казнь, и Его сейчасъ поведутъ по этой улицѣ на казнь. Сіяніе весны

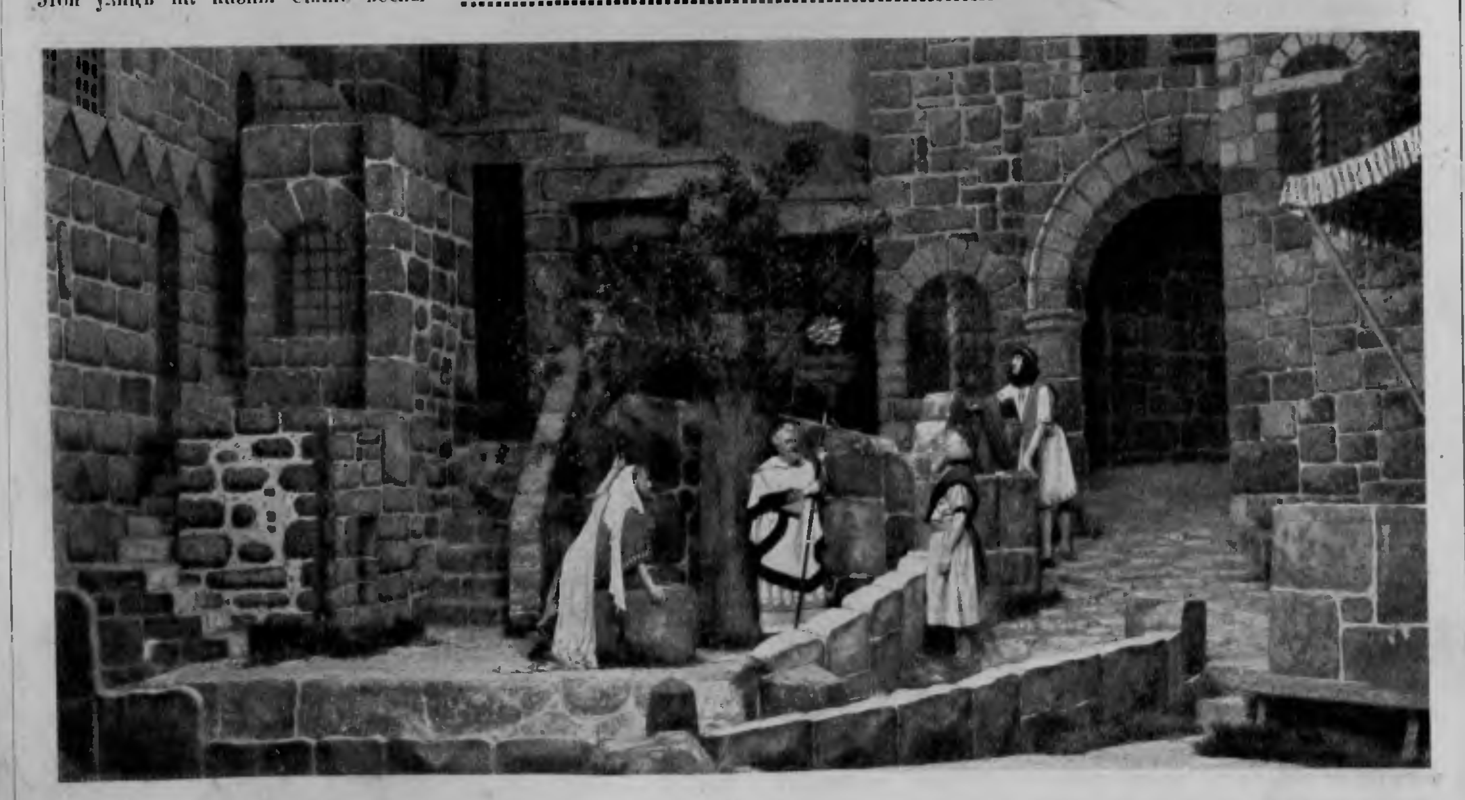
Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ въ роли Іосифа Аримаѳейскаго.

омрачается... И вотъ въ глубинѣ сцены опять слышатся дикіе вопли черни. Слышенъ поющій голосъ глашатая: „Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій“... И снова Христосъ, невидимый, но знаемый, близкій, проходитъ около насъ, влекомый на казнь, въ печальномъ голгоѳскомъ шествіи. И всѣ, кто присутствуетъ на сценѣ — Іосифъ, Никодимъ, Іоанна, Симонъ Киринеянинъ, Руфъ — тѣснятся у стѣны и съ ужасомъ и скорбью смотрятъ на шествіе. И намъ кажется, что они видятъ Его дѣйствительно... Опять создается жуткая иллюзія дѣйствительнаго бытія и жуткой близости къ Нему...

Толпа прошла со своимъ дикимъ ревомъ... Нѣсколько минутъ перерыва — и предъ нами триклиніумъ въ домѣ Пилата (2-я картина 3-го дѣйствія). Богато убранная цвѣтами зала. На возвышеніи за пиршественнымъ столомъ возлежатъ Понтій, префектъ когорты, трибуны легіона. Прокула, Александръ и другіе рабы служатъ имъ. Но обычное, свойственное пиру, веселье отсутствуетъ здѣсь. Несмотря на дневные часы, въ воздухѣ повисла тяжкая мгла, и становится все темнѣе... На Голгоѳѣ распинаютъ Христа. Прокула томится ужасомъ и тоскою и упрашиваетъ мужа послать гонца на Голгоѳу отмѣнить казнь. Пилатъ отказывается, говоря, что это подорвётъ силу и значеніе власти. Откуда-то доносится заунывный возгласъ левита:

„Молитесь за казнимыхъ!“...

Пирующіе пытаются веселиться. Префектъ когорты хвалитъ кушанья и вино:

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 1-е. (У городскихъ воротъ).

„Чего-чего здѣсь нѣтъ изъ яствъ отборныхъ!
Мозги павлиньи, языки фламинго
И ёжъ морской и устрицы Тарента...“

Онъ поднимаетъ кубокъ за прокуратора... Но веселье не снисходитъ на пиръ. Прокула съ ужасомъ и тоской шепчетъ Ліи:

„Въ истерзанной груди
Мое смертельной мукой сердце рвется.
Всѣ помыслы и чувства всѣ мои
Тамъ, у Него, у страшнаго креста.
А здѣсь и этотъ смѣхъ и эти рѣчи!
Уйти бы мнѣ, чтобы не слышать ихъ!..“

На пиръ прибѣгаютъ сирійскія танцовщицы. Начинается жгучій, страстный танецъ... И вдругъ въ мгновенно наступившей тьмѣ вспыхиваютъ молніи, раздаются оглушительный ударъ грома и подземный гулъ. Стѣны дворца колеблются... И всѣ присутствующіе падаютъ на землю и замираютъ въ ужасѣ.

Проходитъ нѣсколько мгновеній тьмы и жуткаго гула... Свершилось! Христосъ умеръ на крестѣ. Но изъ всѣхъ находящихся здѣсь это ясно одной только Прокулѣ. Въ забрезжившемся опять свѣтѣ она медленно поднимается и говоритъ:

„Я вѣрую! Мнѣ сердце говоритъ!
Онъ испустилъ послѣднее дыханье.
Свершилось! Господи, Его страданье
Грѣхъ міра дольнаго да искупитъ!“

Этимъ жуткимъ катастрофическимъ аккордомъ заканчивается трагедія Голгоѳы. Въ слѣдующемъ дѣйствіи авторъ переноситъ насъ въ садъ Іосифа Аримаѳейскаго. Ночь. Гробница, заключившая въ себѣ Тѣло Распятаго, влечетъ къ себѣ всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Она соединила всѣхъ, какъ соединила всѣхъ и тоска по Немъ. Лія и Александръ приносятъ цвѣтовъ на могилу Іисуса. Іоанна приноситъ алавастръ... Но уже чувствуется, что смерть перестаетъ царить здѣсь. Разгорается заря, неожиданно расцвѣтаютъ на грядкахъ лиліи... И самъ Іосифъ предчувствуетъ торжество жизни:

Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ въ роли префекта когорты. (Дѣйствіе 2-е).

„Пускай навѣкъ Твои сомкнулись очи,
И плотію уснулъ Ты, какъ мертвецъ,
Но свѣтитъ жизнь изъ тьмы могильной ночи,
Сіяя солнцемъ въ глубинѣ сердецъ...
Любви къ Тебѣ душа у насъ полна,
А гдѣ любовь—тамъ смерть побѣждена!“

И вотъ приходитъ центуріонъ съ извѣстіемъ, что камень отъ Гроба отваленъ... Іосифъ идетъ съ нимъ ко Гробу и возвращается съ словами: „Его во гробѣ нѣтъ!“ И, словно разгорающееся утро, все болѣе и болѣе, ярче и ярче разгорается радостное убѣжденіе, что Христосъ воскресъ... „Онъ живъ!“—радостно возглашаютъ Іоанна и мироносицы. „Христосъ воскресъ!“—привѣтствуютъ другъ друга Симонъ, Александръ и Лія... Солнце встаетъ, и на вершинѣ скалы Іосифъ Аримаѳейскій произноситъ торжественный гимнъ Воскресшему:

„Хвалите Господа съ небесъ
И пойте непрестанно:
Исполненъ міръ Его чудесъ
И славой несказанной.

Хвалите, сонмъ безплотныхъ силъ
И ангельскіе лики:
Изъ мрака скорбнаго могилъ
Свѣтъ возсіялъ великій.

Хвалите Господа съ небесъ,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страхъ исчезъ,
Свѣтлѣютъ наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океанъ безбрежный!
Да смолкнутъ всякая печаль
И ропотъ безнадежный.

Хвалите Господа съ небесъ
И славьте, человѣки!
Воскресъ Христосъ, Христосъ воскресъ
И смерть попралъ навѣки!“

Этимъ торжественнымъ гимномъ и кончается пьеса.

Небольшой, но чрезвычайно изящный и роскошный Эрмитажный театръ ярко залитъ свѣтомъ и полонъ зрителей. Мраморныя розовыя полуколонны окружаютъ амфитеатръ и поддерживаютъ высокій, покрытый

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 2-е. (У Пилата).

дивной лѣпкой потолокъ. Внизъ сбѣгаютъ малиновой мягкой волной полукругами скамья за скамьей и погружаются въ тѣсный и маленькій партеръ, гдѣ впереди стоятъ золоченыя кресла для Высочайшихъ Особъ. Чередуются мягкіе розоватые и бѣлые тона, и ярко краснѣетъ занавѣсъ, точно парча, затканная алыми цвѣтами.

Этотъ театръ созданъ Екатериной Великой. Здѣсь она любила смотрѣть театральныя представленія вмѣстѣ съ своими избранниками. Тутъ въ извѣстные дни собирался весь цвѣтъ тогдашняго вѣка и придворнаго общества. Здѣсь все полно воспоминаніями о Екатеринѣ, о Потемкинѣ, о Фонвизинѣ, о цѣлой плеядѣ „екатерининскихъ орловъ“.

Но самъ по себѣ театръ съ той поры нѣсколько измѣнилъ свой видъ, въ особенности послѣ страшнаго пожара Зимняго Дворца въ царствованіе императора Николая Павловича. Послѣ пожара, почти уничтожившаго Дворецъ, все было реставрировано заново. Былъ реставрированъ и прелестный Эрмитажный театръ.

11 января с. г. въ этомъ театрѣ состоялось представленіе драмы К. Р. „Царь Іудейскій“, на которое были приглашены представители прессы. И какъ сама по себѣ пьеса Августѣйшаго поэта несомнѣнно является крупнѣйшимъ литературнымъ событіемъ нашихъ дней, такъ и этотъ спектакль слѣдуетъ считать чрезвычайно крупнымъ и интереснымъ событіемъ въ нашей литературно-общественной жизни послѣдняго времени.

Чѣмъ-то совершенно своеобразнымъ вѣяло отъ этого спектакля, такъ не походившаго и по обстановкѣ, и по составу исполнителей, и, конечно, по самой пьесѣ на обычные спектакли въ нашихъ театрахъ. Во всемъ здѣсь, начиная отъ театральной залы, такой свѣтлой, изящной и интимно-уютной, и кончая сценической обстановкой и игрой артистовъ, чувствовались какая-то мягкость и ласкающая задушевность. Это было воистинѣ то самое, о чемъ говоритъ въ первомъ дѣйствіи пьесы Прокула Іоаннѣ: „Мнѣ слышится родное что-то, какъ пѣсня матери надъ колыбелью“...

Его Высочество Князь Константинъ Константиновичъ въ роли префекта когорты. (На пиру у Понтія Пилата).

Послѣ торжественной увертюры поднялся занавѣсъ и обнаружилъ другой занавѣсъ, спеціально написанный для пьесы; на этомъ второмъ занавѣсѣ сквозь багровый фонъ проступали черные зигзаги и изломы. И воображеніе сразу сказало: это — терніи и кровь! И сразу создалось настроеніе, уже подготовленное торжественно-мрачной музыкой Глазунова...

Тамъ, за кровью и терніями занавѣса, гудѣла толпа. И вотъ этотъ обагренный занавѣсъ не поднялся, а ушелъ въ землю — и открылась ярко освѣщенная площадь Іерусалима. И какой ослѣпительный свѣтъ юга горѣлъ и переливался въ яркихъ краскахъ прекрасныхъ декорацій, въ пышной цвѣтной пестряди южной толпы, въ которой было такъ много красивыхъ женскихъ фигуръ и характерныхъ мужскихъ лицъ. Не вѣрилось, что огромное большинство исполнителей вовсе не профессіональные артисты, а любители — офицеры л.-гв. Измайловскаго полка и дамы изъ общества. Такъ жива была эта толпа, такъ естественно держались на сценѣ и играли эти не совсѣмъ обычные статисты и статистки.

Гдѣ-то за толпой, но такъ близко отъ насъ, вступилъ на осляти незримый Христосъ. Ему кричали „Осанна“... Потомъ смерклось, и пришли Іосифъ съ Никодимомъ. И опять повѣяло чѣмъ-то съ дѣтства знакомымъ и близкимъ отъ тихихъ рѣчей Царственнаго артиста, исполнявшаго въ своей пьесѣ роль Іосифа Аримаѳейскаго. Тихій, мягкій голосъ и какая-то неуловимая мягкость во всемъ обликѣ, въ каждомъ движеніи и жестѣ, въ каждой интонаціи проникалъ созданный Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ евангельскій образъ. Передъ нами была какъ бы тонкая и изящная акварель, такъ свойственная всей пьесѣ, исполненной мягкихъ акварельныхъ тоновъ. И слова Іосифа подлинно казались словами, знакомыми съ дѣтства и близкими душѣ, какъ колыбельная материнская пѣсня.

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 3-е, картина 2-я. (Пиръ у Понтія Пилата).

Потомъ опять звучала трагическая музыка Глазунова, таинственная и, казалось, невѣдомо откуда исходящая (оркестръ въ Эрмитажномъ театрѣ скрытъ отъ зрителей особымъ помостомъ). Опять мы видѣли превосходныя и стильныя декораціи, въ которыхъ оживала старинная красивая жизнь. Мы видѣли сухое, бритое лицо Пилата (А. Л. Герхенъ), слышали его отрывистую, стариковски-начальническую рѣчь. Мы видѣли молодое, жизнерадостное лицо префекта когорты (князь Константинъ Константиновичъ).

Слышалась его громкая, немного насмѣшливая, рѣчь о римскихъ матронахъ, о кесарѣ, о Сеянѣ. И когда за сценой зароптало взбудораженное море явившагося къ люѳостротону народа, невольно стало жутко: такъ много жизни и движенія было внесено въ эту сцену, и такъ жутко подхватила этотъ шумъ вновь вспыхнувшая музыка...

Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ въ роли поселянина Руфа.

И милыя рѣчи [illegible] (князь Игорь Конста[illegible] и полныя горькой тоски и тревоги разсужденія Никодима протекли, какъ ручей „изъ золота чеканныхъ словъ“ — и снова дико воетъ толпа: опять проходитъ Христосъ. И на акварельную свѣтовую картину надвигаются черные тона мрачной гравюры Густава Дорэ... Вотъ пиршество у Пилата. Темно, тяжело. Кажется, уже никогда не будетъ дневного свѣта, и только тусклые свѣтильники съ трудомъ разгоняютъ мракъ... Пляшетъ сирійская рабыня (Л. Ф. Шолларъ) — и вдругъ страшный ударъ грома. И тяжелая, какъ крыша гробницы, тьма и ослѣпительные огни молній... Что это такое? Это встрѣтились язычество и христіанство. Безстыдное веселье „праздноболтающихъ, ликующихъ, умывающихъ руки въ крови“ столкнулось съ страшной катастрофой, въ громахъ и въ тьмѣ которой родился Новый Завѣтъ... И язычество легло въ прахѣ, сраженное ужасомъ и непонятной тоской... А христіанство за багрецомъ терноваго занавѣса уже готовило огни новой зари и вѣчной новой жизни...

Объ этомъ намъ разсказала великолѣпная и мрачная музыка А. К. Глазунова, въ рамкѣ

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 3-е, картина 1-я. (У Іосифа Аримаѳейскаго).

которой протекла вся эта изумительная драма, столь чуждая обычнымъ условностямъ и трафаретамъ театральной сцены... Объ этомъ намъ разсказало и наше собственное сердце, пробужденное священными словами, къ которымъ нельзя касаться безъ того, чтобы изъ нихъ не посыпались жемчуга поэзіи и не полилась кровь страданія за людей и за міръ...

Задушевный голосъ Іосифа Аримаѳейскаго мягко звучалъ въ предразсвѣтной тишинѣ. Расцвѣли лиліи. Расцвѣтала медленными волнами свѣта заря. И когда въ послѣдней картинѣ появились бѣлыя фигуры женъ-мироносицъ—воображеніе нарисовало ангеловъ, которые въ этотъ мигъ—такіе же тихіе и бѣлые—уже отваливали камень отъ Гроба. И театръ переставалъ быть театромъ. Чувствовалось, что здѣсь не театръ, а храмъ. А когда Іосифъ съ воздѣтыми руками, стоя одинокій на скалѣ, привѣтствовалъ пасхальнымъ гимномъ весь міръ, чувствовалось, что весь міръ превратился въ храмъ, и что всѣмъ есть мѣсто въ этомъ храмѣ — и тому, кто уйдетъ отсюда въ холодъ ночи, и кто останется въ осіянныхъ чертогахъ...

Приближался послѣдній, заключительный моментъ драмы. Сейчасъ долженъ былъ подняться въ послѣдній разъ багровый занавѣсъ и скрыть отъ насъ вызванную волшебствомъ поэзіи дивную картину. И невольно думалось: неужели опять будутъ терніи и кровь?

Но нѣтъ! Изъ земли поднялся бѣло-синій занавѣсъ, весь покрытый бѣлыми лиліями. Это было такъ красиво, такъ органически-необходимо, что мы ушли изъ театральной залы счастливыми и удовлетворенными.

И пусть эта пьеса хранится за этой завѣсой лилій и небеснаго свѣта въ нашемъ

А. Л. Герхенъ въ роли Понтія Пилата.

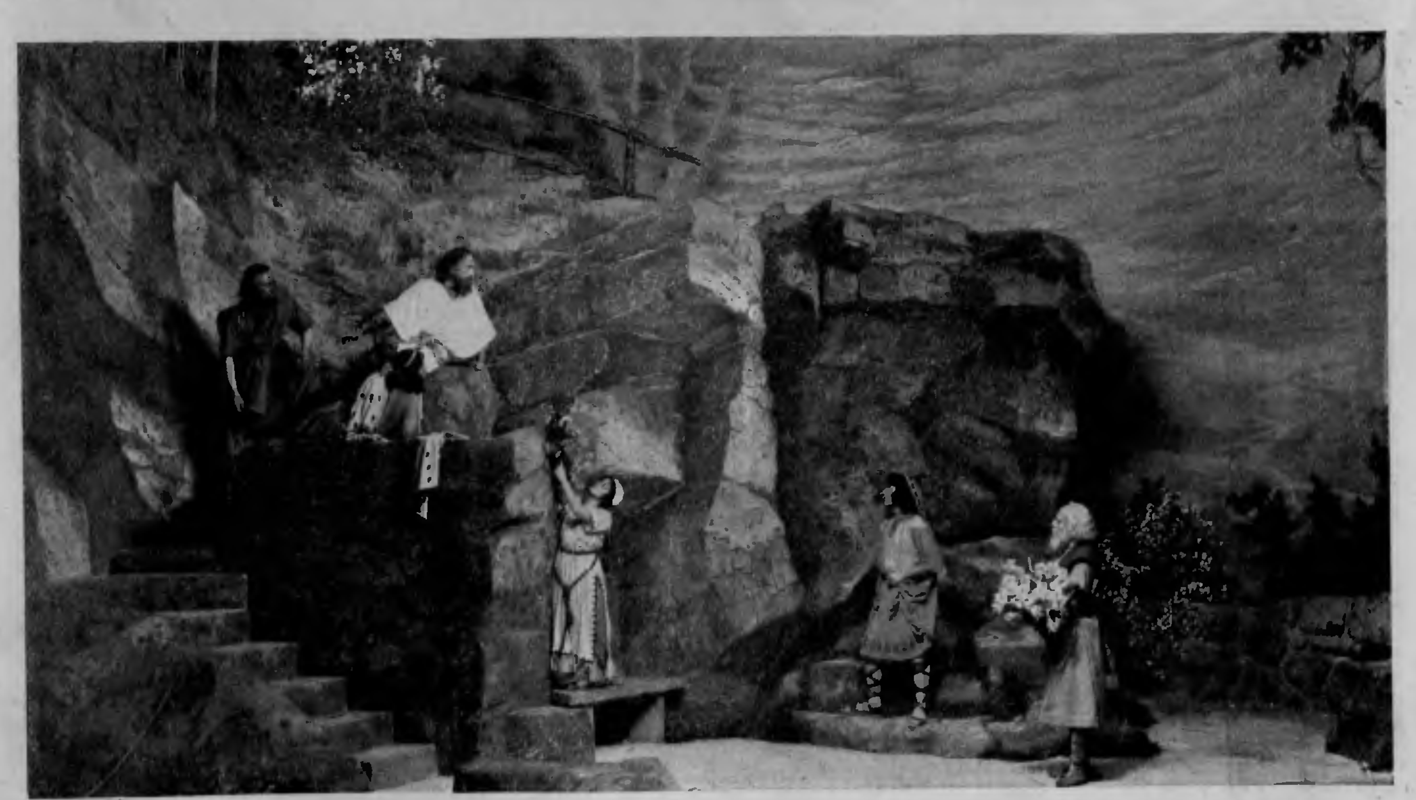
воспоминаніи до той поры, когда окажется возможнымъ показать ее еще разъ намъ и другимъ зрителямъ, болѣе многочисленнымъ...

И сценическая постановка Н. Арбатова, и декоративная обстановка, и исполненіе пьесы въ Эрмитажномъ театрѣ были выше всѣхъ похвалъ. Все соединилось здѣсь въ полной гармоніи: прекрасная, продуманная и прочувствованная игра исполнителей, во главѣ съ самимъ Августѣйшимъ авторомъ, дивная музыка А. К. Глазунова, красивыя декораціи и сценическая обстановка, великолѣпные танцы (поставленные М. М. Фокинымъ), стильные костюмы, прекрасные гримы. Остается пожалѣть, что исполненіе пьесы въ общихъ театрахъ признано невозможнымъ, и что всему русскому обществу эта драма доступна только въ чтеніи.

Правда, „Царь Іудейскій“ и въ чтеніи производитъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности въ художественномъ изданіи, которое должно вскорѣ выйти въ свѣтъ. Въ этомъ изданіи будутъ воспроизведены вся сценическая постановка пьесы, декораціи, костюмы, портреты исполнителей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе встрѣтитъ въ читательской массѣ самый горячій откликъ. Въ наше мрачное время, исполненное мелкихъ и крупныхъ злобъ, лишенное правильныхъ и яркихъ характеровъ и идеаловъ, прекрасное произведеніе К. Р. должно повлечь за собою сердца многихъ и многихъ... На него отзовутся всѣ, кто томится въ тьмѣ нашихъ дней, какъ томились Никодимъ, Іосифъ, Прокула и всѣ стряхнувшіе тогда съ себя „ветхаго человѣка“.

Б. Никоновъ.

„Царь Іудейскій“, драма К. Р. на сценѣ Эрмитажнаго театра. Дѣйствіе 5-е. (Садъ Іосифа Аримаѳейскаго).

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

(Продолженіе).

XXX.

Долго такъ сидѣла она, боясь пошевельнуться, точно при каждомъ движеніи милліоны иглъ могли вонзиться въ нее со всѣхъ сторонъ, и въ памяти все сильнѣе и ярче горѣли слова:

„Кто не дверью входитъ во дворъ овчій, тотъ воръ и разбойникъ“.

Значитъ, надо было все сказать ему, во всемъ признаться, хоть поздно.

Но она не шевелилась и даже не слышала, когда Шугаевъ вошелъ и обратился къ ней, видимо, спокойнымъ, но для нея—пытающимъ голосомъ:

— Что произошло? Саша выбѣжала отъ васъ съ плачемъ. Почему? Вы поссорились?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, не поднимая головы.

— Что же могло произойти? Она такъ васъ любитъ... гордится вами.

И Лидія Михайловна опять повторила:

— Нѣтъ.

Шугаевъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на плечо; а ей это показалось прикосновеніемъ бремени.

— Лида! Что съ вами? Вы отвѣчаете не мнѣ. Вы своимъ мыслямъ отвѣчаете.

— Можетъ-быть.

— Неужели вы не видите, что я выбился изъ колеи, не работаю?.. Не понимаете, что я страдаю? — рѣшился признаться онъ безъ боязни унизить себя.

Она подняла голову, но все еще не оборачивалась къ нему:

— Страдаете? Какъ мѣрить страданія! Можетъ-быть, я въ тысячу разъ больше васъ страдаю. Но вы... вы только страдаете за себя.

— Напрасно,—съ глубокой печалью возразилъ онъ.—Я страдаю и за васъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ за себя.

— Неправда, — отвѣтила она враждебно. И ей хотѣлось, чтобы это дѣйствительно была неправда. — Если бы вы страдали за меня, вы не подошли бы ко мнѣ только со своимъ страданіемъ. Что важно для васъ?—уже оборачиваясь къ нему, продолжала она. — Только вы... ваша работа... вашъ покой. Вы и мать и сестру пріучили къ этому,—растравляя свое сердце этими послѣдними минутами съ его матерью и сестрой, продолжала она.—Только для себя. Всѣ вы трое — только вы одинъ. А до моихъ страданій никому дѣла нѣтъ. Да я и не желаю ничьего сочувствія.

Онъ понялъ, что она ищетъ въ немъ злобы и желаетъ вызвать ее наружу. И это особенно смирило его. Онъ возразилъ ей съ сдержаннымъ спокойствіемъ:

— Вы говорите оскорбительныя и незаслуженныя вещи.

— Я правду, правду говорю!

— Вы внѣ себя. Но я прощаю.

— Мнѣ не нужно этого прощенія .. не нужно! Это не прощеніе, это снисхожденіе. Это милостыня. А я не хочу этого ни сейчасъ... никогда. Я уйду.

Его эти слова ошеломили. И такъ же, какъ давеча у Саши, вырвались прежде всего слова, полныя подозрѣнія:

— Уйдете? Одна?

Она съ злорадной мстительностью отвѣтила:

— Ага... А вы думали...

— Со мной,—поспѣшилъ закончить онъ.

— Съ вами?—Она притворно зло разсмѣялась. — Не то вы думали... не то. Все ложь. Никогда не говорятъ такъ, какъ думаютъ.

Ея злоба начинала передаваться и ему:

— Что вы говорите? Что вы хотите?

— Никогда не говорятъ правду. Всѣ лгутъ... всѣ лгутъ!—съ неестественной ненавистью изливала она свое отчаяніе.—И вы... и ваша мать... и даже этотъ ребенокъ, ваша сестра.

Не скажи она этихъ послѣднихъ словъ, онъ сумѣлъ бы совладать съ собой. И, вѣрно, покорилъ бы ее своимъ спокойствіемъ, но эти грубыя обвиненія матери и сестры привели его въ внезапную ярость. Онъ разломилъ карандашъ, который вертѣлъ въ рукѣ, и швырнулъ его въ сторону, и у него вырвались по-мужицки грубо-рѣзкія слова:

— Это вы говорите не то, что думаете. Вы привыкли лгать. Вы постоянно имѣете дѣло съ ложью въ вашемъ искусствѣ. А я не лгу. И вы не смѣете такъ говорить про мою мать... сестру!..

Она испуганно на него глядѣла, ожидая и боясь, что онъ ударитъ ее. Но ярость схлынула вмѣстѣ съ этими словами. Онъ заговорилъ примирительно и кротко:

— Не надо, Лида. Простите меня. Сбросьте съ себя все это. Забудьте то, что между нами произошло.

Онъ указалъ на растоптанную глину и, не говоря прямо, потому что не зналъ еще всего и не хотѣлъ знать, произнесъ:

— Если все дѣло въ этомъ... такъ это пустяки... вздоръ. Вы оба артисты... живете нервами...

Минуту тому назадъ она совсѣмъ была близка къ тому, чтобы покаяться во всемъ, все разсказать. Она инстинктивно вызывала его на рѣзкость и оскорбленія. Тѣмъ легче было бы ей открыться. Но этотъ неожиданный переломъ въ немъ опять закрылъ передъ нею двери, и уже не хотѣлось, чтобы онъ даже подозрѣвалъ о чемъ-нибудь.

— О чемъ вы говорите? — замыкаясь въ притворство, отозвалась она.

Его обманулъ этотъ тонъ и вмѣстѣ обрадовалъ:

— Вы не обижайтесь. Я, можетъ-быть, ошибся. Мнѣ показалось что-то. Я давно хотѣлъ поговорить съ вами, но вы такая... какъ будто сторонитесь меня... я не рѣшался.

— Да, да,—кивала она головой, сама не зная, къ чему относятся эти восклицанія.

— Я все ждалъ,—уже совсѣмъ смягченный печалью, продолжалъ онъ. — Когда я у себя сидѣлъ за работой и слышалъ за дверью ваши шаги, у меня сердце сжималось и томилось отъ ожиданія, что вотъ-вотъ отворится дверь, вы войдете ко мнѣ такая ласковая, нѣжная, и будете говорить со мною, какъ со своимъ близкимъ, роднымъ. Мы вѣдь до сихъ поръ, какъ чужіе. Вы придете разсказать мнѣ о себѣ, обо всемъ томъ, о чемъ вы говорили...—онъ указалъ взглядомъ на мѣсто, гдѣ стоялъ бюстъ:—съ нимъ. Но ваши шаги затихали, и я готовъ былъ плакать отъ отчаянія.

Она была въ конецъ обезоружена его словами. Уже теперь ей странно было и подумать о томъ, что такъ отчаянно рвалось наружу.

— Перестаньте... Перестаньте говорить такъ... Не мучьте меня.

Но онъ самъ заражался своимъ смиреніемъ все глубже и больше:

— Я не упрекаю васъ. Виноватъ я самъ. Вы не знали меня. Вы думали: профессоръ, занятъ своей наукой... А вѣдь это только привычка тянетъ меня постоянно къ столу... къ работѣ. А въ душѣ у меня безконечная нѣжная любовь и желаніе ласки. Уѣдемъ отсюда... Уѣдемъ! И я, чувствую, мы заживемъ широкой, ясной жизнью. Мы мало знали другъ друга. Наша жизнь только-что началась.

Но у нея опустилась голова, и, точно упавшая глыба, давило сознаніе: поздно! Ей показалось, что она только подумала это. Но онъ смотрѣлъ на нее, ни слова не говоря, и нельзя было прочесть, чего больше въ его взглядѣ: сожалѣнія или горя.

Тогда она вслухъ повторила это слово, вливая въ него весь ужасъ своего паденія... весь свой стыдъ.

Какъ это случилось? Какъ могла она признаться какъ разъ тогда, когда меньше всего желала этого? Слово это точно вытолкнуло у нея что-то изнутри, и вернуть уже ничего было нельзя.

— Поздно... Понимаете, поздно. Но что же вы молчите? Что же вы не гоните меня вонъ? Не позорите, не бьете меня? Вѣдь я заслужила это.

Но онъ собралъ всѣ силы свои и съ героическимъ мужествомъ отвѣтилъ:

— Я это зналъ.

Она была потрясена:

— Знали?.. Вы все это знали?

— Зналъ,—отвѣтилъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.

Она закачалась отъ боли и униженія:

— Зналъ и молчалъ!.. Зналъ и молчалъ!.. Ахъ, лучше бы вы плюнули въ лицо мнѣ! Зналъ и молчалъ!.. А я... Слушайте... это... это...—Ей безумно хотѣлось оправдаться, но она не знала, какъ, и говорила первыя приходившія на умъ слова.—Это не любовь... Это не любовь... Но я уйду отъ васъ. Мы не можемъ быть больше вмѣстѣ. Зналъ и молчалъ!..

Онъ продолжалъ терзать ее своимъ великодушіемъ:

— Я ждалъ, чтобы вы сами мнѣ это сказали.

Она уже говорила, какъ въ бреду, ломая руки и обезсиливая съ каждымъ словомъ, какъ будто это были не слова, а кровь, капавшая изъ сердца:

— Это не любовь... Это даже не измѣна... Это... Это проклятіе... Уйду... Унесу его съ собой. Это вѣчное проклятіе. И если бы вы видѣли... если бы вы знали... Это не любовь... Это море... это волны... закачало.

Она, рыдая, уронила голову на столъ, и плечи ея затряслись отъ этихъ рыданій, и спина согнулась, какъ у старухи.

Его великодушіе, какъ комъ снѣга, катившійся внизъ, выросло до предѣловъ, за которыми скрылось въ немъ даже естественное чувство ревности.

Онъ наклонился къ ней и гладилъ ея волосы и плечи и говорилъ, какъ говорятъ съ дѣтьми:

— Тише, тише... Услышатъ мама, сестра... Онѣ не должны ничего знать... Ничего. То, что̀ случилось, — это страшно, но это не все. Ты сама вѣришь въ это, потому мнѣ и сказала. Ты могла бы солгать... Ты могла бы обмануть. Но ты поняла главное. Ты главное поняла, и въ этомъ спасеніе... Если это не любовь... это —ничто. Это—тлетворное дуновеніе, на лету тебя коснувшееся. Это—грязь... грязь... прилипшая случайно на пути. Но ты перестрадала это. Ты стала мнѣ понятнѣе... роднѣе... ближе.

Онъ самъ еле сдерживалъ рыданія, но слезы уже давно катились у него по щекамъ, и отъ этихъ слезъ онъ становился еще добрѣе и проникновеннѣе.

— Ну, вотъ, поплачемъ вмѣстѣ, и намъ станетъ лучше.

Она прижалась головой къ нему. Онъ сталъ на колѣни около ея стула, и оба плакали, и она цѣловала его руки, вѣря, что дѣйствительно все, что̀ онъ говоритъ, такъ и останется. И сладки были ей слова его, которыя онъ ронялъ вмѣстѣ съ своими слезами на ея голову, на ея лицо:

— Милая... бѣдная... Пустое все это... забудемъ все... все забудемъ. Этого не было.

Дверь была открыта, и Арина Ивановна застала ихъ въ такомъ видѣ. У нея точно камень съ сердца свалился. Она подошла къ нимъ и обняла ихъ и также заплакала и сквозь слезы говорила, цѣлуя то одну, то другую голову:

— Дѣтки мои... дѣтки мои... Тамъ пріѣхали гости, художники.

Шугаевъ облегченно поднялъ голову, не стыдясь своихъ слезъ, и съ веселой улыбкой на мокромъ, покраснѣвшемъ лицѣ всталъ и бодро произнесъ:

— Гости, мама,—отлично! Они несомнѣнно пріѣхали праздновать твое торжество, твою побѣду...—обратился онъ къ женѣ.— Что̀ жъ, идемъ встрѣчать ихъ!

XXXI.

Гости наполнили домъ шумомъ и оживленіемъ, отъ котораго вѣяло молодостью.

Больше всѣхъ обрадовалась имъ Саша. Она уже знала о свѣтломъ мирѣ между Лидіей Михайловной и братомъ и недолго казнила себя за свои подозрѣнія, которыя теперь признала нечистыми. Дѣвушка сразу ожила, и лицо ея опять дышало смѣхомъ, который искрами разсыпался при малѣйшей возможности.

Вечеромъ на террасѣ накрыли большой столъ. А художники устроили „грандіозный фейерверкъ и табло, при освѣщеніи бенгальскаго огня“, какъ значилось на громадной, пестро разрисованной и дурачливо расписанной ими, афишѣ.

Фейерверкъ жгли на обрывѣ, передъ террасой. На террасѣ за столомъ сидѣли старый морякъ, Арина Ивановна, Шугаевъ и его жена. Эльмонгъ съ утра уѣхалъ на своей лодкѣ въ море.

Съ обрыва доносились голоса, смѣхъ, и всѣхъ звонче былъ голосъ Саши.

Вечеръ для фейерверка былъ необыкновенно благопріятенъ вначалѣ: ночь темна и спокойна, только съ моря дулъ вѣтерокъ, но тихо и порывами. Какъ будто ему тяжело было тащить изъ-за моря темныя, косматыя тучи.

Когда первая ракета, какъ огненная птица, пронизала воздухъ, Саша восторженно ахнула:

— Вотъ такъ взвилась, чудо!

— Шшш... ж-жу!

— Точно змѣя!

— Точно комета!

Прозоровъ, поднимая руки къ летящему огню, воскликнулъ:

— Такъ бы и уцѣпился за ея хвостъ и полетѣлъ вмѣстѣ съ нею.

Ракета съ трескомъ разорвалась, и Майновъ мечтательно проговорилъ, любуясь изумрудно-алыми и золотисто-огненными звѣздами, разсыпавшимися во мракѣ:

— Эти разноцвѣтные огни, они похожи на падающіе съ неба звѣздо-цвѣты.

— Какъ?—насмѣшливо переспросилъ Прозоровъ.—Нелѣпое сочетаніе,—осудилъ онъ же.—Тогда можно назвать тебя: художо-поэтъ. Такъ какъ ты художникъ и поэтъ.

Старый морякъ нахмурился, когда ракета выстрѣлила въ небо. Ему это напомнило пережитое.

— Когда я слышу этотъ трескъ и вижу эту пронизывающую сумракъ огненную струю,—заговорилъ онъ, по обыкновенію, мало интересуясь, слушаютъ его или нѣтъ:—я вспоминаю гибель корабля. На немъ шли въ Индію женщины, живой товаръ. Еще незадолго до гибели на кораблѣ раздавались пѣніе, смѣхъ, шумъ женскихъ голосовъ, пьяное веселье. Но когда мы пришли на помощь, корабля уже не было, и только на коралловомъ рифѣ уцѣлѣли нѣсколько случайно спасшихся женщинъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, съ растрепанными волосами и разодранными одеждами. На этомъ рифѣ теперь горитъ маякъ, какъ погребальная свѣча, и называется маякъ, какъ назывался корабль— „Дедалосъ“.

— „Дедалосъ“,—повторила, какъ эхо, Лидія Михайловна.— Въ самомъ названіи этомъ есть что-то зловѣщее.

Шугаевъ гдѣ-то, когда-то слышалъ, что во время большой опасности, грозящей кораблю, съ него пускаютъ ракету. Онъ высказалъ это вслухъ.

— Да,—подтвердилъ старый морякъ.—Пускаютъ ракету или стрѣляютъ изъ пушки.

— Лидія Михайловна!—раздался голосъ Прозорова съ обрыва.—Да взгляните же хоть на брильянтовое солнце,—оно символизируетъ васъ.

— Ваша слава загорѣлась, какъ солнце!—подхватилъ вѣчный шаферъ.

— Но не такъ скоро погаснетъ,—добавилъ Майновъ.

Усатый шаферъ подошелъ къ колесу съ зажженной свѣчкой.

— Зажигай, зажигай, но не подожги себѣ усы, которыми ты такъ гордишься,—предостерегъ его Прозоровъ.

Майновъ со смѣхомъ повторилъ фразу, которую его маленькій братишка сказалъ объ этомъ художникѣ:

— Вострухинъ очень заботится о своихъ усахъ.

Лидія Михайловна подошла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда огненное сверкающее колесо, брызгая золотыми искрами, завертѣлось на оси.

— Браво! Восхитительно!—привѣтствовали восторженные голоса это красивое зрѣлище.

— Великолѣпный пиротехникъ!—одобрилъ скульптора Прозоровъ.—Онъ гораздо лучше лѣпитъ ракеты, чѣмъ портреты.

— Выведите его, онъ остритъ!—крикнулъ вѣчный шаферъ.

— Да еще скверными стихами.

Сизовъ вскочилъ верхомъ на палку и сталъ скакать вокругъ вертящагося брильянтоваго солнца.

— Я изображаю движеніе земли вокругъ солнца,—пояснилъ онъ, потѣшая присутствующихъ.

— Что̀ у васъ еще тамъ осталось?—освѣдомился Прозоровъ, когда солнце погасло, оставивъ по себѣ тьму и чадъ.

— Римскія свѣчи и Сегнерово колесо, шутихи и прочее прочее...

— Давайте римскія свѣчи! Давайте римскія свѣчи!—шумѣла Саша.—Это самое красивое!

— Римскія свѣчи, во славу Александры Матвѣевны!—воскликнулъ Прозоровъ.

Майновъ густымъ басомъ пропѣлъ:

„Во славу Александры Матвѣевны!“

— Спѣлъ бы, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь хорошее,—обратился къ нему Сизовъ.

— Еще далеко до полночи. Время пѣтуховъ не настало,— сострилъ Прозоровъ.

Майновъ пожаловался хозяйкѣ:

— Лидія Михайловна, прикажите его вывести: онъ сострилъ вторично.

— До трехъ разъ,—отозвалась она, чтобы только не огорчать ихъ своимъ безучастіемъ, и пошла обратно къ террасѣ.

— Лидія Михайловна, куда же вы?—огорченно пытался остановить ее Майновъ.

— Я не выношу этого чада,—оправдывалась она.—У меня всегда отъ этого болитъ голова. Мнѣ и оттуда отлично видно все.

Старый морякъ пошелъ ей навстрѣчу, бормоча что-то про себя.

Шугаевъ встрѣтилъ Лидію Михайловну словами:

— Эти художники умѣютъ веселиться. И веселятся, какъ мальчики, не обращая вниманія на свой почтенный возрастъ.

— Дѣло ихъ легкое. Никакой сурьезности въ немъ нѣтъ. Оттого и веселятся,—уловивъ въ тонѣ сына непріязненную ноту, замѣтила Арина Ивановна.

Шугаевъ не сдержался и прибавилъ еще:

— Это, конечно, чрезвычайно пріятно такое веселье, только немножко утомительно.

Лидія Михайловна нахмурилась и покраснѣла:

— Я могу сказать, чтобы они прекратили.

Шугаевъ поспѣшилъ успокоить ее:

— Не въ этомъ дѣло... не для того я. У меня послѣднее время нѣсколько поразстроились нервы.—Онъ замѣтилъ, какъ дрогнули ея рѣсницы, и добавилъ интимно:—Не хмурься, пожалуйста. Не ищи въ моихъ словахъ намековъ.

Вѣтеръ успѣлъ вытянуть изъ-за моря большую тучу, закрывшую горизонтъ съ яркими звѣздами, и потянулъ напряженнѣе и сырѣе. Ракеты взвивались одна за другой, точно хотѣли остановить тучу. Но она росла и росла и глотала звѣзды и небесную синеву.

Вѣтеръ потянулъ съ моря.

— Какъ бы они не сожгли домъ,—опасалась Арина Ивановна.

На обрывѣ Сизовъ крикнулъ слишкомъ приблизившейся къ огню Сегнерова колеса Сашѣ:

— Александра Матвѣевна, отойдите! На васъ искры летятъ.

— Я ни въ водѣ не тону ни въ огнѣ не горю.

XXXII.

Прозоровъ отдѣлился отъ товарищей и подошелъ къ террасѣ.

— Лидія Михайловна, что̀ же вы? Главная виновница праздника—и все сторонитесь насъ. Что̀ съ вами сталось? Гдѣ наша прежняя Лидія Михайловна? Профессоръ, верните намъ прежнюю Лидію Михайловну.

Сизовъ съ обрыва крикнулъ:

— Лидія Михайловна! Сейчасъ засверкаетъ вашъ вензель.

Всѣ голоса закричали съ обрыва:

— Лидія Михайловна! Лидія Михайловна!

Непріязненный тонъ замѣчаній Шугаева и матери вызвалъ въ ней острую досаду и желаніе поддержать своихъ пріятелей. Преувеличенно бодрыми словами она отозвалась на ихъ призывъ:

— Здѣсь, друзья мои, здѣсь! Пока улыбка еще идетъ къ намъ, не будемъ гнать ее. Будемъ веселиться!—И она съ вызывающимъ лицомъ обратилась къ Шугаеву:—Профессоръ, идемте съ нами. Веселье не такъ продолжительно, какъ горе, и потому имъ надо дорожить.—И, не дожидаясь отъ него отвѣта, она направилась къ обрыву.

Ея рѣчь и возвращеніе привѣтствовали веселыми криками.

Майновъ громко запѣлъ:

„Будемъ веселы, друзья,
Пока громъ не грянетъ“.

Остальные подхватили:

„Послѣ юности веселой,
Послѣ старости тяжелой
Насъ уже не станетъ“.

Арина Ивановна, оставшись одна съ сыномъ, мысленно раскаялась, что подзудила его. Ей стало жаль сына, оставшагося съ нею, старухой, и она стала уговаривать его пойти туда же:

— Нельзя такъ все сидѣть да думать. Будетъ тебѣ, пойди, повеселись. И о чемъ ты все думаешь? Вѣдь ты молодой еще, а сидишь, какъ старикъ. Осунулся даже. Молодыя жены такихъ не любятъ,—сорвалась у нея непріятная фраза.

Старый морякъ возвратился, бормоча:

— Какіе вѣтры странные дуютъ,—нервные, путанные: то отсюда, то оттуда. Какъ птица съ выколотыми глазами мечется.

Онъ прошелъ мимо террасы и скрылся въ темнотѣ сада.

На обрывѣ погасло все, и Арина Ивановна захлопотала:

— Кажется, конецъ ихъ фейерверкамъ. Надо самоваръ давать. Ты ужъ угощай ихъ,—обратилась она къ сыну:—а я о самоварѣ похлопочу.

Но Шугаеву не хотѣлось ни съ кѣмъ встрѣчаться сейчасъ.

— Ихъ будетъ Саша угощать!—отговорился онъ.—А я пойду пройдусь.

И пошелъ въ сторону отъ всѣхъ, заложивъ руки за спину и задумчиво опустивъ голову.

Саша вбѣжала на террасу, прыгая черезъ ступеньки, раньше всѣхъ:

— Никогда еще мнѣ не было такъ весело, какъ сегодня!

Прозоровъ, полный впечатлѣнія отъ фейерверка, шелъ съ Лидіей Михайловной и говорилъ ей:

— Въ этихъ фейерверкахъ есть что-то дерзкое, почти вдохновенное. Не правда ли, Лидія Михайловна?

Она отвѣтила, думая о своемъ и все сплетая съ тѣмъ, что̀ ее переполняло тревогой:

— Это мимолетно, и потому такъ кажется. А продлить — и будетъ скучно.

Майновъ поймалъ ея слова и задумчиво сталъ импровизировать:

Такъ счастья пламенный полетъ
Съ сіяньемъ звѣзднымъ хочетъ слиться,
Все выше отъ земли стремится,
Пронзаетъ мракъ. Но не домчится
И черной пылью упадетъ.

— Экспромтъ?—спросилъ Сизовъ.

Прозоровъ придрался къ этимъ стихамъ, чтобы пошутить надъ пріятелемъ:

— Ахъ, Лидія Михайловна, сколько одъ, сколько гимновъ и элегій онъ написалъ вамъ за эти два мѣсяца!

Майновъ схватилъ его за локоть:

— Перестань.

Прозоровъ посторонился отъ отъ него и сказалъ вслухъ:

— Не мни и не пачкай мнѣ пиджакъ. Все время ты тамъ поджигалъ фейерверкъ, а теперь хватаешься за мой свѣтлый костюмъ.

Лидія Михайловна дружелюбно обратилась къ Майнову:

— Если это правда, отчего же вы мнѣ не прислали написаннаго?

Майновъ отрекался въ замѣшательствѣ:

— Да нѣтъ, онъ неправду говоритъ.

— Правду, Лидія Михайловна!—выдавалъ его Прозоровъ.— Повѣрьте. Вотъ сегодня мы закончимъ нашъ праздникъ апоѳеозомъ. Васъ поставимъ на пьедесталъ, а его заставимъ читать. Какъ это у него?—старался онъ вспомнить стихи Майнова, несмотря на то, что тотъ умоляюще мигалъ ему глазами и дѣлалъ угрожающіе знаки:

„Твой геній красотѣ завидуетъ твоей“.

Майновъ взмолился:

— Лидія Михайловна, запретите ему издѣваться надо мною.

Но Саша, заинтересованная стихами, стала упрашивать:

— Не слушайте его. Читайте, читайте.

— Нѣтъ, я хочу прочесть эти стихи въ присутствіи профессора. Пускай онъ увѣковѣчитъ его за это въ банкѣ со спиртомъ. Въ послѣднее время спиртъ—его настоящая сфера.

— И единственная возможность остаться для потомства въ сохранности,—продолжалъ шутку вѣчный шаферъ.—Да гдѣ же

наконецъ профессоръ? — напрасно ища его глазами, воскликнулъ художникъ.

Лидія Михайловна видѣла, что мужъ ея ушелъ.

— Вѣроятно, онъ въ саду, — отвѣтила она, обезпокоенная его уходомъ.— Я сейчасъ приведу его.

И, несмотря на протесты не желавшихъ ни на минуту разставаться съ нею товарищей, она пошла въ садъ.

Было тяжело и стыдно чего-то и ясна непоправимость всего, что произошло. Хотѣлось остаться одной или встрѣтить мужа съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда покончить съ колючей неопредѣленностью ихъ отношеній.

Саша при видѣ холодныхъ закусокъ на столѣ, отъ которыхъ шелъ такой вкусный запахъ, съ аппетитомъ воскликнула:

— Вотъ ѣсть-то хочется! Господа, давайте примемся за все это поэнергичнѣе!

Другіе отозвались на это предложеніе съ большимъ воодушевленіемъ:

— Да, да, я голоденъ, какъ удавъ.

— А я, главное, хочу чаю.

— А я вина.

— Вотъ вино,—подала Саша Майнову бутылку.— А чаю еще нѣтъ. Господа, знаете, пойдемте за самоваромъ. У насъ самоваръ большой, сюда прислугѣ тяжело будетъ его нести.

Шафера первые вызвались итти съ Сашей за самоваромъ. Съ опасеніемъ поглядывали на небо, заволакивавшееся тучей, которая теперь сама несла вѣтеръ и шумъ волнъ, глухо гудѣвшихъ внизу подъ обрывомъ.

— Ой, какъ бы дождь не обрушился! Тогда и терраса не спасетъ. Терраса какъ разъ съ этой стороны открыта.

Прозоровъ остался съ Майновымъ вдвоемъ и, озабоченно глядя въ ту сторону, куда ушла такъ внезапно Лидія Михайловна, тихо сказалъ Майнову:

— А знаешь, вѣдь мы попали некстати.

— Что такое? Почему?

— Почему? Она несчастна.

Майновъ недовѣрчиво взглянулъ на него:

— Ты опять хочешь издѣваться надо мной?

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ серьезно говорю. Она несчастна. Здѣсь въ самой атмосферѣ чувствуется что-то удушливое. Мы попали не во-время.

Но Майновъ, который раньше съ болью думалъ о ея свѣтломъ счастьѣ, испугался предположенія своего пріятеля. Онъ замахалъ на него руками:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори. Они любятъ друга друга, иначе...

Но Прозоровъ не далъ ему договорить:

— Счастье еще вовсе не заключается во взаимности, хотя...

— Что хотя?..

— Хотя я не думаю, чтобы она его любила. А если такъ, — закончилъ онъ съ несвойственной ему серьезностью и печалью:— часто бѣда невидимымъ призракомъ становится между людьми.

Майновъ былъ ошеломленъ его словами, и самому ему казалось, что тутъ что-то неладно, но отгонялъ прочь отъ себя это подозрѣніе.

— Допустить, что она можетъ быть несчастна...—вырвалось у него съ горькимъ чувствомъ.—У меня слезы закипаютъ въ груди.

Прозоровъ опять принялъ ироническій тонъ:

— Значитъ, опять мой жилетъ въ опасности.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Сказка.

Давно раскрытыя, смѣшныя тайны дѣтства...
Давно отцвѣтшіе живыми лепестки, —
А сколько было въ нихъ наивнаго кокетства
Жемчужной пѣны грезъ и страсти и тоски.
Онѣ развѣялись съ годами, чары сказки,
Открывши новый міръ, безстыдный и нагой.—
И...нѣтъ влюбленныхъ фей, нѣтъ молній красной пляски,
И жути нѣтъ предъ ней, предъ Бабою-Ягой.
Цвѣты осмѣяны. Душистый и стыдливый
Родникъ любви, питомецъ мотыльковъ,
Пролился въ міръ осенній и тоскливый
Фальшивой гаммою ненужныхъ, пестрыхъ словъ.

Былую ненависть, пустынныхъ бурь мятежныхъ,
Смѣнила злоба мелкая земли,
И кажется, что крылья сказки прежней
Упали мертвыя средь грязи и пыли.
Обманъ... обманъ... обманъ... У спаленокъ фіалокъ,
Тамъ, въ сумракѣ лѣсовъ, она, какъ встарь, живетъ—
И феи, и цвѣты, и лунный смѣхъ русалокъ...
И папортникъ огнемъ въ Купалы ночь цвѣтетъ...
Не сказка умерла, а сердце очерствѣло,
Вздохнувъ медвяный ядъ угрюмыхъ сѣрыхъ книгъ—
И небо чудное безъ Бога потемнѣло,
А жажда вѣчности взяла волшебный мигъ.

Сергѣй Михѣевъ.

Бѣлый Принцъ.

Сказка Маріанны Нестеровой.

Бѣдная Валя очень больна. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ она лежитъ въ бѣлой постелькѣ, не подымая съ подушки головы. Ее ничто не интересуетъ. Напрасно мама покупаетъ ей красивыя книжки съ картинками—Валя уже не можетъ ихъ смотрѣть; большая кукла валяется около ея кровати, но Валя не можетъ взять ее ослабѣвшими руками; напрасно ея любимая кошка трется, нѣжно мурлыкая, возлѣ ея постели — Валя не можетъ ее приласкать. Бѣдная дѣвочка измучилась, изнервничалась, и никто ей не можетъ угодить. Она считаетъ себя очень несчастной, отказывается принимать лѣкарства и нервнымъ порывистымъ характеромъ и капризами еще больше огорчаетъ маму.

— Лиліи! Лиліи! Вотъ купите бѣлыя лиліи!—слышится голосъ за окномъ. — Купите, добрые господа! Поддержите бѣднаго слѣпого старика!

— Мама, купи мнѣ цвѣтовъ,—просила Валя, увидѣвъ въ окнѣ большія головки бѣлыхъ лилій.

— Купите, добрая барыня, — предлагалъ старикъ: — помогите бѣдному слѣпому!

Мама взяла у старика всѣ цвѣты и принесла ихъ къ Валѣ на кровать.

— Спасибо, добрая барыня, что помогли бѣдному слѣпому, пусть Господь васъ не оставитъ!

— Отъ чего же ты ослѣпъ, дѣдушка?—спросила Валя слабымъ голосомъ.

— Отъ слезъ, милая барышня, отъ слезъ,—вздохнулъ старикъ.

— Отчего же ты плакалъ? Ну что же ты не отвѣчаешь? Гдѣ же ты? Дѣдушка! — звала Валя.

Но старика уже не было: не разслышавъ второго вопроса, онъ собралъ деньги и быстро удалился.

. . . .

. . . .

Въ комнатѣ потемнѣло, спущены тяжелыя занавѣси, и только свѣтъ лампады освѣщаетъ чистенькую, уютную спальню бѣдной больной.

Тишина. Мама, утомившись за цѣлый день, уснула въ большомъ креслѣ.

Но Валя не спитъ. Полулежа въ постели, она перебираетъ слабыми руками бѣлыя лиліи и, вдыхая ихъ нѣжный ароматъ, думаетъ о бѣдномъ больномъ старикѣ, принесшемъ ей ихъ и не пожелавшемъ дать отвѣтъ на ея вопросъ. Она — добрая дѣвушка, и ей отъ всей души жаль слѣпого. Она думаетъ о томъ, что, какъ только поправится, она непремѣнно разыщетъ его, узнаетъ объ его горѣ и постарается помочь ему.

Незамѣтно отъ этихъ думъ она перешла къ мысли о томъ, какъ она поправится, поѣдетъ съ мамой въ имѣнье на цѣлое лѣто. Она вспомнила, что тамъ на пруду растутъ большія лиліи, такія же, какъ принесъ ей старикъ: она мечтала о томъ, какъ она будетъ собирать ихъ, играть съ ними и разскажетъ имъ про слѣпого старика, не пожелавшаго подѣлиться съ нею своимъ горемъ.

Погруженная въ грезы, Валя не замѣтила, какъ задремала.

Вдругъ ей послышался шорохъ. Она подняла голову и увидѣла, что лиліи, лежавшія у нея въ кровати, закачали бѣлыми головами и зашевелились. Она прислушалась и услыхала ихъ тихій шопотъ. Дрожа отъ сильнаго внутренняго волненія, она приподнялась на постели и ясно услыхала ихъ разговоръ.

— Мои дорогіе цвѣточки,—воскликнула дѣвочка:—о чемъ вы шепчетесь? Я никогда не слыхала, чтобы лиліи разговаривали.

— Мы умираемъ, милая дѣвочка: лилія не можетъ жить сорванной,—заговорила старшая изъ нихъ.—Но мы не жалуемся, мы счастливы, что своею смертью принесли тебѣ радость. Мы счастливы, потому что въ свой смертный часъ можемъ говорить. Лилія можетъ говорить только разъ въ жизни,—это передъ смертью. И вотъ мы всѣ разсказываемъ другъ другу, что видѣли и слышали. Мои подруги уже разсказали свои исторіи, и я счастлива, милая дѣвушка, что ты услышишь еще мой разсказъ. Много сказокъ хранитъ въ себѣ старый прудъ, гдѣ мы выросли, и не знаютъ люди, что творится на днѣ его.

— Дорогая лилія, разскажи же скорѣе, что ты знаешь!—вскрикнула Валя.

— Сестрица, — зашептали кругомъ всѣ цвѣты: — поторопись: мы всѣ хотимъ услышать твой разсказъ, и смотри, мы уже поникли головками; мы скоро умремъ. Поторопись же, сестра, усладить наши послѣднія минуты своимъ разсказомъ.

— Слушайте же, сестры, слушай и ты, блѣдная дѣвушка.

„Давно-давно, когда насъ еще никого не было на бѣломъ свѣтѣ. Давно-давно, когда за нашимъ прудомъ, гдѣ теперь разстилается лѣсъ, было еще болото, и тамъ жила маленькая замарашка. Она была дочь тины и болота. Это была простая, маленькая замарашка. Она никогда не видала свѣта и никуда не выходила за предѣлы болота, кваканье жабъ она принимала за пѣнье соловья, а болотные огоньки, загоравшіеся ночью на болотѣ, свѣтили ей вмѣсто солнца. Она никому не дѣлала зла, жила спокойно и была счастлива по-своему.

„Однажды злой Водяной, жившій на днѣ пруда и приходившій каждую ночь гулять на болото, позавидовалъ счастью замарашки и захотѣлъ нарушить ея покой. Ночью, когда замарашка бѣгала по болоту, играла съ огоньками и слушала сказки, которыя ей разсказывали старыя лягушки, про Цвѣточекъ-Ромашку, про Царевну-Кувшинчикъ и много другихъ, что знаютъ только старыя лягушки на болотѣ, Водяной подстерегъ ее, прикинулся добрымъ и сталъ смѣяться надъ старыми лягушками и надъ маленькой замарашкой.

„— Охота тебѣ слушать старыхъ жабъ,—говорилъ онъ ей:—онѣ даже не знаютъ, что такое свѣтлый день, голубое небо и жгучее солнце! Послушай лучше меня, и я разскажу тебѣ про яркое солнце, про то, какъ оно свѣтитъ въ полдень и даритъ всѣхъ вечернимъ золотомъ, когда заходитъ. Я разскажу тебѣ про звѣзды, что такъ ярко свѣтятъ ночью, про луну, эту печальную блѣдную невѣсту солнца, которая вѣчно ищетъ своего яркаго жениха и никогда не можетъ съ нимъ встрѣтиться.

„Долго говорилъ Водяной; много красивыхъ сказокъ разсказалъ онъ замарашкѣ.

„Уже давно замолкли на болотѣ лягушки, и свѣтящіеся огоньки погасли, утомленные веселой ночной игрой; а замарашка все слушала, затаивъ дыханье, хитрыя рѣчи Водяного.

„Когда же настало утро, и стали просыпаться птички и чирикать на деревьяхъ, когда взошло яркое солнце, хитрый Водяной взялъ замарашку за руку, вывелъ ее изъ лѣса и показалъ ей яркое солнце и свѣтлый день и голубое небо.

„Освѣтило солнышко всю грязь, приставшую къ ней на днѣ болота, и увидѣла замарашка, какая она грязная, маленькая, неопрятная. Стыдно ей стало зеленой травы и свѣтлаго дня, и не захотѣла она смотрѣть на свѣтлое солнышко, на голубое небо. Пошла она въ темный лѣсъ, сѣла подъ высокое дерево и горько заплакала. А Водяной, тихо посмѣиваясь, ушелъ въ болото да еще на прощанье крикнулъ ей: „Ну что же? Пойдемъ со мной обратно въ болото“.

„Ничего не отвѣтила замарашка на слова насмѣшника Водяного и только горько плакала. Увидѣвъ яркое солнце, уже не могла она больше играть съ огоньками; послѣ голубого неба, стала ей противна грязь болота. Сидѣла замарашка и плакала; не могла она вернуться въ болото, и стыдно ей было показаться на солнышко. И плакала замарашка въ темномъ лѣсу, такъ долго плакала, пока горючими слезами не смыла всю грязь, приставшую къ ней на днѣ болота.

„Случилось, проѣзжалъ въ то время по лѣсу прекрасный принцъ. Это былъ добрый, справедливый и гордый принцъ. Онъ всегда носилъ бѣлыя одежды, и все царство у него было бѣлое.

„Онъ увидѣлъ бѣдную замарашку, услыхалъ ея горькія слезы—и ему стало жаль ея. Онъ слѣзъ съ коня, подошелъ къ ней и спросилъ, что у нея за горе.

„Замарашка въ слезахъ стала разсказывать свою исторію.

„— Но взгляни, вѣдь ты совсѣмъ чистая,—перебилъ ее принцъ:— слезы вымыли тебя, а горе украсило тебя. Съ каждой новой слезой, вытекающей изъ твоихъ глазъ, ты становишься все прекраснѣе. Моя бѣдная замарашка, какъ много ты перестрадала, но ты уже больше не замарашка—я тебя сдѣлаю бѣлою принцессою! Я одѣну тебя въ бѣлыя одежды. Я полюбилъ тебя, замарашка. Ты такъ прекрасна въ своей печали, маленькая царевна, что я, гордый бѣлый принцъ, самъ привезу тебѣ въ темный лѣсъ бѣлыя брачныя одежды! Я одѣну тебѣ на голову бѣлый алмазный вѣнецъ, въ которомъ алмазы будутъ горѣть такъ же, какъ твои глаза, когда ты слушаешь меня. Ты будешь королевой въ моемъ бѣломъ царствѣ, моя счастливая и чистая замарашка! Жди меня въ темномъ лѣсу, когда засіяютъ звѣзды. Я устелю твой путь такими же крупными жемчугами, какъ твои слезы, и такими же цѣнными, какъ онѣ! Я покажу тебѣ золотыя звѣзды; и блѣдная луна перестанетъ грустить о своемъ яркомъ женихѣ и улыбнется, когда ты, моя невѣста, войдешь въ свое царство!

„Замарашка слушала, затаивъ дыханье, красивыя рѣчи принца; а онъ говорилъ все ласковѣе, все нѣжнѣе, и голосъ его проникъ въ душу замарашки и согрѣлъ и успокоилъ ее. Какъ зачарованная, стояла она, прислонясь къ высокому дереву. И когда принцъ кончилъ свои рѣчи и сѣлъ на коня и уѣхалъ, приказавъ ей ждать себя, она, гордая своимъ счастьемъ, подняла голову и взглянула въ самое небо. Солнце ласково улыбнулось ей, а небо, какъ зеркало, отразило красоту ея глазъ. Замарашка ахнула и во второй разъ заплакала чистыми слезами радости, и тогда вся земля покрылась свѣжею росою, и цвѣты и травы стали пахнуть сильнѣе и ароматнѣе, принося въ даръ ея счастью свои чистые ароматы. А изъ каждой ея слезы, упадавшей на землю, выростала бѣлая лилія. Солнце же, уходя на ночь за своей блѣдной невѣстой-луной, послало ей въ даръ свои золотые лучи.

„Когда вернулся принцъ и увидѣлъ ее въ вѣнцѣ изъ золота и въ одеждѣ изъ бѣлыхъ лилій, всю окруженную лиліями, онъ бросилъ драгоцѣнный алмазный вѣнецъ на землю и преклонилъ предъ нею колѣни. А замарашка, не имѣя ничего, что бы принести въ даръ гордому принцу, сорвала одну изъ бѣлыхъ лилій, окружавшихъ ее, и дала ее принцу.

„И онъ взялъ ее въ свое прекрасное бѣлое царство.

„Тогда лилія поняла, что нѣтъ выше радости, какъ умереть, принося съ собой счастье. Съ тѣхъ поръ лилія, умирая, всегда приноситъ счастье.

„Милая дѣвушка, я умираю... Поцѣлуй меня!“—тихимъ шепотомъ закончила разсказъ лилія и поникла головой.

— Лилія! Лилія, живи! Я не хочу твоей смерти. Мнѣ не надо счастья! — вскрикнула Валя и... проснулась. Солнце весело сіяло, мать, радостная, подошла къ кровати.

— Проснулась, моя дѣточка,— сказала она.—Ну, теперь ты скоро поправишься: такой крѣпкій сонъ долженъ быстро возстановить силы. Ты проспала всю ночь и ни разу не проснулась.

— Ну, теперь скоро и на выписку,— шутя подтвердилъ старый докторъ, здороваясь съ Валей.

— Мама, а гдѣ же мои лиліи?—спросила Валя, не видя около себя цвѣтовъ.

— Онѣ завяли, и я велѣла ихъ выбросить,—отвѣтила мать.—А развѣ онѣ были тебѣ нужны? Я куплю тебѣ свѣжія, если хочешь.

— Нѣтъ, не надо, — тихо сказала Валя. — Я хотѣла только... поцѣловать бѣлую лилію...

„Парсифаль“.

Очеркъ Е. Браудо. (Съ 10 рис.).

(Окончаніе).

Кто такое Кундри?

Безъ имени первобытная искусительница,—такъ называетъ ее въ обращеніи къ нею Клингзоръ. Безъ имени, ибо въ ней воплощено видѣніе сладострастія, источника тягчайшихъ страданій человѣчества. Ея демонской силой, силой женщины, обреченной нести въ жизнь первородный грѣхъ плоти, причину гибели тѣхъ, кто возбуждаетъ въ ней страсть, пользуется Клингзоръ въ борьбѣ противъ рыцарей Граля. Но Кундри—натура сложная, противорѣчивая, и повелитель зла не пользуется безпредѣльной властью надъ нею. Ей не чужды также и порывы раскаянія, жажда очищенія отъ грѣховъ. Уже въ первомъ актѣ мистеріи Кундри съ гордой покорностью служитъ рыцарскому ордену. Она—вѣстница Граля, готовая, въ поискахъ цѣлительныхъ травъ для Амфортаса, рыскать безъ устали, не щадя своихъ силъ, по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Аравіи. Въ рубищѣ нищей она омываетъ ноги Парсифаля, когда онъ возвращается на Монсальватъ, разрушивъ царство Клингзора. Освободившись отъ дьявольскихъ чаръ его заклятій, она знаетъ лишь одно желаніе: „служить, служить“, и слова эти срываются съ ея губъ уже въ предсмертномъ забытьѣ,— съ тѣхъ губъ, которыя когда-то смѣялись при видѣ Христа, совершавшаго Свой крестный путь... Но когда глубокое раскаяніе смѣняется дурманами изступленной страсти, она опять становится покорной рабой Клингзора. Послѣдній обладаетъ способностью погружать Кундри въ тяжелый летаргическій сонъ, и только онъ одинъ можетъ вновь разбудить ее, чтобы сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ своихъ замысловъ.

Второй актъ начинается однимъ изъ такихъ страшныхъ пробужденій Кундри.

Медленно подымается она изъ бездны небытія. Вызванная силой волшебныхъ заклятій, Кундри испускаетъ страшный крикъ, какъ бы стараясь сбросить съ себя злыя чары Клингзора. Мертво и устало все въ глубинѣ ея души. Кундри жаждетъ лишь одного: смерти, вѣчнаго покоя, такъ же, какъ Амфортасъ. Ибо она знаетъ, что инстинктъ жизни, инстинктъ пола, въ силу таинственнаго предопредѣленія, ведетъ ее лишь отъ паденія къ паденію, раскрывая все новыя бездны страданій. Ея порочная душа осуждена высшими силами на вѣчныя скитанія, на муки неудовлетворенной страсти, пока не явится мужъ, способный противостоять ея чарамъ.

Волхвованіемъ Клингзора Кундри принимаетъ образъ обаятельно прекрасной женщины, пламенѣющей огнемъ ненасытной чувственности. Съ сердечнымъ трепетаніемъ прислушивается она къ мощному, свѣжему мотиву Парсифаля, появляющагося у стѣнъ волшебнаго зàмка. Клингзоръ высылаетъ ему навстрѣчу отрядъ своихъ вассаловъ, но Парсифаль ударами меча обращаетъ ихъ въ бѣгство. Небольшая оркестровая сценка въ очень свѣжихъ краскахъ и рельефныхъ мотивахъ рисуетъ борьбу юнаго героя, его постепенное приближеніе къ заколдованной башнѣ Клингзора. Хитрый волшебникъ, слѣдящій съ вышки за битвой, происходящей у стѣнъ его владѣній, старается восторженными выкликами о красотѣ и отвагѣ юноши еще болѣе разжечь чувственныя вожделѣнія Кундри. Послѣдняя съ жадностью вслушивается въ слова своего повелителя: инстинктъ сладострастія заговорилъ въ ней вновь съ бѣшеной силой.

Священный обрядъ въ храмѣ св. Граля.

По знаку Клингзора башня и стѣны зàмка проваливаются. На мѣстѣ волшебнаго зàмка выростаетъ дивный садъ съ роскошными яркими растеніями. Нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, одежды которыхъ похожи на большіе цвѣты, выбѣгаютъ на сцену съ разныхъ сторонъ отдѣльными группами. Эти группы женскихъ голосовъ Вагнеръ съ необычайной деликатностью и тонкостью соединяетъ въ одинъ ансамбль, и наврядъ ли во всей міровой литературѣ можетъ быть названъ еще одинъ такой шедевръ вѣжнѣйшей вокальной звучности, какъ этотъ хоръ дѣвушекъ. Въ прелестномъ „вальсѣ", положительно одуряющемъ своими утонченными ароматами, онѣ окружаютъ Парсифаля шаловливой толпой, осыпая его дѣтскими ласками. Юноша съ любопытствомъ разсматриваетъ граціозныя фигуры, вдыхая ихъ сладкій запахъ, и прислушивается къ ихъ серебристому смѣху, передаваемому въ музыкѣ очаровательной послѣдовательностью свѣтлыхъ аккордовъ. Но какъ только влюбленная нѣжность дѣвушекъ начинаетъ переходить въ ссору между отдѣльными цвѣтками, старающимися всецѣло овладѣть молодымъ рыцаремъ, онъ съ легкой досадой пытается отстранить ихъ отъ себя, точно желая разсѣять туманы тягостныхъ для него эротическихъ настроеній. Въ этотъ моментъ до уха долетаетъ протяжно-манящій голосъ Кундри, зовущій его по имени. Мигомъ увядаетъ и исчезаетъ вся пестрая толпа дѣвушекъ-цвѣтовъ, уступая мѣсто самой искусной въ любовныхъ соблазнахъ волшебницѣ, подвластной Клингзору.

Кундри является Парсифалю возлежащей на ложѣ изъ цвѣтовъ. Юноша съ изумленіемъ спрашиваетъ ее, откуда она знаетъ его имя. На это Кундри отвѣчаетъ слѣдующими загадочными словами:

Такъ слушай! Простъ и святъ ты
Фаль парси,
Святой простецъ ты: Парсифаль.

Туманный смыслъ этихъ словъ однакожъ становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что Вагнеръ слѣдовалъ въ истолкованіи имени Парсифаль за нѣмецкимъ ученымъ Герресомъ, по сочиненіямъ котораго онъ впервые ознакомился съ сказаніями о св. Гралѣ. Герресъ полагалъ, что имя это—арабскаго происхожденія и составлено изъ двухъ словъ: Parsi+fal (чистый простецъ), въ чемъ однако жестоко заблуждался, ибо по свидѣтельству другихъ ученыхъ, слова «fal» вообще на арабскомъ языкѣ не существуетъ. Но въ данномъ случаѣ такое филологическое заблужденіе прекрасно гармонируетъ съ идейнымъ содержаніемъ мистеріи. Парсифаль именно и есть святой простецъ, и подобное фантастическое истолкованіе его имени вполнѣ соотвѣтствуетъ драматической концепціи Вагнера.

Вкрадчивыми мелодическими фразами, поддерживаемыми деликатно и тонко инструментованнымъ оркестромъ, Кундри пытается привлечь къ себѣ Парсифаля. Она разсказываетъ ему о его матери, Герцелейдѣ, осторожно примѣшивая къ плѣнительнымъ воспоминаніямъ о дѣтскихъ годахъ эротическіе мотивы. Хитрая волшебница напоминаетъ Парсифалю о ласкахъ, которыми осыпала его мать, когда онъ возвращался домой съ охоты, и двуликое чувство любви (любовь—состраданіе, любовь—страсть) начинаетъ завораживать его сердце. Какъ трепетная сладкая мелодія, въ его душу вливаются магическіе токи женственнаго начала. Кундри далѣе говоритъ ему о горькой долѣ той, что̀ дала ему жизнь, тоскующей теперь въ одиночествѣ въ разлукѣ съ нимъ, и наконецъ открываетъ ему печальную истину: Герцелейда умерла, не дождавшись возвращенія своего горячо любимаго сына. Сраженный горемъ и страшными угрызеніями совѣсти, юноша падаетъ къ ногамъ волшебницы.

Кундри старается воспользоваться этимъ моментомъ великихъ

душевныхъ мукъ Парсифаля. Она пытается уговорить его отдаться женской любви, которая принесетъ ему забвеніе отъ горя и жгучаго раскаянія. Но Парсифаль весь охваченъ скорбью о матери. Въ оркестрѣ, какъ предостерегающее знаменіе, звучитъ мотивъ св. копья. Однако юноша еще не умудренъ жалостью и не понимаетъ еще значенія этого символа, оберегающаго его отъ грѣховныхъ соблазновъ. Кундри становится смѣлѣе: она обнимаетъ голову Парсифаля и, окутанная вся цвѣтными туманами волшебныхъ мотивовъ, запечатлѣваетъ на губахъ его страстный, долгій поцѣлуй, послѣдній привѣтъ матери и первый привѣтъ женской любви.

Но Кундри ошиблась, полагая, что этимъ поцѣлуемъ она сразу погрузитъ Парсифаля въ волшебный сонъ, какъ нѣкогда Амфортаса. Парсифаль, въ дѣтской непосредственности пріявшій ея ласки, внезапно рѣзкимъ движеніемъ отстраняетъ ее отъ себя. Поцѣлуй дѣвушки сообщилъ ему острую интуицію грѣха. Завѣса невѣдѣнія, которая мѣшала ему проникнуть въ смыслъ великихъ таинствъ, свидѣтелемъ коихъ онъ былъ въ храмѣ Граля, сразу разорвалась, и внезапнымъ озареніемъ всего своего существа онъ созналъ міровую трагедію. Онъ чувствуетъ, какъ въ сердцѣ его пылаетъ жгучее пламя страсти, онъ самъ страдаетъ отъ раны, отъ которой истекаетъ кровью Амфортасъ. И чувство глубокой жалости, состраданія къ несчастному королю, сознаніе своего долга спасти изъ рукъ грѣховныхъ поруганную святыню овладѣваетъ имъ. Теперь онъ знаетъ, кто такое Кундри. Онъ понимаетъ, что въ ея объятіяхъ Амфортасъ потерялъ свою чистоту, господство надъ братствомъ рыцарей. И онъ съ невыразимымъ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя Кундри. Напрасно дѣвушка пускаетъ въ ходъ сильнѣйшія свои чары. Ея лейтмотивъ извивается въ высшемъ напряженіи страсти. Она прижимается трепещущимъ тѣломъ къ чистому юношѣ, прижимается къ нему трепещущимъ тѣломъ, ласкаетъ развѣвающіяся кудри его, нѣжнымъ касаніемъ проводитъ рукой по его щекѣ. А Парсифаль видитъ духовнымъ окомъ своимъ иную картину: Амфортаса, въ безумной страсти уронившаго св. копье, и когда Кундри вторично прильнула своими горячими устами къ его устамъ, онъ еще съ большей рѣшимостью отворачивается отъ нея.

Парсифаль священнымъ копьемъ разрушаетъ зàмокъ волшебника Клингзора.

Тогда Кундри пытается другимъ путемъ—путемъ возбужденія чувства жалости—возвратить себѣ Парсифаля. Она молитъ пожалѣть ее, положить конецъ ея вѣковѣчнымъ страданіямъ, дать ей въ любви то послѣднее упокоеніе, котораго она такъ давно жаждетъ... Но мечта объ искупленіи только вновь разжигаетъ ея тѣлесную страсть, и, кажется, ни одинъ геній всемірнаго искусства не смогъ изобразить съ такой силой весь адъ человѣческой раздвоенности и всю прелесть благодатнаго преображенія, какъ Рихардъ Вагнеръ въ ȍбразахъ Кундри и Парсифаля.

Однако Парсифаль остается непреклоннымъ. Онъ знаетъ, что любовь Кундри, это—источникъ вѣчнаго проклятія какъ для него, такъ и для нея. И онъ готовъ вести ее къ иному подвигу искупленія, наперекоръ ей самой, возбуждая своей непреклонностью слѣпую ярость женщины, охваченной страстью. Побѣдителю чувственныхъ соблазновъ нечего бояться Клингзора, къ которому взываетъ теперь Кундри. Священное копье, брошенное волшебникомъ въ чистаго юношу, повисаетъ надъ его головой. Парсифаль схватываетъ его и остріемъ проводитъ въ воздухѣ знаменіе креста.

Въ то же мгновеніе зàмокъ и волшебникъ исчезаютъ съ лица земли, Кундри вскрикиваетъ и падаетъ на землю, покрытую тысячами увядшихъ цвѣтовъ, тѣхъ дѣвушекъ, что̀ околдовалъ Клингзоръ, обрекшій ихъ искушать своей красотой всѣхъ чистыхъ сердцемъ и благородныхъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Парсифаль тщетно старается обрѣсти вновь путь къ горѣ святого Граля. Оскверненный поцѣлуемъ Кундри, онъ обреченъ блуждать по землѣ, подвергаясь различнымъ испытаніямъ. Геніальная прелюдія къ третьему акту, насыщенная мрачными гармоніями и глубоко скорбными темами, рисуетъ намъ скитанія юноши вдали отъ храма св. Чаши. Когда раздвигается занавѣсъ, мы вновь въ обители Гралева рыцарства. Яркое весеннее солнце озаряетъ большой лугъ, усѣянный первыми цвѣтами, и опушку темнаго лѣса, откуда вытекаетъ чистый ручей. Гурнеманцъ, теперь уже глубокій старикъ, выходитъ изъ кельи, заслышавъ тяжелые стоны, раздающіеся среди терновыхъ кустовъ въ глубинѣ сцены. Пустынникъ долго не можетъ пробраться черезъ нихъ. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ раздираетъ кустарникъ и находитъ, къ изумленію своему, Кундри, погруженную въ глубокій волшебный сонъ.

— Встань, Кундри,—обращается онъ къ ней:—зима прошла, весна пришла.

И эта радостная вѣсть комментируется въ оркестрѣ прелестной музыкальной картинкой.

Однако Кундри долго не можетъ прійти въ себя. Гурнеманцъ замѣчаетъ въ ней глубокую перемѣну. Все существо ея дышитъ смиреніемъ и кротостью. Она одѣта въ коричневое платье кающейся грѣшницы, веревка замѣняетъ ей поясъ. На ласковые разспросы Гурнеманца она отвѣчаетъ лишь: „служить, служить", сопровождая эти слова покорнымъ жестомъ.

Затѣмъ она беретъ кувшинъ и, какъ служанка, направляется къ ручью за водой. Въ это мгновеніе медленной поступью на сцену выходитъ рыцарь въ черномъ вооруженіи, съ закрытымъ шлемомъ и опущеннымъ копьемъ. Піаниссимо интонируютъ въ мрачномъ минорѣ мѣдные духовые инструменты уже знакомый лейтмотивъ Парсифаля.

Гурнеманцъ спрашиваетъ неизвѣстнаго, не заблудился ли онъ? Незнакомецъ, видимо, сильно изнуренный, опускается на дерновый холмикъ и отрицательно качаетъ головой. Наконецъ нѣсколько раздосадованный старецъ вопрошаетъ его:

— Неужели ты не знаешь, что ты проникъ въ обитель св. Граля, и что сегодня Страстная пятница? Сложи скорѣе оружіе.

Бога не гнѣви, Что нынѣ не жертвъ алкалъ, но жертвой Самъ былъ, Кровью спасая грѣшный міръ.

Рыцарь быстро снимаетъ мечъ, вонзаетъ копье въ землю и погружается въ нѣмую молитву.

Мудрый Гурнеманцъ, съ волненіемъ присматривающійся къ колѣнопреклоненной фигурѣ, узнаетъ въ незнакомомъ рыцарѣ Парсифаля, и сразу его озаряетъ мысль, что копье, передъ которымъ благоговѣйно склонился пришелецъ, есть вновь отвоеванная имъ священная реликвія, и что чистый сердцемъ велѣніемъ высшихъ силъ призванъ отнынѣ стать во главѣ ордена Граля.

Закончивъ молитву, рыцарь радостно протягиваетъ руку своему старому наставнику. Въ глубоко прочувствованныхъ трогательныхъ музыкальныхъ фразахъ онъ разсказываетъ ему о тяжелыхъ испытаніяхъ, какія выпали на его долю прежде, чѣмъ суждено было ему возвратиться въ обитель св. Чаши. Въ свою очередь, Гурнеманцъ передаетъ ему печальную новость, иллюстрируемую соотвѣтствующими лейтмотивами, о страданіяхъ рыцарей, объ упорствѣ Амфортаса, не пожелавшаго исполнять св. служеніе, о кончинѣ Титуреля, умершаго, какъ простой смертный, лишенный лицезрѣнія Граля.

Прежде чѣмъ ввести Парсифаля въ храмъ, Гурнеманцъ желаетъ свершить помазаніе новаго властителя Монсальвата. Онъ снимаетъ съ него шлемъ и панцырь и облекаетъ его въ мантію непорочныхъ рыцарей. Въ то время, какъ наставникъ ордена посвящаетъ такимъ образомъ въ короли избранника Христа, Кундри, подобно евангельскому прообразу своему — Маріи Магдалинѣ, омываетъ ему ноги, осушая ихъ своими волосами. Двѣ дивныя мягкія темы рисуютъ въ звукахъ несказанную радость, наполняющую ея душу. Она беззвучно рыдаетъ, и Парсифаль, въ видѣ крещенія, кропитъ ей голову водой, почерпнутой изъ ручья.

Вся эта сцена проникнута библейскимъ величіемъ и неизречимой глубиной чувства. Гурнеманцъ проливаетъ елей на голову Парсифаля, и нѣжные мотивы природы вплетаются въ этотъ обрядъ чистой христіанской вѣры. Согласно ученію Вагнера о духовномъ обновленіи человѣчества, послѣднее возможно лишь тогда, когда будетъ возстановлена гармонія между человѣкомъ и окружающей его природой. Эту гармонію Вагнеръ дивно воплотилъ въ послѣдующихъ страницахъ партитуры. Преображенный крещеніемъ, Парсифаль оглядывается на міръ, блестящій росой, и цвѣты, привѣтливо ему улыбающіеся. Онъ удивляется, видя такъ много радости и солнечнаго свѣта въ день печали и крестныхъ мукъ. Не радоваться, а плакать должна была бы природа, по мнѣнію его, въ годовщину смерти Спасителя.

Но Гурнеманцъ объясняетъ ему, что день этотъ—день радостнаго искупленія природы передъ лицомъ чистаго сердцемъ. Всѣ блаженства свѣжаго весенняго утра разлиты по этой симфонической картинѣ, получившей широкую извѣстность и на концертныхъ эстрадахъ подъ именемъ „Чуда Страстной пятницы". Эта мелодически въ высокой степени благородная, гармонически геніально разработанная музыкальная идиллія представляетъ собой шедевръ деликатнѣйшей инструментовки, тончайшихъ свѣжихъ красокъ и свѣтовыхъ оттѣнковъ, особой серебристой гаммы. Въ заключительной части ея раздается благовѣстъ Гралевыхъ колоколовъ, зовущихъ насъ на похороны Титуреля. Вновь начинаютъ постепенно мѣняться декораціи, принимающія все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Въ оркестрѣ раздаются потрясающіе ритмы траурнаго марша, исполненнаго античнаго паѳоса и силы. Двѣ процессіи рыцарей идутъ другъ другу навстрѣчу. Первая сопровождаетъ гробъ Титуреля, въ другой слѣдуетъ больной король, передъ ложемъ котораго несутъ св. Чашу въ ковчегѣ. Собравшіеся рыцари, охваченные безграничнымъ отчаяніемъ, требуютъ отъ Амфортаса, чтобы онъ въ послѣдній разъ явилъ имъ Граль. Въ это время въ храмъ входитъ Парсифаль, сопровождаемый Кундри и Гурнеманцемъ. Амфортасъ при видѣ рыцарей, требующихъ отъ него служенія св. Чашѣ, разражается страшными воплями, срываетъ съ себя одежды и требуетъ, чтобы братья по ордену умертвили его и положили конецъ его мукамъ. Тогда Парсифаль касается концомъ св. копья его раны, исцѣляя такимъ образомъ короля. Затѣмъ новый повелитель ордена входитъ на возвышеніе и беретъ въ руки св. Чашу. Оркестръ интонируетъ тему Граля съ дивной модуляціей въ начальныхъ аккордахъ. Ярчайшій блескъ святыни озаряетъ храмъ. Грѣхопаденіе искуплено. Бѣлый голубь медленно спускается и паритъ надъ головой Парсифаля. Кундри бездыханная лежитъ у его ногъ. При медленно замирающихъ небесныхъ созвучіяхъ закрывается занавѣсъ.

Совершенно неописуемая заключительная музыка „Парсифаля" была послѣдней работой байрейтскаго мастера. Она достойно вѣнчаетъ трудъ всей его жизни. Доведя всѣ свои воспріятія до послѣднихъ изступленій, онъ подошелъ къ самому краю своей человѣческой организаціи и на этомъ предѣлѣ личнаго и безличнаго, человѣческаго и мистическаго, постигъ, что міръ стремится къ новой религіозной правдѣ. Безконечно прекрасенъ и возвышенъ кругъ мистическихъ идей, разрабатываемыхъ Вагнеромъ въ текстѣ „Парсифаля", этомъ высшемъ откровеніи его религіозно-философскихъ устремленій. Но на еще высшую ступень въ подъемѣ къ небу, къ послѣднимъ совершенствамъ искусства поднимаетъ насъ музыка мистеріи, недосягаемый образецъ совершенства даже по масштабу его собственныхъ геніальныхъ партитуръ. Подъ знаменіемъ великихъ религіозныхъ вдохновеній какъ бы преображается вся музыкальная техника Вагнера, какую онъ примѣнялъ при сочиненіи своихъ прежнихъ сценическихъ произведеній. Что сразу отличаетъ музыку „Парсифаля" отъ всѣхъ его предыдущихъ работъ—это обильное примѣненіе вокальныхъ ансамблей. Многочисленные хоры играютъ въ мистеріи роль „идеальнаго зрителя", какъ въ античной трагедіи. То іерархически строгіе, то мистически нѣжные, то граціозно страстные (хоры дѣвушекъ-цвѣтовъ, неожиданно напоминающіе русскимъ слушателямъ о женскихъ хорахъ Бородина), то изступленно трагическіе, они выражаютъ всю большую скалу человѣческихъ страстей, являясь одновременно вѣщателями небесныхъ велѣній и пророчествъ. Они поддерживаютъ всю архитектуру музыкальнаго храма Граля, отличающагося дивной законченностью пропорцій.

Подобное стремленіе къ красотѣ звуковыхъ формъ, быть-можетъ, не сказывается ни въ одной изъ музыкальныхъ драмъ Вагнера съ такой силой, какъ въ „Парсифалѣ". Вся драматическая концепція мистеріи открываетъ широчайшій просторъ для чисто музыкальнаго использованія поэтическихъ мотивовъ текста. Количество лейтмотивовъ, примѣняемыхъ Вагнеромъ въ мистеріи, сравнительно не велико: ихъ можно насчитать, приблизительно, около тридцати. Не столь густа также ихъ оркестровая ткань, какъ, напримѣръ, въ „Кольцѣ", непосредственно предшествовавшемъ по времени своего окончанія „Парсифалю". Зато какое богатство идей, музыкальныхъ образовъ, глубокомысленныхъ символовъ включилъ въ магическій кругъ лейтмотивовъ, оплетающихъ всю партитуру мистеріи, Рихардъ Вагнеръ. Какъ величественны торжественныя темы Вѣры, Граля, братской трапезы, господствующія надъ первымъ актомъ. Всѣмъ имъ свойственно извѣстное тяготѣніе къ церковной музыкѣ прошлыхъ столѣтій (особенно Палестрины), однако совершенно оригинальный возрожденный романскій стиль ихъ свободенъ отъ гнета искусно суженнаго религіознаго міросозерцанія. Съ діатоническимъ складомъ христіанскихъ мотивовъ великолѣпно контрастируютъ хроматически утонченныя волшебныя темы, коими повелѣваетъ во второмъ актѣ Клингзоръ. Какъ описать словами тѣ пряныя гармоніи, еще понынѣ являющіяся послѣднимъ словомъ музыкальнаго модернизма, восхитительныя мелодическія линіи, причудливые ритмы, изъ которыхъ съ величайшимъ искусствомъ выработана Вагнеромъ картина волшебнаго сада! Какое неисчерпаемое богатство фантазіи проявляетъ мастеръ въ ихъ варіаціонной обработкѣ, въ сопоставленіяхъ двухъ противоположныхъ началъ Божьяго міра. Въ послѣднія бездны человѣческаго естества мы опускаемся вмѣстѣ съ величайшимъ волшебникомъ звуковъ и вновь возносимся въ самыя высокія сферы человѣческой духовности. Пока люди не потеряли способности чувствовать въ музыкѣ ощущеніе соприкасающейся съ нами безпредѣльности, безмѣрности, „Парсифаль" всегда будетъ почитаться высшимъ чудомъ звукового выявленія послѣднихъ правдъ жизни.

Воздушная селитра Каразина.

(Къ столѣтію великаго изобрѣтенія русскаго генія).

Очеркъ **А. А. Родныхъ**. (съ портр. В. Н. Каразина).

Какъ извѣстно, селитра, привозимая изъ Чили и обходящаяся очень дорого, примѣняется въ земледѣліи, какъ удобрительное средство, а также и въ военной и промышленной техникѣ. До чего великъ спросъ на натуральную селитру, можно судить по тому, что къ намъ, въ Россію, ввозится ея до четырехъ милліоновъ пудовъ въ годъ. Въ виду постояннаго вздорожанія чилійской селитры, изсякающей съ каждымъ годомъ, наука и тутъ пошла навстрѣчу природѣ и изобрѣла „воздушную селитру", т.-е. селитру, добываемую электрическимъ способомъ изъ азота, содержащагося въ воздухѣ. Въ настоящее время устроено уже нѣсколько заводовъ для добыванія воздушной селитры, и западно-европейская наука протрубила по всему міру о новомъ засѣваніи воздуха. А между тѣмъ это великое открытіе науки сдѣлано уже давнымъ-давно и именно у насъ, въ Россіи.

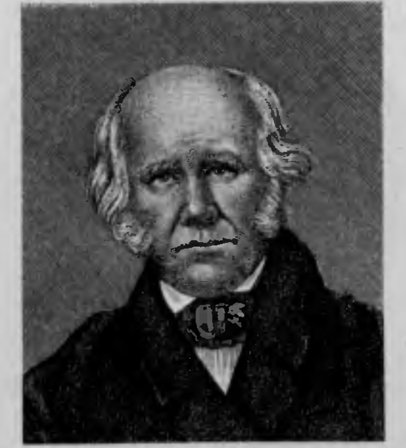
Сто лѣтъ тому назадъ эта геніальная мысль пришла въ голову одному изъ великихъ русскихъ людей — Василію Назаровичу Каразину.

В. Н. Каразинъ, давшій мысль объ учрежденіи въ Россіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, основатель Харьковскаго университета и учредитель Филотехническаго общества въ Харьковѣ.

Любовь къ естественнымъ наукамъ проявилась у В. Н. Каразина съ юныхъ лѣтъ, при чемъ съ наибольшею охотою онъ занимался метеорологіею и химіею. Метеорологическія наблюденія онъ производилъ около 40 лѣтъ, и, конечно, они не могли его удовлетворять въ строго-научномъ смыслѣ; почему онъ и пришелъ къ мысли о необходимости организаціи повсемѣстныхъ наблюденій надъ метеорологическими явленіями для того, чтобы получить возможность предсказывать погоду.

15 марта 1810 года В. Н. Каразинъ, которому было тогда 37 лѣтъ, прочелъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Естествоиспытателей „Записку о метеорологіи", въ которой и изложилъ свои завѣтныя мысли объ организаціи всего дѣла.

29 марта 1814 г. В. Н. Каразинъ послалъ изъ Москвы графу Аракчееву въ Парижъ изложеніе своего новаго способа производить селитру изъ газовъ посредствомъ электрическихъ искръ, низведенныхъ съ верхнихъ слоевъ атмосферы. Онъ предлагалъ для этого устроить воздушные шары и пускать ихъ въ верхніе слои атмосферы на шнурахъ, чрезъ которые должна проходить серебряная проволока, соединяющаяся внизу съ мѣднымъ высеребреннымъ шаромъ. Воздушный шаръ долженъ былъ играть роль собирателя атмосфернаго электричества, серебряная проволока — роль проводника, а высеребренный шаръ—конденсатора электричества, своего рода лейденской банки. Такимъ образомъ получался бы громадный электрическій приборъ огромной силы съ даровой добычей электричества.

Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, впервые, сто лѣтъ тому назадъ, открывшій добываніе воздушной селитры.

„Открытіе о составленіи селитры посредствомъ облачной электрической силы назвалъ я принадлежащимъ къ числу важнѣйшихъ,—писалъ В. Н. Каразинъ 9 апрѣля 1814 г. во второмъ своемъ письмѣ въ Парижъ къ графу Аракчееву.—Не причтите, милостивый государь, къ самолюбію сего выраженія. Если опытъ, какъ надѣюсь я совершенно, утвердитъ мое предположеніе о низведеніи электричества съ верхнихъ слоевъ атмосферы, то будетъ пріобрѣтено новое орудіе, которымъ человѣкъ донынѣ еще не владѣлъ... Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою электрической силы, въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ею располагать по своей волѣ!.. Не одну селитру станемъ тогда созидать... Въ воображеніи я еще гораздо болѣе предвижу. Поелику электричество употребляется природою первымъ орудіемъ къ произведенію метеоровъ, то не достигнетъ ли когда-нибудь посредствомъ онаго человѣкъ до возможности располагать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ, состояніемъ атмосферы производить дождь и вёдро по своему произволу? Вы столько просвѣщены, милостивый государь, что не станете смѣяться надъ симъ предположеніемъ, сколько оно ни дерзко".

15 мая 1814 года графъ Аракчеевъ увѣдомилъ В. Н. Каразина, что онъ препроводилъ его бумаги въ военное министерство. Военно-ученый Комитетъ призналъ въ 1815 г., что теорія приготовленія селитры по способу В. Н. Каразина основана на неоспоримыхъ физическихъ истинахъ.

Въ мартѣ 1818 г. по Высочайшему повелѣнію предложеніе В. Н. Каразина разсматривалось въ Академіи Наукъ. Заключеніе далъ академикъ Фусъ, который совсѣмъ не понялъ и не оцѣнилъ идеи Каразина о примѣненіи атмосфернаго электричества къ нуждамъ человѣка и остановился только на предложенномъ имъ электро-атмосферномъ снарядѣ, устроеніе котораго онъ призналъ безполезнымъ. Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присоединился къ этому мнѣнію, и идеи В. Н. Каразина были оставлены безъ вниманія и забыты.

Что идеи Каразина таили въ себѣ великія истины, доказывается ихъ осуществленіемъ на дѣлѣ болѣе чѣмъ полвѣка спустя послѣ его смерти,—В. Н. Каразинъ съ горечью предчувствовалъ, что его идею используютъ въ Западной Европѣ. Въ 1860 г. астрономомъ Леверье были высказаны мысли о способахъ развитія метеорологіи, совершенно схожія съ идеями Каразина, но успѣхъ ихъ былъ иной:—онѣ были встрѣчены съ восторгомъ. Ученые стали работать въ этомъ направленіи и подхватили идею Каразина о воздушной селитрѣ: уже лѣтъ восемь она ввозится къ намъ въ Россію изъ Норвегіи. Въ Россіи были произведены опыты въ лабораторіяхъ Политехническаго Института, Михайловской Артиллерійской Академіи и Сестрорѣцкаго завода Коммиссіей, учрежденной въ концѣ 1905 г. по распоряженію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича Генералъ-Инспектора по Инженерной части. Надо полагать, что труды въ этой области профессоровъ Сапожникова, Горбова и Миткевича привлекутъ капиталы русскихъ промышленниковъ, и Россія освободится отъ ввоза иностранной „воздушной" селитры, заведя свои заводы и поставивъ памятникъ создателю русской воздушной селитры Каразину.

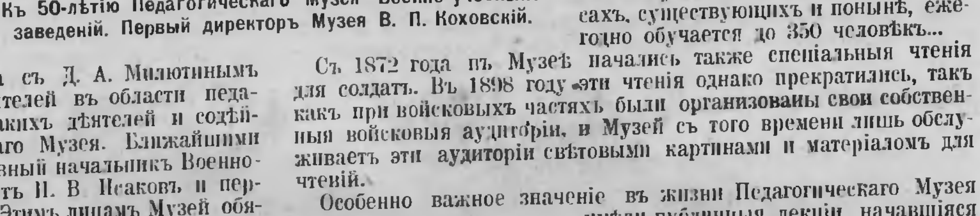
Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. 1. Общій видъ зданія Соляного Городка, въ которомъ помѣщается Музей. 2. Педагогическій персоналъ Музея во главѣ съ директоромъ ген.-лейт. З. А. Макшеевымъ, даетъ объясненія экскурсіи кадетъ III корпуса Императора Александра II.

50-лѣтіе Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній.

(Съ 2 портр. на этой стр.).

9 февраля с. г. исполняется 50-лѣтіе существованія Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Подъ этимъ наименованіемъ существуетъ полвѣка одно изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ педагогическихъ учрежденій, призванное служить наравнѣ съ военнымъ образованіемъ и образованію вообще.

Педагогическій Музей Военно-учебныхъ заведеній своимъ возникновеніемъ прежде всего обязанъ Д. А. Милютину, знаменитому военному министру того времени, или, вѣрнѣе, тому общему просвѣтительному духу, которымъ отличалась дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Д. А. Милютинъ считалъ необходимымъ поднять образовательный уровень всего русскаго народа для того, чтобы достаточно широко стоялъ образовательный уровень русскаго солдата, являвшагося въ армію послѣ введенія всеобщей воинской повинности изъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не найдя прямого сочувствія въ тогдашнемъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, военный министръ Д. А. Милютинъ рѣшилъ самъ близко стать къ дѣлу народнаго просвѣщенія, пробудить и поддержать въ обществѣ интересъ къ школѣ и къ вопросамъ образованія и воспитанія. Результатомъ этого явилась цѣлая сѣть такъ называемыхъ „милютинскихъ гимназій“, а кромѣ того, на призывъ военнаго министра горячо откликнулось все русское общество, выдвинувъ изъ своей среды для сотрудничества съ Д. А. Милютинымъ рядъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ дѣятелей въ области педагогики. Тѣсно сплоченный кружокъ такихъ дѣятелей и содѣйствовалъ возникновенію Педагогическаго Музея. Ближайшими организаторами этого Музея явились главный начальникъ Военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ и первый директоръ Музея, В. П. Коховскій. Этимъ лицамъ Музей обязанъ своимъ вступленіемъ въ жизнь.

Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Первый директоръ Музея В. П. Коховскій.

Офиціально Педагогическій Музей началъ существовать съ 9 февраля 1864 года. Первое время онъ помѣщался на Васильевскомъ Островѣ, а въ 1871 году былъ переведенъ въ Соляной Городокъ, гдѣ находится и понынѣ. Популяризаторское значеніе Соляного Городка, столь извѣстное каждому интеллигентному человѣку, тѣсно связано съ дѣятельностью Педагогическаго Музея.

Учредители Музея поставили ему слѣдующія задачи: широкую популяризацію научныхъ знаній въ широкихъ слояхъ общества и въ народныхъ массахъ и затѣмъ (это была задача чисто вѣдомственная) снабженіе военно-учебныхъ заведеній и войскъ учебными пособіями для временнаго пользованія, а также содѣйствіе составленію и изданію чтеній для солдатъ. Средствами для осуществленія этихъ задачъ (и въ особенности первой, болѣе широкой задачи) должны были служить постоянныя и временныя выставки учебныхъ пособій, публичныя лекціи, народныя чтенія, издательская дѣятельность и т. п.

Первымъ изъ этихъ средствъ Музей воспользовался прежде всего. Самое наименованіе свое, говорящее о показательности и наглядности, онъ получилъ отчасти отъ этого, практиковавшагося имъ, могучаго способа просвѣтительной дѣятельности: какъ музей, онъ сосредоточилъ въ себѣ постоянную выставку образовательныхъ пособій и средствъ. А затѣмъ Музеемъ въ разное время былъ устроенъ цѣлый рядъ временныхъ выставокъ, начало которымъ было положено первой въ Россіи педагогической выставкой, организованной въ 1866 году еще въ старыхъ помѣщеніяхъ Музея на Васильевскомъ Островѣ.

Въ 1875 году Музей впервые выступилъ за границей на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и получилъ тамъ восемь наградъ за выставленные имъ учебно-воспитательные экспонаты. Успѣхъ выставки Музея въ Парижѣ былъ такъ великъ, что французское правительство рѣшило устроить въ Парижѣ такой же Педагогическій Музей. Въ послѣдній разъ Музей выступилъ со своими экспонатами на международной выставкѣ въ С.-Петербургѣ „Устройство и оборудованіе школы“ (въ 1912 году). За участіе на этой выставкѣ Музею была присуждена большая золотая медаль Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Съ 1871 года въ Музеѣ начались народныя чтенія. Первое такое чтеніе („О Святой Землѣ“) происходило 28 декабря 1871 года и привлекло около 200 слушателей. На слѣдующія чтенія стало собираться все болѣе и болѣе народа, такъ что приходилось въ одинъ день назначать по 4—5 чтеній одно за другимъ, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ.

Непремѣнную принадлежность такихъ чтеній составляли музыка и пѣніе. Желаніе обезпечить Музей безплатными исполнителями музыкальныхъ номеровъ явилось толчкомъ къ учрежденію при Музеѣ „Общедоступныхъ музыкальныхъ классовъ“ (нѣчто въ родѣ народной консерваторіи). Эти классы привились въ Музеѣ, стали очень популярными въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ явились однимъ изъ главныхъ источниковъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для существованія Музея. Въ музыкальныхъ классахъ, существующихъ и понынѣ, ежегодно обучается до 350 человѣкъ...

Съ 1872 года въ Музеѣ начались также специальныя чтенія для солдатъ. Въ 1898 году эти чтенія однако прекратились, такъ какъ при войсковыхъ частяхъ были организованы свои собственныя войсковыя аудиторіи, и Музей съ того времени лишь обслуживаетъ эти аудиторіи свѣтовыми картинами и матеріаломъ для чтеній.

Особенно важное значеніе въ жизни Педагогическаго Музея имѣли публичныя лекціи, начавшіяся съ 1872 года. За 40 лѣтъ въ Музеѣ было прочитано 2.235 лекцій, съ замѣтнымъ преобладаніемъ темъ по литературѣ, естествознанію и педагогикѣ (въ связи съ психологіей и философіей).

Говоря о дѣятельности Педагогическаго Музея, нельзя не остановиться на ежемѣсячно устраиваемыхъ имъ собраніяхъ преподавателей учебныхъ предметовъ курса средней школы. Въ этихъ засѣданіяхъ за все время ихъ существованія было сдѣлано свыше 2.000 докладовъ и сообщеній по вопросамъ обученія и воспитанія.

За послѣдніе годы Музей, подъ управленіемъ его нынѣшняго энергичнаго директора, извѣстнаго военнаго педагога генералъ-лейтенанта З. А. Макшеева, сталъ устраивать педагогическіе съѣзды, привлекающіе массу членовъ и вносящіе много новаго и свѣжаго въ нашу педагогическую жизнь. Начиная съ 1906 г., Музеемъ было организовано уже пять такихъ съѣздовъ.

Къ 50-лѣтію Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Нынѣшній директоръ Музея Генералъ-лейтенантъ З. А. Макшеевъ.

Наконецъ въ 1900 году при Музеѣ были учреждены курсы для подготовленія воспитателей кадетскихъ корпусовъ, а въ 1904 г.—курсы для подготовки преподавателей этихъ корпусовъ.

Въ настоящее время Педагогическій Музей представляетъ собою громадное и разностороннее учрежденіе, имѣющее своей цѣлью усовершенствованіе учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Въ немъ собраны богатыя коллекціи школьныхъ пособій, пособій для изученія человѣка, какъ предмета воспитанія, и пособій для внѣшкольнаго образованія. Всѣ эти пособія сосредоточены въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кабинетахъ, въ Психологической Лабораторіи Педагогическаго Музея и въ Кабинетѣ гигіены.

Зданіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Казани, построенное на средства, собранныя Совѣтомъ Курсовъ со взноса платы за слушаніе лекцій въ теченіе 1906—1912 г.г. Постройка зданія обошлась около 135.000 руб.

Новый курсъ экономической и финансовой политики.

(Вопросы внутренней жизни).

Отставка В. Н. Коковцова, награжденнаго за десятилѣтнее управленіе русскими финансами титуломъ графа, и назначеніе на постъ министра финансовъ П. Л. Барка по своему общественному значенію выдѣляются изъ ряда обычныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ правительства. Всѣ инстинктивно чувствовали, что со смѣною лицъ здѣсь связаны перемѣна всего курса нашей финансовой политики и коренной переломъ всей нашей экономической системы. По цѣлому ряду вопросовъ финансоваго управленія, какъ, напримѣръ, по вопросу о храненіи колоссальнаго русскаго золотого запаса у заграничныхъ банкировъ по сравнительно низкому проценту съ заключеніемъ займовъ по высокому проценту, по вопросу о медленномъ развитіи мелкаго народнаго кредита, по вопросу объ усиленномъ насажденіи частнаго желѣзнодорожнаго строительства, часто съ ущербомъ для уже существующихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ, казенная эксплоатація котораго обезпечила гигантскій ростъ этого народнаго порока,—русское общественное мнѣніе давно уже безповоротно разошлось съ системой нашего финансоваго вѣдомства. Задолго раньше, чѣмъ потерять почву въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, экономическая политика эта утратила опору въ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ послѣдняя перемѣна въ составѣ правительства вполнѣ оправдывается высшими соображеніями государственной необходимости. Выражая одобреніе десятилѣтней работѣ министра финансовъ милостивыми словами рескрипта и награжденіемъ графскимъ титуломъ, Государь Императоръ въ рескриптѣ на имя его преемника по министерству устанавливаетъ начала новаго курса, въ основу котораго должны быть поставлены отрезвленіе народа, борьба съ разорительнымъ порокомъ пьянства и подъемъ народнаго благосостоянія путемъ организаціи дешеваго, каждому труженику доступнаго, кредита. Съ глубокимъ волненіемъ и радостью будутъ прочитаны эти слова Высочайшаго рескрипта всею трудовою Россіею. Уже самъ по себѣ высокій авторитетъ Царской власти укрѣпитъ народъ въ непосильной борьбѣ съ соблазномъ алкоголизма. Въ этомъ смыслѣ Высочайшій пріемъ депутаціи Всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ, совершившійся наканунѣ обсужденія питейнаго вопроса въ Гос. Совѣтѣ, имѣлъ глубоко знаменательное значеніе. Призывъ къ трезвости, раздавшійся съ высоты Трона, даетъ могучій моральный толчокъ отрезвленію народа, будетъ широко использованъ трезвенниками-агитаторами, заставитъ сельское духовенство, нерѣдко попустительствующее пагубному соблазну широкимъ допущеніемъ спиртныхъ напитковъ на деревенскихъ свадьбахъ, похоронахъ и пр., занять относительно губящаго деревню зла иную позицію, болѣе сообразную съ высокимъ достоинствомъ церкви, осуществленіе же Высочайшаго наказа о помощи трудящемуся населенію дешевымъ, общедоступнымъ кредитомъ способно экономически воскресить обнищалую и разоренную деревню. Правильно поставленный кредитъ, направленный на производительныя нужды, даетъ возможность работать лишеннымъ работы и заработка, путемъ затратъ на усовершенствованныя орудія и матеріалы производства онъ повышаетъ производительность труда, даетъ толчокъ къ пышному развитію производительныхъ силъ страны и населенія, какъ чудодѣйственный талисманъ, рождаетъ кипучую жизнь, довольство и богатство тамъ, гдѣ царили неприкрытая бѣдность, нищета, всеобщій застой, отчаяніе и голодная злоба противъ всего міра. Новая программа, преподанная новому министру финансовъ, ставитъ на очередь грандіозныя задачи оздоровленія больныхъ корней русской государственности. После освобожденія отъ татарскаго ига, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, объявленнаго народу 19 февраля 1861 г., и послѣ освобожденія отъ гнета безконтрольной бюрократіи, провозглашеннаго 17 октября 1904 года, Россія приступаетъ теперь къ освобожденію народа отъ зеленаго змія и отъ широко раскинувшаго свои сѣти ростовщичества частныхъ посредниковъ государственнаго кредита. Разорвавъ незамѣтно опутавшія всю Россію золотыя цѣпи, предначертанная въ рескриптѣ финансовая реформа даетъ нашему отечеству одно изъ величайшихъ благъ — экономическую свободу.

Учитель и учительница Старо-Сеславинскаго двухкласснаго училища въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Нилъ Кондратьевичъ и Наталья Алексѣевна Иванушкины (мужъ и жена), безсмѣнно проработавшіе на „нивѣ народной“ 35 лѣтъ.

Коммерціи совѣтникъ А. Я. Прозоровъ, предсѣдатель С.-Петербургскаго Биржевого комитета, одинъ изъ крупныхъ русскихъ коммерсантовъ и выдающійся общественный дѣятель († 22 января 1914 г.).

Всероссійскій шахматный турниръ маэстро.

(Съ группой на стр. 140).

Происходившій въ СПБ. Шахматномъ Собраніи и только что закончившійся Всероссійскій турниръ займетъ видное мѣсто въ русской шахматной исторіи. Новая и болѣе прежнихъ внушительная манифестація нашего искусства, того развитія, котораго оно нынѣ застигло,—она цѣнна не оригинальностью внѣшней формы, но внутренними качествами ея участниковъ. Дѣйствительно, всероссійскіе турниры извѣстны съ 1878—9 гг., правильное устройство они получили съ 1899 г., раздѣленіе маэстро отъ любителей произошло въ 1909 г., наконецъ въ первый разъ въ 1912 г. былъ организованъ въ Вильнѣ Всероссійскій турниръ маэстро. Такимъ образомъ послѣдній является непосредственнымъ предшественникомъ нынѣшняго, отличаясь отъ него только числомъ состязавшихся (11, теперь 18), числомъ игранныхъ ими другъ съ другомъ партій (тогда по 2, теперь по 1), главнѣе же всего тѣмъ, что къ участію въ виденскомъ турнирѣ приглашались

Первый рядъ (*сидятъ*) В. П. Вертоградовъ, П. А. Евстифѣевъ, Р. С. Сальве, Ю. О. Сосницкій, П. Малютинъ, П. А. Сабуровъ, Н. Н. Кутлеръ, Г. Я. Левенфишъ, Я. В. Таубенгаусъ, П. П. Сабуровъ, С. Н. Фрейманъ.
Второй рядъ (*стоятъ*) М. Л. Ловцкій, С. М. Левитскій, С. Е. Алапинъ, А. И. Эвенсонъ, А. Д. Флямбергъ, А. А. Алехинъ, Б. О. Грегори, Е. Д. Боголюбовъ, П. П. Потемкинъ, А. А. Дурдинъ, Ѳ. И. Дузъ-Хотимірскій.
Группа членовъ Комитета участниковъ Всероссійскаго шахматнаго турнира маэстро, происходившаго въ Петербургѣ въ декабрѣ 1913 г. и въ январѣ с. г. По фот. К. Булла.

только лучшіе маэстро. нынѣ же играли всѣ русскіе маэстро, кромѣ друхъ завѣдомо сильнѣйшихъ (гг. Бернштейнъ и Рубинштейнъ), участвующихъ въ весеннемъ международномъ чэмпіонъ-турнирѣ, подготовкой къ которому и явился — помимо своего самостоятельнаго значенія — настоящій турниръ. Но внѣшне подобный другимъ, онъ внутренно отъ всѣхъ сильно отличается. Въ Вильнѣ, напр., играли тѣ, кто уже не разъ игралъ за границей, чья сила, чьи качества уже извѣстны и безспорны; въ Петербургѣ же съ этими игроками сразились такіе, которые недавно еще числились любителями, которые еще не утвердили своего званія и своего искусства. Высокій уровень послѣдняго однако вполнѣ подтвержденъ тѣмъ фактомъ, что безъ приза остались заслуженные ветераны нашей игры (С. З. Алапинъ, Г. С. Сальве, Ж. Таубенгаусъ) и даже многіе изъ болѣе молодыхъ, но вполнѣ признанныхъ игроковъ (С. М. Левитскій, С. Н. Фрейманъ, Б. Грегори). Остальные непризеры (П. А. Евстифѣевъ, С. Ф. Лебедевъ, М. З. Эльяшовъ) — любители, не смогшіе прейти въ разрядъ маэстро. зато среди призеровъ имѣются три, которые еще вчера считались любителями, теперь же, послѣ турнира — безусловные мастера: кіевлянинъ Е. Д. Боголюбовъ, второй призеръ любительскаго турнира въ Вильнѣ и побѣдоносный участникъ состязаній прошлаго года въ Лодзи; его землякъ. А. И. Эвенсонъ, въ мѣстныхъ состязаніяхъ выдвинувшійся (тамъ еще имѣется подающій большія надежды юный г. Богатырчукъ), какъ равносильный ему соперникъ и взявшій I пр. въ турнирѣ лучшихъ любителей въ СПБ. и петербуржецъ А. А. Смородскій, оказавшійся въ предварительныхъ состязаніяхъ Петербурга сильнѣйшимъ его любителемъ. Три новыхъ маэстро — хорошій подарокъ къ Новому году и сильная подмога остальнымъ русскимъ маэстро. Въ этомъ большая цѣнность турнира: высокимъ качествомъ партій онъ доказалъ силу русскихъ игроковъ, разбросанныхъ повсемѣстно въ Россіи.

Побѣдителями турнира, принятые, какъ таковые, въ весенній международный чэмпіонъ-турниръ Спб. Шахм. собранія, оказались А. А. Алехинъ и А. И. Нимцовичъ. Первый завоевалъ званіе маэстро въ СПБ. въ 1909 г., бралъ призы въ международныхъ турнирахъ въ Гамбургѣ 1910 и Карлсбадѣ 1911 г.г. и явился побѣдителемъ въ турнирахъ Стокгольма 1912 г. и Шевенингена 1913 г.; второй частый призеръ международныхъ турнировъ особенно значительный успѣхъ имѣлъ въ Санъ-Себастьянѣ 1912 г. На третьемъ мѣстѣ оказался А. Д. Флямбергъ, опытный игрокъ, уже и въ Вильнѣ взявшій V пр. Далѣе идетъ М. Л. Ловцкій, призеръ еще III Всероссійскаго турнира въ Кіевѣ 1903 г., Г. Я. Левенфишъ, молодой петербуржецъ, призеръ турнира въ Карлсбадѣ 1912 г., Евг. А. Зноско-Боровскій, призеръ нѣсколькихъ международныхъ и всероссійскихъ турнировъ.

Остальные, изображенные на группѣ, дѣятели Спб. Шахм. собранія, наиболѣе поработавшіе надъ устройствомъ турнира: П. Малютинъ, П. П. Сабуровъ, Ю. О. Сосницкій и др.

Евг. А. Зноско-Боровскій.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

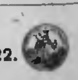
По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву", сего 1914 года къ 1 марта слѣдуетъ внести **не менѣе 3 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки.** При высылкѣ денегъ г.г. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 3.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

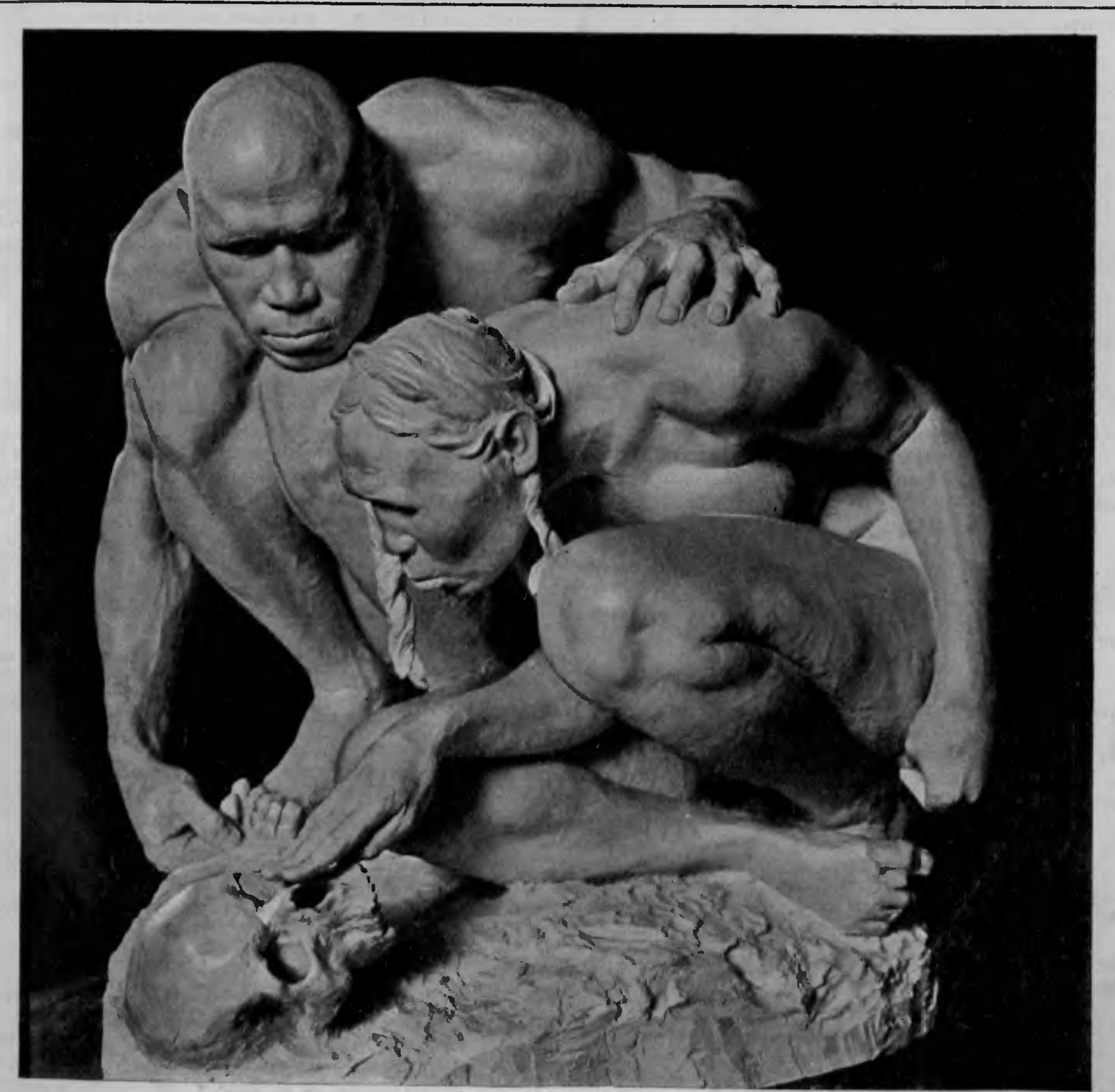
XLV г. г. XLV

№ 8 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 22 февраля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 4.

В. Лишевъ. Предки. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника и заграничная поѣздка).

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

(Окончаніе).

XXXIII.

Въ сопровожденіи Саши, шафера несли самоваръ. Собственно, несъ вѣчный шаферъ, самъ взявшійся за это дѣло, а Сизовъ только подсмѣивался надъ нимъ:

— Что̀, брать, это не то, что вѣнецъ нести? Потяжелѣе будетъ.

Саша ужасалась:

— Зачѣмъ несете краномъ къ себѣ? Обварите ноги!

Арина Ивановна укоряла дочь:

— Что̀ ужъ это, Сашечка, гостей заставляешь самоваръ нести.

— Ничего. Это намъ полезно,—отвѣтилъ Сизовъ, не притронувшійся къ самовару.

Арина Ивановна радушно стала потчевать гостей:

— Кушайте, господа, а то какъ бы дождя не было.

Старый морякъ появился, какъ тѣнь, около террасы.

— Непремѣнно будетъ. У меня нынче Берииговъ проливъ гудитъ.

— Беринговъ проливъ? То-есть какъ?

— А у меня, видите ли, тѣло, какъ географическая карта. Вотъ тутъ,—указалъ онъ на правое плечо:—Беринговъ проливъ. А здѣсь,—хлопнулъ по лѣвой ногѣ:—Китайское море.

Лидія Михайловна разыскала мужа въ саду. Вмѣсто всякихъ объясненій дружелюбно взяла его подъ руку и молча повернула назадъ къ гостямъ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ея жесту, и зашагалъ съ нею, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ аллеѣ было тревожно отъ вѣтра, но душно. Казалось, тучи висѣли на самыхъ вѣтвяхъ, и у нихъ былъ мрачно-молчаливый заговоръ между собой. Обоимъ невыносимы были тишина и молчаніе. Они обрадовались, когда сверкнулъ фонарь террасы.

При видѣ оживленныхъ гостей и стола, Шугаевъ притворно громко воскликнулъ:

— Ага, самоваръ на столѣ. Это пріятно!

Саша весело распоряжалась:

— Разбирайте чай, господа, ѣшьте, пейте, кто чего желаетъ. Налить вамъ чаю?—обратилась она къ меланхолически настроенному Майнову.

Онъ мрачно отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Мнѣ, если позволите, вина.

— И я тоже съ вами выпью вина, — присоединился къ нему Шугаевъ.

Всѣхъ восхитило желаніе профессора, который никогда ничего не пилъ.

— Вина профессору! Вина!

— Выпьемте всѣ, если такъ, — предложилъ Прозоровъ: — за успѣхъ Лидіи Михайловны!

Предложеніе было принято съ шумнымъ восторгомъ. И Лидіи Михайловнѣ также налили вина.

Майновъ подошелъ къ ней первый и многозначительно произнесъ:

— За ваше счастье, Лидія Михайловна. Я бы желалъ...

Но она прервала его безобидно:

— Только, пожалуйста, безъ рѣчей. Это черезчуръ банально.

Нѣжно и коварно позванивалъ хрусталь бокаловъ, и въ этомъ прозрачномъ звонѣ слышался ѣдкій смѣшокъ.

И вдругъ рѣзкій порывъ вѣтра ударилъ въ заплетающій террасу дикій виноградъ и закачалъ большой круглый матовый фонарь надъ столомъ.

Сразу прекратился звонъ хрусталя, и всѣ безпокойно переглянулись:

— Ого, какой холодный вѣтеръ!

Арина Ивановна заволновалась:

— Нѣтъ, видно, отсюда надо убираться.

Лидія Михайловна, стоявшая у лѣстницы террасы, напряженно всматривалась въ тьму, наполнившуюся шумомъ вѣтра въ деревьяхъ и гуломъ моря, который шелъ издали какъ-то особнякомъ. Вотъ она вздрогнула и подалась впередъ.

— Что̀ васъ такъ встревожило?—спросилъ Прозоровъ.

— Тамъ... — прошептала она: — тамъ метнулась какая-то тѣнь!

Шугаевъ, все время слѣдившій за нею, услышалъ эти слова и также подошелъ къ ней.

— Чего же ты такъ встревожилась? Рыбакъ или кто-нибудь еще. Мало ли здѣсь народа ходитъ.

— Нѣтъ,—холодѣя отъ своего впечатлѣнія, отвѣтила она.— Эта тѣнь какъ-то особенно быстро промелькнула. Точно пролетѣла.

Сизовъ, легко пьянѣвшій, шумно подался со стула.

— О, чортъ возьми! Можетъ-быть, здѣсь дѣйствительно призраки ходятъ. Пойдемъ искать призраковъ! — позвалъ онъ пріятеля, который въ это время жонглировалъ пустой бутылкой, подбрасывая ее и ловя на ладонь.

Тотъ охотно согласился, и съ ними выскочила Саша.

Они сразу какъ будто потонули во мракѣ, и даже голоса ихъ заглохли въ шумѣ деревьевъ и волнъ.

Никто не находилъ, о чемъ говорить. Словно этотъ порывъ вѣтра унесъ всѣ слова и мысли.

Старый морякъ, ни къ кому не обращаясь, задумчиво и монотонно говорилъ:

— Въ Индіи на высокой скалѣ есть башня. Башня Безмолвія. Она стоитъ надъ самымъ океаномъ. Грифы, хищныя птицы, сидятъ тамъ на камняхъ этой башни, свѣсивъ свои длинныя змѣиныя головы. Въ башню парсы бросаютъ своихъ мертвецовъ. Грифы набрасываются на нихъ, жадно ихъ пожираютъ и опять засыпаютъ, противные, сытые, свѣсивъ свои змѣиныя головы. А кости мертвецовъ шквалы уносятъ въ океанъ.

Его слушали невольно. Хотя то, что̀ онъ разсказывалъ, не вязалось ни съ чѣмъ.

У старика воспоминанія возникали, видимо, неожиданно для него самого, въ какой-то таинственной связи съ тѣмъ, что̀ таилось вокругъ.

Прозоровъ, чувствуя непріятную жуткость отъ этого голоса и мрачной картины, представлявшейся ему необыкновенно ярко, съ неудовольствіемъ шепнулъ Майнову:

— Вотъ еще memento mori.

— Меня морозъ по кожѣ подираетъ отъ его бормотанія, — отвѣтилъ Майновъ.

Шугаевъ также сказалъ въ поясненіе:

— Когда дуютъ такіе тревожные вѣтры, всегда начинаютъ разсказывать страшныя исторіи.

Съ обрыва раздался голосъ Сизова, который вѣтеръ донесъ на своемъ черномъ крылѣ:

— Господа, внизу обрыва огонь. Можетъ-быть, его и зажегъ этотъ призракъ?

Голосъ Саши завибрировалъ на вѣтру:

— Пойдемъ туда. Побѣжимъ къ огню.

Майновъ также почему-то заинтересовался этимъ огнемъ:

— Пойдемъ и мы. Посмотримъ, что̀ тамъ такое.

— Пожалуй, пойдемъ,—согласился Прозоровъ.

Порывы вѣтра приносили запахъ дождя вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, который падалъ на сердце.

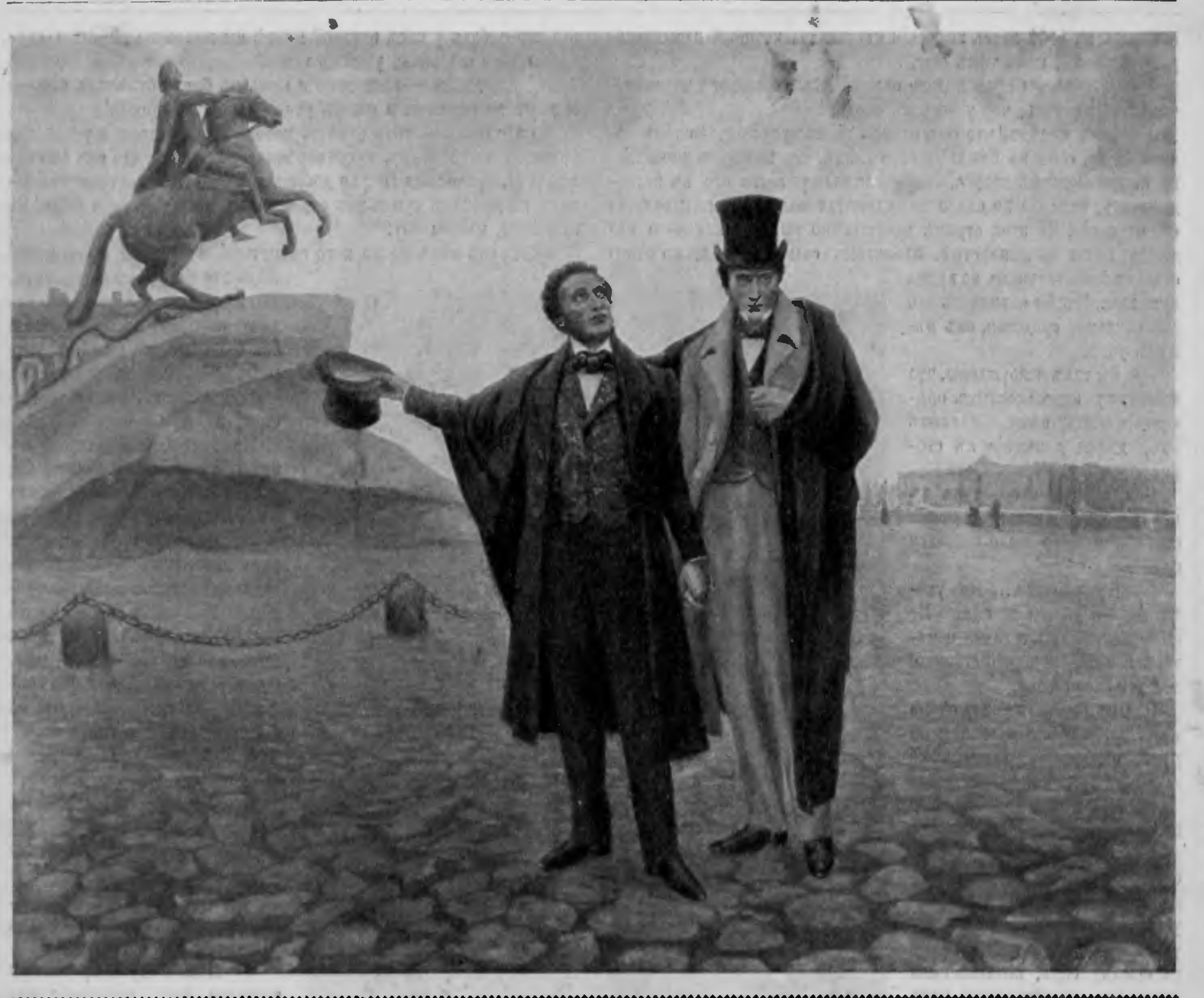
Старикъ также поднялся и пошелъ съ террасы къ обрыву, бормоча:

— Все свѣжѣетъ, а онъ въ морѣ на шлюпкѣ. Будетъ ему работа.

По распоряженію Арины Ивановны, прислуга стала убирать со стола посуду. И когда все было перенесено въ столовую, и Арина Ивановна также ушла съ террасы, чтобы помочь устроиться къ ночи, Лидія Михайловна, томившаяся отъ молчанія, тяготившаго ее, какъ удушье, обратилась къ мужу:

— Уѣдемъ отсюда.

Шугаевъ даже не повернулъ къ ней головы.

В. Рехенмахеръ. Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Теперь они были одни, и ему уже не хотѣлось больше притворяться.

Ее оскорбило его молчаніе:

— Мнѣ кажется, это издѣвательство. Жить здѣсь послѣ того, что̀ я вамъ сказала...

Вошла прислуга, чтобы снять скатерть, и, пока она ее снимала и вытряхивала, прошла цѣлая вѣчность.

XXXIV.

Лидія Михайловна едва дождалась, пока прислуга уйдетъ, и съ бунтующей душой возобновила горѣвшія на ея губахъ слова:

— Да, я считаю это издѣвательствомъ. Вы видите, какъ я мучусь... изнемогаю... жду... А вы... вы дѣлаете видъ, что не замѣчаете этого.

Ея слова производили на него такое впечатлѣніе, какъ будто черныя мухи, жужжа, впивались ему въ глаза, въ носъ и уши. Онъ собралъ всѣ силы и, дѣля слова, съ фальшивымъ спокойствіемъ остановилъ ее:

— Постараемся быть разсудительнѣе.

Но она понимала истинную цѣну этихъ словъ:

— Зачѣмъ еще притворяться? Я вижу эту разсудительность со стиснутыми зубами и ненавистью въ глазахъ.

— Это у васъ сейчасъ и стиснутые зубы и ненависть въ глазахъ. Я не знаю, за что вы возненавидѣли меня. За что?

Ему казалось, что на лицѣ его непроницаемая маска спокойствія, и голосъ полонъ кротости и разсудительности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не въ состояніи уязвить ее, какъ этимъ притворствомъ.

И она отвѣтила на его вопросъ съ болѣзненной мукой и ядомъ:

— О, конечно, за то, что вы простили меня! Вѣдь вы это именно хотите сказать. Я читаю этотъ намекъ въ каждомъ вашемъ словѣ, въ каждомъ звукѣ вашего голоса.

Она угадала его затаенность, въ которой онъ не хотѣлъ бы самъ признаться себѣ, и съ дутымъ негодованіемъ, исказившимъ лицо его, но съ той же фальшивой кротостью въ голосѣ сталъ укорять ее:

— Какъ вамъ не стыдно! Какъ у васъ хватаетъ духа!..

Но она прервала его рѣшительно и прямо:

— Зачѣмъ мы здѣсь? Зачѣмъ эта пытка, которой вы подвергаете меня?

— Какая же это пытка, если... если... вы, какъ утверждаете, его не любите?

Онъ какъ будто самъ подавалъ ей оружіе защиты, но подавалъ лезвеемъ, которое неизбѣжно должно было поранить ей руки, если бы она приняла его. Но она умѣло отклонила:

— А вы, какъ вы можете встрѣчаться съ нимъ?

Шугаевъ гордо отвѣтилъ:

— Для кого это могло бы быть пыткой, такъ это для меня. Но для меня онъ не существуетъ.

— Вы говорите неправду,—изобличала его она:—и для васъ это тоже пытка, но вы въ этомъ находите непонятное наслажденіе.

Тогда ему показалось, что онъ нашелъ настоящую опору, и что къ этой опорѣ безсознательно подвела его она сама.

— Я хочу доказать, что случившееся не важно, что можно

побороть въ себѣ этотъ звѣрскій инстинктъ, который называется ревностью и... какъ тамъ еще...

— А, такъ вы производите опыты! Рѣжете живого человѣка, чтобы посмотрѣть, что у него въ сердцѣ!

Шугаевъ видѣлъ, что она близка къ изступленію. Видѣлъ ненависть къ себѣ въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звукѣ голоса. Это могло бы привести его въ безнадежность, если бы не сладостно-ядовитая капля, пропитывавшая его отчаяніе. Въ этой отравѣ таинственно таилась какая-то надежда, точно въ лѣкарствѣ, ядовитомъ само по себѣ, но единственно спасительномъ во время припадка. Чтобы сохранить это спасительное средство, онъ рѣшилъ уйти.

— Вы такъ возбуждены, что я нахожу невозможнымъ объясненіе между нами, —заявилъ онъ, дѣлая движеніе въ сторону.

Она вскочила со стула въ непритворномъ испугѣ. Для нея страшнѣе всего было остаться одной.

— Не уходите... Не уходите! — взмолилась она.—Не знаю почему, но сегодня и вѣтеръ и море—все убійственно, все ужасаетъ меня.

Она въ безсиліи упала снова на стулъ и уронила голову на руки, скрещенныя на спинкѣ стула.

Въ этой позѣ ея уже не было ни злобы ни ненависти, а была только обезоруживающая слабость. И его злоба, клокотавшая въ глубинѣ сердца, но упорно давимая, куда-то сразу ушла. Осталась только жалость къ самому себѣ, возвышенная чувствомъ превосходства надъ нею.

Онъ остановился и долго молча глядѣлъ на изгибъ ея спины и тяжело склоненную голову. Если бы можно было проникнуть во всѣ глубины ея души!

Онъ по себѣ судилъ, что сказанныя сейчасъ слова не имѣли настоящей цѣны, что они, наоборотъ, скрывали еще болѣе суть, какъ листья скрываютъ стволъ дерева. И вотъ что-то, только какъ бы случайно засвѣтившееся въ немъ во время ихъ пререканія, теперь озарило его настоящимъ свѣтомъ. Онъ заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ, тихо и страдальчески:

— Я не говорю вамъ, что мнѣ легко, что я не мучусь, но я хочу сорвать съ себя эти путы, называемыя кровью... Человѣкъ! Человѣкъ!—вырвалось у него, какъ стонъ.—Чѣмъ же онъ, если такъ, отличается отъ животнаго, когда позволяетъ овладѣть собой этой отвратительной силой крови? Зачѣмъ же тогда печаль проникновенія, зачѣмъ же высокое сознаніе своей божественности? Или вы не вѣрите во все это?

Она подняла голову и отвѣтила, заражаемая его искреннимъ порывомъ:

— Я хочу вѣрить. Я вѣрю... иначе вся жизнь... все искусство—ничего не стоятъ.

Онъ схватился за ея слова и съ лихорадочной надеждой воскликнулъ:

— Такъ надо же разсмѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ мы расплакались тогда! Развѣ то, что случилось, измѣнило васъ? Развѣ это что-нибудь у васъ отняло? Развѣ вы наконецъ не были свободны уйти отъ меня, уйти съ нимъ?

— Да, да, да,—поспѣшно и какъ въ бреду отвѣчала она.—Я этого не сдѣлала, а теперь уѣдемъ, уѣдемъ отсюда!

Но это былъ не тотъ отвѣтъ, который онъ старался у нея вырвать съ инстинктомъ, противорѣчившимъ всему, что онъ ей внушалъ. И, продолжая упорно добиваться своего, онъ страстно взывалъ къ другимъ чувствамъ ея, которыя одни только и были, въ сущности, важны ему:

— Развѣ вамъ не на кого опереться! Развѣ вы не со мной! Вѣдь это былъ только моментъ. Его нужно раздавить, какъ гадину, которая ночью во время сна заползла къ намъ и укусила. Мы уѣдемъ, и уѣдемъ побѣдителями. Я хочу торжества, а не забвенія.

Но эти слова — отъ нихъ пахло тлѣніемъ, а не жизнью, и она отмахивалась отъ нихъ въ безысходной мукѣ.

— Не можетъ, не можетъ такъ поступать, такъ говорить человѣкъ простившій, любящій... Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какого торжества. Для меня мое страданіе... оно выше... выше всякихъ цѣлей. Мое признаніе вамъ... Вы должны были понять его, оцѣнить...

Она своими руками гасила огни, по которымъ онъ хотѣлъ держать свой путь, и это опять открыло въ немъ тотъ клапанъ сердца, за которымъ клокотали обида и злоба на нее. Онъ уже не могъ сдерживаться снова, и слова сорвались, какъ собаки за звѣремъ:

— Можно думать, что вы считаете свое признаніе подвигомъ.

И, уязвленная этими словами, она простонала:

— Да гдѣ же ваша доброта, въ которую я повѣрила? Вы говорите о божественности души, а сами пытаете меня намеками и упреками. Да! — запальчиво воскликнула она, выпрямляясь, съ вызывающимъ видомъ. — Да, это правда, признаніе мое было подвигомъ! Подвигомъ!

Голосъ его сталъ хриплымъ и низкимъ:

— А-а. Это мѣняетъ дѣло. Значитъ, вашъ проступокъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думалъ.

Она вытянула къ нему голову съ горящими глазами и смертельно поблѣднѣвшимъ лицомъ:

— Да, онъ серьезенъ... онъ страшенъ. Потому я и призналась въ немъ. Я тоже хотѣла торжества надъ тѣмъ, что есть низкаго въ человѣческой природѣ, въ моей природѣ... Но я хотѣла этого, какъ человѣкъ, а не какъ комедіантка. И я думала, что вы поможете мнѣ. Это страшно. Я не хочу играть комедіи ни съ вами ни съ собой. Я думала, вы дѣйствительно простили меня, но я вижу, чувствую, мы повсюду потащимъ за собой эту грязь.—Въ памяти вспыхнули слова Эльмонта, и она съ силой повторила ихъ: — Нѣтъ прощенія, есть только слово „прощеніе!“ Я вамъ дала вексель своимъ признаніемъ, и какъ бы я ни старалась загладить свой проступокъ—напрасно. Вамъ мало будетъ шейлоковскихъ процентовъ. Вы вырвете кусокъ мяса изъ моего сердца—и вамъ все будетъ мало!

Шугаева поразила эта страстная, стремительная рѣчь. Онъ

М. Авиловъ. Гусаръ. Классный этюдъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

угадалъ слова и мысли, не принадлежащія ей, и это его уязвило больше всего.

— Такъ вотъ какъ вы меня поняли, — отвѣтилъ онъ, качая головой.

Душа была опустошена. Какъ онъ предчувствовалъ, такъ и случилось. Онъ видѣлъ, что больше не о чемъ говорить, и пошелъ прочь отъ нея.

Она опять упала на стулъ, и жалоба, какъ вопль, вырвалась изъ ея груди:

— А гдѣ же мнѣ, гдѣ же мнѣ найти такую душу, передъ которой я могла бы высказать все, все разсказать?

Этотъ вопль остановилъ его на одно мгновеніе.

— Лида!—произнесъ онъ черезъ силу, обернувшись къ ней.

Она обратила на него взглядъ, полный страданія и мольбы. Но вмѣсто того, чтобы подойти къ ней или протянуть руки, онъ, самъ не зная, откуда у него берутся такія слова, проговорилъ ледянымъ тономъ:

— А можетъ-быть... можетъ-быть, вы и правы. Тогда мы... Тогда все погибло.

И, шатаясь отъ горя, онъ сошелъ по ступенькамъ въ темноту растревоженнаго вѣтромъ сада.

В. Цыцынъ. Въ капустникѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

XXXV.

Она такъ и осталась неподвижно сидѣть, и такъ ее застали вернувшіеся съ Сашей художники.

Саша бросилась къ ней:

— Лидія Михайловна, что съ вами?

Она сдѣлала надъ собой усиліе и обернулась съ притворной улыбкой:

— Такъ... немного устала... задумалась.

Сизовъ возбужденно сталъ разсказывать ей о томъ, какъ они направились къ огню, но, когда приблизились, огонь исчезъ.

— Нѣтъ, какъ нѣтъ! — разводя растерянно руками, передавалъ Сизовъ, свое изумленіе. — И хотя бы уголья гдѣ-нибудь остались. А то—ничего.

— Что-то непостижимое прямо, — подтверждалъ и другой шаферъ.

Саша добавила еще болѣе изумительную вещь:

— А потомъ, смотримъ, огонь уже на волнахъ.

— И ночь такъ темна, что ничего, кромѣ этого огня, не видно, — все съ большимъ изумленіемъ разсказывалъ Сизовъ. —

А. Янсенъ. На островѣ Моонѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

О. Иванова-Броневская. На кухнѣ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Только свѣтъ маяка протянулся, какъ голубая лента. Только шумятъ волны, да прыгаетъ на нихъ этотъ огонь.

Подошли Прозоровъ съ Майновымъ. И Прозоровъ, по обыкновенію, скептически отнесся къ ихъ жуткимъ впечатлѣніямъ:

— Просто васъ дурачитъ какой-нибудь любитель сильныхъ ощущеній, который катается на лодкѣ.

— А можетъ-быть, это—„Летучій Голландецъ“,—въ тонъ ему добавилъ Майновъ.

Но Саша разсердилась на нихъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Огонь самымъ непонятнымъ образомъ то появлялся, то исчезалъ и наконецъ пропалъ въ волнахъ.

Прозоровъ не сдавался:

— Перевернулась лодка съ этимъ сумасшедшимъ, или съ „Летучимъ Голландцемъ“—вотъ и все. Онъ пошелъ ко дну, туда ему и дорога.

Лидія Михайловна встала и молча пошла къ морю.

Всѣ машинально передъ нею посторонились. Только у Саши вырвался изумленный вопросъ:

— Лидія Михайловна, куда вы?

— Дождь накрапываетъ, Лидія Михайловна!—крикнулъ Сизовъ, хотя она должна была сама это чувствовать лучше его.

Туча совсѣмъ затянула небо, какъ будто взяла въ плѣнъ всѣ звѣзды, и роняла тяжелыя капли дождя, которымъ вѣтеръ долго не давалъ упасть на землю.

Майновъ всполошился при этомъ внезапномъ бѣгствѣ хозяйки и подѣлился своимъ опасеніемъ съ Прозоровымъ:

— Знаешь, нельзя ее оставлять одну. Я побѣгу за нею!

— Ловко ли?

— А, что̀ тамъ!—махнувъ съ сокрушеніемъ рукой, отозвался Майновъ.—Я вижу, что ты правъ... значитъ...

Онъ не договорилъ и побѣжалъ за нею слѣдомъ.

Сизовъ, оглянувъ пустой столъ, возопилъ:

— А гдѣ же чай? Я не допилъ своего чая.

— Спохватился! Ясно, что убрали все.

Саша, сконфуженная передъ гостями, какъ одна изъ хозяекъ, успокоила ихъ, что все перенесли въ комнату по случаю дождя.

— Пойдемте туда. Здѣсь дѣйствительно стало непріятно.

Всѣ охотно приняли ея предложеніе.

— А Лидія Михайловна навѣрно сейчасъ вернется съ Майновымъ,—прибавила Саша въ видѣ успокоенія, хотя сама сомнѣвалась въ этомъ больше всѣхъ.

Между тѣмъ Майновъ нагналъ Лидію Михайловну у самаго обрыва и очень неискренно сдѣлалъ видъ, что столкнулся съ нею случайно, такъ какъ ему показалось, что она пошла въ другую сторону. Самъ же онъ будто побѣжалъ посмотрѣть на море, нѣтъ ли того огня.

Она ничего не отвѣтила на его ложь.

Онъ понялъ, что лишній здѣсь въ эту минуту, и рѣшилъ слѣдить за нею издали.

Но она точно догадалась объ его умыслѣ.

— Ахъ, я и забыла!—воскликнула она, какъ бы спохватившись.

— Что̀ такое забыли?

— Платокъ, — принесите его. Онъ у меня на окнѣ въ мастерской, и мы пойдемъ.

— Но куда? Въ такую темь. Того и гляди, дождь хлынетъ.

— Я люблю гулять въ такую погоду.

— Однакоже...

— Ну, не надо. Я сама.

Она сдѣлала видъ, что желаетъ вернуться за платкомъ. Но Майновъ остановилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте, Лидія Михайловна, я сейчасъ!

Однако, когда онъ вернулся, разыскавъ наконецъ ея платокъ, на обрывѣ онъ уже не засталъ ея. Это его страшно огорчило. Онъ бросился внизъ по тропинкѣ. Пробовалъ даже ее окликать, но никто не откликнулся.

Ему стало страшно за нее. Онъ вернулся къ Прозорову и сообщилъ ему; тотъ сталъ его успокаивать. Однако видно было, что и ему стало не по себѣ.

— И профессоръ куда-то скрылся и тотъ господинъ тоже,—съ неудовольствіемъ помянулъ онъ Эльмонта.—Живетъ въ одномъ домѣ, а и въ глаза его не видно.

— Но что̀ же дѣлать?

— Подождемъ немного, а тамъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы могло что-нибудь случиться такое...

Онъ не договорилъ, но Майновъ при одномъ намекѣ задрожалъ отъ страха:

— Нѣтъ, я не могу такъ. Я долженъ пойти.

— Куда?

— Все равно... Къ морю... Я и самъ не знаю, куда. Но не могу же я остаться спокойно здѣсь, когда она...

— Что̀ — она?.. Тебѣ ясно показали, что ты — лишній при ней, — и баста.

Майновъ тяжело дышалъ, готовый на все, чтобы только предупредить какую-нибудь бѣду съ нею. Но не зналъ, что̀ ему дѣлать, и наудачу пустился внизъ, рискуя сломать себѣ шею.

XXXVI.

Избавившись отъ Майнова, Лидія Михайловна быстро спустилась по тропинкѣ внизъ, въ обрывъ.

Прежде всего ей хотѣлось остаться одной, и она шла безъ опредѣленной цѣли. Эта темнота и вѣтеръ, и тучи, и дождевыя капли, съ размаха ударявшія въ лицо, были нужны и близки больше всего на свѣтѣ, а шумъ волнъ, клокотавшихъ внизу, заглушалъ безпорядочные голоса, кричавшіе въ ея сердцѣ. Онъ вливался въ нее, широкій и грузный, и она съ жадностью шла ему навстрѣчу, точно сама была подобна одной изъ этихъ волнъ, рвущихся на берегъ и стремящихся обратно къ сліянію съ родной стихіей.

Когда бросившійся за нею Майновъ былъ отъ нея всего въ нѣсколькихъ шагахъ, она почти легла на землю. Онъ пробѣжалъ

мимо, не замѣтивъ ея; но даже когда онъ былъ уже далеко, ей не хотѣлось вставать. Дикая трава сильно пахла передъ дождемъ у самаго лица ея, и она прижалась къ ней щекой.

Какъ бы хорошо было поплакать сейчасъ! Но что-то мѣшало слезамъ. Тьма ночи почти осязательно покрывала ее; она чувствовала ее всѣмъ своимъ тѣломъ, и, когда поднялась, эта тьма поднялась вмѣстѣ съ нею; пошла—и тьма тоже.

Если бы не приближающійся шумъ моря, она, кажется, не въ состояніи была бы итти. Этотъ шумъ, какъ музыка, поддерживалъ въ ней силы.

Такъ дошла она хорошо знакомой тропой до послѣдняго спуска къ морю. Тутъ она остановилась; пришло на мысль повернуть назадъ. Не къ мужу, не къ нимъ... а куда-нибудь, все равно, только въ сторону отъ моря. Куда-нибудь далеко, гдѣ ее встрѣтятъ прежній покой и любимый трудъ.

Но что-то, раньше помѣшавшее выплакаться, теперь тянуло ее дальше, и она пошла, какъ опьяненная, подставляя влажному дыханію моря и вѣтра свое лицо и все тѣло, которое чувствовало прикосновеніе ночи, какъ обнаженное. Это ощущеніе наготы было ей томительно и сладостно. Такъ близка ласка стихій, отъ которыхъ сейчасъ ее не могло бы оторвать даже обѣщаніе покоя.

То, что̀ произошло тамъ, наверху, и всѣ они — было ужасно далеко. И ужъ, конечно, она никогда туда не вернется.

Теперь волны были совсѣмъ передъ нею, у ея ногъ и на безпредѣльное пространство впереди. Но волны бѣлѣли пѣной только у самаго берега; тутъ онѣ кричали, бились и стонали, какъ живыя. Ночь смѣшала ихъ съ темнотой и тучами, и все представлялось одной бушующей темнотой, налитой до самаго неба.

Она знала, что, какъ бы ни былъ силенъ прибой, подъ обрывомъ всегда можно пройти,—и пошла. И пришла на то самое мѣсто, гдѣ вчера ночью, можетъ-быть, въ этотъ же самый часъ, случилось „это“, роковое для нея.

Это было непонятно, что она пришла именно сюда. Но, остановившись на этой мысли, не почувствовала ни испуга ни раскаянія, что такъ случилось. Ее не поразило и то, что онъ былъ здѣсь.

— Не пугайтесь,—произнесъ онъ, отдѣляясь отъ скалы, съ которой его сливала темнота.

Она едва не вскрикнула въ первое мгновеніе, но и то, что онъ былъ здѣсь, какъ будто было предопредѣлено заранѣе.

— Вы ищете меня? — продолжалъ онъ, скорѣе утверждая, чѣмъ спрашивая.

Она быстро отвѣтила:

— Нѣтъ.

И дѣйствительно, въ сознаніи у нея не было этого намѣренія.

Онъ не повѣрилъ ея словамъ, потому что почувствовалъ то, что̀ было глубже этихъ словъ.

— Я знаю, вы ищете меня. Вы должны были прійти ко мнѣ послѣ того, какъ вы сказали. Вѣдь вы сказали ему все?

— Да, я сказала ему все.

Эльмонтъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, и то, что онъ не приближался къ ней, дѣлало его фигуру похожей на тѣнь. И можетъ-быть, оттого голосъ его звучалъ ей, какъ шумъ волнъ и вѣтра.

Капли дождя перестали падать ей на лицо, какъ это было въ обрывѣ, зато соленыя брызги пѣны осыпали влажной пылью даже руки, и это еще болѣе сближало ее съ безконечной стихіей, простиравшейся у ея ногъ.

— Вы подслушали?—сказала она.

— Меня не было тамъ со вчерашняго дня.

Ее удивило, что онъ говоритъ неправду.

— Вы были тамъ... Я видѣла вашу тѣнь полчаса... часъ тому назадъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Я былъ въ морѣ.

— Но я видѣла вашу тѣнь.

— Можетъ-быть, я думалъ о васъ.

Ей хотѣлось разсмѣяться ему въ лицо. Въ самомъ дѣлѣ, не могла же она ошибиться, когда стояла на террасѣ у лѣстницы и увидѣла его, вотъ какъ видитъ сейчасъ: въ маленькой шапкѣ, въ дождевомъ плащѣ, около стараго каштана.

— Я не вѣрю въ привидѣнія. Вы напрасно хотите замутить меня сверхъестественнымъ вздоромъ. Вы желаете казаться какимъ-то демономъ.

Но онъ такъ просто и ясно отвѣтилъ на это, что ей стало жутко. Значитъ, это дѣйствительно ей только показалось.

— Не демонъ я, и нисколько не хочу казаться не тѣмъ, что̀ я есть. Я—человѣкъ, болѣе чѣмъ, можетъ-быть, всѣ люди. Но я упорно ищу васъ. Не могу васъ не искать. И мое желаніе не можетъ не передаваться вамъ.

Она закачала головой съ непобѣдимымъ упорствомъ:

— Я не хочу этого. Я сбросила съ себя все это. Я разорвала эту нить, которая связывала меня съ вами.

Она искала словъ и говорила слова, пытаясь спрятаться за ними. Самой хотѣлось вѣрить въ эти слова. И если бы онъ повѣрилъ имъ—она была бы спасена. Но онъ былъ упоренъ, какъ безумный.

Не разубѣждая ее прямо, онъ только повторилъ, да и то больше для себя, тотъ образъ, которымъ опредѣлялся одинъ изъ моментовъ его симфоніи:

— Онѣ цѣпляются за песокъ своими бѣлыми, мохнатыми лапами, стараясь удержаться, но, обезсиленныя, срываются и падаютъ.

И она, хотя не слышала такого толкованія, все же поняла, о чемъ онъ говоритъ, и захотѣлось оттолкнуть все это однимъ движеніемъ, однимъ порывомъ:

— Я смѣюсь надъ этой жалкой выдумкой и презираю ее!

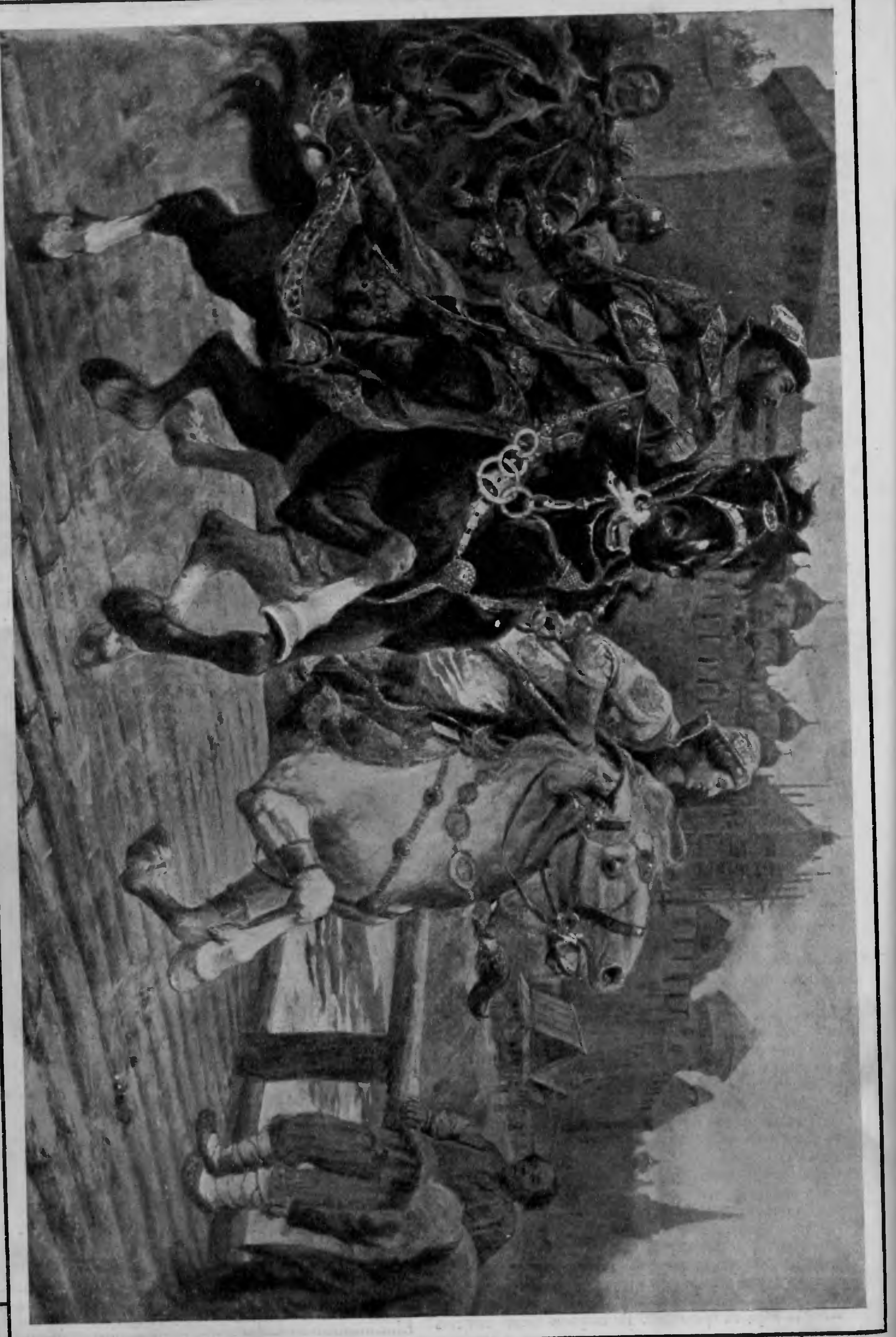
Голосъ ея дрожалъ, и почему-то было опасеніе, что онъ не слышитъ ея словъ. Особенно послѣ того, какъ онъ, не двигаясь съ мѣста, протянулъ къ ней руки и заговорилъ съ желаніемъ, напрягавшимъ его голосъ:

— Протяни мнѣ свои руки... протяни, какъ тогда.

Что-то какъ будто отдѣлилось отъ него и вплотную подошло

П. Смукровичъ. Кирасиръ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

М. Авиловъ. Царевичъ Іоаннъ IV и бояре. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

къ ней. И оттого сразу кровь ея заструилась томительно и мелодично, и тѣло ея стало какъ будто инымъ, чѣмъ всегда, даже еще менѣе послушнымъ ея волѣ, чѣмъ вчера. Голосъ его былъ заодно съ вѣтромъ и волнами, и оттого онъ проникалъ въ самую кровь, распоряжался ея желаніемъ:

— Я чувствую дрожь твоихъ рукъ. Я чувствую, какъ онѣ рвутся ко мнѣ, въ нихъ переливается и горитъ моя кровь. Протяни мнѣ свои руки!

Но она стиснула руку рукой, съ умысломъ причиняя себѣ боль вонзавшимися въ кожу ногтями:

— Никогда!

Онъ какъ будто отшвырнулъ отъ себя это слово, не желая признавать его за настоящее:

— Протяни мнѣ свои руки!

Она не успѣла еще отвѣтить ему на это требованіе, какъ онъ предупредилъ ея возраженіе:

— Пусть ты уйдешь отъ меня, но съ кѣмъ бы ты ни была—я буду всегда между вами.

Она хотѣла сказать, что никогда и ни съ кѣмъ не желаетъ быть больше. Тотъ, съ кѣмъ она соединилась, какъ съ человѣкомъ, оказался мстительнымъ собственникомъ, а завладѣвшій ею, какъ звѣрь, не желаетъ считаться съ ея душою. Но этотъ былъ сильнѣе того, и это ее возмущало.

Онъ безпощадно твердилъ:

— Ты ничѣмъ не вытравишь меня изъ каждой капли твоей крови. Протяни мнѣ свои руки!

— Никогда!

— Зачѣмъ же ты здѣсь и сейчасъ со мною?

Она сама не знала этого, но ей показалось, что во всемъ виноватъ мужъ:

— Я здѣсь потому, что такъ хотѣлъ онъ.

Но Эльмонтъ видѣлъ за этими словами настоящую правду.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты могла уѣхать одна. Ты хотѣла уцѣпиться за него, какъ за спасеніе. Но я предупреждалъ тебя, потому что зналъ, какъ встрѣтитъ онъ твое покаяніе. Теперь ты хочешь уйти и отъ меня, потому что боишься своей природы. Нѣтъ власти большей, чѣмъ та, которая насъ соединила. Оттого ты со мною сейчасъ.

Онъ приблизился къ ней. Она не двинулась. Взялъ ея руки и притягивалъ ее къ себѣ, шепча:

— Вотъ онѣ. Эти руки — мои руки. Эти губы—мои губы.

Онъ ждалъ ея поцѣлуя, но она все еще боролась съ собой, сознавая однако, что напрасно.—Силы, мои силы! — безнадежно звала она. Силъ не было. Тогда она схватилась за другое, что представилось ей, какъ правда:

— Да, я хотѣла видѣть васъ... хотѣла еще разъ взглянуть въ ваши глаза, встрѣтить это низкое искушеніе, опрокинуть его... смять... растоптать...

— И не можешь,—торжествовалъ онъ.

— Не могу. Падаю... падаю сама. Но это не любовь... это не любовь.

— Любовь для слабыхъ, любовь для тѣхъ, въ комъ не бродятъ эти творческіе соки, которые рвутся изъ природы опьяняющими цвѣтами. Природа сблизила насъ съ тобою, отличила насъ могуществомъ нашей крови, и мы должны жить, какъ она. Въ насъ она поетъ свой лучшій гимнъ.

„Гибель, гибель!"—твердило ей сознаніе, и за этими словами открывалась пропасть, бездна, съ дико шумящими волнами.

Онъ говорилъ, какъ безумный, слова, которыя были страшно далеки ей въ то время, какъ самъ онъ какъ бы составлялъ что-то нераздѣльное съ нею:

— Симфонія моя готова. Ей недоставало послѣднихъ аккордовъ. Теперь она гремитъ во мнѣ, какъ это море. Ты моя! Ты моя! Она сольется съ этими волнами, съ этими несущимися куда-то облаками, съ этимъ вѣтромъ. Моя симфонія—это то, что̀ сейчасъ переполняетъ насъ обоихъ.

Онъ притянулъ ее къ себѣ, и она опять почувствовала его губы на своихъ губахъ. И ощутила солоноватость ихъ, какъ будто ее цѣловало само море. Все тѣло ея точно расцвѣло отъ этого поцѣлуя, подобно цвѣтку дурмана, и если бы даже послѣ этого онъ отвергнулъ ее отъ себя и растопталъ, какъ измятое растеніе, она все равно не стала бы ему сопротивляться...

. . . .

XXXVII.

— Иди!—сказала ему она, очнувшись.

— Какъ итти? Оставить тебя здѣсь одну?

— Да, да. Одну. Оставь меня одну. Я приду потомъ... вслѣдъ за тобой.

Онъ внимательно и испытующе посмотрѣлъ на нее.

Она поняла его подозрѣніе и съ усталымъ спокойствіемъ произнесла:

— Все равно. Мы не можемъ итти вмѣстѣ. Насъ могутъ увидѣть.

Онъ былъ побѣжденъ этимъ доводомъ:

— Хорошо. Я пойду. Но я хочу, чтобы ты слышала то, что я буду играть сейчасъ.—Въ немъ съ утихающимъ бунтомъ крови пѣла музыка, которую хотѣлось передать ей. Тогда она все пойметъ и убѣдится, что иначе не можетъ быть, что они должны всегда принадлежать другъ другу. —Хорошо, — сказалъ онъ.— Приходи же скорѣе. Я буду ждать тебя. И какъ только ты придешь, брось горсть песку въ окно мое, и я узнаю, что ты близко, и я стану играть.

— Да. Да. Да. Иди,—съ отвращеніемъ торопила его она. — Иди. Иди.

Онъ взялъ ея руку, безсильную и влажную, и, поцѣловавъ безжизненные пальцы, пошелъ послушно впередъ.

Волны заставляли его мѣстами держаться около самаго обрыва. На подъемѣ вверхъ онъ остановился. Слабо бѣлѣло ея платье во мракѣ на темномъ фонѣ обрыва. А можетъ-быть, это обманчивый отблескъ пѣны? Во всякомъ случаѣ она еще оставалась на пескѣ.

XXXVIII.

Дождь бросилъ горсть капель въ стекло его. Онъ принялъ это за условный знакъ съ ея стороны и сталъ играть.

Услышавъ эту музыку, всѣ рѣшили, что она тамъ. Но только Шугаева это обезпокоило больше всѣхъ. Онъ зналъ, что она не могла быть тамъ, а къ гостямъ также она не являлась. Пошелъ дождь.

Когда Эльмонтъ бросилъ играть, голосъ Майнова крикнулъ съ балкона:

— Лидія Михайловна, что̀ же это вы насъ-то забыли совсѣмъ?

— Куда вы скрылись, Лидія Михайловна? — присоединилъ свой голосъ Прозоровъ.

Никто не откликнулся.

Дождь шумѣлъ ровно и протяжно въ вѣтвяхъ.

Шафера старались обратить въ шутку всю тревогу:

— Коварная женщина. Она обманула насъ!

Саша ужасно встревожилась:

— Но гдѣ же она можетъ быть въ такую погоду?.. Лидія Михайловна!—пронзительно крикнула дѣвушка.

На этотъ крикъ вошелъ Шугаевъ. Его пиджакъ и волосы были мокры отъ дождя. Онъ отрывисто спросилъ:

— Все еще нѣтъ?

Арина Ивановна пыталась успокоить его, но голосъ ея также выдавалъ волненіе:

— Да ты не безпокойся. Ты вѣдь знаешь, что она въ такую погоду любитъ къ морю ходить. Самъ ты измокъ весь.

Шугаевъ ничего не сказалъ и нервно пошелъ къ обрыву.

— Захвати хоть шляпу и зонтикъ съ собой! — крикнула вслѣдъ мать.

Но онъ даже не обернулся.

Съ обрыва, сквозь шумъ дождя, покрывавшаго теперь даже ропотъ моря, донесся рѣзкій окрикъ его:

— Лида!

Крикъ больше не повторялся.

Всѣ переглянулись между собой, и сердца охватило ознобомъ предчувствія. Когда же быстро вошелъ Эльмонтъ, голосъ его лишилъ всѣхъ послѣдней надежды:

— Такъ ея нѣтъ? Это странно. Неужели?..

И онъ въ ту же минуту исчезъ опять безъ шапки во мракѣ и дождѣ, бросивъ страшный вопросъ, какъ бомбу, которая вотъ-вотъ должна была разорваться.

Кинулись за нимъ вслѣдъ. Онъ исчезъ внизу. Но Майновъ въ ту же минуту замѣтилъ въ обрывѣ огонь и крикнулъ:

— Вы видите, тамъ опять огонь! Опять тамъ огонь!

Прозоровъ и самъ видѣлъ, что огонь быстро движется во мракѣ, точно летитъ къ морю. Вотъ онъ освѣтилъ какую-то тѣнь возлѣ. Ужасъ охватилъ его, и онъ крикнулъ внѣ себя:

— Бѣжимъ! Бѣжимъ за нимъ!

Саша, дрожа отъ страха, схватила за руку Шугаева:

— Пойдемъ же, пойдемъ и ты!

Но онъ не пошевелился.

Тогда Саша стала судорожно теребить его, умоляя:

— Пойдемъ же! Пойдемъ... пойдемъ!..

Но онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Ее охватилъ гнѣвъ за это бездушіе:

— Какъ ты можешь... какъ ты смѣешь оставаться здѣсь? Я чувствую, что тамъ несчастье. Бѣги! Бѣги туда!

Арина Ивановна подошла съ зонтикомъ и шляпой

Но онъ отбросилъ все это въ сторону и сдавленнымъ голосомъ, за мрачнымъ спокойствіемъ котораго горѣла нестерпимая мука, обратился къ матери:

— Мама, дай мнѣ свою руку и будь со мною.

Арина Ивановна схватила руку сына и стала рядомъ съ нимъ.

Саша рыдающимъ голосомъ продолжала умолять брата:

— Иди же! Иди! Ну, отсюда крикни ей... еще разъ. Только одно слово... одно слово: Лида! Она услышитъ тебя.

Онъ же сжималъ руку матери, не двигаясь, какъ будто вросъ въ землю:

— Поддержи меня, мама. Ты всегда была моей опорой.

Саша, какъ въ припадкѣ, впивалась ногтями въ руку брата. Ее возмущала эта жестокость матери—опора эгоизма, любви къ себѣ, только къ себѣ.

Голосъ Майнова донесся снизу:

— Сюда! Сюда! На помощь! Огня! Лодку! Лодку!

Саша въ ярости закричала на мать:

— И вы... вы... женщина! Вы молчите! На васъ... на васъ обоихъ будетъ ея гибель!

Она сорвалась съ мѣста и опрометью бросилась внизъ, откуда доносились голоса.

Мать и сынъ остались на обрывѣ вдвоемъ подъ дождемъ, который лилъ на нихъ, промачивая насквозь.

Наконецъ она тихо и нерѣшительно сказала сыну:

— Можетъ-быть, ты пошелъ бы.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ глухо, но твердо. — Пусть на насъ будетъ это новое бремя, мы пойдемъ съ нимъ къ свѣту... къ свѣту.

Майновъ подбѣжалъ туда, гдѣ ему показались издали какъ бы борющіяся фигуры. Но уже никого не было, ни его ни ея...

Только волны съ яростью подступали къ самому обрыву... только однѣ пѣнныя, дико ревущія волны, разстилавшія по песку свою пѣну, какъ бѣлый саванъ.

КОНЕЦЪ.

* * *

Я уснула давно. Я не помню, когда...
Были ярки лучи озареній.
Было настежь окно, и въ саду, у пруда,
Распускалися вѣтки сирени.
И широкій, широкій все грезился путь,
Голубѣли зовущія дали...
Но сказалъ кто-то сильный и властный: «Забудь!» —
И мечты эти жить перестали.
И закрылось окно. И тоскливо-блѣдна
Потянулась иная дорога.
И была я раба. И была я одна.
И была я забыта у Бога.

И не знаю: жила я, иль было то сномъ,
Что жила и что долго страдала, —
Въ эти черные дни, въ этомъ сердцѣ больномъ
Столько разъ уже осень рыдала.
А когда я къ окну моему подошла,
Вьюги сѣвера зиму встрѣчали...
Я искала тропу—и тропы не нашла
Въ побѣлѣвшей долинѣ печали.
Нѣтъ, то сонъ, только сонъ. Но когда я очнусь,
Будутъ вѣтки цвѣтущія гнуться,
И, замучена на смерть, я къ жизни вернусь,
Только дай мнѣ, о Боже, проснуться!

Елена Өедотова.

Т. Г. Шевченко.

1814—25 февраля—1914.,

(Къ столѣтію со дня рожденія).

Очеркъ Павла Зайцева. (Съ 2 портр. и автографомъ поэта на стр. 151 и 152).

Чтобы въ полной мѣрѣ чувствовать и понимать всю прелесть, все обаяніе твореній Кобзаря, нужно знать украинскую народную поэзію: „все, что сознательно или безсознательно жило и покоилось въ народномъ чувствѣ, все, что плакало, радовалось и стонало въ сердцѣ народномъ,—все слилось въ поэзіи Шевченко въ одинъ аккордъ, страстный, печальный, потрясающій. Шевченко все получалъ отъ народа и все отдалъ народу, отдалъ просвѣтленнымъ, претвореннымъ въ горнилѣ мысли, чувства и страданія“.

Чтобы безпристрастно и правильно оцѣнивать его творчество, нужно знать скорбную исторію его жизни.

Изъ ряда личныхъ несчастій и неудачъ, которымъ обрекла его судьба, сначала осиротивъ его, потомъ отнявъ у него любимую дѣвушку, изъ обидъ и ни съ чѣмъ несравнимыхъ униженій, которымъ подвергался онъ на каретныхъ запяткахъ, въ лакейской и наконецъ подъ розгами конюховъ жестокаго помѣщика — вынесъ онъ всю желчность и всю страстность протеста противъ порядковъ своей эпохи. И если правъ критикъ, который призналъ, что „со временъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ни одно еще, кажется, сердце не вмѣщало въ себѣ такъ много чрезмѣрной любви и такъ много чрезмѣрной ненависти“, какъ сердце Шевченко, то ненависть, это—ядъ, который влила въ его сердце печальная дѣйствительность, а доза этого яда прямо пропорціональна количеству пережитыхъ поэтомъ несчастій.

До двадцати четырехъ лѣтъ крѣпостной одного изъ „цивилизаторовъ Заднѣпровской Украйны“, а съ тридцати трехъ въ теченіе десяти лѣтъ обреченный на безсрочную службу ссыльный солдатъ, только за четыре года до смерти помилованный и освобожденный отъ тягостнаго и безумно жестокаго наказанія, онъ для свободнаго и благопріятнаго развитія имѣлъ всего девять лѣтъ изъ всей своей жизни. Съ самаго начала онъ дѣятельнѣйшимъ образомъ использовалъ ихъ для самообразованія. Кромѣ посѣщенія лекцій въ Академіи, онъ принялся за изученіе французскаго языка, занимался и естественными науками, и теоріей искусствъ, и всеобщей исторіей, и исторіей Украйны: читалъ все, что только было изъ переводной литературы на книжномъ рынкѣ и въ журналахъ того времени, а русскую отъ Жуковскаго до Гоголя зналъ, какъ свои стихи, и, отлично зная польскій языкъ, увлекался Мицкевичемъ. Самообразованіе это не было систематическимъ, но по тѣмъ временамъ было очень широкимъ.

За время пребыванія въ Академіи (1838 — 1845) онъ дважды издаетъ своего Кобзаря (1840—1844 гг.), сотрудничаетъ въ русскихъ журналахъ и въ украинскихъ альманахахъ, иллюстрируетъ рядъ чужихъ изданій и выпускаетъ свою „Живописную Украйну“, совершаетъ продолжительную поѣздку на родину (1843—44 г.) и, исполняя многочисленные заказы на портреты, успѣваетъ удостаиваться наградъ за програмныя работы, какъ лучшій изъ учениковъ Брюллова. Въ 1845 г. онъ, уже свободный художникъ, пріѣзжаетъ на родину, чтобы служить ей своимъ искусствомъ. Въ качествѣ члена Кіевской Археографической Коммиссіи, онъ изучаетъ ее во всѣхъ ея этнографическихъ предѣлахъ—отъ Полтавы до Почаева.

Весь порывъ къ свободѣ, весь полный увлеченія эпохой казачества, олицетворявшаго собой былую волю, онъ на руинахъ его славы, видя вокругъ себя рабство, убожество и духовное обнищаніе, исполнился поистинѣ библейскаго и пророческаго по силѣ гнѣва противъ всего, что отняло ранѣе и теперь держало въ плѣну народную волю. „Я увидѣлъ,—разсказываетъ Костомаровъ:—что муза Шевченко раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!.. Тарасова муза прорвала какой-то подземный склепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями“.

Насколько далеки были отъ жизни мечтанія кіевской молодежи, объединившейся вокругъ Шевченко въ Кирилло-Меөодіевское братство и мечтавшей объ освобожденіи и объединеніи всѣхъ славянскихъ народовъ, настолько же чисты и нравственны были

Т. Г. Шевченко. Съ рѣдкой фотографіи, снятой въ 1858 г.

ея высокіе порывы: отъ членовъ общества требовалось сохраненіе и соблюденіе высокой нравственности, и порицался принципъ: „цѣль оправдываетъ средства“. По этому уже можно судить, могло ли это общество энтузіастовъ-идеалистовъ считаться преступнымъ.

Друзья доказывали, что Шевченко не участвовалъ въ обществѣ, но ему въ еще болѣе тяжкую вину было вмѣнено „писаніе возмутительныхъ стиховъ“.

Съ этого момента удобнѣе всего обозрѣть всю сущность и значеніе поэзіи Шевченко. Послѣ того, какъ его на порогѣ вступленія на новый путь жизни—онъ уже былъ назначенъ учителемъ рисованія въ университетъ св. Владиміра—сослали въ солдаты, онъ уже не создалъ ничего новаго и оригинальнаго. Въ этотъ моментъ онъ для изучающаго его поэзію—законченный, сложившійся человѣкъ: въ ссылкѣ его разъѣдала рефлексія, и драма жизни его осложнилась сознаніемъ дѣйствительной покинутости и заброшенности, но къ прежнимъ идеямъ и стремленіямъ полная новыхъ униженій жизнь лишь подливала горечи страданій. Разъ принятыхъ убѣжденій онъ не мѣнялъ: „ужъ если я что однажды сказалъ,—писалъ онъ въ ссылкѣ:—такъ это все равно, что напечаталъ: никакая земная сила не заставитъ меня перемѣнить однажды принятое намѣреніе. Этимъ я безъ хвастовства могу похвалиться“.

Путемъ расширенія своихъ историческихъ познаній онъ привелъ свою музу,—музу величайшаго изъ историческихъ романтиковъ,—къ болѣе правильному уразумѣнію прошлаго родины. Ранѣе увлекавшійся обстановочностью, красочностью казацкаго прошлаго, онъ въ три роковыхъ года (1843—45), „опустошившихъ его убогое сердце“, понялъ ошибки историческихъ дѣятелей и героевъ и осуждалъ ихъ политику, приведшую народъ къ рабству:

Раби, підніжки, грязь Москви,
Варшавське сміття ваші пани
Ясновельможнії гетьмани!

Онъ не закрывалъ глазъ на недостатки и грѣхи высшихъ классовъ своего народа:

Доборолась Украіна
До самого краю
Гірше ляха свої діти
Її роспинають...

и грозилъ имъ карой, предсказывая, что

новіе новий огонь
З Холоднаго Яра,

откуда кровавый Желѣзнякъ вывелъ своихъ гайдамаковъ.

Надежды всѣ онъ возлагалъ на Бога:

Колись Бог нам верне волю
Розібье неволю...

Онъ рисовалъ въ самихъ яркихъ образахъ „всі муки, всі зла“: брошенныя соблазнителями дѣвушки и даже жертвы общественнаго темперамента и новой городской культуры нашли въ его лицѣ рѣдкаго по страстности и экспрессіи, опередившаго многихъ поэтовъ, защитника.

Поборникъ просвѣщенія, чуждый всякой исключительности, онъ училъ земляковъ:

І чужому научайтесь
Й свого не цурайтесь,—

но въ то же время, подъ вліяніемъ Руссо, нетронутую народную душу, свободную отъ соблазновъ, сообщаемыхъ ей несовершенными формами государственной организаціи, онъ цѣнилъ едва ли не выше: онъ со всей силой изобразительныхъ средствъ своего громаднаго таланта выступилъ въ своемъ „Кавказѣ“ въ защиту свободныхъ горцевъ и противъ ихъ покорителей.

Глубоко религіозный, онъ порвалъ съ официальной церковью, подобно Толстому, но съ той разницей, что никогда не призывалъ народъ къ разрыву съ Церковью. Раціоналистъ-сектантъ, онъ въ своихъ стихахъ, ставшихъ извѣстными уже какъ его посмертное достояніе, допускалъ иногда рѣзкіе отзывы о внѣшней обрядности, но никогда не собирался подрывать вѣру въ народѣ: „издѣваться надъ нравственно-религіозными убѣжденіями, которыя освящены вѣками и милліонами людей, — неразумно и преступно“, — говорилъ онъ одному изъ друзей.

Всѣ, кто пытаются доказывать его кощунство, обнаруженное якобы имъ въ раціоналистическомъ пониманіи исторіи св. Дѣвы, наталкиваются на неустранимое противорѣчіе: вѣдь онъ Ей молился такъ, какъ молится всякій вѣрующій простолюдинъ, и самую поэму началъ съ молитвы:

Все упованіе мое
На Тебе, мій пресвітлий раю!

За годъ до смерти онъ выпустилъ „Южно-русскій Бук-

Думы мои думы мои
Вы мои едины,
Не кидайте хоч ви мене
При лыхій годыни.
Прилитайте сизокрили
Мои голубята,
Изъ за Днипра широкого
У степъ погуляты.
За киргизами убогими.
Вони вже убоги
Уже голи... Та на воли
Ще молятця Богу.
Прилитайте жъ мои люби,
Тихими речами
Привитаю васъ якъ диток
И заплачу зъ вами.

Автографъ Т. Г. Шевченко—начало альбома, въ который переписаны всѣ его стихи, написанные въ ссылкѣ.

варь", въ которомъ удѣлилъ много мѣста молитвамъ и псалмамъ. И за десять дней до смерти написалъ:

Помолимось Богу
Тай рушимо тихесенько
В далеку дорогу.

Но вѣра эта была куплена цѣною долгихъ колебаній. Когда онъ, видя ужасы пожизненной казармы, розги, шпицрутены, смущался духомъ, и ему казалось, что „нічого нема святого на землі", онъ иногда не могъ вмѣстить долготерпѣнія Божія:

Бо се було б диво
Щоб чути і бачить і не показать.
Або вже занадто довготерпеливий.

Выдающійся изъ правдоискателей XIX вѣка, онъ всю жизнь ждалъ, надѣялся и снова терялъ надежду:

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши в руки,
Дивуешся: чому не йде
Апостол правди і науки?!

Вѣдь онъ при жизни такъ и не увидѣлъ великаго шествія правды, но умеръ съ вѣрою, что она:

Повинна буть. бо сонце стане
І осквернену землю спалить.

Только въ поэмахъ, написанныхъ съ эпической объективностью, найдемъ мы у него изображенія мстительныхъ наклонностей—это лишь изображенія историческихъ переживаній, но самъ поэтъ не былъ пѣвцомъ брани и бряцающаго оружія. Онъ проповѣдывалъ миръ и любовь. Идеаломъ его была тихая семейная жизнь, и семейное счастье онъ называлъ „высшей гармоніей". Въ соотвѣтствіи съ изобразительными средствами народной украинской лирики онъ образомъ высшаго проявленія любви избралъ любовь матери къ дѣтямъ и дѣтей къ матери. Согласіе семьи—для матери высшее счастье. И обновленную родину онъ представлялъ себѣ, какъ утѣшенную согласіемъ дѣтей мать:

Обніміте ж, брати мої
Найменшого брата,—
Нехай мати усміхнеться.
Заплакана мати!

Постоянное противорѣчіе между созданными идеалами и дѣйствительностью онъ еще въ юности ярко нарисовалъ, какъ печальный удѣлъ поэта, создавъ своего „Перебендю". Непонимаемаго людьми поэта, осмѣиваемаго ими чудака онъ уводилъ далеко въ степь на курганъ, гдѣ кругомъ него воетъ только вѣтеръ. Тамъ Перебендя, какъ и пророкъ, внявшій и „неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подземный ходъ, и дальней лозы прозябанье", полетомъ творческаго вдохновенія

Край світа на хмарі гуля.
Орломъ сизокрилимъ літае ширяе...
Спочине на сонці. його запитае:
Де воно ночуе? Якъ воно встае?
Послухае моря, що воно говорить.
Спита чорву гору, чого ти німа?
І знову на небо...

Поэтъ вѣчно одинокъ — „вінъ міжъ нами, якъ сонце високе". Люди помогли Шевченко укрѣпиться въ этомъ взглядѣ на удѣлъ пѣвца-избранника.

Бывали мѣсяцы и годы, когда онъ ни отъ кого не получалъ ни строки, „всѣ одцурались",—думалъ онъ невольно:

Либонь уже десяте літо,
Якъ людямъ давъ я *Кобзаря*,
А ім неначе ротъ зашито.

Т. Г. Шевченко. Автопортретъ (1840 г.).

Когда онъ оставилъ наконецъ свою „незамкнутую темницу", то пропасть между идеалами и стремленіями его съ одной стороны и полной ихъ недостижимостью съ другой еще больше выросла. Его неутолимая жажда ласкать, обожать, преклоняться такъ и не нашла утоленія: не нашлось ни одной женщины, которая бы доставила ему радости раздѣленной любви,—любви, пѣвцомъ которой онъ оставался всю жизнь, посвятивъ ей около сорока поэмъ!

То зло, противъ котораго онъ боролся, до смерти его осталось неуничтоженнымъ: его сестру и братьевъ продолжали гонять на панщину. Добившись ихъ освобожденія, онъ не увидѣлъ свободнымъ весь свой народъ.

Переживанія историко-романтическаго характера, не остывшія и въ ссылкѣ, гдѣ онъ, по собственному признанію, и писалъ-то иной разъ только потому, что

Іноді старий козакъ
Верзеться грішному усатий
З своею волею мені
На чорнім вороні-коні,

теперь уже и на чужбинѣ не лелѣяли его воображенія картинами прошлаго.

А на родинѣ (поѣздка въ 1859 г.) онъ, „минаючі убогі села понадніпряиські невеселі", думалъ только объ одномъ—гдѣ бы и какъ успокоиться:

„Де ж и прихилюсь
І де подінуся на світі".

Надежда его поселиться у Днѣпра была нарушена насильственнымъ выдвореніемъ изъ родины послѣ ареста по глупому доносу.

Скрашивали его жизнь только неувядающее чувство красоты и работа на пользу просвѣщенія народнаго.

Какимъ тонкимъ эстетомъ былъ этотъ удивительный самородокъ, знаютъ только тѣ, кто читалъ его повѣсти, написанныя въ ссылкѣ (1850—57 гг.), когда онъ перестал писать стихи. Изъ нихъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о его широкой самообразованности и громадной памяти, въ нихъ находимъ и мелкія и крупныя черты и штрихи, дорисовывающіе его характеръ.

„Благодарю Тебя, Всемогущій Боже,—говоритъ онъ въ одной изъ повѣстей:—что одарилъ Ты меня чувствомъ человѣка, любящаго и видящаго прекрасное, совершенное въ Твоемъ нерукотворномъ безконечномъ твореніи. Если бы красота во всѣхъ ея образахъ хотя на половину человѣчества имѣла свое благодѣтельное вліяніе, тогда бы мы быстро близились къ совершенству и наконецъ олицетворили бы собой Божественную заповѣдь нашего Божественнаго Учителя. Тогда бы Шварцъ и Ривольеръ пошли бы по міру со своими геніальными изобрѣтеніями или открыли бы лучшіе и благороднѣйшіе источники о человѣческихъ усовершенствованій".

Такъ эстетическое чувство приводило Шевченко и къ гуманизму.

Устами Добролюбова и Аполлона Григорьева и русское общество оцѣнило въ свое время положительныя качества его поэзіи.

Лучшіе изслѣдователи исторіи всемірной литературы отводятъ Шевченко крупное мѣсто, какъ поэту-псалмопѣвцу, сторицею возвратившему сокровищницѣ родной поэзіи все, что она дала ему на развитіе его громаднаго дарованія. Въ ряду славянскихъ поэтовъ имя его стоитъ вслѣдъ за именами Пушкина и Мицкевича. Въ соотвѣтствіи со своимъ происхожденіемъ Шевченко подошелъ къ изображенію души народной — „снизу", и къ нему, какъ ни къ кому другому лучше, можно отнести слова Беранже:

Je suis du peuple ainsi, que mes amours.

Шевченко великъ тѣмъ, что „сказалъ могучія и вѣщія слова народныхъ надеждъ и упованій".

Желѣзные столбы.

(Къ столѣтію со дня рожденія Т. Г. Шевченко). Очеркъ **Бориса Лазаревскаго.**

Одинъ изъ біографовъ Т. Г. Шевченко, А. Я. Кониссkій, наиболѣе понявшій душу поэта, говоритъ, что въ раннемъ дѣтствѣ Шевченко, какъ сынъ крѣпостныхъ, вѣчно занятыхъ тяжкимъ трудомъ родителей, почти всегда оставался безъ призора. Фактически это, конечно, такъ. Но все же Тарасъ Григорьевичъ былъ счастливѣе многихъ изъ тѣхъ людей искусства, которые выросли въ городскихъ подвалахъ или на далекомъ сѣверѣ.

Два элемента вліяли на развитіе его огромнаго таланта: красота природы Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи и любовь, — любовь старшей его сестры и няни Катерины. Къ нимъ нужно еще присоединить и ту свободу, какой пользовался мальчикъ до десяти лѣтъ. Было время думать и фантазировать...

Портретъ Дибича работы Т. Г. Шевченко. Изъ альбома „Русскіе Полководцы", поднесеннаго Государю Николаю Павловичу.

А никогда фантазія не бываетъ такой безграничной и прекрасной, какъ въ эти годы, ее не останавливаютъ и не тормозятъ тѣ прозаическія знанія, которыя пріобрѣтаются наукой и житейскимъ опытомъ.

Въ этотъ періодъ человѣкъ, какъ видитъ—такъ и вѣритъ.

Особенно поражало маленькаго Тараса безкрайнее синее небо. Казалось ему, что оно непремѣнно на чемъ-нибудь держится.

Одинъ изъ братьевъ моего отца, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, кажется, самый близкій и самый „щирий" изъ друзей поэта, разсказывалъ со словъ Тараса Григорьевича, какъ мальчикъ-поэтъ въ концѣ концовъ рѣшилъ, что небо, вѣроятно, опирается на огромные желѣзные столбы, и пошелъ ихъ искать. Голодный, онъ бродилъ цѣлый день, пока не увидѣлъ высокаго кургана. И подумалось ему, что съ этого кургана столбы навѣрное будутъ видны. Взошелъ—но ничего не увидѣлъ, кромѣ цвѣтущихъ садовъ и лиловой дали съ голубыми издали тополями. Уже вечерѣло. Тарасъ поплелся назадъ, но по ошибкѣ свернулъ въ противоположную сторону и сбился съ дороги. Пришлось ночевать въ пустынной степи, но встрѣтились добрые люди и привезли его домой...

Портретъ г-жи Горленко работы Т. Г. Шевченко.

И всю свою жизнь, точно этихъ фантастическихъ столбовъ, искалъ Шевченко счастья для своихъ земляковъ, измучился, натерпѣлся и умеръ, не дождавшись обнародованія манифеста о паденіи крѣпостного права.

Умеръ онъ въ Петербургѣ въ зданіи Академіи Художествъ на порогѣ мастерской. И отвезли его тѣло на родину, точно заблудившагося...

Когда поэту было девять лѣтъ, умерла его мать, а подросшая сестра должна была проводить цѣлый день на барщинѣ, и остался мальчикъ совсѣмъ одинъ. Началась очень тяжелая жизнь, такъ многократно нарисованная его біографами...

Но все же мнѣ не хочется назвать Т. Г. Шевченко несчастнымъ человѣкомъ. Страдалъ онъ много, но и самой горячей любви и вниманія лучшихъ людей того времени выпало на его долю тоже много. Точно желѣзные столбы, поддерживали они надъ головой поэта голубое небо, въ милость котораго онъ иногда уже не имѣлъ силъ вѣрить...

Въ Петербургѣ его выручали: В. А. Жуковскі

Портретъ г-жи Маевской работы Т. Г. Шевченко (1843 г.).

Могилы въ Суботовѣ, гдѣ жилъ Богданъ Хмѣльницкій. Рисунокъ Т. Г. Шевченко.

К. П. Брюлловъ, Н. И. Костомаровъ, М. Микѣшинъ. То же мы видимъ и въ Малороссіи: Гребенка, Чужбинскій, Лизогубъ, Тарновскіе, Бѣлозерскіе, братья Лазаревскіе. Чувствовали, что спасаютъ нѣжной души человѣка и большого поэта отъ тяжкихъ обстоятельствъ, а иногда и отъ самого себя.

Какъ беллетристъ, я не могу добавить ничего новаго къ біографіи великаго поэта Украйны, я только могу разсказать о томъ, что̀ слышалъ въ нашей семьѣ.

Мой отецъ—Александръ Матвѣевичъ — везъ тѣло Шевченко до города Орла по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ на лошадяхъ, весной, по непросохшимъ еще дорогамъ, до самаго Кіева. Строгая, на весь уѣздъ извѣстная своимъ умомъ, моя бабушка, Аѳанасія Лазаревская, оказывала поэту самое нѣжное гостепріимство. Въ благодарность, Шевченко посвятилъ ей свое прелестное стихотвореніе „Вечір" и нарисовалъ ея портретъ. У моего брата и сейчасъ хранится великолѣпная гравюра работы Шевченко „Святое Семейство", подаренная ей же. Полное трагизма стихотвореніе „На Різдво" посвящено Ѳедору Матвѣевичу Лазаревскому.

Интересуясь судьбой и дѣятельностью братьевъ моего отца, я составилъ себѣ о каждомъ изъ нихъ опредѣленное представленіе. И для меня несомнѣнно, что Михаилъ Матвѣевичъ дѣйствительно всю свою жизнь отдалъ великому другу и облегчилъ много его страданій.

Въ церкви моего родного села Гирявки хранится неизвѣстно кѣмъ написанная икона св. Тарасія и Михаила. Можетъ быть, ее написалъ художникъ Сошенко, а можетъ-быть—и самъ Шевченко. Въ огромной литературѣ о Шевченко я до сихъ поръ не встрѣчалъ ни упоминанія объ этой иконѣ ни снимковъ съ нея.

Особенно старался Михаилъ Лазаревскій помогать поэту во время его ссылки въ Новопетровской крѣпости. Шевченко мучился отъ запрещенія писать и рисовать, которое послѣдовало изъ штаба войскъ Оренбургскаго корпуса. Но Михаилъ Лазаревскій сумѣлъ переслать ему и сюда черезъ частныя руки не только карандаши и бумагу, но даже и краски. Все время поддерживалъ онъ въ Шевченко гаснувшую съ каждымъ днемъ надежду на свободу, а самъ въ Петербургѣ ѣздилъ, хлопоталъ, умолялъ... И наконецъ 12 января 1857 года написалъ ему, что лучшіе дни уже близки.

Письмо это попало въ руки Тараса Григорьевича только 7 апрѣля,—на первый день Пасхи. Вотъ выдержка изъ отвѣтнаго письма поэта М. Лазаревскому:

„Такого радостнаго Велыкодня (Пасхи) у меня никогда не было. Я едва съ ума не сошелъ, прочитавъ твое письмо, а когда закурилъ твою сигару (я десять лѣтъ не курилъ сигаръ), такъ мнѣ такъ запахло свободою, что я заплакалъ, какъ ребенокъ".

Шевченко долго не вѣрилъ своему счастью. Но 2 мая того же года М. Лазаревскій послалъ ему уже настоящее поздравленіе „съ великою милостью Государя Императора Александра Второго".

Но только 21 іюля Шевченко былъ освобожденъ на самомъ дѣлѣ. За три дня до этого событія, во время ожиданія официальнаго извѣстія объ амнистіи, въ дневникѣ Шевченко записанъ такой сонъ:

„На крыльяхъ Морфея я перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарской лачугѣ нашелъ Лазаревскаго, Левицкаго и другихъ земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малорусскія пѣсни. Я присоединилъ и свой голосъ, и мы стройно и согласно спѣли: „У степу могила з вітром говорила"... На послѣдней нотѣ я проснулся..."

Когда я лѣтомъ стою въ оградѣ Гирянской церкви возлѣ могилы Михаила Матвѣевича, мнѣ онъ представляется тоже однимъ изъ тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, которые въ фантазіи поэта поддерживали голубое небо, не видя котораго, у Шевченко врядъ ли бы хватило силъ существовать дальше...

Шевченко, какъ художникъ.

Очеркъ Павла Зайцева. (съ 5 рис. и автопортретомъ на стр. 152, 153 и 154).

Въ Шевченко поэтъ всегда подавлялъ живописца.

Но къ славѣ поэта привело его призваніе художника: именно художественный талантъ живописца привлекъ къ судьбѣ Шевченко вниманіе его покровителей и спасъ его отъ дальнѣйшихъ униженій рабства. Брюлловъ, Жуковскій и Вьельгорскій купили свободу художнику-самородку, впослѣдствіи прославившему себя, какъ поэта.

Когда Шевченко-живописецъ задумывался надъ созданіемъ крупной картины, поэтическое вдохновеніе отрывало его отъ кисти и палитры: то, что̀ у художника напрашивалось на полотно въ видѣ пластическихъ образовъ — выливалось въ созвучьяхъ словъ у Кобзаря-стихотворца.

„Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи,—смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣе запишешь то, что̀ навѣялось", — говаривалъ онъ друзьямъ.

Въ этой борьбѣ двухъ дарованій побѣдителемъ остался поэтъ, но это не отнимаетъ значенія, сохраняющагося въ исторіи живописи за произведеніями его художническаго таланта.

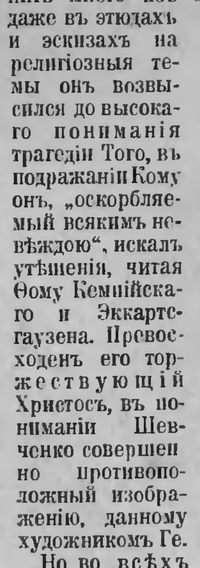
Не создавъ ни одной крупной вещи, онъ все же остался превосходнымъ рисовальщикомъ; но, какъ портретисту, ему несомнѣнно принадлежитъ крупное мѣсто: уже въ ученики къ Брюллову онъ явился съ выработанной и своеобразной техникой, и его раннія работы акварелью исполнены большого мастерства: въ школѣ же Брюллова онъ блестяще усвоилъ пріемы своего учителя, и его позднѣйшія работы масломъ прямо не отличить отъ лучшихъ брюлловскихъ (сравни портреты Маевской и Горленко). Отъ этихъ портретовъ иногда вѣетъ такою же, какъ и у Брюллова, искусственной манерностью, но по техникѣ они безукоризненны.

Въ 1845 году альбомъ „Русскіе полководцы", превосходно имъ иллюстрированный (стр. 153), былъ поднесенъ издателемъ Государю Николаю Павловичу, какъ художественнѣйшее изъ изданій того времени.

Въ жанрѣ онъ выработалъ совершенно своеобразную манеру, по которой его всегда отличишь отъ другихъ художниковъ:— по оригинальной трактовкѣ и выполненію освѣщенія, чаще всего — искусственнаго, а въ выборѣ сюжетовъ онъ ушелъ далеко впередъ отъ воспитавшей его классической школы: мы видимъ въ его работахъ и ужасы казармы-тюрьмы и сцены узаконеннаго звѣрства—наказанія шпицрутенами.

Пейзажи его (сепіи и акварели) часто проникнуты глубокимъ настроеніемъ, особенно написанные въ далекихъ дикихъ киргизскихъ степяхъ и у береговъ пустыннаго Арала. Рисунки архитектурныхъ сооруженій, сохранившіе намъ изображенія многихъ уже исчезнувшихъ памятниковъ украинской старины, исполнены съ большимъ вкусомъ.

Печальныя условія жизни не дали ему возможности выполнить много изъ задуманныхъ имъ религіозныхъ сюжетовъ, но даже въ этюдахъ и эскизахъ на религіозныя темы онъ возвысился до высокаго пониманія трагедіи Того, въ подражаніи Кому онъ, „оскорбляемый всякимъ невѣждою", искалъ утѣшенія, читая Ѳому Кемпійскаго и Эккартсгаузена. Превосходенъ его торжествующій Христосъ, въ пониманіи Шевченко совершенно противоположный изображенію, данному художникомъ Ге.

Распятіе. Рисунокъ Т. Г. Шевченко.

Но во всѣхъ родахъ живописи его художественное profession de foi — свѣтовые эффекты. Какъ тонко ощущалъ глазъ поэта-художника борьбу мрака и свѣта, можно убѣдиться изъ слѣдующаго его описанія предразсвѣтной бури:

„Мракъ сдѣлался прозрачнѣй и свѣтлѣй, а въ глубинѣ этого синевато-блѣднаго полусвѣта едва видимо образовался темный, широкій, ровный, какъ по линейкѣ очерченный горизонтъ; за горизонтомъ тихо, медленно началъ являться слабый розовый свѣтъ и, усиливаясь, принималъ какой-то сѣро-мрачный тонъ... Изъ-за темнаго необозримаго горизонта безконечною стѣною съ огромными фантастическими куполами медленно подымались тучи. Подымаясь выше и выше, онѣ теряли свои колоссальныя причудливыя формы и обращались въ темно-сѣрую массу нескончаемаго пространства. Надъ горизонтомъ становилось свѣтлѣе и тихо, едва замѣтно тихо, какъ бы изъ самаго горизонта, подымался огромный бѣловато-серебристый шаръ, только однимъ абрисомъ похожій на солнце... Блѣдный шаръ становился блѣднѣе и блѣднѣе, наконецъ какъ бы растопился и исчезъ въ млечно-сѣрой массѣ. Буря, какъ милліоны невидимыхъ чудовищъ, ревѣла на просторѣ".

Это тонкое ощущеніе свѣтотѣней въ связи съ громаднымъ искусствомъ графика—онъ удивительно владѣлъ карандашомъ и перомъ — привело его къ той отрасли графическаго искусства, которая рѣже другихъ находитъ себѣ талантливыхъ представителей: вернувшись изъ ссылки, онъ посвятилъ себя гравюрѣ и спеціально — aqua forta. Ему почти не у кого было учиться, но онъ скоро достигъ громадныхъ результатовъ и самъ изобрѣлъ кое-какіе необходимые инструменты. Знаменитый Шишкинъ пользовался ими, знакомы они и В. В. Матэ.

Академія увѣнчала его труды, присудивъ ему званіе академика гравюры.

Оцѣнивать Шевченко нельзя съ современной точки зрѣнія. Для своего времени онъ былъ крупнымъ художникомъ.

Своимъ дарованіямъ въ пластичномъ искусствѣ онъ не мало былъ обязанъ тѣмъ, что и муза его

Із казарми смердячої
Чистою, святою
Вилетіла, мов пташечка.

Искусство для него было религіей, вдохновеніемъ свыше.

„Высокое искусство, какъ я думаю, сильнѣе дѣйствуетъ на душу человѣка, сильнѣе, нежели самая природа,—писалъ Шевченко.—Какая же непостижимая тайна сокрыта въ этомъ дѣлѣ руки человѣка, въ этомъ божественномъ искусствѣ? Творчествомъ называется эта великая божественная тайна и... завидный жребій великаго поэта, великаго художника. Они братья наши по плоти, но уподобляются ангеламъ Божіимъ, уподобляются Богу..."

Скульпторъ Н. Л. Аронсонъ.

Очеркъ Л. Бернштейна. (Съ 9 снимками его скульптуръ и портретомъ на стр. 155 и 156).

Когда въ 1902 году Н. Л. Аронсонъ впервые выставилъ въ Петербургѣ нѣкоторыя изъ своихъ „мраморныхъ грезъ", какъ назвалъ его произведенія покойный А. Трачевскій,—о немъ сразу заговорили, какъ о большомъ талантѣ, и безъ колебаній отвели ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской скульптурѣ. До того времени почти неизвѣстный своимъ соотечественникамъ, хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ выставлялся въ лучшемъ парижскомъ „Салонѣ", онъ удивилъ, чтобы не сказать—поразилъ, совершенствомъ своей техники, своимъ изысканнымъ художественнымъ вкусомъ и какой-то особенной тайной силой жизни, физической и еще болѣе духовной, какой вѣяло отъ его мраморовъ. Ихъ живая поэзія заражала, и передъ ними останавливались, какъ передъ какой-то загадкой.

Такое впечатлѣніе Н. Л. Аронсонъ произвелъ своими первыми произведеніями: „Ложе любви", „Гнѣздышко", „Жажда". Съ тѣхъ поръ, отличаясь не столько плодовитостью, сколько удивительной трудоспособностью, и сохранивъ всю свою юношескую жажду творчества, Н. Л. Аронсонъ создалъ множество другихъ произведеній, можно было бы сказать—цѣлый музей чудныхъ образовъ красоты, мысли, любви, печали. И теперь за нимъ упрочилась уже міровая извѣстность, и ему принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ русской скульптурѣ, но и во всемъ современномъ искусствѣ.

Это — мощный, гибкій и чуткій талантъ. Но что̀ составляетъ, быть-можетъ, главную особенность его творчества, это та удивительная гармонія формы и выраженія, плоти и духа, которая чаруетъ во всѣхъ его произведеніяхъ, и которую онъ достигаетъ въ одинаковой степени реализмомъ формы — структуры линій и интенсивностью внутренней, духовной жизни его мраморовъ.

Онъ владѣетъ и дѣтской мыслью, и думой геніевъ, и юной лаской, трепетомъ любви, печалью старости, улыбкой счастья, тоской и горемъ.

Въ его музеѣ, обвѣянномъ какой-то задумчивой грустью, мраморы, бронзы, гипсы, рисунки создаютъ вмѣстѣ иллюзію заколдованнаго царства. Ни одна линія не нарушаетъ общей гармоніи. Ничего вычурнаго, крикливаго въ позахъ, въ структурѣ. Каждая тѣнь естественна. И въ покоѣ камня чувствуется поэтому лишь великое спокойствіе природы.

Скульпторъ Н. Л. Аронсонъ возлѣ изваяннаго имъ изъ мрамора бюста В. Ѳ. Коммиссаржевской, помѣщеннаго въ фойэ Императорскаго Александринскаго театра. Торжество освященія бюста и чествованіе памяти знаменитой артистки состоялось 10 февраля с. г.

Толстой глубоко, какъ будто навѣки задумался (см. стр. 156). Изъ-подъ его нависшихъ бровей чувствуется острый взглядъ, тотъ проникновенный, ясновидящій взглядъ совѣсти, который могли выдержать лишь самые чистые душой. Весь свѣтъ собранъ сверху и падаетъ на широкій, костистый лобъ. И голова выступаетъ точно изъ скалы... Ни одинъ другой бюстъ великаго писателя, при поразительномъ сходствѣ, не производитъ такого впечатлѣнія сосредоточенной, вѣчной мысли, толстовской мысли, ищущей, тревожной, болѣющей за человѣчество и одновременно проникнутой глубокой и спокойной вѣрой, познанной истиной.

Бюстъ Бетховена работы Аронсона, стоящій въ родномъ городѣ великаго композитора, въ Боннѣ, рядомъ съ его домомъ, въ томъ самомъ саду, гдѣ Бетховенъ работалъ, тоже поразителенъ по впечатлѣнію геніальной мысли, которое онъ производитъ. При физическомъ, быть-можетъ, уродствѣ, которое скульпторъ нисколько не старался умалить, онъ даетъ образъ, такъ доступно говорящій о красотѣ творчества, о величіи мысли, о мощи вдохновенія! Но тутъ уже не сосредоточенная дума созерцателя жизни, а бурная мысль звуковъ, всѣхъ звуковъ міра, собранныхъ, замкнутыхъ въ геніальномъ воображеніи великаго страдальца. И если бюстъ Толстого вызываетъ представленіе о горѣ, о величественной скалѣ, то бюстъ Бетховена вызываетъ въ воображеніи бурное море съ высоко вздымающимися волнами, которыя съ воемъ набѣгаютъ другъ на друга, ударяются, обнимаются, клокочутъ...

Есть еще у Аронсона въ томъ, что̀ можно было бы назвать его галлереей мысли, бюсты Данте, Шопена, Тургенева, исполненные съ такимъ же проникновеннымъ пониманіемъ ихъ творчества и ихъ жизни.

Упомяну еще о его „Мыслителѣ", громадной статуѣ, которая многимъ представляется воплощеніемъ „юной Россіи". Скульпторъ дѣйствительно работалъ надъ этой статуей съ мыслью о своей родинѣ. Въ чертахъ лица „Мыслителя" можно уловить какое-то отдаленное, общее сходство и съ Толстымъ, и съ Никитинымъ, и съ Бѣлинскимъ. Это—мыслитель нашей русской интеллигенціи. Онъ сидитъ, всѣмъ корпусомъ наклонившись впередъ, громадный и какъ будто чѣмъ-то придавленный, и взглядъ его устремленъ въ даль, въ будущее. Тамъ, быть-можетъ, онъ видитъ просвѣтъ, и эта свѣтлая надежда на далекое есть то спокойствіе, то примиреніе, которое артистъ даетъ чувствовать въ его грустныхъ, полныхъ тоски, глазахъ.

И на ряду съ этимъ „мыслителемъ", съ такими гигантами человѣчества, какъ Толстой, Данте, Бетховенъ, — дѣтскія головки съ пухленькими щечками, съ невинно глядящими на міръ глазами, сохранившія въ мраморѣ всю свою нѣжность кожи: — на нихъ точно чувствуется еще ласка материнской руки. Самъ скульпторъ обвѣялъ ихъ этой лаской, но онъ же затаилъ гдѣ-то въ ихъ глазахъ и даже въ ихъ улыбкѣ неуловимую, едва ощутимую грусть, ту особую печаль, отъ которой не свободна, напримѣръ, ни одна колыбельная пѣснь.

Другой печалью, уже сознанной, проникшей глубоко въ душу,

Сонъ

Старость.

Ева.

Левъ Толстой.

Голова ангела.

Заря.

Голова ребенка.

Портретъ дѣвочки.

Работы скульптора Н. Л. Аронсона.

вѣетъ отъ такихъ произведенiй Аронсона, какъ „Юный пролетарiй", „Отрокъ Мученикъ". Скульпторъ, вѣроятно, думалъ о жестокостяхъ жизни и тогда, когда онъ лѣпилъ свое „Гнѣздышко" съ брошенными на произволъ дѣтьми.

А вотъ старики. „Les épaves", какъ ихъ называетъ художникъ, у которыхъ ничего въ жизни не осталось, кромѣ ихъ взаимной привязанности, и которые склонили другъ къ другу головы... Какъ выразительны ихъ лица, изборожденныя морщинами, съ нависшей на костяхъ кожей, съ выраженiемъ покорности неумолимой судьбѣ!..

Особое мѣсто въ творчествѣ Аронсона занимаютъ его „nus", какъ „Ева", „Мистическое молчанiе", „Сидящая женщина", „Мальчикъ у воды", „Отчаянiе", группы „Ложе любви" и „Юность". Тутъ камень превращается въ живую плоть, и лѣпка достигаетъ совершенства деталей, доступнаго лишь великимъ мастерамъ. Красота тѣла воплощена скульпторомъ во всей своей трепетной интимности и одновременно со всѣмъ спокойствiемъ природы. Но отличительная, особенно рѣдкая въ наше время, черта его „nus"—ихъ чистота, чуждая однако всякой ложной идеализацiи или стыдливаго пуританства.

Н. Л. Аронсонъ живетъ постоянно въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился двадцать лѣтъ тому назадъ, когда ему самому было лишь 20 лѣтъ, и когда онъ только выступалъ на художественное поприще. И со времени упомянутой выше выставки въ 1902 г., когда въ Россiи впервые познакомились съ его произведенiями, вѣсти о немъ и его творенiяхъ доходятъ на родину лишь издалека. Съ тѣхъ поръ онъ, кажется, въ Россiи не выставлялъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Родился Наумъ Львовичъ Аронсонъ въ 1872 г., въ захолустномъ городкѣ Витебской губернiи, въ довольно зажиточной семьѣ, которая однако чужда была всему, что̀ называется искусствомъ. Талантъ обнаружился у него довольно рано, но обстановка, въ которой протекли дѣтство и юность его, была самая неблагопрiятная для развитiя его дарованiя. Въ Россiи, будучи мальчикомъ, онъ въ теченiе двухъ зимъ посѣщалъ рисовальную школу въ г. Вильнѣ и впослѣдствiи, въ Парижѣ, нѣсколько мѣсяцевъ учился въ Школѣ Декоративнаго Искусства. Этимъ ограничивается его школьное образованiе. Онъ дѣйствительно самъ себѣ и только себѣ обязанъ тѣмъ, что изъ провинцiальной глуши вынесъ на европейскiй просторъ свое дарованiе, развивъ его въ могучiй талантъ. И успѣхъ его объясняется исключительно разнообразiемъ, богатствомъ, чуткостью и искренностью его таланта.

Высоконовобрачные Августѣйшая Дочь Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Ксенiи Александровны и Великаго Князя Александра Михаиловича, Ея Высочество Княгиня Ирина Александровна, княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстонъ и князь Феликсъ Феликсовичъ Юсуповъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Бракосочетанiе состоялось въ Высочайшемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ присутствiи въ Собственномъ Его Величества Аничковскомъ дворцѣ 9 февраля с. г.

Конкурсная выставка 1913 года и лауреаты Академiи Художествъ.

(Къ рисункамъ).

Рисунки, помѣщенные въ настоящемъ № нашего журнала, представляютъ собою произведенiя молодыхъ художниковъ, выступившихъ съ ними на послѣдней Конкурсной выставкѣ.

Членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь д. т. с. Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Враской, извѣстный своими многолѣтними трудами во главѣ тюремнаго управленія, по Прибалтійскому Православному Братству (въ должности Предсѣдателя) и въ Комитетѣ Попечительства о трудовой помощи. По поводу 60-лѣтія служебной дѣятельности, исполнившагося 10 февраля с. г., удостоенъ Высочайшаго рескрипта.
По фот. М. Штейнберга.

„Гусаръ“ М. Авилова (классный этюдъ) — характерная, полная жизни фигура. Еще больше жизни и движенія въ большой картинѣ того же художника *„Царевичъ Іоаннъ IV и бояре“*. Молодой Іоаннъ Грозный, полный юношескаго задора и жизнерадостности, несется, какъ вихрь, за городъ по мосту, и встрѣчные люди съ испугомъ жмутся

Почетный академикъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта. Анатолій Ѳедоровичъ Кони въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. По поводу 70-лѣтія дня рожденія.
По фот. К. Булла.

„Предки“ В. Лишева — своеобразный скульптурный жанръ, затрагивающій то давнопрошедшее время, когда люди приближались по своему складу къ „человѣкообразнымъ“ существамъ. „Человѣкообразные“ мужъ и жена нашли черепъ своего „предка“ и съ величайшимъ любопытствомъ разсматриваютъ его.

В. Рехенмахеръ въ своей картинѣ *„Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“* изображаетъ двухъ великихъ поэтовъ, которые были въ свое время друзьями. Восторженный жестъ Пушкина, указывающаго своему другу на бронзоваго „Мѣднаго Всадника“, невольно заставляетъ насъ вспомнить, какъ преклонялся нашъ геніальный поэтъ предъ геніальнымъ Саардамскимъ Плотникомъ, предъ его Полтавой и предъ созданнымъ имъ „парадизомъ“ — Петербургомъ.

Профессоръ В. Е. Мановскій. Автопортретъ (Собственность И. Е. Цвѣткова). По поводу 50-лѣтія художественной дѣятельности. (Картинамъ знаменитаго жанриста будетъ посвященъ особый нумеръ «Нивы»).

къ периламъ, зная, что бурный царевичъ иной разъ не щадитъ никого въ своемъ восторженномъ летѣ...

В. Цыцынъ даетъ въ своемъ *„Капустникѣ“* жизненную жанровую сценку изъ сельскаго быта. Такая же мирно-идиллическая сценка, но съ своеобразнымъ этнографическимъ оттѣнкомъ изображена на картинѣ А. Янсена *„На островѣ Моонъ“*. Своебразной идилличностью оттѣнена и веселая жанровая сценка О. Ивановой-Броневской *„На кухнѣ“*. Прекрасный портретный эскизъ — *„Кирасиръ“* П. Смукровича.

Къ числу лауреатовъ Академіи Художествъ, отличившихся и отличенныхъ на этой Конкурсной выставкѣ, принадлежатъ В. В. Лишевъ и слѣдующіе художники: М. И. Курилко, А. Е. Яковлевъ, В. И. Ковальскій, М. Ф. Покорный, Г. П. Мальцевъ, А. А. Александровъ.

Всеволодъ Всеволодовичъ *Лишевъ* родился въ 1878 году. Онъ въ свое время служилъ офицеромъ артиллеріи въ Кронштадтѣ, но, почувствовавъ влеченіе къ искусству, покинулъ военную службу и въ 1906 году поступилъ въ Академію Художествъ. Онъ кончилъ академическій курсъ въ 1913 г. и получилъ за свою скульптуру „Предки“ званіе художника и поѣздку за границу.

Михаилъ Ивановичъ *Курилко* — уроженецъ Каменецъ-Подольска (родился въ 1883 году). Въ Академію поступилъ въ 1903 году и работалъ тамъ въ мастерской проф. Матэ. Выступивъ на Конкурсной выставкѣ со своими превосходными офортами, онъ заслужилъ обычное увѣнчаніе академическихъ лауреатовъ — званіе художника и поѣздку за границу.

Александръ Евгеніевичъ *Яковлевъ* окончилъ среднее образованіе въ петербургскомъ частномъ реальномъ училищѣ Мая. Онъ моложе своихъ предыдущихъ товарищей-лауреатовъ (родился въ 1887 году) и въ Академію поступилъ въ 1905 году. Въ Академіи онъ работалъ подъ руководствомъ Д. Н. Кардовскаго и, еще будучи академистомъ, выставлялъ свои произведенія на выставкахъ

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ, удостоенные званія художника и командировки за границу.

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій въ своей мастерской. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности. По фот. К. Глыбовской. (Картинамъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго будетъ посвященъ особый нумеръ «Нивы»).

Несѣкомая пуповина.

Разсказъ **Алексѣя Ремизова**.

I.

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался.

Переберите вы всѣхъ вашихъ родныхъ и знакомыхъ, осмотрите ихъ жизнь повнимательнѣе—и ужъ непремѣнно замѣтите, что у каждаго кто-нибудь да найдется, такой пріятель, котораго онъ держится, а держится потому, что тотъ пріятель его въ восхищеніи по пятамъ за нимъ ходитъ. Вотъ почему. И всякія другія объясненія — ложны, и объяснять такую связанность человѣческую перевоплощеніемъ нашимъ, какъ это вздумалъ одинъ вѣрующій въ перевоплощеніе знатокъ, значитъ—не больше, не меньше, какъ пальцемъ попасть въ небо. Ну, посудите сами, ну, я, скажемъ, дружившій съ Корявкой,—Корявка отъ насъ черезъ домъ, департаментскій чинъ архивный,—я будто бы въ прошломъ воплощеніи былъ Баба-Яга, а мой Корявка для меня—лакомымъ чѣмъ-то, въ родѣ пѣтушка, и я его, пѣтушка, Корявку лакомую, съѣлъ, и вотъ будто бы по тому-то по самому Корявка за мною и ходитъ, а я его не только что не гоню, хоть онъ мнѣ и совсѣмъ ни на что, напротивъ—я его еще и приваживаю. Нѣтъ, связанность моя съ Корявкой не по тому, а какъ разъ по-моему, по этому—по причинѣ страсти восхитительной.

Послѣдній актеръ, третьестепенный писатель, завалящій художникъ—вся эта ослà *) бритвѣ и соль земли, всякій развлекающій публику, и будь ты оборышъ и подонокъ, а и для тебя въ той же самой публикѣ кто-нибудь да найдется, хоть одинъ, кто на тебя вотъ такъ посмотритъ, какъ на меня когда-то смотрѣлъ Корявка. Да и всякій и не актеръ, и не писатель, и не художникъ, а человѣкъ, просто человѣкъ живущій—не ломающійся, а глазѣющій, не болтающій, а впитывающій болтовню и вздоръ и нерѣдко самъ сообразно поступающій, не мажущій мазню, а приглядывающійся къ ней, словомъ—огромное большинство, вовсе не мнящихъ себя ослой бритвѣ и солью землю,—вашъ покорный слуга, вашъ сосѣдъ, первый встрѣчный, все равно кто, все равно, а не могъ бы и дня прожить или, пожалуй, и могъ бы, но какъ!—какъ тускло, какъ безрадостно!—не будь при немъ хоть когонибудь, кто бы изрѣдка, по большимъ праздникамъ, что ли, по двунадесятымъ, а повосхищался имъ, не будь пріятеля, ну хоть не такъ смотрящаго, какъ на меня Корявка, а почти... почти что такъ.

И нашъ Иванъ Александровичъ, вовсе никакой художникъ, Иванъ Александровичъ надворный совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Александровичъ Галузинъ, мужъ кротокъ и молчаливъ, при всей своей замкнутости и тихихъ и нетихихъ секретныхъ привычкахъ, не буявъ и не величавъ, а имѣлъ-таки себѣ поклонника, и такимъ восхищающимся пѣтушкомъ лакомымъ былъ подлецъ Корявка, промѣнявшій меня не за ломаный грошъ. И Иванъ Александровичъ былъ вполнѣ доволенъ.

А Павочка... Павочка и представить себѣ не могла, чтò бы такое было, если бы не восхищались ею. Стоило только на часъ какой оставить ее одну—и такая вдругъ нападала тоска на нее тоскущая, ей-Богу, будто ужъ въ мірѣ на сырой землѣ ей и мѣста-то не оказывалось, и такой несчастной, такой покинутой становилась она, ей-Богу, смотрѣть жалко! И ужъ для нея, будь ты хоть Лихомъ-одноглазымъ, будь самимъ бѣсомъ Зеѳеусомъ, да чѣмъ угодно, а только повосхищайся—и будешь хорошъ, и будетъ все хорошо.

Павочка такая...—ну, какъ назвать?—она и не изъ крупныхъ, малюпуська, курносенькая, знамечко тутъ на шейкѣ и пустойпрепустой лобикъ,—дѣвчонка. Я лучшаго ей названія не могу придумать: дѣвчонка, только замѣтьте, совсѣмъ это не въ какомъ-нибудь такомъ смыслѣ—дѣвчонка! Въ животномъ мірѣ среди кошекъ, милыхъ нашихъ мурокъ попадаются ну такія котенки,—вотъ подходящее, вы представляете? И, гдѣ хотите, ее можете—встрѣтить и въ трамваяхъ, и на гуляньѣ, и на лекціяхъ, и на вечерахъ, и въ театрѣ—она непремѣнно въ какомъ-нибудь такомъ платьицѣ необычайномъ, вся розовенькая, на каблучкахъ и такой препустой-пустой лобикъ, а вокругъ нея франты съ лошадиными лицами—зародится же, прости Господи, народъ такой, съ лошадиными!—а то старичокъ, старикашка тоже сѣменитъ... думаешь, что такъ, а окажется—му-ужъ,—вотъ и поди! Да, гдѣ хотите, съ кѣмъ хотите, гдѣ угодно вы ее можете встрѣтить, она вамъ въ глаза первая бросится.

— Экая, скажете, дѣвчонка!—и ротъ до ушей пойдетъ.

— Тоже и тамъ бываютъ, я намедни встрѣтилъ и не ночью, а среди бѣла дня... на Суворовскомъ у насъ, какъ-то въ будній день иду и вижу, идетъ, зимой было, ничего, все, какъ слѣдуетъ, по-зимнему: ротонда на ней — коза ангорская такая пушистая бѣлая... да не идетъ, это мы съ вами идемъ, а она—экая!—она знай себѣ по морозцу-то приплясываетъ.

— Экая шельма дѣвчонка!—не удержался, сказалъ кто-то, и не очень тихо, а весело, за всѣхъ.

— Злая она?

— Нѣтъ.

— Добрая?

— Ну, какъ когда.

— Какая же?

— А думаю я такъ и скажу вамъ словомъ Корявки, сколь разумѣю отъ моего безумія и ума забвеннаго, случилось важное какое міровое открытіе, ну, нашли бы вѣрное средство, предупреждающее нечаянности—несчастія съ людьми, тамъ гдѣ-нибудь на Пулковской обсерваторіи по звѣздамъ вычислили бы, и все до точности, и само собой до точности дознались бы, при какихъ такихъ житейскихъ условіяхъ средство это дѣйствовать будетъ, нечаянности предупреждать, и, скажемъ, такъ, что по условіямъ этимъ потребуется постъ всеміриый—должны будутъ люди въ извѣстные сроки и одновременно налагать на себя постъ, или еще чтò внѣшнее потребуется, напримѣръ, какой-нибудь танецъ глупѣйшій или просто ломаться и кривляться, какъ дѣти, и опять же въ опредѣленный часъ, и чтобы всѣ безъ исключенія, какъ одинъ, и, стало-быть, какъ видите, все дѣло, суть всѣхъ условій сведется къ нѣкоторому непремѣнному и неукоснительному исполненію какого-то тамъ обязательнаго для всѣхъ постановленія, и думаю я, что, въ виду важности открытія, любой и самый крысиный изъ самаго крысьяго подполья лишилъ бы себя удовольствія чаю попить съ баранками (баранки, конечно, бублики съ макомъ; чтò съ макомъ, чтò безъ мака, цѣна одна, макъ—даромъ!), да и самый поперечный наложилъ бы на себя постъ всемірный, подчинился бы этому всеобщему обязательному для всѣхъ постановленію во имя такого громаднаго или, какъ говорятъ нынче, золотя дутые всякіе пустяки, такого колоссальнаго всеобщаго блага (не забывайте, нечаянности несчастныя будутъ устранены!), но вы не дождетесь и будьте увѣрены, что вотъ такая... дѣвчонка такая это обязательное постановленіе ваше обязательно нарушитъ, и просто такъ и совсѣмъ не со зла нарушитъ и совсѣмъ не отъ своей отдѣленности милой и веселой, не говорю ужъ отъ крысиности—никакой крысиной подпольности ни личной поперечности въ ней и помину нѣтъ: она вся открытая, и въ этомъ смыслѣ чиста, какъ чисто серебро, разженное, нѣтъ, нарушитъ такъ, просто такъ себѣ. И ты ей хоть лобикъ ея пустой прошиби, чтò возьмешь?—толку не добьешься, она только горько заплачетъ... впрочемъ, на такую и рука не подымется: вѣдь будь на ея мѣстѣ какой съ лошадинымъ лицомъ, въ такомъ родѣ что-нибудь, тогда, можетъ, вгорячахъ, въ злости, изъ ревности къ благу общему и за свою шкуру, да и отъ досады просто, и не удержишься, не совладаешь съ собой да по виску его и кокнешь, но Павочку—нѣ-ѣтъ, я не могу, да и вы не можете, конечно!

Иванъ Александровичъ, такой молчаливый—мужъ смиренъ и кротокъ!—потупляющійся при встрѣчахъ, такъ что и глазъ-то его путно никто не видѣлъ, какіе они, а вотъ оказывается, лунатическіе, вотъ какіе! Иванъ Александровичъ съ нѣкоторыхъ поръ, а вы, конечно, догадываетесь, съ какихъ, эти загадочные лунатическіе свои глаза перестроилъ на восхищающіеся. И въ то же самое время отъ Павочки только и слышно стало, что о Иванѣ Александровичѣ.

*) Оселокъ.

М. Демьяновъ. Монастырь Св. Михаила близъ Неаполя.

— Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ!

Иванъ Александровичъ исполнялъ все, чего только ни пожелаетъ Павочка: онъ доставлялъ ей всякіе билеты на всевозможныя развлеченія, ну, куда только она хотѣла, онъ дѣлалъ все, лишь бы угодить Павочкѣ.

И это у всѣхъ на глазахъ и въ живой памяти, и началось безъ году недѣля, и началось при обстоятельствахъ весьма странныхъ.

II.

У Ерыгиныхъ только и говорили, что о шагахъ таинственныхъ.

Изъ ночи въ ночь слышались шаги въ коридорѣ: кто-то съ большой осторожностью проходилъ по ковру въ коридорѣ отъ гардероба къ окну и обратно. Кто ходилъ и зачѣмъ въ такой полуночный часъ и жуткій — терялись въ догадкахъ. А въ сущности-то говоря, некому и не зачѣмъ ходить было, и вотъ кто-то ходилъ, кому-то надобилось, и Богъ знаетъ, для чего въ такой жуткій полуночный часъ.

Слышалъ шаги Миша, слышала Веточка, слышала сама Миропія Алексѣевна.

— Воры?

— Какіе же воры! Все было цѣло-цѣлехонько, и хоть бы шпилька съ пола пропала.

— Прислуга?

— И опять нѣтъ,—ну, зачѣмъ прислугѣ таскаться въ такой часъ и въ такомъ непоказанномъ мѣстѣ?—прислугѣ ночью не до гулянокъ! И притомъ всѣхъ спрашивали, и даже не одинъ разъ, и никто, конечно, ничего не знаетъ, и не ходилъ, и не слыхалъ, — спятъ крѣпко.

— Можетъ, у васъ въ коридорѣ?.. — пытались сочувствующіе деликатно разрѣшить ерыгинское недоумѣніе и ужъ сразу покончить со всякой таинственностью.

— Ничего подобнаго!—даже обижалась Миропія Алексѣевна: ее хоть и больше всѣхъ безпокоили эти шаги, нарушавшіе долголѣтній миръ ея ладной мирной дачи, но такое черезчуръ житейское объясненіе вѣдь не оставляло ровно ничего отъ всей таинственности — какъ-ни-какъ, а событія знаменательнаго.

Иванъ Александровичъ, гостившій на дачѣ у Ерыгиныхъ, спервоначалу-то ничего не слышалъ, никакихъ таинственныхъ ни нетаинственныхъ шаговъ, не слышала и Павочка, двоюродная сестра Ерыгиныхъ, тоже гостившая въ Павловскѣ. Но и Иванъ Александровичъ и Павочка такъ же мало были къ шагамъ причастны, какъ и сама Миропія Алексѣевна.

— Кто же?

— Кто ходилъ ночью по коридору?

— Это ты, Миша?—рѣшилась-таки изъ послѣдняго своего отчаянія бѣдная Миропія Алексѣевна спросить сына: можетъ, Миша подтруниваетъ надъ нею и надъ всѣми?

Миша непремѣнно бы обидѣлся, будь съ его стороны и вправду хоть что-нибудь нечисто, но тутъ и по правдѣ все было начистоту: онъ и не думалъ ходить по ночамъ пугать домъ, онъ себѣ самъ ломалъ голову не меньше самой Миропіи Алексѣевны, и не меньше Миропіи Алексѣевны ему самому хотѣлось дознаться, разрѣшить наконецъ эту ничѣмъ необъяснимую таинственность: а вѣдь быть того не можетъ, чтобы не было виноватаго! Миша — правовѣдъ, нынче перешелъ въ первый классъ, и таинственность вообще ему не по положенію.

— Да позвольте, — напласъ Веточка,—Веточка за зиму начиталась всякихъ книжекъ о всякихъ таинственностяхъ, и отвѣтъ у нея былъ готовъ:—да все это очень просто: это астральное тѣло ходитъ!

— Астральное?

— Конечно, астральное, а больше некому. — Веточка была права.

И всѣ съ Веточкой согласились, и на нѣкоторое время о шагахъ какъ будто и забылось. Но это не такъ: чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, а за вечеромъ бѣлая ночь, тѣмъ вспоминались шаги больше, и ужъ никакой и самый изъ всѣхъ правдоподобный отвѣтъ не могъ успокоить.

И пусть ходило тѣло астральное, но чье? Кому оно принадлежало? Кто ходилъ?

— Чьи же шаги? —спрашивала Миропія Алексѣевна и отъ своего вопроса впадала въ еще большее безпокойство, и какими

М. Демьяновъ. Портретъ С. Юшкевича. Рисунокъ.

Инженеръ Владиміръ Владиміровичъ Рюминъ, талантливый популяризаторъ физико-химическихъ и техническихъ знаній. По поводу 50-лѣтія научно-литературной дѣятельности. Начавъ свои работы 50 лѣтъ тому назадъ научнымъ фельетономъ въ газетѣ „Голосъ“, въ началѣ марта 1864 г., В. В. Рюминъ сотрудничалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ періодическихъ изданій, какъ спеціально-научныхъ, такъ и общаго характера. В. В. Рюминъ состоитъ сотрудникомъ „Нивы“, статьи „Первая паровая машина въ Россіи“ 1913 г. № 19, и „Воздушная броня“ № 3 с. г.

Къ столѣтію Патріотическаго Института, состоящаго съ 1855 г. въ Вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи. Зданіе Института въ Петербургѣ по 10-й линіи Васильевскаго Острова. По фот. К. Булла.

„Міра Искусства“. Званіе художника и поѣздку за границу получилъ за картины „*Купанье*“ и „*Баня*“.

Ученикъ проф. Л. Н. Бенуа, *Вячеславъ Ковальскій*, въ 1899 году окончилъ курсъ въ Сѣдлецкой гимназіи. Только въ 1906 году ему удалось поступить въ Академію Художествъ въ архитектурное отдѣленіе. За „проектъ вокзала“ (на Конкурсной выставкѣ) былъ причисленъ къ лауреатамъ и получилъ званіе художника и поѣздку за границу.

Михаилъ Францевичъ *Покорный*, ученикъ проф. М. Т. Преображенскаго, родился въ Одессѣ въ 1886 году. По окончаніи курса въ Одесскомъ Художественномъ Училищѣ, поступилъ въ 1905 году въ Академію, на архитектурное отдѣленіе. Лауреатскую награду получилъ за прекрасно разработанный „проектъ пассажирскаго зданія желѣзной дороги“.

Болѣе своеобразна карьера Григорія Павловича *Мальцева*. Этотъ художникъ-лауреатъ (онъ родился въ 1881 году) сначала готовился къ неблагодарной и незамѣтной карьерѣ волгаря-труженика. Онъ учился въ Нижегородскомъ Рѣчномъ Училищѣ, а затѣмъ въ качествѣ судоходца плавалъ по Каспію и Волгѣ. Природное стремленіе къ рисованію (онъ началъ рисовать съ семи лѣтъ) въ концѣ концовъ привело его въ Академію, гдѣ онъ сталъ работать подъ руководствомъ проф. В. Е. Савинскаго по классу исторической живописи. При Академіи были оставлены, какъ образцы, его премированные эскизы: „Петръ I въ Астрахани“, „Передъ ханской ставкой“, „Волжская понизовая вольница“. Большая картина „Св. Алексій, митрополитъ московскій, въ Золотой Ордѣ исцѣляетъ ослѣпшую ханшу Тайдулу“ создала молодому художнику имя. Эта картина была навѣяна путешествіемъ, которое художникъ совершилъ къ киргизамъ въ Букѣевскую орду, въ Астраханской губерніи. Тамъ Г. П. Мальцевъ собралъ богатый матеріалъ для картины, при чемъ ему помогалъ внукъ послѣдняго ордынскаго хана Джангира, Султанъ Букивъ.

Александръ Алексѣевичъ *Александровъ* родился въ 1884 году въ г. Цивильскѣ (Казанской губерніи). По окончаніи городского училища поступилъ въ Казанскую Художественную Школу, откуда потомъ безъ экзамена перешелъ въ Академію Художествъ. Въ 1191 году была премирована Академіей его первая большая картина „Стенька Разинъ“.

Профессоръ Н. И. Каракашъ, Предсѣдатель Совѣта и Комитета С.-Петербургскихъ Сельскохозяйственныхъ курсовъ. По поводу 25-лѣтія научно-педагогической дѣятельности. Н. И. Каракашъ снятъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ сыномъ—артистомъ Императорскаго Маріинскаго театра Н. Н. Каракашемъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 4.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

А. Теснеръ. Сумерки. Музей Императорской Академіи Художествъ.

невозвратно-счастливыми, какими невозможно-пріятными представлялись ей всѣ тѣ прошлые дни—начало Павловскаго лѣта, и она, избезпокоившись, ужъ рѣшалась просто сняться съ насиженнаго лѣтняго своего гнѣздышка и по-осеннему вернуться въ Петербургъ на свою зимнюю Французскую набережную,— она не могла больше слышать изъ ночи въ ночь повторяющихся, ничѣмъ необъяснимыхъ, полуночныхъ шаговъ.

А Миша свое думалъ.

„Вотъ подкараулю,—думалъ Миша:— внезапно настигну, хвать—и поймаю съ поличнымъ!“

Съ тѣмъ Миша и ложился въ кровать, съ этой хватальной мыслью, и когда подходилъ часъ шаговъ астральныхъ, эта хватальная ночная мысль не покидала его, но онъ не вставалъ, а съ замиравшимъ сердцемъ прислушивался, потомъ, овладѣвъ собой, закуривалъ папироску и курилъ, пока не затихало.

М. Демьяновъ. Портретъ жены художника.

Услышалъ наконецъ шаги и Иванъ Александровичъ, услышала наконецъ шаги и Павочка.

Павочкѣ было очень страшно, но любопытство въ ней загорѣлось сильнѣе страха. А Иванъ Александровичъ сперва провѣрилъ: слышитъ онъ или, такъ ему кажется?—и для этого, хоть и бѣлая ночь, зажегъ свѣчку, и оказалось, точно слышитъ, кто-то ходилъ по коридору, слышитъ, слухъ его не обманывалъ. Конечно, никакое астральное, а самое настоящее осязаемое тѣло о двухъ человѣческихъ ногахъ, и не мертвое: таинственныя явленія допускалъ Иванъ Александровичъ исключительно и только въ крещенскіе вечера, а кромѣ того, держался того убѣжденія, что вообще мертвое тѣло ходить и говорить не можетъ.

Послѣ завтрака, когда Иванъ Александровичъ по обыкновенію вышелъ прогуляться въ паркъ, а Ерыгины остались одни, и само собой и Миропію Алексѣевну, и Мишу, и Веточку, и Павочку—всѣхъ занималъ единственный теперь вопросъ о шагахъ.

— А я знаю,—сказала Павочка:— кто ходитъ!

Въ другое бы время никто на Павочку и не обратилъ вниманія, но тутъ ловили всякую разгадку, и всѣ, какъ одинъ, отозвались:

— Ну, кто же?

— Да Иванъ Александровичъ! — улыбалась Павочка своимъ алымъ ротикомъ.

— Что за вздоръ! Иванъ Александровичъ...

— Да вѣдь онъ же лунатикъ!

М. Демьяновъ. Гавань въ Голландіи.

— Лунатикъ?

— Конечно,—улыбалась Павочка: —и глаза у него лунатическіе.

А передъ обѣдомъ къ Миропіи Алексѣевнѣ заходила экономка Оня, женщина хоть и подъ пятьдесятъ, а съ большой игрою, и шепталась съ барыней не о пьющемъ поварѣ, а о проклятыхъ шагахъ полуночныхъ — ихъ ужъ всѣ нынче слышатъ, вся прислуга и даже самъ пьющій Семенъ-поваръ,—и думаетъ она на барина, что чужой это баринъ, никому другому.

— Очень они молчаливы, — шептала Оня: — и говорятъ тихо!

М. Демьяновъ. Русскій павильонъ на Всероссійской выставкѣ въ Римѣ.

И за обѣдомъ всѣ особенное обратили вниманіе на Ивана Александровича, на его глаза особенно, и хотя глаза Ивана Александровича, если ужъ по правдѣ сказать, ничѣмъ особеннымъ и не выдавались—ни выпуклостью своей ни рѣсницами—сомнѣнія ни у кого не было, что глаза лунатическіе. А вмѣстѣ съ глазами поставлены ему были на видъ и молчаливость его и его необыкновенно тихій голосъ. Конечно, Иванъ Александровичъ—лунатикъ, и, конечно это онъ ходитъ ночью, — тутъ и говорить нечего, и спору нѣтъ. И ужъ какъ послѣднее и самое вѣское доказательство, принято было во вниманіе то обстоятельство, что вѣдь только одинъ Иванъ Александровичъ шаговъ не слышалъ, когда весь домъ, всѣ слышали, и даже пьющій Семенъ-поваръ, а потому не слышалъ, ну, потому, что самъ и ходилъ. И, надо сказать правду, тутъ Иванъ Александровичъ самъ въ грѣхъ ввелъ: и почему ни словомъ не обмолвиться хотя бы о своихъ ночныхъ провѣркахъ? И когда заходила рѣчь о догадкахъ, небось, сидѣлъ, словно воды въ ротъ набралъ! А разъ такъ—пеняй на себя.

Съ этихъ поръ отношеніе къ Ивану Александровичу естественно измѣнилось, при немъ держались какъ-то на вытяжку, неестественно, стали къ нему необыкновенно внимательны, а посматривали очень не безъ тревоги: лунатикъ вѣдь не только можетъ ходить по коридору въ часы непоказанные, лунатикъ можетъ и не по коридору, а и по всякимъ мѣстамъ прохаживаться опаснымъ, по карнизамъ; но это еще съ полбѣды,

М. Демьяновъ. Въ старые годы.

главное же то, что лунатикъ можетъ такую штуку выкинуть самую неожиданную, какое угодно преступленіе и самое звѣрское совершить можетъ въ своемъ лунатическомъ видѣ, и совсѣмъ безнаказанно.

Что говорить, положеніе Ерыгиныхъ, пригласившихъ къ себѣ на дачу погостить такого страннаго страшнаго гостя, было не изъ завидныхъ.

— А развѣ раньше-то за Иваномъ Александровичемъ никто-таки ничего такого не замѣчалъ?

— Никто ничего, даже и думать-то не думали.

— Какъ же такъ?

— Да такъ, видно, случая не было.

Больше всѣхъ упрекала себя Миропія Алексѣевна за оплошность свою—она и пригласила Ивана Александровича, и она первая всѣмъ и каждому его расхваливала, его скромную молчаливость и особенный, дѣйствующій благопріятно на нервы, успокаивающій его голосъ!—и встревоженные глаза ее выдавали.

Не отличавшійся особо выдающимся чутьемъ и проникновеніемъ, Иванъ Александровичъ понять хоть и ничего не понялъ, однако забезпокоился. И еще больше забезпокоился, когда замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ при его появленіи какъ-то загадочно примолкали и ужъ очень усиленно справлялись о здоровьѣ, и притомъ у всѣхъ было въ глазахъ что-то и участливое, а вмѣстѣ и тревожное.

М. Демьяновъ. Зима.

И все это въ концѣ концовъ приписалъ Иванъ Александровичъ угнетающимъ ночнымъ шагамъ, о которыхъ, само собой, продолжалъ изъ деликатности отмалчиваться. „Конечно, передъ нимъ, какъ гостемъ, Ерыгинымъ было неловко, вотъ они и старались какъ-нибудь да загладить эту свою неловкость!“ — такъ соображалъ Иванъ Александровичъ.

Но соображеніе это мало въ чемъ примирило его: онъ безпокоился, онъ, какъ и всѣ въ домѣ, ночь спалъ плохо, онъ все прислушивался, его, какъ и всѣхъ, шаги изводили, и, какъ всѣхъ, заполняла одна хватальная мысль: подкараулить виновника, если таковой дѣйствительно имѣлъ образъ человѣческій, т.-е. пару ногъ, пару рукъ обязательно, и вѣнецъ—голову, да, подкарауливъ, и поймать.

А въ то же самое время Ерыгины и съ ними Павочка свое твердое и неизмѣнное положили рѣшеніе, ужъ во что бы то ни стало, а подкараулить... Ивана Александровича.

И въ домъ вошло что-то заговорщицкое, подозрительное, какое-то наступило осадное положеніе: что-то очень ужъ всѣ молчаливы стали, рано стали расходиться по своимъ комнатамъ и затихать какъ-то особенно подозрительно, и хоть спать и ложились, но и безчувственный почувствовалъ бы, что никто и не собирался спать.

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ, что дѣло все въ немъ, что его подозрѣваютъ, да ужъ не подозрѣваютъ, а увѣрены въ хожденіи его ночномъ, да онъ вопреки всей своей молчаливости и замиравшему, дѣйствующему благопріятно на нервы, успокаивающему голосу, нашелъ бы въ себѣ и вопіющій гласъ и разговорность щечилы *). Но откуда ему что знать? И, улегшись въ постель и на минуту замечтавъ о тихомъ лѣтнемъ снѣ, онъ вдругъ поднялся и притаился у двери.

И въ то же самое время сосѣди его, тоже безполезно проваляшись на кроватяхъ съ отчаянной мыслью о снѣ пріятномъ, поднялись къ своимъ дверямъ на караулъ.

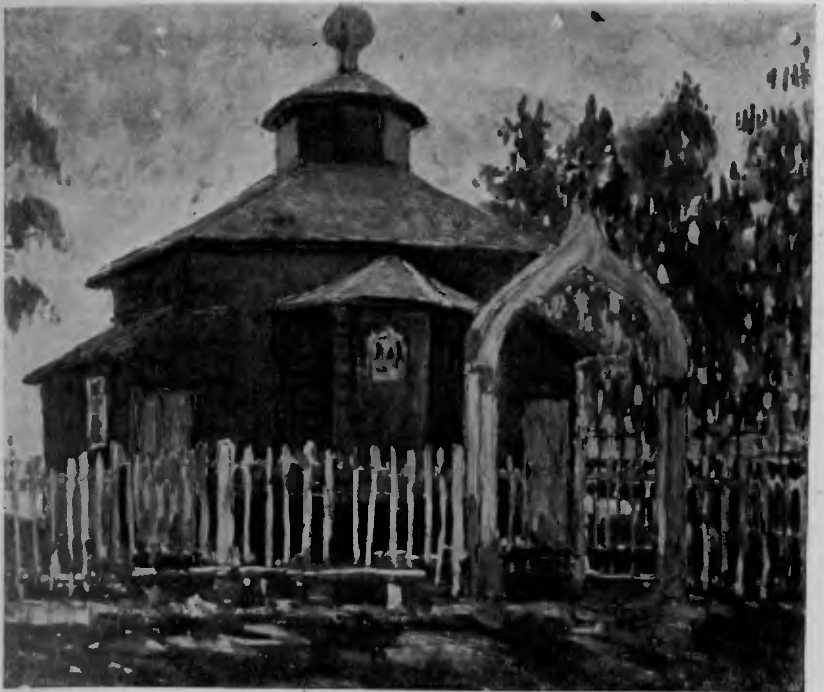
И вотъ около полуночи послышались шаги... и не одно сердце упало отъ нетерпѣнія.

Иванъ Александровичъ, по собственному его наблюденію, раньше другихъ услышалъ шаги: онъ услышалъ ихъ еще издалека отъ окна, широкіе медвѣжьи, и тотчасъ выскочилъ въ коридоръ — и никакое астральное, никакое тѣло мертвое — здоровенный парнюга, новый ерыгинскій садовникъ Григорій пробирался по коридору къ комнатѣ экономки Они, вотъ кто! И быть бы бычку на веревочкѣ, ужъ готовъ былъ Иванъ Александровичъ сцапать Григорія и вдругъ, какъ вкопанный, сталъ: прямо противъ него въ такомъ же ночномъ, какъ и онъ, видѣ, стояла у своей двери Павочка, раскрывъ свой алый ротикъ.

М. Демьяновъ. Деревенскій мотивъ.

Никакихъ таинственныхъ исторій Иванъ Александровичъ за собой не зналъ, если не считать единственнаго случая, оставшагося памятнымъ ему и черезъ много лѣтъ. Однажды вечеромъ—это было въ Малороссіи лѣтомъ — Иванъ Александровичъ попалъ на ярмарку и, переходя отъ

*) Тараторы, вергасы.

М. Демьяновъ. Церковь въ Тверской губерніи.

одной палатки къ другой и разсматривая всякія ярмарочныя диковинки, дошелъ до цыганъ. У шатровъ чадили костры, видно было, ужъ готовились на ночлегъ, и онъ пожалѣлъ, что поздно: пѣсенъ ему не послушать и на цыганъ не поглазѣть, и вдругъ увидѣлъ передъ собой цыганку, она передъ нимъ точно изъ-подъ земли выросла:

— Дай твою руку!

И такъ это неожиданно, что Иванъ Александровичъ готовъ былъ не одну, а обѣ свои руки отдать въ темную цыганскую руку. Что-то приговаривая, чего и не поймешь никакъ, цыганка потянула его руку къ себѣ—къ груди, увѣшанной золотомъ, и выше, къ подбородку. А лицо ея—лицо ея чѣмъ-то жуткое, словно выточенное—и ничѣмъ не возьмешь и ничѣмъ не покоришь, какъ восковой, мертвый лобъ, а глаза ея непреклонные, она глядѣла въ упоръ, не на руку—она его и руку взяла, чтобы только мучить въ своей рукѣ, довести до губъ и отпустить. Измученный, стоялъ онъ... или такъ всю жизнь и стоять бы ему, или ужъ вырваться, затеряться въ подвыпившей ярмарочной толпѣ?

— Позолоти ручку! Позолоти ручку!—настойчиво повторяла она и безусловно, и отпускала руку его, и опять подводила къ губамъ, и чуть-чуть касалась губами.

И никуда онъ не убѣжалъ, а полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. И когда звякнуло серебро,—цыганята, цыганки, и молодыя и старыя, почуя добычу, повыскакали изъ шатровъ и, галдя и гакая, навалились на него, и чьи-то крѣпкія руки и теплыя обняли его сзади.

— Хочешь, я тебѣ на двѣнадцать жилъ пропляшу, хочешь? — дула въ ухо цыганка, но онъ не видѣлъ ея, онъ только ту видѣлъ, свою, неподступную и непокоримую, свою Машу.

Вотъ единственный случай таинственный: цыганка Маша.

И теперь, когда въ домѣ всякіе шаги утихли, а отъ тѣхъ изводящихъ и слѣда не осталось, Иванъ Александровичъ, засыпая, почему-то вспомнилъ этотъ таинственный свой случай, свою цыганку Машу, ея глаза непреклонные, и она такая одна, ни на кого не похожая, Маша слилась въ воображеніи его съ Павочкой, розовенькой и курносенькой, съ своимъ милымъ знамечкомъ и алымъ ротикомъ, — и Богъ знаетъ о чемъ замечталось Ивану Александровичу. Ему хотѣлось, чтобы и опять шаги услышать полуночные и опять встрѣтить Павочку, какъ стояла она въ коридорѣ у своей двери съ раскрытымъ алымъ ротикомъ! И только подъ утро, совсѣмъ размечтавшись, заснулъ сладко нашъ Иванъ Александровичъ, а снилась ему канитель и чепуха всякая — снился экзаменъ по математикѣ: вынимаетъ онъ изъ кучки билеты, а билеты будто все листы ветчинные.

Не листы ветчинные — билеты, свое снилось Павочкѣ такое лѣнливое: ей снился мохнатый бокъ, сѣрый свѣтящійся — спрячется и покажется, а ни головы, ни передка, ни заднихъ ногъ, одинъ этотъ бокъ, сѣрый свѣтящійся—спрячется и покажется. И проснулась Павочка, день ужъ сталъ, а ей хотѣлось и еще поваляться, потянуться, помечтать о чемъ-то, и вспомнила объ Иванѣ Александровичѣ. Вотъ интересно! Вотъ и ей пришлось увидѣть: лунатикъ настоящій, можетъ прохаживаться по всякимъ мѣстамъ опаснымъ, по карнизамъ, и вовсе не страшно! Вотъ будетъ интересно! И она скоренько поднялась.

А еще съ утра, когда всѣ спали, Миропія Алексѣевна творила судъ и расправу. Повинилась экономка Оня: она и сама не знаетъ, что у нея въ головѣ! И садовникъ повинился Григорій: погубила его Анисья Семеновна! Такъ все было выведено на чистую воду. Миропія Алексѣевна осталась очень довольна и всѣмъ простила.

И хотя теперь все было ясно, и о таинственности не могло быть и рѣчи, а стало-быть, и подозрѣнія всякія о лунатическомъ хожденіи Ивана Александровича сами собой пали,— убѣдить Павочку, что это такъ, а не этакъ, было невозможно, и для Павочки навсегда остался лунатикъ — Иванъ Александровичъ — лунатикъ!

III.

Павловская дача къ концу лѣта опустѣла. Ерыгины уѣхали въ Карлсбадъ и съ ними Павочка, а Иванъ Александровичъ въ Петербургъ переѣхалъ къ себѣ на Пушкинскую.

Иванъ Александровичъ служилъ въ комиссіи по реформѣ обмундированія, — мѣсто благополучное, служба спокойная. Въ подчиненіи сидѣли у него писцы всякіе, а начальникомъ надъ нимъ былъ совѣтъ изъ генераловъ, генералы собирались не очень часто, командой не докучали. Лѣтомъ бывало и совсѣмъ тихо: лѣтомъ, какъ извѣстно, отдыхать полагается, силъ на зиму набираться—дѣло не убѣжитъ! Лѣтомъ разъѣзжались генералы кто на дачу, кто въ имѣніе, кто на воды лѣчиться, и одинъ оставался Иванъ Александровичъ.

Въ будній день послѣ занятій Иванъ Александровичъ обѣдалъ, потомъ, отдохнувъ, шелъ гулять и, нагулявшись, заходилъ куда-

М. Демьяновъ. Послѣдній этюдъ, писанный художникомъ за часъ до смерти.

М. Демьяновъ. Старые годы. Музей Императорской Академіи Художествъ.

нибудь въ кофейню и тамъ въ кофейнѣ просиживать до глубокаго вечера. Въ воскресенье и въ праздникъ онъ ходилъ по гостямъ: знакомыхъ домовъ ему хватало на мѣсяцъ.

Ивана Александровича вообще любили и за его тихость и за его дѣйствующій благопріятно на нервы успокаивающій голосъ: когда онъ говорилъ, онъ словно умиралъ—чего жъ успокоительнѣй!—кто-кто, а помирающій ни взволновать ни раздражить не можетъ, это живой — смутьянъ, пила и досада! И внѣшность у Ивана Александровича внушала довѣріе: это не какой-нибудь бритый, не поймешь, кто,—носилъ Иванъ Александровичъ бороду, а борода—кому жъ не знать!—есть священное украшеніе мужчины.

Въ извѣстные сроки Иванъ Александровичъ отдавался своимъ нетихимъ секретнымъ привычкамъ: вечеромъ изъ кофейной шелъ онъ не прямо по Невскому на свою Пушкинскую, а обходной дорогой—по Садовой, потомъ выходилъ на Вознесенскій... И Богъ знаетъ почему вспоминалась ему всякій разъ Маша-цыганка, и ужъ на слѣдующій день послѣ гульной ночи бывалъ онъ необыкновенно въ добромъ духѣ, и отъ этой доброты, что ли, его наполнявшей, или еще отъ чего, онъ тихонечко пѣлъ.

Нетихія секретныя привычки были теперь отъ него далеки, онъ даже и представить себѣ не могъ, какъ бы это такъ вышелъ онъ на Вознесенскій, и Маша ему не вспоминалась,—одна единственная была въ его мысляхъ Павочка,—Павочка не выходила изъ головы, и онъ повторялъ ея имя:

— Павочка, любилочка моя!

Подымался онъ, какъ пьяный, хотя пить и ничего не пилъ, курить—курилъ, былъ грѣхъ, и курилъ больше, чѣмъ всегда, но не отъ курева же пьянѣлъ?—отъ чувствъ, отъ любви, видно.

— Павочка, любилочка моя!

Ляжетъ, возьметъ книгу на сонъ грядущій,—прежде, бывало, съ книжкой какъ засыпалъ онъ дружно, и чѣмъ интереснѣе была книга, тѣмъ дружнѣе сонъ нагоняла, а вотъ и книга не помогаетъ, да и не до книги ему, и лежитъ ночь безъ сна съ открытыми глазами.

— Павочка, любилочка моя!

И это чувство знойнымъ голосомъ Маши томило его.

Чего онъ хотѣлъ? Да чтобы осень скорѣе, чтобы зима пришла и снѣгъ,—будетъ онъ часто бывать у Ерыгиныхъ, снова увидитъ Павочку, онъ только и хочетъ видѣть Павочку.

Чувство его было такъ полно до самыхъ краевъ.

И при всей своей молчаливости Иванъ Александровичъ рвался кому-нибудь открыться, ну, хоть намекомъ намекнуть, хоть полусловомъ сказать, имя повторить любимое Павочки.

А такимъ другомъ сердечнымъ и попался ему Корявка.

Корявка служилъ въ департаментскомъ архивѣ и былъ тамъ единственнымъ чиновникомъ, и службы у него собственно никакой не было: архивныхъ дѣлъ не спрашивали, и только съ учрежденіемъ комиссіи одинъ изъ начальниковъ Ивана Александровича, старичокъ-генералъ, любитель отечественной исторіи, сталъ требовать старыя дѣла. Правда, дѣятельность эта длилась не очень долго — надоѣло ли старичку, или время не позволяло, но еще весной поручилъ генералъ всю подготовку дѣлъ Ивану Александровичу. Съ единственнымъ Иваномъ Александровичемъ Корявка и входилъ въ дѣловое общеніе: для него и дѣла заготовлялъ, отъ него же и обратно ихъ принималъ въ архивъ и, скажу ужъ, частенько неприкосновенными.

Службу свою Корявка считалъ безнадежной: повышенія онъ себѣ не могъ ждать—повышать и некуда было, да и прибавки ему никакой не полагалось—окладъ разъ навсегда утвержденъ. И, сидя за пустымъ столомъ, въ одиночку, безъ всякаго дѣла и безнадежно, Корявка предавался мудрованію. И, конечно, лучшаго собесѣдника Иванъ Александровичъ и не могъ найти.

(Окончаніе будетъ).

Стихотворенія Георгія Иванова.

Портретъ.

Безпокойно сегодня мое одиночество:
У портрета стою, и томитъ тишина.
Мой прапрадѣдъ Василій,—не вспомню я отчества,
Какъ живой, прямо въ луну глядитъ съ полотна.

Онъ въ зеленомъ камзолѣ покроя военнаго,
Арапчонокъ у ногъ и турецкій кальянъ;
Въ загрубѣлой рукѣ серебристаго, пѣннаго
Круглый ковшъ. Только, видно, помѣщикъ не пьянъ.

Хмуритъ брови сѣдыя надъ взорами карими,
Опустились морщины у темнаго рта.
Эта грудь, уцѣлѣвъ подъ столькими ударами
Непріятельскихъ шашекъ,—тоской налита.

Что жъ,—на старости лѣтъ съ сыновьями не справиться,
Иль плечамъ тяжелы прожитые года,
Иль до-смерти мила крѣпостная красавица,
Что завистникъ-сосѣдъ не продастъ никогда?..

Нѣтъ,—иное томитъ... Какъ сквозь пологъ затученный
Прорѣзается бѣлое пламя луны—
Тихій призракъ встаетъ въ подземельѣ замученной
Неповинной страдалицы—первой жены.

Не забудется мука въ разгулѣ неистовомъ,
Не зальетъ угрызеній хмельное вино...
Запершись въ кабинетѣ, покончилъ бы выстрѣломъ
Съ невеселою жизнью—да въ небѣ темно

И теперь, заклейменный семейнымъ преданіемъ,
Какъ живой, какъ живой, онъ глядитъ съ полотна,
Точно нѣту прощенья его злодѣяніямъ,
И загробная жизнь, какъ земная, страшна.

Въ небѣ...

Въ небѣ надъ грустными долами
Вечеръ растаялъ давно.
Тихо закатное полымя
Пало на сонное дно.

Тусклое золото мѣсяца
Голыя вѣтки кропитъ...
Сердцу спокойному грезится
Бѣлый невѣдомый скитъ.

Выйдетъ святая затворница,
Небомъ укажетъ итти.
Небо, что свѣтлая горница,—
Долго ль его перейти!

Романтическая таверна.

У круглыхъ столиковъ толпятся итальянцы,
Гидальго смуглые, мулаты. Звонъ, галдежъ
Въ табачномъ воздухѣ. Но оборвался что жъ
Оркестръ, играющій тропическіе танцы?

А!—двое подрались. Съ портретомъ Данта схожъ
Одинъ. Противникъ—негръ. Сцѣпились оборванцы.
На лицахъ дамъ яснѣй фальшивые румянцы:
Паоло такъ красивъ!.. Но вотъ широкій ножъ

Блеснулъ—и негра бокъ, какъ молніей, распоротъ.
Онъ падаетъ. Рука хватается за воротъ,
Бьетъ пѣна изо рта... Бренчатъ гитары вновь.

Рукоплесканія. Съ надменностью Паоло
Внимаетъ похваламъ. А съ земляного пола
Осколкомъ дѣвочка выскребываетъ кровь!

По пути Твоему.

Разсказъ Владиміра Гордина.

I.

Раньше, чѣмъ начать писать этотъ эпизодъ изъ моей жизни, который какъ бы случайнымъ вѣтромъ унесъ ее въ другую сторону,—я помолюсь Богу, единому Господину моему. Онъ — въ душѣ моей. Я обрѣлъ Его послѣ долгаго скитанія по широкому свѣту, въ тишинѣ моего уединенія, на Онежскомъ озерѣ, вблизи глубокой и каменистой рѣки Суны.

Благодарю Тебя, Господи, что сотворенъ именемъ Твоимъ, — я отпрыскъ Твой,—что я, маленькій, ничтожный, вмѣщаю въ себѣ безконечность міра.

Благодарю Тебя за то, что я одинокъ, что я богатъ и бѣденъ, золъ и добръ — по своему желанію.

Благодарю Тебя за пѣсню той свирѣли, которую слушалъ впервые въ тишинѣ темнаго лѣса,—свирѣли, мной самимъ выстроганной.

Благодарю Тебя за музыку вѣтра, грома, за краски солнца, неба, ночныхъ свѣтилъ, воды и земли.

Молю Тебя, Господи, дать мнѣ силъ постичь невозможное.

Удостой меня пониманія не только языка людскихъ душъ, но и всѣхъ другихъ твореній.

Хочу полюбить врага своего больше самого себя, — жить и въ страданіи искать радости.

Вѣрую, Господи, что Ты вездѣсущъ

Вѣрую въ чудо Твое, ибо Ты сдвигаешь горы, сотрясаешь землю, сокрушаешь лѣса.

Вѣрую въ Тебя, въ единую постоянную правду и красоту Твою, въ вѣчное движеніе Твоего міра.

А теперь умоюсь чистой, холодной водой быстро текущей рѣки, вытру лицо, руки мягкой, нѣжной травой. Съ благодарностью и благоговѣніемъ посмотрю на низкій ярко-красный ранній восходъ солнца и начну писать.

Я былъ уже тогда лейтенантомъ флота. Моя морская служба заключалась въ томъ... Мы, молодые люди, забавлялись жизнью. Веселились, пили. Старались нравиться женщинамъ. Ходили по улицамъ, всматривались въ лица молодыхъ дѣвушекъ. Показывали себя въ новой формѣ, при щегольскомъ оружіи. Я былъ еще задорнѣе другихъ, менѣе задумывался надъ окружающимъ, чѣмъ мои товарищи. Скандалилъ въ ресторанахъ, билъ лакеевъ. Скоро сталъ извѣстенъ въ своемъ кругу. Люди, какъ мало вамъ нужно. Дамы мною заинтересовались. Я возгордился легкими побѣдами.

Тонкіе, вверхъ приподнятые усы и проборъ гладко-причесанной головы отнимали бо̀льшую часть моего дня. Ногти моихъ женственно-бѣлыхъ рукъ полировались, подкрашивались. А выходя изъ дому, я каждый разъ смотрѣлся въ большое зеркало. Внимательно оглядывалъ себя всего. Оправлялъ шинель, облегавшую мое гибкое, сильное тѣло. Бережно касался головы. Приглаживалъ брови. Одѣвалъ фуражку. И самодовольно натягивалъ бѣлыя перчатки.

Моимъ утромъ считался третій часъ дня.

Мы въ нашемъ человѣческомъ общежитіи навязываемъ себѣ и другимъ не только законы, обычаи, тягостные для насъ, но порой и самихъ себя. Въ силу какихъ-нибудь условій приходится встрѣчаться съ людьми. Считаемъ необходимымъ съ ними разговаривать любезно, спорить осторожно въ то время, когда они намъ по духу чужды, утомительно тяжелы. Этотъ старый вопросъ все же не разрѣшенъ, и, вѣчно новый, онъ еще долго будетъ властвовать...

Когда-то бѣлая, тоненькая дѣвочка, маленькая Вѣранхія безъ меня жить не могла, и я безъ нея тоже. Она была единственной подругой моихъ дѣтскихъ игръ. Но время безостановочно шло впередъ... Наши дороги, столь близкія раньше, широко отклонились. Она выросла, стала красивой. Ея тихо поющій голосъ своей ласкающей кротостью очаровывалъ, притягивалъ. Только выпуклые, сѣрые глаза — въ противоположность—были властные, пронизывающіе, ясно очерчены темными бровями. Недоступно-далекій взглядъ скрывалъ душу. Чуть замѣтная гордая улыбка обозначала складки около печальныхъ губъ.

Высокая, гибкая, она неизмѣнно носила черное платье, которое придавало ей цѣломудренную строгость и еще больше выдѣляло нѣжную смуглую блѣдность одухотвореннаго лица и тонкихъ рукъ. Волосы свои она связывала вѣнкомъ изъ длинныхъ солнечныхъ косъ.

Она выросла. Упорно, медленными шагами стала преодолѣвать всѣ трудности живописи. Полюбила молодого художника съ такой же красивой, углубленной душой. Но скоро она внезапно, въ великомъ горѣ овдовѣла.

Покорилась волѣ свыше. Замкнулась въ себѣ. Отдалась вся искусству и единственному ребенку своему, маленькой дочкѣ.

Наши семьи были связаны давней дружбой. Намъ невольно приходилось встрѣчаться. Одно время она пробовала меня направлять на свой путь. Бранила часто. Убѣждала трудиться, понять красоту. Потомъ вдругъ умолкла. Совсѣмъ перестала со мною разговаривать. Я все добродушно отмахивался отъ докучливыхъ мухъ ея внушенія. А когда замѣтилъ, что она брезгливо отвернулась, меня это только позабавило. Усомнился въ искренности. Слишкомъ я ужъ вѣрилъ въ свою, широкимъ кругомъ признанную, правду.

Мы близко жили, и я нерѣдко забѣгалъ къ Вѣрѣ. Забавлялся, игралъ съ ея маленькой дѣвочкой. Я полюбилъ крошечную Таню. Она одна была причиной тому, что я незамѣтно, постепенно началъ привязываться все ближе, нѣжнѣе къ ея матери. И однажды неожиданно ясно ощутилъ въ учащенно бьющемся сердцѣ невѣдомое мнѣ чувство. Мать и дочь крѣпко связались въ моемъ пониманіи. Близость ихъ живила, радовала и ласкала меня.

Душа кроткаго ангела съ дѣтскимъ лицомъ, гдѣ ты теперь?..

Быть-можетъ, блуждаешь безъ пристани въ пустынѣ неба и одиноко плачешь... Твоя и только твоя мгновеннымъ теплымъ лучомъ согрѣтая маленькая жизнь потрясла меня въ основаніи и привела сюда, къ таинственному, мудрому шопоту лѣса, къ отвѣснымъ каменистымъ, темно заросшимъ берегамъ хмурой рѣки. Здѣсь я, наслаждаясь, созерцаю настоящее, стараюсь понять будущее.

Ты свѣтомъ молніи обожгла и обезобразила лицо мое, но Богъ сотворилъ чудо: Онъ показалъ мнѣ вокругъ такую красоту, какой я никогда не видѣлъ раньше. Слѣпые глаза мои открылись, и я въ себѣ увидѣлъ осіянный солнцемъ дивный образъ вдохновенія...

Легкомысленный, рабъ внѣшней жизни и ложнаго блеска, почти равнодушный, безъ сложныхъ страданій,—я горячо, нѣжно, какъ никого, полюбилъ маленькую Таню. Быть-можетъ, это случилось потому, что она напоминала мнѣ мое ласковое дѣтство, подругу ребяческихъ игръ. Или простота, съ которой она ко мнѣ подходила безъ требованія необычайнаго, привлекала меня. Едва я открывалъ двери дѣтской комнаты, какъ шалунья, съ золотыми колечками волосъ, въ короткомъ платьицѣ, маленькими теплыми ручушками кидалась ко мнѣ. И мы оба сразу входили головой въ новый маленькій міръ. Насколько Господь разуму посылалъ, лепечемъ, шумно рѣзвимся, оглушительно хохочемъ— безъ конца.

Спи же спокойно, дитя, въ тѣни стараго, заросшаго зеленаго дуба. Ласковая, неутомимая пѣсенка широкаго листа пусть баюкаетъ тебя на твоемъ мягкомъ ложѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

II.

Я получилъ неожиданный приказъ итти въ плаваніе. Первый громъ. Первый разъ въ жизни я почувствовалъ, какъ тяжело будетъ разставаться съ сроднившимся. Вѣра и Таня стояли теперь въ центрѣ моихъ переживаній. Трудно было разобрать, которая изъ нихъ ближе.

Ту ночь я совсѣмъ не спалъ, думалъ только. Закралось сомнѣніе, такъ ли я живу...

Наканунѣ отъѣзда рѣшилъ итти прощаться съ Танюшей. Надо будетъ крѣпиться. Не показать бы только Вѣрѣ своего душевнаго состоянія. Она умная, все сразу пойметъ. Стыдно мнѣ было. Только заглянуть бы на прощаніе... милыя лица... Какъ трудно сразу жить стало...

Снялъ пальто въ маленькой передней. Вошелъ въ освѣщенную гостиную. Свѣчи въ бронзовой люстрѣ отражались въ овальномъ зеркалѣ. Знакома мнѣ была обстановка этой комнаты. Широкій старинный диванъ съ выпуклой спинкой, круглый столъ на одной подставкѣ. Мягкія, удобныя кресла, стулья. Рядомъ съ дверью клавикорды. Тяжелое красное дерево казалось темнѣе при вечернемъ свѣтѣ. На стѣнахъ наклонно висѣли темныя картины въ золоченыхъ потускнѣвшихъ рамахъ. Кіотъ съ вылинявшими иконами и красной лампадой стоялъ въ углу.

Вѣра, какъ всегда, одѣта была во все черное. Маленькія ноги обуты въ бархатныя туфли съ темными пряжками. На блѣдное лицо падали свѣтлаго золота завитки волосъ.

— Завтра неожиданно ухожу въ плаваніе. Приказъ получилъ. Хотѣлъ бы увидѣть Танюшу,—сказалъ я съ тихой робостью.

— А? Уѣзжаете... завтра? Вотъ какъ...—отвѣтила она загадочно-спокойно, безъ удивленія. Равнодушно заглянула въ глаза мнѣ. Потомъ добавила: — Таня спитъ. Но идите, если обѣщаете быть осторожнымъ, не разбудить ее.

Тихимъ шорохомъ я открылъ дверь и неслышно вошелъ въ дѣтскую. Навсегда запомнилъ личико, которое не суждено мнѣ было видѣть больше. Подъ закрытыми вѣками свѣтилась печаль. Тонкіе волосы спутались, прилипли къ горячему лбу и чертили

узоры на подушкѣ. Мягкія, крошечныя руки небрежно раскинулись на бѣломъ одѣялѣ. Въ полумракѣ дѣвочка казалась блѣдной. Губы сквозь сонъ неясно шептали. Неожиданно она вздохнула.

Тишину будили часы на стѣнѣ.

Я сѣлъ на маленькій табуретъ около низкаго столика Тани. Сталъ при смутномъ свѣтѣ синей качавшейся лампады въ углу разсматривать игрушки. Какъ много ихъ было.

Лошади, слоны, обезьяны, клоуны, только больше всего „манятокъ“, такъ она называла дѣтей... Вотъ и мои, въ разное время принесенные ей, подарки... Странно. Неужели случайно? Именно тѣ она берегла больше.

Грустныя мысли текли медленно. Монотоннымъ пѣніемъ своимъ затопляли мою душу. Онѣ, какъ вѣковой источникъ, невѣдомо откуда вытекающій, который только пугаетъ лѣсную тишину, чтобы на мгновеніе отразить далекое облако и снова пропасть въ загадочной глубинѣ.

Можетъ-быть, это было предчувствіе...

Стряхнулъ съ себя волненіе, печаль.

Я пришелъ опять въ гостиную. Тамъ шумѣли, спорили. Весь разговоръ былъ для меня чужой.

— Вѣра, мнѣ бы хотѣлось проститься съ вами... сказать наединѣ,—прошепталъ я.

— Отчего же,—идемте.

Мы прошли въ смежную маленькую комнату.

Долго оба молчали.

Я, незамѣтно для себя, взялъ ея руку. Тихонечко прикоснулся къ кончикамъ пальцевъ.

— Что̀ съ вами, Константинъ? Печальный?.. Я васъ никогда такимъ не видѣла.

Голова моя туманомъ закрылась. Вмигъ забылъ всѣ свои рѣшенія. Не могъ молчать. Чувство мое къ Вѣрѣ и Танѣ оказалось сильнѣе меня. Плотина не сдержала. Вода захлестнула.

— Да, да,—отвѣтилъ я, торопясь. Волненіе сжало горло. Голосъ мой дрогнулъ.—Завтра я уѣзжаю. Быть-можетъ, завтра я уже буду далеко отсюда. А я люблю васъ и Таню люблю. Тяжело. Сегодня, сейчасъ только понялъ, какъ люблю васъ... Не такъ, какъ раньше,— по-настоящему, понимаете? Вѣра, это чувство подкрадывалось ко мнѣ предательски тихо и долго... Не виноватъ же я... теперь вотъ...

Она даже не дослушала до конца. Жестоко оборвала нить, крикнула:

— Вы съ ума сошли! Сумасшедшій!.. Вотъ неожиданность!.. Откуда пришли сегодня?..

Задумалась. Послѣ паузы добавила:

— Нѣтъ, дорогой мой, у васъ произошла ошибка, какое-то жестокое, непонятное для меня, недоразумѣніе. Я васъ слишкомъ давно знаю... Да и вѣрить... вамъ вѣрить... Но это все не то, не то. Главное — не васъ я ждала и жду... Можетъ-быть, я уже не жду, но вы не мой... Уѣзжайте. Возвращайтесь черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ. И снова будете здѣсь другомъ дѣтства, но и только, не больше,—слышите?.. Танѣ завтра скажу, что вы были, прощались. До свиданія, Константинъ.

Прошла минута, и я уже слышалъ ея смѣхъ въ гостиной. Онъ былъ звонче и задорнѣе прежняго.

Огонь въ моихъ глазахъ потухъ. Голова наполнилась расплавленнымъ оловомъ, кружилась. Предметы вокругъ двоились, носились вихремъ. Сердце съ болью рвалось. Я сѣлъ въ кресло. И горячее лицо свое закрылъ мертвенно-холодными руками.

III.

Часы на городской башнѣ съ утомительно долгими паузами пробили десять.

Заканчивалась дневная жизнь, и только начиналась ночная.

Маленькія свѣтлыя точки тускло горѣли въ далекомъ весеннемъ небѣ.

Воздухъ пропитанъ былъ сыростью, какъ послѣ дождя.

Рѣдкіе прохожіе слишкомъ громко стучали каблуками о гранитныя плиты тротуара. Слышались иногда взрывы молодого смѣха. Ударяла копытами о мостовую одинокая извозчичья лошадь. Снова тишина смыкалась надъ широкой улицей. Уснувшіе молчаливые дома, тяжелые и однообразные, угрюмо лѣпились вытянутой линіей, закрывали свѣтло зеленый звѣздный просторъ. Они преобразовывали улицу въ сѣрый прямой коридоръ, теряющійся въ мутномъ склонѣ.

До странности ясно помню подробности обстановки той ночи.

Все время назойливо и нагло приставалъ ко мнѣ огромнаго роста нищій. Онъ за руку водилъ худенькую, пугливую дѣвочку и все указывалъ на нее пальцемъ:

— Надо же намъ тоже жить. Вы думаете, если мы бѣдняки, такъ умирай—и кончено? Каждый по-своему...

Я нѣсколько разъ собирался. Засовывалъ руку въ карманъ. Вытаскивалъ кошелекъ, но сейчасъ же въ забывчивости, не раскрывая, пряталъ его.

Долго я шелъ. Не останавливался. Замѣтилъ, что ноги въ быстрой ходьбѣ устало дрожатъ. Холодная печаль сжала всего до головы. Стремился куда-то въ темное пространство, безъ цѣли. Мысли мои разбрелись. Онѣ съ болью рвались, соединялись, сплетались огромнымъ клубкомъ, бѣшено катились.

Звонкая струна отъ напряженія лопнула. Больно хлестнула по лицу.

— Пора сосредоточиться. Невозможно такъ. Нужно быть твердымъ. Порѣшить на чемъ-нибудь одномъ. Если начать другую, новую жизнь... Но какъ начинать?..—сказалъ кто-то рядомъ. Оглянулся, никого не было. Послѣдняя фраза мучительно отразилась на моемъ лицѣ. Испугался самого себя.

Неожиданная обида не такъ ужъ велика. Тысячи людей терпятъ ее молча... Что̀ за важность... Почему вдругъ оттого передо мной выросла высокая, черная стѣна? Почему невозможно дальше такъ?.. Неужели нужно начинать все снова?..

Да, да все снова... перемѣнить русло... Жизнь тихо, настойчиво потечетъ, расширится въ другую сторону.

Не нужно медлить... Сейчасъ... Сейчасъ...

Все, что̀ казалось раньше благополучно, хорошо, развалилось сразу, до основанія. Всплыли на поверхность подробности забытыя, мелкіе недостойные эпизоды. Загорѣлся стыдъ на лицѣ. Первый разъ съ брезгливостью посмотрѣлъ на себя. Унизился до земли.

Прокрался, какъ воръ, по лѣстницѣ своего дома. Проскользнулъ наверхъ—два этажа. Наглый звонокъ громко, пронзительно крикнулъ за дверью. Я нарочно крѣпко прижалъ электрическую пуговку. Нарочно вызывающе шумно прошелъ къ себѣ, чтобы домашніе не замѣтили моихъ истинныхъ переживаній.

Въ темнотѣ своей комнаты лукаво подмигнулъ кому-то глазомъ: „ну и хитеръ же я“... Нервный смѣхъ шопотомъ своимъ то гналъ отъ меня прочь мои страхи, то привлекалъ ихъ снова. Не надо свѣта. Легъ одѣтымъ. Постель подо мной закружилась. Окно зеленымъ пятномъ врѣзалось въ черную стѣну. Маленькіе огоньки-точки усѣяли пустоту, жгли глаза мнѣ. Утомленныя вѣки опускались. Но сна не было. Сердце тревожилось, безпокойно металось. Тѣсная одежда душила тяжестью. Одеревенѣлые пальцы рукъ не двигались. Сухія губы растерянно, въ недоумѣніи неслышно все спрашивали:

„Что̀ дѣлать?.. Какъ жить дальше?“

Отвѣта не было.

Тишина робко пугала своимъ неяснымъ таинственнымъ шумомъ. Темнота чертила по-своему знаки и образы...

IV.

Случайный камешекъ съ улицы вдругъ полетѣлъ въ окно. Пронзительный стукъ большого стекла и частый, гремящій звонъ колокольчиковъ поднялъ меня вмигъ съ кровати. Двойныя рамы закрыты.

Душа въ темномъ предчувствіи рванулась. Страхъ укрылъ меня. Вижу, пожаръ близко. Отъ оглушительнаго стука машинъ, подвижныхъ лѣстницъ стѣны сотрясались, дверь дрожала.

Долго искалъ фуражку, не могъ найти ее. Потомъ она все падала изъ рукъ. Тихо, на цыпочкахъ прошелъ въ переднюю. Ноги подгибались. Быстро спустился по лѣстницѣ. Внизу у швейцара спрашиваю, гдѣ горитъ, хотя уже хорошо знаю.

Пестрая толпа загородила путь. Она разсѣялась по всей улицѣ. Въ неподвижномъ и тупомъ любопытствѣ слѣдила за неожиданными взрывами огня въ раскрытыхъ большихъ окнахъ. Взволнованно, живо бѣгали, кричали, поднимались на крышу, рубили топорами пожарные. Бросались въ глаза энергичныя, закоптѣлыя лица. Каски мигали гладкой мѣдью.

Изъ-подъ крыши ползъ тяжелой, темной лавой ѣдкій дымъ. Потомъ вдругъ сразу освѣтились окна трехъ этажей.

Зловѣщее пламя озарило краснымъ огнемъ всѣ лица. Крикъ, плачъ—все смѣшалось съ глухимъ стукомъ падавшихъ балокъ, пронзительнымъ скрипомъ срываемаго желѣза и грохотомъ подъѣзжавшихъ машинъ.

Красныя, желтыя искры подымались высоко и разсыпались фонтаномъ брызгъ.

Закашлялся, захлебнулся. Чуть не задохнулся. Подбѣжалъ совсѣмъ близко и въ отчаяніи громко, тягуче сталъ звать Вѣру и Таню.

Гдѣ онѣ, гдѣ?..

Сомнѣнія нѣтъ, загорѣлся домъ, гдѣ жили родныя подруги моихъ дѣтскихъ игръ и лепета, откуда нѣсколько часовъ раньше я вышелъ съ затаеннымъ личнымъ горемъ и тяжкой обидой.

Жуткій, раненый знакомый крикъ погасилъ собою все:

— Моя Таня тамъ!.. Въ огнѣ!.. Спасите мою Таню!..

Спутанные желтые волосы скрывали лицо. Разорванное платье болталось и путало ноги. Вдругъ Вѣра увидѣла меня. Подбѣжала. Пронизывающимъ взглядомъ юродивой глубоко посмотрѣла въ глаза. Обняла за шею. Тихимъ шопотомъ, торопясь, заговорила:

— Вы здѣсь... Такъ и знала, что придете. Почувствовала... Спасите же Танюшу, чего стоите... Вы должны... Спасете,—да?.. Какъ она осталась тамъ?—спрашиваете. Развѣ я знаю... Идите!..

Она такъ сильно толкнула меня, что я покачнулся. Съ трудомъ удержался на мѣстѣ.

„Я дѣйствительно долженъ... это несомнѣнно“...

Стряхнулъ съ себя минуту колебанія, животный страхъ.

Маленькая свѣтлая мысль—спасти Таню—сковала мнѣ твердое рѣшеніе. Яркая точка ширилась, росла и повела меня за собой.

Отчетливо читалъ въ глазахъ, съ какой затаенной жутью проводили меня окружающіе:

„Не вернется... Не вернется...“

Я кинулся вверхъ по широкимъ ступенямъ гранитной лѣстницы.

На порогѣ квартиры—жаркій, остро-рѣжущій дымъ ослѣпилъ глаза мои, остановилъ меня только на минуту. Я хорошо зналъ расположеніе квартиры. Ощупью нашелъ дѣтскую. Огненный адъ. Запахъ гари душилъ меня. Загорѣлось лицо, волосы. Под-

бѣжалъ къ маленькой кровати. „Цѣла. Слава Богу, Таня молчитъ. Не спитъ ли крошка? Не понимаю, почему она молчитъ“... Схватилъ ее съ одѣяломъ вмѣстѣ. Бѣгу, возвращаюсь со своей дорогой ношей. Но досада: пламя меня остановило. „Только бы пройти здѣсь“... Я уже и самъ весь живой, свѣтлый факелъ. Въ дверь невозможно. Мнѣ въ окно подали гибкую, длинную лѣстницу. Поползъ внизъ. Въ крѣпкихъ, оцѣпенѣлыхъ рукахъ молчитъ Таня. А я медленно, въ безсознаніи сталъ погружаться въ черную безконечную пропасть, въ бушующій котелъ горючей лавы.

V.

Горячій лучъ солнца пробѣжалъ въ открытое окно, устремился. Обжегъ мои вѣки. Разбудилъ меня. Мягкій вѣтерокъ принесъ съ собой сладкій запахъ почекъ, распускающихся березъ. Я проснулся бодрый. Протянулъ далеко ноги. Радость обняла меня. Захотѣлось смѣяться навстрѣчу молодой веснѣ. Съ трудомъ приподнялся на локтѣ. Неожиданно встрѣтился съ своимъ отраженіемъ въ гладкомъ зеркалѣ. Вмѣсто своего лица увидѣлъ кровавое пятно — большое. Ужаснулся. Скрючился, какъ подъ ударомъ. Трудно привыкнуть. У меня не было больше лица. Тотъ образъ свой, который я зналъ съ дѣтства, — съ такой постепенностью онъ мѣнялся, что даже не замѣчалъ того,—теперь мнѣ его не увидѣть никогда. Какое страшное слово — „никогда“.

Мозгъ загорѣлся до боли. Вспомнилъ пережитое за послѣднее время. На седьмой день я очнулся. Говорятъ, до того я лежалъ недѣлю въ бреду. Приходилось связывать. Бросался. Звалъ страшнымъ крикомъ Танюшу и Вѣру.

Но что было, когда впервые себя увидѣлъ въ предательскомъ зеркалѣ! Я разбилъ голову, ранилъ объ кровать. У меня не было оружія близко, не то въ отчаяніи...

Но мгновеніе прошло. Жизнь упорно, назойливо стала звать за собой. Все стучалась она въ мою дверь. Весна ярко засіяла близко. Вино медленно вливалось въ сосудъ.

Кровать была для меня все мое жилище. Я лежалъ скованный. Не двигался. Все размышлялъ. Въ нѣсколько дней я успѣлъ передумать больше, чѣмъ во всю свою безтревожную, легкую жизнь. Маленькія, чуть замѣтныя, мысли прилетали красненькими, синими, черными точечками, сцѣплялись хороводомъ или тянулись въ длину. Онѣ заполняли собой всѣ мои долгіе дни и безъ сна короткія ночи. Постепенно душа подымалась, отдѣлялась отъ будничной жизни. Порой я прислушивался къ спавшей вокругъ тишинѣ и находилъ тотъ же отзвукъ въ себѣ.

Та далекая, слишкомъ земная, жизнь отдѣлилась пропастью. Казалось, она была въ иномъ мірѣ. Больше ничто не давило моего сознанія. Не тосковало сердце надъ потерянной радостью страсти, эгоистичной молодой любви и красоты тѣла. Случайный взглядъ, брошенный въ зеркало, вырвалъ на одинъ мигъ только крикъ ужаса и оцѣпенѣнія, но потомъ маленькія желанія снова поблѣднѣли, затерялись. Путь мой ширился и окрашивался звонкимъ серебромъ лучей новой весны.

Невидимая рука сотворила чудо: я позналъ правду, свою правду. Она спасла меня... Я буду любить людей, всѣхъ людей, красоту окружающую и моего Бога.

Босой, въ немытомъ рубищѣ, я тяжело нагружу себя счастьемъ. согну спину и понесу его другимъ... Щедро раздавать... А если они будутъ отъ меня бѣгать, сторониться моего безобразія—тогда лицо закрою... Знаю. Въ презрѣніи они забросаютъ меня больно острыми камнями. Но я стерплю. Все съ тихой радостью стерплю. Только, когда устану—на время уйду въ глубокіе, неподвижные лѣса, къ задумчивымъ, стекляннымъ загадочнымъ озерамъ, которыя отражаютъ лишь одну чистоту пустыннаго неба...

. . . .

Не слышалъ звонка изъ передней.

Дверь забила дробью, на тугихъ петляхъ.

На порогѣ стояла сестра.

— Что, Настенька?

Свѣтло-синіе, молодые глаза ласково, съ состраданіемъ посмотрѣли на меня.

— Вѣра здѣсь... Пришла сейчасъ... Проситъ... Она хочетъ видѣть тебя... Можно ей?..

Мнѣ было все равно. Я нѣмо кивнулъ головой.

Мысли унеслись далеко.

Я долго ждалъ, равнодушно, со скукой ждалъ Вѣру.

Она, торопясь, вошла. Прислонилась къ косяку двери... Не сразу посмотрѣла въ мою сторону. Долго, внимательно изучала картины на стѣнѣ. Потомъ точно случайно взглянула мнѣ въ лицо. Отступила. Зубы отчетливо застучали. Страхъ согнулъ ее. И хотя она низко скрыла лицо свое, я все-таки ясно прочелъ невольную брезгливость. Но въ одну минуту она пересилила тяжесть. Со скрытой болью свела брови. Медленно подошла къ моей кровати. Долго, неподвижно-молча стояла въ свинцовомъ снѣ. Вдругъ упала на колѣни. Тихо подползла ко мнѣ вплотную. Безпомощно положила голову на мою постель. И тягуче, жалко заплакала. Слезами запятнала простыню.

На мои глаза опустилась мутная ткань. Предметы нестественно задвигались, разбѣжались въ разныя стороны.

Мы въ тайномъ молчаніи долго прислушивались къ пугливой тишинѣ комнатъ и дальнему пѣнію кровельщиковъ на крышѣ. Потомъ я поборолъ слабость, приподнялся немного. Чуть коснулся своей болѣзненно-блѣдной рукой ласковыхъ волосъ Вѣры. И печально высокимъ голосомъ заговорилъ:

— Много хочу сказать тебѣ, да не знаю, выйдетъ ли?.. Не умѣю. Слова пропадаютъ куда-то.

„Ты думаешь, я не знаю, что Таня умерла? Знаю. Давно... Когда тутъ нечаянно тогда проговорились... Признаюсь, я на минуту палъ. Страданія смяли меня подъ собою. Я роптал. Смотрѣлъ въ небо и роптал. Но теперь я какъ бы ушелъ далеко и слышу свой плачъ на разстояніи... Много легче такъ.

„И сами-то мы потихонечку идемъ туда же...

„Не говори... И такъ понялъ. Знаю, зачѣмъ пришла...

„Ты отреклась отъ себя. Эта радость на мигъ подняла тебя. Принесла сюда. Ты готова была сказать, что останешься здѣсь, около меня... Всегда со мной. Облегчать будешь тяжесть. Поможешь безпомощному. Сотрешь слезы печали... Искупить хотѣла... Думала только о внѣшной красотѣ. И вотъ... когда подошла близко и увидѣла огромный кровавый глазъ вмѣсто лица... Скажи, скажи,—нашла ли ты хоть одну прежнюю черту, которая была знакома тебѣ съ дѣтства?..

„И вотъ, когда ты увидѣла этотъ большой красный глазъ—зрачки твои отупѣли, расширились. Вся скрючилась въ страхѣ. Четко выразила отвращеніе... Ты, можетъ-быть, даже со стыда ударила бы себя. Но все-таки теперь не въ силахъ уже сказать мнѣ всего того, что надумала раньше... Нѣтъ... Не надо...“

Пауза связала узелъ на длинной нити. Унесла меня за предѣлы несложныхъ переживаній нашего маленькаго земного острова въ пустынѣ моря.

Жуткое, съ выкрикомъ, низкое рыданіе Вѣры разбудило меня.

Душа моя судорожно рванулась. Бѣлыми крыльями любви осторожно она коснулась прекрасныхъ скорбныхъ глазъ молодой женщины.

Длинными исхудавшими пальцами я чуть слышно провелъ по мокрому лицу ея. Коротко вздохнулъ. Ласково, но твердо зазвучалъ мой голосъ:

— Успокойся, мой другъ... всѣ мы друзья...

„Теперь мнѣ ничего отъ тебя не нужно. Я богаче во много разъ... Таня умерла... а съ нею случайно и неожиданно многое умерло.

„Я тебя люблю... Только сейчасъ люблю—въ несчастьѣ твоемъ... Вотъ я разскажу потомъ... когда-нибудь, какъ я нашелъ...

„Знаешь, я нашелъ радость, большое солнце радости—въ себѣ... Дѣлить буду ее теперь...

„Вѣра, Вѣра... Полюби Бога въ душѣ крошечной черной мошки и согнутой вѣтромъ, чуть видной зеленой травки...“

. . . .

Внезапный легкій сонъ замкнулъ мои утомленныя вѣки. Оборвалъ сознаніе. Передо мной видѣніемъ предстало Христово Царство...

Изъ черной глубины тайнымъ страхомъ заколдованнаго, неподвижнаго лѣса на широкую ярко зеленую поляну, усаженную цвѣточками, я привелъ за собой — калѣкъ, убогихъ, юродивыхъ и много маленькихъ бездомныхъ дѣтей.

Круглое въ яркомъ сіяніи солнце поднялось въ туманную высоту и освѣтило наши бѣлыя одежды.

Надъ отвѣснымъ каменистымъ берегомъ выцвѣтшаго синяго озера, загадочно сомкнувшаго мертвую бездну, мы Его увидѣли. Онъ медленно шелъ навстрѣчу. Спина согнулась подъ тяжестью деревяннаго креста. Красныя капли смѣшались съ потомъ и падали на блѣдное худое лицо изъ-подъ колючаго вѣнка. Волосы и борода спутались. Глубоко ласково смотрѣли широко раскрытые, ясные глаза. Свѣтлое небо отразило въ себѣ всѣ земныя страданія человѣка. Тогда я протянулъ къ Нему свои молящія руки. И громко воззвалъ:

— Къ Тебѣ пришли мы въ радости!.. Дай намъ крестъ Твой,— всю тяжесть его!..

На томъ заканчиваю.

Сѣроватая темень вечера уже проникаетъ черезъ маленькое окно моего лѣсного жилья и ползетъ ко мнѣ на столъ. Бревенчатыя, нагія стѣны скрываются въ узорномъ туманѣ. Тишина далеко распростерла свою тѣнь. Молчаніе по-своему живетъ и дышитъ. Съ нѣжной радостью смотрю я на ярко-красную полосу неба. Блѣдная, робкая звѣзда притаилась. Блеснетъ и погаснетъ.

Густая зелень березъ тяжестью своей согнула вѣтви внизъ. Расписной стѣной, кружевомъ широкихъ листьевъ оградила меня.

Далеко свѣтится оранжевое Онежское озеро, переходящее въ опаловый цвѣтъ.

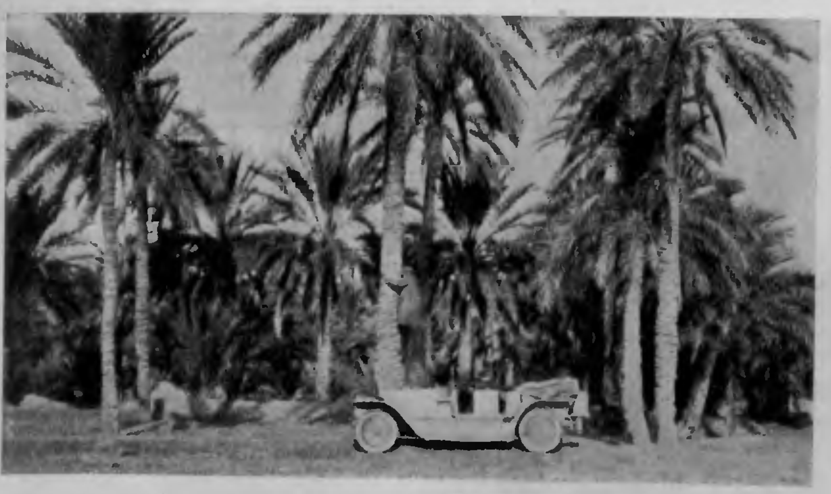
Живой хороводъ воспоминаній закружился. Взвился надъ моей головой. Передъ глазами длинная полоса скитанія—съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ...

„Какъ захочешь, Господи, такъ и будетъ“...

Я разслышалъ молодые голоса. Они звонко привѣтствуютъ Тебя.

Пойду кормить на ночь своихъ маленькихъ питомцевъ—крошечныхъ бездомныхъ больныхъ птицъ и звѣрей.

Подъ пальмами. Эль-Кантора (Алжирія).

На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ.

Очеркъ **А. П. Нагеля.**

(Съ 9 фотогр. снимк. на стр. 173 и 174).

Вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, американскимъ журналистомъ Бобомъ Вильсономъ, я покрылъ на русскомъ автомобилѣ до 20.000 километровъ, посѣтивъ наиболѣе живописныя мѣстности Сѣверной Африки.

Такимъ образомъ къ настоящему моменту мой спортивный формуляръ достигъ почти 80.000 километровъ, пройденныхъ на той же вѣрной русской машинѣ.

Когда мы рѣшили предпринять новое путешествіе на моемъ автомобилѣ, моей первой мыслью было выработать такой маршрутъ, который могъ бы представить собою наибольшій интересъ для спортсмена-автомобилиста. И моей первой мыслью явилось желаніе посѣтить Африку, гдѣ еще ни разу не было ни одного русскаго автомобиля.

Переправа въ бродъ черезъ горную рѣку.

Въ зыбучихъ пескахъ Сахары, на караванномъ пути.

Далекая Африка представляется намъ какимъ-то миѳомъ, обвѣяннымъ знойными дуновеніями тропической легенды. И впервые за все существованіе африканскаго материка и его жаркой Сахары по ней пронесся русскій автомобиль.

Нашъ маршрутъ былъ слѣдующій: Петербургъ — Псковъ — Рига — Тильзитъ — Кенигсбергъ — Берлинъ — Франкфуртъ-на-Майнѣ — Мецъ — Парижъ — Ліонъ — Авиньонъ — Ницца — Марсель — Перпиньянъ — Барселона — Валенсія — Карѳагенъ — переправа въ Оранъ, нѣсколько поѣздокъ въ его окрестности, Тунисъ — Алжиръ — Бужи — Константина — Бискра (оазисъ въ Сахарѣ, самый южный пунктъ поѣздки) — Батна — Филиппвиль — Тунисъ — переправа моремъ въ Неаполь — Римъ — Флоренція — Пиза — Генуя — Монако — Ницца — Марсель — Ліонъ — Парижъ.

Финишъ состоялся въ Парижѣ; торжественная встрѣча была организована спортивной газетой „Auto“.

Изъ моихъ африканскихъ впечатлѣній съ особеннымъ интересомъ припоминаю часть пути, которую пришлось проѣхать подъ снѣгомъ. Снѣгъ въ Африкѣ! Неправда ли, какъ странно звучитъ это для нашего уха? Правда, это было въ горахъ, но все же снѣжный покровъ на такомъ „глубокомъ“ югѣ, какъ Африка, произвелъ на туристовъ сильное впечатлѣніе! Ѣздили мы по снѣгу въ части пути, пролегающей по Атласскимъ горамъ на сѣверномъ побережьѣ Африки; максимальная высота, достигнутая нами, 1.300 метровъ надъ уровнемъ моря, снѣгъ появился уже на высотѣ 600 метровъ.

Самое интересное въ Африкѣ, конечно, Сахара; вопросъ о ея непроходимости — миѳъ; усиленное движеніе каравановъ приуготовило намъ хорошій путь. Тѣмъ не менѣе хозяева этого пути—верблюды, „корабли пустыни“,—шарахались въ сторону, когда наша машина обгоняла караваны. Во всякомъ случаѣ автомобиль въ пустынѣ производилъ довольно своеобразное впечатлѣніе. Шоссейныя дороги въ Африкѣ великолѣпныя. При поѣздкѣ по грунтовымъ дорогамъ пахнуло чѣмъ-то роднымъ, русскимъ.

Удачный исходъ поѣздки по дорогамъ Африки придалъ намъ смѣлость попытаться пройти въ самую глубь страны; къ сожалѣнію, упершись черезъ нѣкоторое время въ песчаныя дюны, мы принуждены были отказаться отъ осуществленія этого плана; такимъ образомъ все-таки не вся Сахара оказалась доступной для культурнаго „auto“.

Во время одной изъ ночныхъ поѣздокъ въ горахъ Атласа мы налетѣли на стадо дикобразовъ; сильный свѣтъ электрическихъ фонарей привелъ ближайшіе ряды этихъ оригинальныхъ животныхъ прямо въ каталептическое состояніе; будь мы охотниками, намъ ничего не стоило бы собрать богатѣйшіе охотничьи трофеи.

Къ стыду Европы, а въ особенности

Снѣжная дорога въ горахъ Африки.

„На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ“. По фотографіямъ, снятымъ самимъ путешественникомъ.

Въ ожиданіи парома, недалеко отъ Карѳагена.

послѣдніе, какъ оказывается, чинятъ свои дороги слѣдующимъ образомъ: насыпаютъ щебень и предоставляютъ ему самому впитываться въ землю; не желая быть варварами по отношенію къ нашимъ шинамъ, мы принуждены были ѣхать почти шагомъ.

При возвращеніи моремъ изъ Африки насъ ждала чрезвычайно бурная переправа. Автомобиль, привязанный на палубѣ, поминутно принималъ значительныя морскія ванны, что, впрочемъ, не оставило никакого слѣда на „блестящемъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова состояніи его „здоровья“.

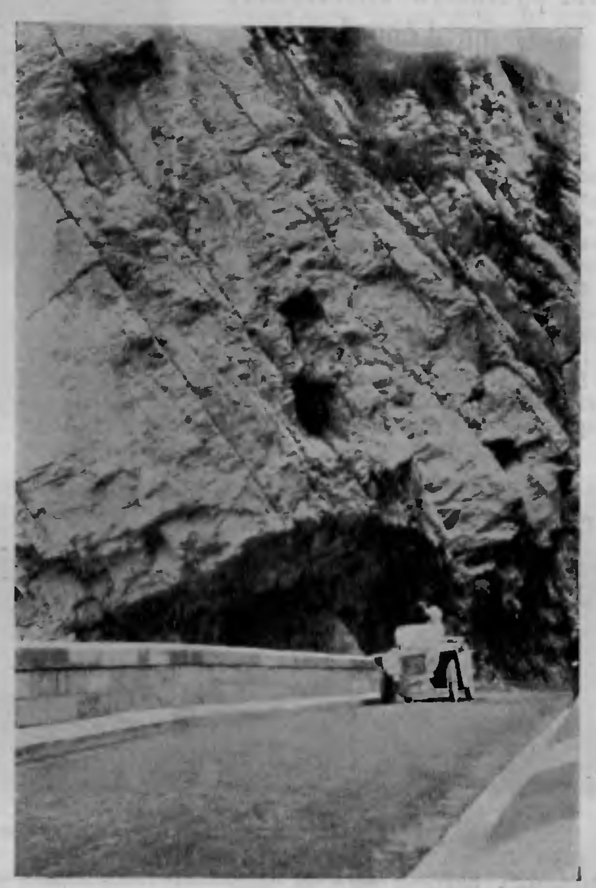
Нельзя не отмѣтить, что наша русская машина на всемъ пути своего слѣдованія была предметомъ особаго вниманія какъ автомобильныхъ организацій, такъ и населенія тѣхъ пунктовъ, гдѣ мы останавливались. Особенно теплый пріемъ былъ оказанъ въ Парижѣ и въ Монте-Карло. И вообще все это путешествіе оставило послѣ себя множество интересныхъ и яркихъ впечатлѣній.

ея дорогъ, не могу не отмѣтить, что менѣе всего страдала наша машина на дорогахъ Африки; во время же пути въ Италіи и Испаніи намъ нерѣдко приходилось съ раскаяніемъ вспоминать о нашемъ отношеніи къ плохимъ, но все же болѣе терпимымъ русскимъ дорогамъ. Въ особенности тяжко приходилось автомобилю на узкихъ улицахъ, вымощенныхъ щебнемъ и представляющихъ собою настоящія лѣстницы.

Живописнѣе испанскихъ дорогъ я ничего не видѣлъ: пролегаютъ дороги черезъ горы, пышныя долины, красивые лѣса; но состояніе этихъ дорогъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Глубокія, порою всего лишь въ метръ, узкія, неправильныя колеи, частые обрывы, выбоины, скрытыя лощины характеризуютъ лучше всего тѣ терніи, которыя выпали на долю нашего автомобиля. Впрочемъ, извѣстный рекордъ, въ смыслѣ плохого состоянія дороги, побила все же Италія: во время пути Римъ—Неаполь—Флоренція намъ пришлось познакомиться съ прелестями оригинальныхъ принциповъ дорожнаго строительства итальянцевъ. Эти

Корабли пустыни и современный „пожиратель“ пространства.

Шабатъ-Эль-Ахра—ущелье въ Атласскихъ горахъ.

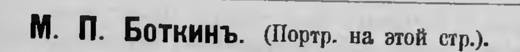

„Неважная дорога“—около Туниса.

По мосту около Туниса.

„На русскомъ автомобилѣ по Африкѣ“. По фотографіямъ, снятымъ самимъ путешественникомъ.

М. П. Боткинъ. (Портр. на этой стр.).

22 января с. г. скончался извѣстный русскій художникъ, академикъ, Михаилъ Петровичъ Боткинъ. Еще такъ недавно, въ сентябрѣ истекшаго года, у насъ въ „Нивѣ“ было отмѣчено 50-лѣтіе дѣятельности покойнаго художника, какъ академика. Долгая, богатая содержаніемъ жизнь его закончилась спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того неожиданной тяжкой болѣзнью и смертью.

М. П. Боткинъ, по справедливости, считался однимъ изъ ветерановъ и столповъ Академіи Художествъ. Его дѣятельность въ стѣнахъ этого высшаго художественнаго учрежденія была цѣлой исторической эпохой, начинаясь еще отъ дореформеннаго академическаго строя и восходя къ новымъ временамъ и вѣяніемъ. М. П. Боткинъ былъ живой лѣтописью Академіи. Спеціалистъ по исторической и библейской живописи, онъ самъ представлялъ собою живое историческое лицо въ Академіи и казался настоящимъ библейскимъ патріархомъ среди академической молодежи.

Суховатый и строгій въ краскахъ и линіяхъ, покойный М. П. Боткинъ представлялъ собою типъ спокойнаго и уравновѣшеннаго, и притомъ глубоко-культурнаго, художника. Его картины отличались рѣдкими графическими достоинствами, обдуманной гармоніей рисунка и глубокой идейной содержательностью. Таковы, напримѣръ, его „Жены, смотрящія издали на Голгоѳу“, „Бесѣда Христа на горѣ Елеонской“, Богоматерь“ и др.

Очень большую, можно сказать незамѣнимую, роль покойный художникъ игралъ въ общественной жизни художниковъ. Съ давняго времени онъ участвовалъ въ дѣлахъ Общества Поощренія Художествъ, въ многочисленныхъ комиссіяхъ по разнымъ художественнымъ дѣламъ и вопросамъ, завѣдывалъ художественными отдѣлами на различныхъ выставкахъ и т. п. Незамѣнимую услугу М. П. Боткинъ оказалъ русскому искусству еще и тѣмъ, что издалъ прекрасную книгу: „Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“. Ивановъ былъ для М. П. Боткина какъ бы предметомъ культа: всю жизнь М. П. Боткинъ собиралъ эскизы и этюды Иванова, свято хранилъ ихъ въ своемъ домашнемъ музеѣ и неустанно такъ или иначе пробуждалъ и поддерживалъ въ

Академикъ Михаилъ Петровичъ Боткинъ (1839—1914). По фот. М. Брейткаса.

„Голова юноши“ — бюстъ работы Леонардо да-Винчи. Изъ собранія М. П. Боткина.

Собраніе М. П. Боткина. Комната эпохи итальянскаго Возрожденія. По фот. М. Брейткаса.

русскихъ художественныхъ и интеллигентныхъ кругахъ память и интересъ къ великому и несчастному автору „Явленія Христа народу". Не задолго до смерти онъ собирался приступить къ новому сборнику, посвященному памяти Иванова. Но это намѣреніе уже осталось не выполненнымъ.

Специалистъ по исторической живописи, М. П. Боткинъ былъ знатокомъ исторіи, и въ качествѣ такового онъ состоялъ членомъ Императорской Археологической Комиссіи, Русскаго Археологическаго Общества, Германскаго Археологическаго Института въ Римѣ и другихъ подобныхъ учрежденій. Страстный коллекціонеръ-археологъ, М. П. Боткинъ создалъ у себя дома свой собственный музей памятниковъ искусства и предметовъ старины.

М. П. Боткинъ родился въ 1839 году въ Москвѣ, въ извѣстной купеческой семьѣ Боткиныхъ, давшей цѣлый рядъ талантливыхъ русскихъ людей. По окончаніи курса въ одной изъ московскихъ гимназій, М. П. Боткинъ поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ академиковъ Завьялова и Бруни. Послѣ пенсіонерской командировки за границу, въ Италію, Боткинъ выставилъ въ 1863 году двѣ первыя свои картины „Вакханка съ тамбуриномъ" и „Плачъ Іудеевъ на рѣкахъ вавилонскихъ". За вторую изъ этихъ картинъ онъ получилъ званіе академика.

М. П. Боткинъ выставлялъ свои картины преимущественно на академическихъ выставкахъ, хотя одно время участвовалъ и въ товариществѣ Передвижниковъ. Склонный всего болѣе къ исторической живописи и къ сюжетамъ историко-религіознаго содержанія, онъ отдавалъ также дань итальянскому народному жанру и произведеніямъ портретнаго жанра. Кромѣ упомянутыхъ картинъ, пользуются извѣстностью еще слѣдующія его произведенія въ этомъ послѣднемъ родѣ: „Вечерня въ Ассизи", „Четыре времени года", „Антикварій", „Монахиня", портретъ художника С. П. Постникова и др. Картины М. П. Боткина находятся по преимуществу въ заграничныхъ галлереяхъ, и лишь небольшое количество ихъ пріобрѣтено Третьяковской галлереей.

Будучи человѣкомъ широкой инициативы и унаслѣдовавъ отъ своей купеческой родни любовь къ дѣламъ чисто-практическаго характера, покойный художникъ не мало времени и труда удѣлялъ торгово-промышленной дѣятельности. Онъ состоялъ однимъ изъ директоровъ пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій", предсѣдателемъ правленія 1-го Россійскаго страхового общества, членомъ совѣта СПБ. Международнаго коммерческаго банка. Рѣдкая работоспособность, энергія и крупный умъ позволяли ему совмѣщать эту дѣятельность съ такъ горячо любимымъ имъ искусствомъ.

Скончался онъ въ преклонномъ возрастѣ, всѣми уважаемый, пользующійся искренними симпатіями и любовью въ средѣ русскихъ художниковъ. Долгая, богатая содержаніемъ, жизнь была прожита имъ плодотворно, и онъ оставилъ богатое наслѣдство нашему искусству и въ своихъ произведеніяхъ и въ тщательно собранныхъ и сохраненныхъ коллекціяхъ...

Новый монархъ въ Европѣ—Принцъ Вильгельмъ Видъ, избранный въ правители Албаніи.

Новый монархъ въ Европѣ.

Албанія наконецъ получила своего правителя, а скромный прусскій офицеръ принцъ Вильгельмъ Видъ украсилъ свое чело албанскою короною. Безконечная путаница албанскаго вопроса, начавшаяся съ двукратнаго возстанія албанцевъ противъ младотурокъ и давшая толчокъ къ распаденію Турціи, закончилась провозглашеніемъ Албаніи назависимымъ государствомъ съ германскимъ принцемъ во главѣ. Молодой монархъ, раньше чѣмъ появиться въ своемъ государствѣ и показаться возлюбленному народу, счелъ своимъ долгомъ сдѣлать визиты всѣмъ великимъ державамъ, избравшимъ его правителемъ новорожденнаго государства. Послѣ Рима онъ посѣтилъ Вѣну, затѣмъ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ и закончилъ свои визиты Петербургомъ. Албанская депутація во главѣ съ Эссадомъ-пашою, пріѣхавшая звать молодого принца на царство съ увѣреніями въ горячей любви и преданности его особѣ всего албанскаго народа, выслушала отъ своего правителя не менѣе горячія увѣренія въ его любви и преданности новому отечеству. Очевидно, не только любовь, но даже самый патріотизмъ можетъ быть заочнымъ. Смотринами остались довольны обѣ стороны и все возвѣщаетъ новому союзу безоблачно-счастливую будущность. Правда, примѣръ Максимиліана въ Мексикѣ и Александра Баттенбергскаго въ Болгаріи предостерегаетъ, что иногда такіе случайные браки между правителями и народами кончаются трагически, но еще большее количество историческихъ примѣровъ свидѣтельствуетъ о томъ, что коронованные пришельцы, обладающіе минимумомъ такта, почти всегда успѣваютъ заслужить искреннюю любовь управляемыхъ ими народовъ.

Напримѣръ, героическій болгарскій народъ, несмотря на рабское послушаніе своего пришлаго царя Фердинанда предательскимъ совѣтамъ изъ Вѣны наканунѣ второй балканской войны, окончившейся для Болгаріи утратой всѣхъ завоеваній, до сихъ поръ продолжаетъ вѣрить въ его великій дипломатическій талантъ и пламенный болгарскій патріотизмъ. Отчего въ такомъ случаѣ албанцамъ не вѣрить въ албанскій патріотизмъ прусскаго офицера, который пока еще не сдѣлалъ имъ ровно ничего худого? Полудикій, некультурный народъ прежде всего долженъ оцѣнить въ немъ культурнаго и просвѣщеннаго правителя. Вильгельмъ I албанскій прекрасно знаетъ, на чемъ зиждется жизнь культурныхъ государствъ, и потому начинаетъ политическое бытіе независимаго Албанскаго королевства съ заключенія иностраннаго займа, уже оборудованнаго для него дипломатами съ участіемъ и державъ тройственнаго согласія. Расплата за заемъ, конечно, неизбѣжна, но вѣдь естественныя богатства Албаніи совсѣмъ еще не тронуты, а ея географическое положеніе на пути къ Эгейскому морю дѣлаетъ ея земли чрезвычайно цѣнными для сѣвернаго сосѣда. Единственнымъ печальнымъ и даже тревожнымъ предзнаменованіемъ для новаго правителя является то обстоятельство, что почти наканунѣ пріѣзда къ нему албанской депутаціи съ призывомъ быть повелителемъ страны, въ послѣдней начало обнаруживаться что-то въ родѣ революціоннаго движенія среди мусульманскаго населенія, требующаго не то возсоединенія съ Турціею, не то назначенія мусульманскаго князя. Но, въ сущности, это движеніе не представляетъ большой опасности. Исторія современной Турціи, Персіи, Марокко и нѣкоторыхъ африканскихъ государствъ показываетъ, что мусульманскій фанатизмъ оказывается довольно кроткимъ, когда съ нимъ борются путемъ денежныхъ и культурныхъ соблазновъ.

Повидимому, мусульманскому движенію послѣднихъ дней не былъ чуждъ Эссадъ-паша, но это нисколько не помѣшало ему предстать предъ принцемъ Видомъ во главѣ депутаціи, зовущей его занять албанскій престолъ. Несравненно труднѣе молодому Вильгельму албанскому будетъ поддерживать равновѣсіе въ области дипломатическихъ требованій, подвергающихъ внутреннее управленіе Албаніи международному контролю. Являясь проводникомъ австро-германскихъ вожделѣній, онъ неизбѣжно возбудитъ противъ себя ненависть и интриги Италіи, располагающей возможностью устроить дворцовый заговоръ; тяготѣя къ тройственному союзу—онъ встрѣтитъ противодѣйствіе тройственнаго согласія и т. д. При отсутствіи кровной и духовной связи съ народомъ, при отсутствіи какой бы то ни было опоры въ населеніи необходимость вѣчно лавировать между требованіями внѣшнихъ силъ дѣлаетъ положеніе крайне тяжелымъ, непрочнымъ и невѣрнымъ. Изъ него можетъ быть только одинъ выходъ: постепенной эмансипаціи, постепеннаго освобожденія отъ всякаго внѣшняго покровительства и политики искренняго слiянія съ задачами албанскаго патріотизма. Династическіе интересы не могутъ находиться въ противорѣчіи съ національными безъ крайняго риска для самой династіи. Король Карлъ румынскій забылъ о своемъ германскомъ происхожденіи и, сдѣлавшись первымъ румынскимъ патріотомъ, повернулъ свою политику отъ тройственнаго союза къ балканскому союзу. Царь Фердинандъ, напротивъ, остался австрійскимъ офицеромъ на болгарскомъ тронѣ—и послушаніемъ завѣтамъ австрійской политики въ славянскихъ дѣлахъ подрылъ свой собственный тронъ. Будущая судьба Вильгельма албанскаго всецѣло зависитъ отъ того, какому изъ этихъ двухъ курсовъ онъ послѣдуетъ въ своемъ управленіи страной. Если онъ забудетъ о старыхъ связяхъ для новаго отечества и приметъ лозунгъ: „Албанія для албанцевъ", а не для германцевъ и австрійцевъ, то, по примѣру того же Эссада-паши, заключившаго союзъ съ Черногоріей, поставитъ своей цѣлью не содѣйствіе австрійскому или итальянскому поглощенію Албаніи, а напротивъ—защиту ея самостоятельности путемъ мирнаго разграниченія съ албанскими сосѣдями, путемъ вступленія въ оборонительный балканскій союзъ подъ общимъ флагомъ, способнымъ объединить всѣ балканскіе народы: „Балканы для балканцевъ!"

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ № нашего журнала мы знакомимъ читателей съ произведеніями безвременно скончавшагося талантливаго художника М. А. Демьянова (портр. на стр. 180).

Сравнительно мало оцѣненный при жизни, молодой (онъ умеръ всего 38 лѣтъ) художникъ М. А. Демьяновъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ только теперь: по крайней мѣрѣ его картины, собранныя на недавней его посмертной выставкѣ, обратили на себя вниманіе самой широкой публики и по справедливости оцѣнены нашей художественной критикой. Эта выставка едва ли не впервые показала, какимъ громаднымъ талантомъ обладалъ безвременно скончавшійся художникъ, и какъ много успѣлъ онъ сдѣлать для искусства за свою короткую жизнь.

Михаилъ Александровичъ Демьяновъ родился въ 1875 году на Уралѣ. Художественное образованіе онъ получилъ въ московскомъ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества и позднѣе—въ Академіи Художествъ. Ученикъ Левитана, М. А. Демьяновъ работалъ также и въ классѣ проф. Киселева и въ теченіе своего академическаго курса неоднократно получалъ награды. Въ 1910 году за

Извѣстный беллетристъ, драматургъ и историкъ искусствъ Петръ Петровичъ Гнѣдичъ, назначенный директоромъ Музея Императорскаго Общества Поощренія Художествъ. По фот. К. Булла.

Академикъ скульптуры А. М. Опекушинъ. По поводу 50-лѣтія художественной дѣятельности. По фот. Штейнберга.

картину „Старые годы" художникъ получилъ заграничную командировку. Былъ онъ потомъ удостоенъ за этюды и работы и вторичной командировки и, между прочимъ, получилъ за пейзажи Ендогуровскую премію.

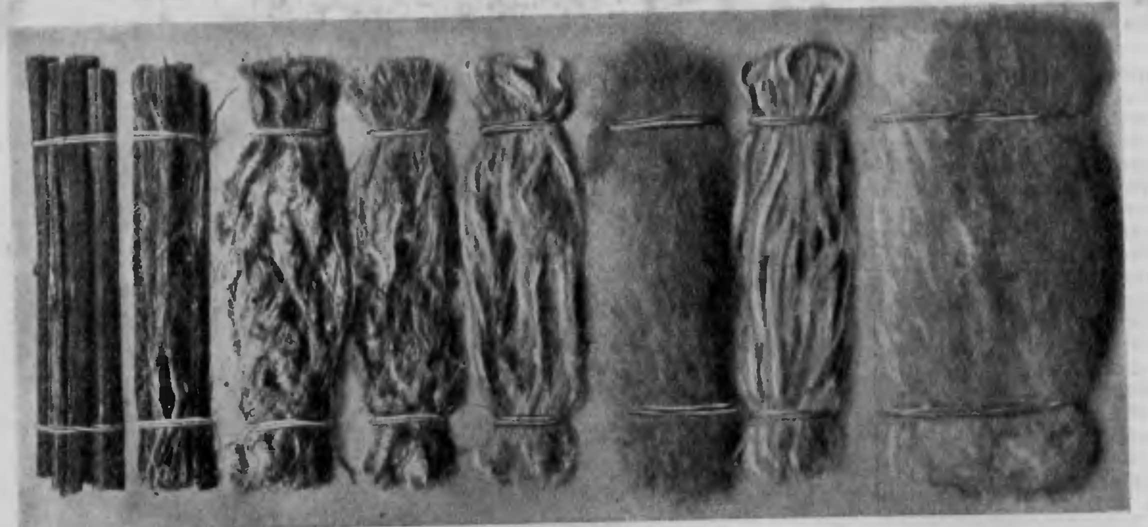
Роковой и преждевременный недугъ прервалъ творческую дѣятельность художника. Но покойный М. А. Демьяновъ былъ такъ плодотворенъ въ работѣ, что, несмотря на короткую жизнь, оставилъ множество прекрасныхъ произведеній.

Превосходный пейзажистъ, онъ умѣлъ передавать самую душу тѣхъ уголковъ природы, которые онъ изображалъ. Въ каждомъ пейзажѣ М. А. Демьянова чувствуется художникъ живой, думающій и чувствующій... Въ особенности же эта жизненность и мысль чувствуются въ тѣхъ картинахъ, которыя посвящены изображенію прошлой русской жизни: „*Старые годы*" и „*Въ старые годы*". Здѣсь пейзажъ, одушевленный самъ по себѣ, сливается съ типичными фигурами дѣйствующихъ лицъ, и картины эти проникнуты истинной поэзіей прошлаго, которое отцвѣтаетъ и уходитъ навсегда, тогда какъ природа всегда остается неизмѣнной и неизмѣнно-юной и прекрасной...

Та же жизненность наполняетъ собою даже самые бѣглые эскизы и этюды художника—его портретные опыты: „*Портретъ жены художника*", „*Портретъ С. Юшкевича*" и др., его наброски въ родѣ „*Русскаго павильона на выставкѣ въ Римѣ*" и т. п. Даже послѣдній этюдъ, написанный художникомъ въ Финляндіи за часъ до кончины, исполненъ живого вѣянія природы...

Въ лицѣ М. А. Демьянова русское искусство понесло тяжелую и скорбную утрату.

Прелестный пейзажъ „*Сумерки*" художника А. Теснера, воспроизведенный въ началѣ настоящаго нумера, включенъ въ сокровищницу русскаго искусства—Музей Императорской Академіи Художествъ. Авторъ „Сумерекъ", составившій себѣ имя въ художественомъ мірѣ именно этой картиной, къ сожалѣнію, ничего болѣе не далъ выдающагося родному искусству: ни на одной изъ выставокъ послѣднихъ лѣтъ не появлялось болѣе картинъ его чарующей кисти.

Стебли крапивы и выработанныя изъ нихъ волокна въ разныхъ степеняхъ ихъ обработки.

Крапива, какъ прядильное растеніе.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Наша обыкновенная сорная трава крапива содержитъ въ себѣ прекрасныя прочныя волокна, которыя были бы пригодны для пряжи и для тканей, если бъ былъ найденъ способъ легко добывать ихъ изъ ея стеблей. Притомъ такое ихъ примѣненіе не было бы и новостью, потому что во Франціи и Германіи изъ крапивныхъ волоконъ дѣлали ткани, которыя такъ и назывались крапивными; да и до сихъ поръ еще нѣмцы зовутъ нѣкоторые сорта грубыхъ хлопчатобумажныхъ тканей *Nesseltuch* *). Но какъ только появилась на сценѣ хлопчатая бумага, крапива тотчасъ же уступила ей мѣсто, потому что вата оказалась и дешевле и лучше. Волокно изъ крапивы было бы совсѣмъ дешево, если бъ былъ способъ легко добывать его и придавать ему дешевой обработкой хорошій видъ. Но въ томъ-то и дѣло, что до самаго послѣдняго времени не знали такого способа, и потому добываніе крапивнаго волокна обходилось дорого, и качество его было совсѣмъ не важное.

А между тѣмъ дешевизна самаго растенія, дикой сорной травы, никогда не переставала искушать техниковъ, и они много разъ подъ вліяніемъ толчковъ, даваемыхъ промышленными кризисами, съ рвеніемъ принимались за изысканія способовъ обработки крапивныхъ стеблей. Такъ, въ періодъ времени съ 1862 по 1867 годъ, когда разразился по случаю гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ хлопковый кризисъ, американское правительство старалось всѣми мѣрами поощрить изысканія, направляемыя къ замѣнѣ хлопка какимъ-нибудь другимъ прядильнымъ матеріаломъ, въ томъ числѣ и крапивою. Повторялись эти попытки много разъ въ разныхъ странахъ, но до послѣдняго времени ни одна изъ нихъ не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ настоящее время, какъ можно думать по сообщеніямъ, появившимся въ технической литературѣ, эта старая и трудная задача, кажется, наконецъ разрѣшена удачно. Новый способъ обработки на волокно крапивныхъ стеблей выработанъ австрійскими техниками и составляетъ собственность вѣнской фирмы Крейссля и Зейберта. Способъ технически подробно разработанъ, испытанъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ и далъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

По этому способу изъ свѣжаго стебля крапивы послѣ его 8—10-часовой обработки получается вполнѣ хорошее, удачно отбѣленное, готовое на пряжу волокно, которое притомъ обходится такъ дешево, что его рыночная цѣна будетъ значительно ниже цѣны хлопка.

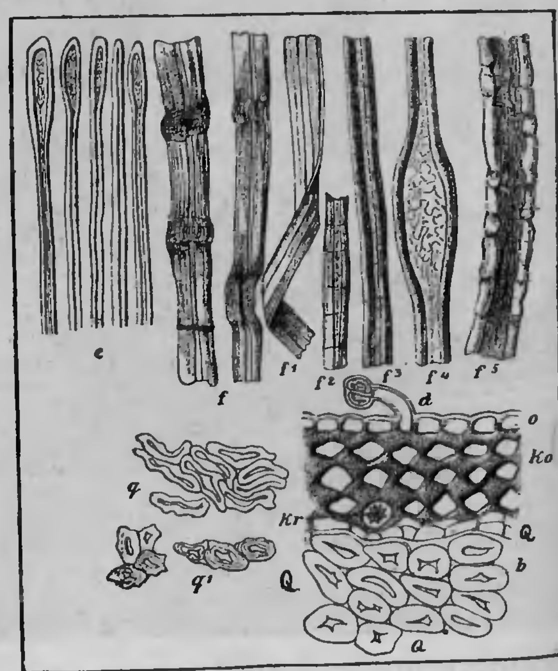
Крапива на волокно собирается дважды въ годъ: въ концѣ іюня и въ концѣ сентября. Жатва можетъ быть выполнена обыкновенной жатвенной машиной. Смотря по погодѣ, стеблямъ даютъ 2—3 дня подсыхать на полѣ; завядшіе стебли перестаютъ „жечься", такъ что ихъ смѣло можно брать въ руки: жжется только живое растеніе. Стебли „чешутъ" подобно льну, для удаленія вѣтвей и листьевъ. Оголенные стебли связываютъ въ пучки.

Такіе пучки грузятъ въ открытые котлы и полчаса варятъ въ слабомъ натровомъ щелокѣ (т.-е. водномъ растворѣ ѣдкаго натра). Отъ такой обработки ткань стеблей разрушается, и волокна отдѣляются отъ окружающей массы. По высушиваніи этого продукта, онъ вновь прочесывается на щеточныхъ валахъ, и тогда все постороннее отдѣляется отъ волоконъ, кромѣ пропитывающаго ихъ клеевого вещества. Въ этомъ видѣ волокно еще не годится въ дѣло, потому что клей придаетъ ему грубость и ломкость; оно можетъ быть немедленно пущено въ дальнѣйшую обработку или высушено и сложено на храненіе про запасъ. Дальнѣйшая же его обработка состоитъ въ новой варкѣ въ натровомъ щелокѣ, но на этотъ разъ въ герметически закрытомъ котлѣ и подъ сильнымъ давленіемъ (въ 15 атмосферъ). За обработкой щелокомъ слѣдуетъ промывка горячей водой, также въ закрытомъ котлѣ и подъ давленіемъ. Теперь большая часть примѣсей уже отходитъ отъ волокна, оно почти чисто и имѣетъ такой видъ, какъ показано на рис. 1 подъ буквою *c*. Новое кипяченіе въ щелокѣ подъ уменьшеннымъ давленіемъ (10 атмосферъ) удаляетъ послѣдніе слѣды примѣсей. Получается „обезклеенное" волокно, ровное, гладкое, блестящее, слегка желтоватое (*d* и *e*, 1). Тогда его отдѣлываютъ какимъ-нибудь обычнымъ способомъ, напр., обрабатывая хлорноватистокислымъ натромъ, при чемъ оно почти совершенно обезцвѣчивается, отнюдь при этомъ не утрачивая свойственнаго ему высокаго люстра (блеска). Дальнѣйшая обработка крапивнаго волокна — чесаніе и пр. — ведется такъ же, какъ и обработка всякаго иного прядильнаго матеріала.

Готовое крапивное волокно имѣетъ въ длину 25—30 мм. (вата—11—38 мм.), а въ толщину (или, правильнѣе сказать, въ ширину, потому что оно плоское)—около $^{1}/_{20}$ мм. На рис. 2 (*Q*) оно представлено при увеличеніи въ 350 разъ. Волокна крапивы имѣютъ видъ лентъ, по внѣшности вообще похожи на хлопковое волокно. Кончики крапивныхъ волоконъ напоминаютъ ложечки; это, повидимому, можетъ служить характернымъ отличіемъ крапивнаго волокна; по крайней мѣрѣ никакое другое изъ числа употребительныхъ волоконъ такими кончиками не обладаетъ. Оно очень мягко, гладко, ровно, не отличается той деревянностью, какая свойственна пенькѣ, джуту. У него чудный шелковистый блескъ и очень высокая крѣпость, часто превышающая крѣпость пеньки.

Способъ Крейссля и Зейберта даетъ выходъ въ 13% чистаго волокна изъ стебля, очищеннаго отъ вѣтвей и листьевъ; впрочемъ, выходъ нѣсколько колеблется соотвѣтственно возрасту растенія. Ленъ и конопля даютъ выходъ волокна до 20%. Но крапива можетъ быть посажена гуще, и тогда получится, что съ одного и того же пространства обработанной земли крапива даетъ столько же волокна, какъ ленъ и конопля.

Опыты пряденія и тканья изъ волоконъ крапивы показали, что они вполнѣ пригодны на всѣ обычныя примѣненія волокнистаго матеріала. Они даютъ прекрасныя, крѣпкія швейныя нитки и всевозможныя ткани очень изящнаго вида и значительной прочности. Въ смѣси съ хлопкомъ и льномъ, они съ полнымъ успѣхомъ могутъ замѣнять шелкъ, для приданія ткани блеска. Знатоки дѣла предсказываютъ крапивѣ хорошую будущность.

Волокна крапивы. Увеличено въ 350 разъ.

Нечего и распространяться о томъ, что крапива, какъ дикорастущая сорная трава, при сколько-нибудь заботливой культурѣ значительно улучшитъ свои качества. И теперь на жирной почвѣ она нерѣдко выростаетъ до двухъ аршинъ въ вышину, а при правильномъ и заботливомъ уходѣ навѣрное дастъ стебли до сажени въ длину. Притомъ, какъ растеніе туземное по всему пространству Европы, она не потребуетъ ровно никакихъ особенныхъ заботъ и дорогихъ культурныхъ пріемовъ.

*) Nessel — крапива, Tuch — сукно. Собственно слово Nesseltuch соотвѣтствуетъ нашему слово кисея.

Обсерваторія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. Общій видъ обсерваторіи. Семидюймовый рефракторъ Мерца.

Русское Общество Любителей Міровѣдѣнія.

(Рис. на этой стр.).

Цѣлый рядъ блестящихъ научныхъ успѣховъ за послѣднія два десятилѣтія, совершившихъ, особенно въ физикѣ, цѣлые перевороты, пробудили и въ широкой публикѣ нѣкоторый интересъ къ наукѣ. У насъ, въ Россіи, появились искренніе приверженцы и любители міровѣдѣнія, и въ Петербургѣ уже пять лѣтъ тому назадъ образовалось цѣлое общество такихъ любителей, которые подъ именемъ „Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія" соединились въ прочную организацію, имѣющую симпатичную задачу объединить всякихъ любителей физико-математическихъ знаній и содѣйствовать поднятію уровня и цѣнности ихъ научныхъ трудовъ. Возникшее изъ небольшого кружка лицъ, это Общество теперь насчитываетъ уже болѣе 220 своихъ сочленовъ, среди которыхъ на ряду съ обыкновенными лицами, просто интересующимися наукою, имѣются и нѣсколько лицъ съ дипломами докторовъ и магистровъ наукъ, не постѣснявшихся принять на себя званіе „любителя" ради искренняго сочувствія благородному стремленію къ идеальному знанію.

Сообразно съ дѣленіемъ естествознанія, и Русское Общество Любителей Міровѣдѣнія раздѣляется на нѣсколько секцій, но до настоящаго времени въ достаточной мѣрѣ оно успѣло лишь развить секцію астрономическую, подъ предсѣдательствомъ адъюнктъ-астронома Пулковской обсерваторіи Г. А. Тихова, и физико-химическую, подъ предсѣдательствомъ профессора Б. Л. Розинга. Ежемѣсячно Общество устраиваетъ публичныя общія собранія, на которыхъ читаются научные доклады и рефераты по возможности въ болѣе или менѣе популярномъ изложеніи, демонстрируются приборы, діапозитивы, сообщаются научныя новости и пр. Эти общія собранія происходятъ въ помѣщеніи С.-Петербургской консерваторіи съ любезнаго разрѣшенія директора ея, А. К. Глазунова, почетнаго члена Общества. Собранія же секцій происходятъ въ физической аудиторіи С.-Петербургской біологической лабораторіи съ любезнаго разрѣшенія директора ея, С. И. Метальникова, также почетнаго члена Общества.

Для предстоящаго въ этомъ году полнаго солнечнаго затменія Николаевская Главная Астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ съ любезнаго разрѣшенія директора ея академика О. А. Баклунда снабдила Общество цѣлымъ наборомъ разныхъ инструментовъ. Астрономическая обсерваторія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія помѣщается въ Тенишевскомъ училищѣ. Находившіеся раньше на ней инструменты, принадлежавшіе училищу, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и особенно по качеству далеко не отвѣчали задачамъ даже скромнаго любителя, и потому, благодаря любезному содѣйствію проф. С. П. Глазенапа, С.-Петербургскій университетъ пришелъ на помощь Обществу, предоставивъ ему 7-ми-дюймовый рефракторъ Мерца, который и былъ водворенъ въ башню Тенишевскаго училища. Этотъ лежавшій безъ употребленія при университетской обсерваторіи прекрасный телескопъ собранъ, приведенъ въ порядокъ, вывѣренъ и установленъ самими членами Общества, которые еще добавили къ нему фотографическую камеру съ трехдюймовымъ объективомъ, контрольную трубу съ объективомъ въ $3^{1}/_{2}$ дюйма, камеру для окулярныхъ увеличенныхъ снимковъ и пр. Телескопъ поставленъ на параллактическій штативъ Готье съ очень точными кругами, часовымъ механизмомъ и микрометрическими движеніями обѣихъ осей. При немъ имѣется также прекрасный микрометръ Мерца съ позиціоннымъ кругомъ, спектроскопъ à vision directe и пр. Обсерваторія открыта не только для членовъ Общества, но и для посторонней публики.

Кромѣ того, вотъ уже третій годъ, какъ Общество имѣетъ свой печатный органъ „Извѣстія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія", издающійся подъ редакціей члена со-

Первый французскій дирижабль „Шписсъ" (Spiess) твердаго типа, на подобіе нѣмецкаго Цеппелина, сооруженный Обществомъ „Зодіакъ" и носящій имя своего строителя эльзасца М. Шписса, перваго пропагандиста во Франціи твердой системы дирижаблей. Дирижабль „Шписсъ"— 110 метровъ длины и $13^{1}/_{2}$ метр. ширины, емкостью—12.000 куб. метр., снабженный четырьмя пропеллерами, размѣщенными съ обѣихъ сторонъ, и моторомъ въ 360 лошадиныхъ силъ—произвелъ свой первый полетъ съ аэродрома въ Сенъ-Сирѣ, близъ Парижа, облетѣлъ Парижъ и вернулся въ свой ангаръ черезъ Шалонъ-Медонъ. На нашихъ снимкахъ изображены начало полета „Шписса" и спускъ его на аэродромѣ въ Сенъ-Сирѣ.

вѣта Д. О. Святскаго. Предсѣдателемъ Общества съ самаго его возникновенія состоитъ Н. А. Морозовъ, а секретаремъ—инженеръ путей сообщенія В. А. Казицынъ.

Религіозныя гоненія въ Австро-Венгріи.

(Политическое обозрѣніе).

Отсутствіе опредѣленнаго національнаго большинства въ Австро-Венгріи дѣлаетъ ее государствомъ, лишеннымъ внутренней опоры и устоя. Кромѣ господствующихъ въ политическихъ верхахъ нѣмцевъ и венгерцевъ, въ Австріи числится еще около пяти милліоновъ румынъ, трехъ съ половиною милліоновъ угроруссовъ, Галиція почти поровну населена поляками и малороссами, южныя провинціи заселены почти сплошь сербами и славянами, и вообще подавляющее большинство населенія имперіи принадлежитъ къ славянскому племени, которому въ имперіи Габсбурговъ предоставлена печальная роль гонимаго и нелюбимаго пасынка. Казалось бы, элементарное государственное благоразуміе повелѣвало бы австрійскому правительству для упроченія государства всѣми мѣрами устранять поводы къ внутреннему недовольству самой многочисленной части населенія—славянскаго большинства своихъ разноплеменныхъ подданныхъ, но именно по отношенію къ славянамъ австрійская политика пошла совершенно противоположнымъ путемъ. Паническій страхъ передъ сосѣдними славянскими государствами — могущественной Россіей и быстро крѣпнущей Сербіей—толкаетъ растерянныхъ вѣнскихъ политиковъ на безумную вражду и съ внѣшними и съ внутренними славянами. Именно на почвѣ этого безумнаго страха сложилось и выросло громкое дѣло о государственной измѣнѣ цѣлой толпы угрорусскихъ крестьянъ, перешедшихъ всей деревней изъ уніатства въ православіе. Сознаніе безсилія рождаетъ непомѣрную трусость и заставляетъ видѣть опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и тѣмъ самымъ создавать ее тамъ, гдѣ ея не должно быть. Нелѣпые страхи заставили австрійскую власть придать чисто религіозному движенію опасный политическій характеръ. Поворотъ къ православію въ русскихъ округахъ Австро-Венгріи дѣйствительно замѣчался уже давно, но до сихъ поръ не имѣлъ никакой политической окраски. Православіе было исконною вѣрою угроруссовъ, которую исповѣдывали съ незапамятныхъ временъ ихъ предки, но подъ давленіемъ австрійской власти многіе изъ нихъ были вынуждены принять тотъ компромиссъ православія съ католичествомъ, который называется уніатствомъ. Какъ это ни странно, толчокъ къ возвращенію на лоно православія послѣдовалъ вовсе не изъ Россіи, а изъ Америки. Дѣло въ томъ, что многочисленные выходцы изъ Австріи, попавшіе въ Америку въ поискахъ за заработкомъ, очутились тамъ безъ духовно-религіознаго руководительства: они не хотѣли обращаться къ католической іерархіи, а католическая іерархія не хотѣла признавать уніатскихъ священниковъ, считая самое представленіе о женатомъ ксендзѣ чуть ли не явнымъ кощунствомъ. Волей-неволей американскіе русины были вынуждены примкнуть къ православнымъ общинамъ и почувствовали въ нихъ нѣчто болѣе родное и близкое, чѣмъ уніатство. Такъ какъ американскіе угроруссы находятся въ безпрерывныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ своими венгерскими отцами и братьями, то немудрено, что движеніе къ православію, зародившееся еще за океаномъ, скоро перебросилось и на родину новообращенныхъ выходцевъ. Главный подсудимый мармарошскаго процесса священникъ Кобалюкъ, осужденный вмѣстѣ съ многочисленными подсудимыми угроруссами на многолѣтнее тюремное заключеніе, — одинъ изъ бывшихъ американскихъ эмигрантовъ. Онъ не преслѣдовалъ никакой политической цѣли, а только религіозную, исполняя духовныя требы среди своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Австрійскія власти подвергли ихъ мучительнымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Европа искренне возмущается преданіемъ суду цѣлой сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей за ихъ религіозныя убѣжденія при якобы гарантированной основными законами Австріи неограниченной свободѣ вѣроисповѣданія. Но несравненно ужаснѣе, чѣмъ судъ надъ невинными людьми, тѣ гоненія, которымъ ихъ подвергали до суда. Толкуя несогласіе на возвратъ къ уніатству, какъ бунтъ, австрійское правительство примѣняло къ „религіознымъ бунтовщикамъ“ самыя звѣрскія карательныя мѣры. Оно привело на постой въ ихъ деревни солдатъ, до тла разорило множество хозяйствъ, заключало жителей цѣлыми толпами въ тюрьмы, и пр., и пр. Двѣнадцать религіозно настроенныхъ русскихъ дѣвушекъ устроили въ лѣсу, въ дикой и пустынной мѣстности, что-то въ родѣ монастыря—маленькую религіозную общину, въ которой сообща работали и молились. Австрійскіе жандармы ворвались въ ихъ тихую обитель, разорили домъ, сняли съ дѣвушекъ верхнія одежды и, чтобы опозорить ихъ въ глазахъ населенія, погнали въ однѣхъ рубашкахъ черезъ село и заставили войти въ рѣку, по которой шелъ ледъ, требуя отреченія отъ православія.

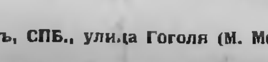
Художникъ М. А. Демьяновъ. (1875—1913).

Не только вся иностранная, но даже и сколько-нибудь независимая венгерская печать глубоко возмущена раскрывшимися на судѣ пріемами управленія. Немудрено, что при такихъ порядкахъ, при массовыхъ истязаніяхъ за православную вѣру милліоны состоящихъ въ австро-венгерскомъ подданствѣ угроруссовъ дѣйствительно захотятъ присоединиться къ Россіи въ надеждѣ найти защиту и спасеніе отъ творимыхъ надъ ними насилій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Мартъ 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Мартъ 1914 г. съ 47 рис., отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 34 рис. для выпиливанія.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 10 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 8 марта 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 5.**

М. Курилко. Маленькій Колумбъ. Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

Несѣкомая пуповина.

Разсказъ **Алексѣя Ремизова.**

(Окончаніе).

Была та изводящая скука, безъ которой немыслимо себѣ представить прославленнаго курорта. Миропія Алексѣевна, проходившая курсъ карлсбадскаго лѣченія, цѣлый день занята была всякими источниками, ваннами и лежаніемъ съ грязевымъ мѣшкомъ, но Павочка, которой волей-неволей пришлось подчиниться общему режиму и даже ни свѣть ни заря подыматься, первое время очень пріуныла. И ее нисколько не занимали чудесные разсказы о чудодѣйственныхъ источникахъ—пьющіе цѣлебную воду будто бы теряли въ вѣсѣ чуть ли не по пуду ежедневно!—и не менѣе чудесная повѣсть о Петрѣ, какъ нашъ царь-градарь высиживалъ въ огненной шпруделевой ваннѣ не много, не мало круглыя сутки, тѣмъ и лѣчился; ее не удивлялъ и старый еврей—карлсбадское чудо—вотъ уже пятнадцать лѣтъ выпивавшій этого самаго шпруделя по шестьдесятъ стакановъ въ день и безъ всякаго стѣсненія; она скучала отъ пуповской музыки, симфоническихъ концертовъ и гранатныхъ магазиновъ. Всѣ, кромѣ нея, дрожали надъ своими кружками, и въ этихъ кружкахъ было все.

Но и для Павочки, хоть и въ послѣднюю недѣлю, а нашлось развлеченіе: появились родственники и знакомые, и притомъ такіе, какъ и Павочка, пріѣхавшіе не совсѣмъ для лѣченія, и ужъ восхищающихся оказалось столько, сколько и не мечталось, а вѣдь для Павочки въ этомъ была своя кружка, и бо́льшаго развлеченія ей не понадобилось.

А что́ же Иванъ Александровичъ, такъ-таки она его и забыла?

Ну, зачѣмъ забывать?—вичуть: все-таки поклонники ея были самыми обыкновенными поклонниками, а Иванъ Александровичъ—лунатикъ, она этого не могла забыть, она его не забыла, ну и не вспоминала.

Когда Павочка была гимназисткой, она водила за собой цѣлую стаю... и кто только въ нее не влюблялся, да и невозможно было пройти равнодушно — одно ея личико въ такомъ нѣжномъ, тонкомъ пушку, а вздернутый носикъ такой задорный, и знамечко тутъ на шейкѣ, и коса до колѣнъ, и такая она вся румяная, лѣтомъ отъ солнца, зимой отъ мороза, и такая радостная своей юной радостью и оттого, что хвостъ за нею влюбленный, и она во всѣхъ влюблена, и притомъ на все надо такъ выхитриться, чтобы не замѣтили ни классная дама ни начальница. Но это не все,— помните, какъ Павочка умѣла ходить?—она какъ-то особенно, по-своему переставляла ноги, думала, очень изящно,—возможно, и было изящно, только совсѣмъ это изъ другого. Когда ей пришла въ голову мысль ходить такъ особенно, такъ по-своему переступая, случилось на первыхъ порахъ несчастье—она поскользнулась передъ окнами своей симпатіи—гимназиста и упала въ лужу: еще слава Богу, что отдѣлалась слезами, а могло бы кончиться чѣмъ и похуже. Теперь-то, будьте покойны, не поскользнется, а иначе и ходить не можетъ, какъ только такъ, такъ переступая по-своему. И отъ этой рискованной ея походки поклонниковъ у нея еще прибыло. Каждый гимназистъ обязанъ былъ дать ей свой серебряный гербъ, и съ какой радостью показывала она полную шкатулку, и, кажется, не было герба, который не считалъ бы своимъ счастьемъ попасть въ Павочкину шкатулку!

Подруги Павочку любили: Павочка и веселая, Павочка и пѣвунья, Павочка и проказница — и разсмѣшитъ и чѣмъ угодно представится! Всякій день передъ уроками собираются гимназистки въ большую залу на молитву, Павочка—съ камертономъ, она дастъ тонъ и управляетъ хоромъ: она ударитъ камертономъ себѣ по пальцу, поднесетъ къ уху, пропоетъ тихонько: до-ля-фа!— и начинаютъ „Отче нашъ“, и опять ударитъ камертономъ себя по рукѣ, поднесетъ къ уху и ужъ пропоетъ тихонько: рэ-си-соль!— и хоръ поетъ „Преблагій Господи!“ Павочка управляетъ и въ то же время строитъ самыя такія рожи и подсмѣивается, смѣшитъ хоръ — ей-то ничего, она спиной стоитъ къ начальницѣ, это хоръ у всѣхъ на глазахъ! — и она знай смѣшитъ, и тогда смѣшитъ, когда и управлять не надо въ концѣ молитвы; затѣмъ, обернувшись къ иконѣ, истово крестится и кланяется низко, а зато и считаетъ ее начальница благочестивой. И всякое воскресенье по тому же благочестію своему Павочка ходила въ гимназическую церковь—ей было весело переглядываться и перемигиваться съ гимназистами, а какъ пріятно видѣть столько, столько восхищенныхъ глазъ!

Павочка любила кружить и кружила, но трагическихъ происшествій отъ этихъ круженій никакихъ не бывало: подъ поѣздъ никто не ложился. Съ Павочкой бывало весело, съ Павочкой не соскучишься, а надоѣстъ—уходи, твое мѣсто пустовать не будетъ, и тебя не вспомнятъ...

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ! Но куда ему что́ знать,—онъ былъ полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Съ Корявкой, теперь неразлучнымъ, онъ строилъ счастливые планы, какъ женится, конечно, на Павочкѣ, и какъ наступитъ у нихъ райская семейная жизнь. Онъ присмотрѣлъ квартиру, и не по газетному объявленію и не черезъ контору, а по своему глазу и на свой вкусъ вмѣстѣ съ Корявкой, присмотрѣлъ очень подходящую въ новомъ достраивающемся домѣ на Каменноостровскомъ: тутъ имъ будетъ и къ островамъ поближе и къ Ботаническому саду, а мостовъ ни онъ ни Павочка не боятся, это Корявка боится: ну, ничего, Корявка перебоится,—и все обойдется; притомъ же Корявка не всякій день, а лишь по праздникамъ будетъ приходить къ нимъ на Каменноостровскій обѣдать. Присмотрѣлъ и обстановку—было бы благоразумнѣй загодя теперь же все и купить, а то осенью цѣны подымутся, осенью всякому нужно, и цѣна кусается, да такъ и хотѣлъ сдѣлать, но Корявка отсовѣтовалъ: будто бы гдѣ-то на углу Симеоновской и лучшую и дешевле можно будетъ купить впослѣдствіи. Этотъ Корявка! Выбралъ обручальныя кольца и заказалъ себѣ перстень: будетъ фамильнымъ—на трое колотъ, на четверо строганъ и золотомъ наливанъ,—вотъ какой! А Корявкѣ посулилъ часы съ кукушкой— завѣтная мечта Корявки!

Всякій день, возвращаясь со службы, заходилъ Иванъ Александровичъ на Французскую набережную справиться, нѣтъ ли какихъ вѣстей. Въ свою очередь, и Корявка ежедневно справлялся. Вѣсти были самыя благопріятныя: скоро!

Частенько Иванъ Александровичъ писалъ Павочкѣ письма, но отвѣта не получалъ. Или не доходили его письма? Безотвѣтность начинала смущать. Но утѣшилъ Корявка. Корявка все знаетъ и не такой, чтобы сказать питунисъ *): во-первыхъ, что сановники— что́ дамы, и не обязаны отвѣчать,—это правило вывелъ Корявка изъ опыта великихъ людей и, должно-быть, изъ собственнаго.. О сановникахъ я не знаю, что́ же касается дамъ — клевета, ибо нѣтъ на свѣтѣ такого Корявки, который не получилъ бы отъ дамы и не одинъ, а дюжину самыхъ сердечныхъ отвѣтовъ, — ну, ладно, а, во-вторыхъ, какіе же могли быть отъ Павочки отвѣты, когда все было ясно!

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ... Павочка его даже и не вспоминаетъ! У нея столько теперь, столько всякихъ новыхъ поклонниковъ, о комъ она хоть одну минутку подумать соберется — они съ нею, близко, ихъ она видитъ, а вѣдь Иванъ Александровичъ Богъ знаетъ гдѣ, такъ отъ нея далеко, а такъ на разстояніи она не привыкла и не можетъ, у нея такая ужъ душа близкая. Конечно, она его никогда отъ себя не отгонитъ, въ этомъ онъ можетъ быть покоенъ; она не отгонитъ, если бы даже вдругъ оказалось, что онъ не лунатикъ: она никого отъ себя не отгоняетъ, и самому Корявкѣ нашлось бы при ней мѣсто, и будь Корявка посмѣлѣе и рѣшись, да она и о Корявкѣ хоть и одну минутку, а подумала бъ такъ. Замужъ, конечно, ни за Корявку ни за Ивана Александровича Павочка не пойдетъ, — за Ивана Александровича замужъ?! Да и Миропія Алексѣевна едва ли найдетъ подходящимъ, Миропія Алексѣевна ужъ давно про себя рѣшила, за кого ей Павочку выдать, и тутъ она не ошибется — Миропія Алексѣевна племянницу свою, какъ родную дочь, любитъ, у Павочки отецъ умеръ, а мать ея въ Орлѣ съ сыномъ, Павочка все у тетки, Павочка для Миропіи Алексѣевны, какъ своя. Павочка выйдетъ замужъ, она будетъ

*) Ни то ни се.

блестящимъ украшеніемъ семейнаго очага, а вѣдь для Ивана Александровича... сами понимаете, какъ онъ любилъ!—эта любовь его къ Павочкѣ, по словамъ Корявки, была какъ желѣзо къ магниту.

Вотъ онъ, въ первый разъ полюбившій, и эта любовь не та... у цыганскихъ шатровъ къ Машѣ. Тутъ его словно связало, больше!—срастило съ нею, съ существомъ ея, и онъ нераздѣленъ съ нею, какъ нераздѣленъ еще не родившійся ребенокъ съ матерью, и никакой оскордъ *), никакая сѣкира не отсѣчетъ его, развѣ смерть? Или и смерть тутъ не можетъ, и съ концомъ ничего не кончится?

Н. Иванова. Горе. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

— Алексѣй Тимоѳеевичъ, ты понимаешь?

Еще бы! Не понять Корявкѣ! Корявка по его собственнымъ тайнымъ думамъ о себѣ былъ наполненъ премудрости, аки злата и бисеру изнасыпанъ и разумомъ смысленъ, Корявка могъ становиться на всякую точку зрѣнія и сочувствовать всякимъ чувствамъ, и самымъ противоположнымъ.

— Вотъ вы и женитесь, Иванъ Александровичъ.

— У меня, Алексѣй Тимоѳеевичъ, такое чувство, будто всякій день Вербное воскресеніе... Всякое утро я встаю съ этимъ чувствомъ вербнымъ, а вотъ закрою глаза—и будто я гдѣ-то въ саду: осень—послѣдніе цвѣты... георгины.

— Женитесь, Иванъ Александровичъ, дѣточки у васъ пойдутъ.— Корявка, пряменькій, маленькій смотрѣлъ съ восхищеніемъ.

— Назову я старшаго Александромъ, а второго Святославомъ, а третьяго...

— Маленькіе, толстенькіе они такіе.

— А третья будетъ у меня дочка—Павочка. Я, Алексѣй Тимоѳеевичъ, вѣрую въ Бога, Богъ меня любитъ вотъ я и не думалъ о такомъ счастьѣ, а Богъ и послалъ.

— Все отъ Бога, Иванъ Александровичъ.

— Старшій, Александръ, будетъ у меня богатырскаго сложенія, вотъ какой!

— Александръ Великій!—Корявка тянулъ себя за свою козью бородку.—И я, какъ Сенека, Иванъ Александровичъ, буду ему служить.

— То-есть...

— Сенека, Иванъ Александровичъ, всегда былъ Сенека, великій учитель. При святомъ князѣ Владимірѣ—Несторъ Лѣтописецъ, при Петрѣ Великомъ — Арапъ, при Александрѣ Македонскомъ—Сенека находился.

*) Сѣкира.

— Будетъ онъ у меня министромъ, съ докладомъ будетъ ѣздить къ государю, а я такъ около съ палочкой. Скажетъ онъ: папа!

— Маленькіе они, толстенькіе... Я дѣточекъ очень люблю, Иванъ Александровичъ.

— Со временемъ и тебя, Алексѣй Тимоѳеевичъ...

— Нѣтъ, Иванъ Александровичъ, скажу вамъ, какъ передъ Богомъ, я жениться не думаю, я такъ какъ-нибудь ужъ. Вы, Иванъ Александровичъ, человѣкъ сложный, вамъ все можно.

Корявка не хочетъ жениться! Удивительное дѣло! И какъ такъ можно не хотѣть жениться, когда вотъ онъ, Иванъ Александровичъ, только и думаетъ объ этомъ, только этого и ждетъ, только и видитъ себя...

— Нѣтъ, Алексѣй Тимоѳеевичъ, ты—ненормальный человѣкъ, тебя надо лѣчить, вотъ что́!

Корявка хихикалъ. Корявка все понимаетъ. Корявка соглашался. Корявка понималъ, что отъ любви дурного ничего не можетъ выйти, и совѣтъ Ивана Александровича благой, и онъ готовъ итти къ доктору лѣчиться.

Иванъ Александровичъ обалдѣвалъ.

Корявка поддавался: Корявкѣ тоже помечтать хотѣлось,— служба вѣдь назначена ему была безнадежная, а жизнь, какъ служба.

И оба они дурачились.

— Ты меня, Алексѣй Тимоѳеевичъ называй Балда Балдовичъ, а я тебя Сенекой.

Пряменькій, маленькій Корявка важничалъ:

— Балда Балдовичъ!

— Сенека!

И ужъ не Иванъ Александровичъ Галузинъ, надворный совѣтникъ,—Балда Балдовичъ, и не Корявка, а Сенека плутали по Петербургу. И не поймешь со стороны, чего это ихъ разбираетъ,— ну, одинъ отъ любви, а другому что̀? Странные вы, да вѣдь и Корявкѣ, хоть онъ и все понималъ, ему тоже хотѣлось любви. И вотъ, изъ любви вышедшіе на свѣтъ, зашатались по Петербургу Балда Балдовичъ и Сенека. Любовь все сотворитъ, чего сердце захочетъ. И однажды Корявка затащилъ Ивана Александровича на Лиговку къ какимъ-то своимъ знакомымъ Грудинкинымъ, и тамъ Иванъ Александровичъ—Балда Балдовичъ, себѣ не вѣря, вдругъ заговорилъ громко и лихо танцовалъ и былъ глагольникъ, что вергасъ, а Корявка—Сенека къ ужасу своему и противъ всякой воли, пѣлъ пѣсни, и выходило ничего.

По утрамъ за чаемъ, читая газету, Иванъ Александровичъ безполезно добивался, а понять все-таки никакъ не могъ, какъ это возможно, чтобы кто-то кого-то убилъ, или кто-то рѣшился на самоубійство, и было ему непонятно, что люди ссорились и

М. Курилко. Смерть св. Вацлава. Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

бранились, вели войны и революціи,—онъ больше не находилъ въ себѣ другого чувства, кромѣ одного. И когда въ архивной комнатенкѣ онъ жаловался Корявкѣ, что ничего не понимаетъ и потерялъ нить событіямъ жизни, Корявка, и самъ понемножку терявшій эти нити, говорилъ восхищенно, съ восхищеніемъ глядя на обалдѣвшаго друга.

— Иванъ Александровичъ, — говорилъ Корявка:—да вѣдь вы... несѣкомую пуповину мірозданія! Иванъ Александровичъ! Я скоро для васъ такое сдѣлаю, что во всѣхъ газетахъ напишутъ!

IV.

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался. Эта страсть восхитительная есть въ каждомъ. А есть и другая... есть такіе, которымъ надо, и не могутъ они не восхищаться: восхищеніе—это ихъ жизнь, это главное, безъ чего и жить не стоитъ. Посмотрите въ театрахъ, въ собраніяхъ, въ аудиторіяхъ, сколько увидите этихъ восхищенныхъ глазъ, по призванію восхищенныхъ, а всѣ эти мироносицы съ своимъ горящимъ неустанымъ огонькомъ, какъ часто оскорбленныя и униженныя, но преданныя до гроба своему идолу. Будь Корявка женщиной, записали бы его въ мироносицы. Я уже поминалъ о его непонятномъ за мной хожденіи и даже нехорошо обмолвился: „подлецъ,—сказалъ я — [illegible]а!“—и это съ сердца,—поймите, вѣдь у меня съ нимъ свои счеты, и я полагаю, что надувательство его, ей-Богу, такого стоитъ. Но скажу правду, случись мнѣ подъ клятвой свидѣтельствовать объ Алексѣѣ Тимоѳеевичѣ, я бы дурного сказать ничего не нашелъ: Алексѣй Тимоѳеевичъ, пока восхищеніе наполняло его сердце, бывалъ преданъ и вѣренъ, и можно было въ чемъ угодно на него положиться, не выдастъ... другъ вѣрный.

Корявка—человѣкъ недобычный, и служба его въ департаментскомъ архивѣ безнадежна. И во всемъ въ немъ что-то было безнадежное: вотъ и пряменькій онъ, а сюртукъ—воротъ сзади вѣчно угломъ торчитъ безнадежно. А съ безнадежностью что-то и жалкое тутъ вотъ въ этомъ углу, гдѣ сходятся лучи глазные и носъ и губы.

Когда подъ вечеръ стоишь на людномъ перекресткѣ гдѣ-нибудь у Литейнаго на Невскомъ и ждешь трамвая, Корявка переходитъ улицу—и хоть пряменькій, и все на немъ прилично и аккуратно, но и до жалости ветхо... зимняя эта шапка его барашковая—коломъ,—я помню, еще когда говорилъ, что двадцать лѣтъ носитъ! Корявка домой пробирается на свою Рождественскую, тамъ у него и комната,—квартиру держать Корявкѣ не по средствамъ. И мнѣ всегда какъ-то жалко и какъ-то стыдно, что вотъ у тебя и галстукъ, какъ галстукъ, и ни въ одной полоскѣ до-бѣла не нытертъ, и ты, какъ ни какъ, а въ условіяхъ лучшихъ, ну, хоть вечеромъ самоваръ у тебя поетъ, и лампадка тамъ тихо свѣтится, ты въ своемъ углу, а онъ—въ полупроходной комнатенкѣ, и вѣчные за стѣною гости и разговоры и пѣсни. Я знаю, жалостью моей ничего не поправишь, и никому отъ нея не станетъ легче, я знаю, я знаю—и не могу помириться, и мнѣ всегда какъ-то стыдно... и такъ мнѣ понятно, какъ это можно добровольно отказаться и добровольно себѣ пріютъ найти на сметищѣ, а послѣдній пріютъ — подъ заборомъ.

Сюртукъ у Корявки не какой-нибудь, а на шелковой подкладкѣ, подкладка—бахрома, Корявка подрѣзалъ и подшивалъ ее, и выходило ничего: сюртукъ, какъ новенькій; правда, поменьше бы глянца, но зато и времени ему, чуть что не ровесникъ шапкѣ. А скажу вамъ, хорошо пріодѣться, даже пофрантить Корявка куда былъ не прочь, и, разсматривая въ „Нивѣ“ картинки, онъ подолгу останавливался на тѣхъ, гдѣ было много туалетовъ, и тутъ надъ картинками приходили ему всякія нарядныя мечты: то въ шикарнаго адвоката, то въ англійскаго лорда превращался Корявка. И первое его восхищеніе Иваномъ Александровичемъ пошло именно отъ жилетки: жилетка Ивана Александровича показалась ему тогда ни съ чѣмъ не сравнимой и, тонко надушенная лѣсной фіалкой, закружила голову.

По субботамъ Корявка ходилъ въ баню, и это былъ самый праздничный вечеръ—суббота. Въ этотъ вечеръ и къ его сердцу приливала страсть восхитительная, ему тоже хотѣлось, чтобы кто-нибудь посмотрѣлъ на него, на него, на чистенькаго, такъ, какъ самъ онъ умѣлъ смотрѣть, и нерѣдко, за неимѣніемъ двойника своего, самъ онъ изъ ничего и выдумывалъ себѣ этотъ взглядъ восхитительный.

Есть въ жизни каждаго русскаго человѣка одинъ день такой въ году—именины, когда полагается и даже противъ воли твоей, чтобы тобой повосхищались. И съ какимъ особеннымъ чувствомъ ждалъ Корявка именинъ своихъ,—но это ли не безнадежная жизнь, какъ на грѣхъ, и всегда-то поджидала его неудача. Еще съ дѣтства, съ тѣхъ еще незабываемыхъ дней вѣрныхъ пошло такъ, что именины не въ именины: слякоть, дождикъ, — какія же это именины! Корявку погода очень обижала. А потомъ, когда ужъ и незабываемое забылось, и не трогала никакая слякоть, все-то до послѣдней грязиночки приберетъ - бывало въ своей комнатѣ, накупитъ сластей всякихъ, наготовитъ подносъ — не подымешь, а никто и не пожалуетъ, и просидитъ такъ одинъ весь вечеръ, по часточкамъ, не спѣша, одинъ самъ всѣ апельсины съѣстъ, а то и придетъ какой Грудинкинъ, наскандальничаетъ, и тоже нехорошо. Именины — единственный день въ году, это не будни, и именинникъ совсѣмъ особый отъ другихъ, самъ по себѣ, и это должно быть всякому видно, но Корявка, покоряясь судьбѣ, самъ ничего такого не выдѣлывалъ, никакого безобразія для отлики именинного дня: онъ не напивался, какъ норовитъ другой на свои именины хоть напиться, или какъ этотъ Грудинкинъ, письмоводитель, этотъ такое придумалъ, ну, вмѣсто того, чтобы тамъ, гдѣ слѣдуетъ, въ день своего ангела все это въ комнатахъ жилыхъ дѣлалъ. Нѣтъ, Корявка единственно что позволялъ себѣ въ свои именины, такъ это поспать подольше и явиться на службу съ запозданіемъ и такъ постараться пройти, чтобы обратить на себя вниманіе: пускай всѣ догадаются, какой-такой день у него, и поздравятъ! Увы, къ огорченію именинника, догадываться-то догадывались, да только съ большимъ запозданіемъ! Послѣ обѣда Корявка ложился отдохнуть и долго разсматривалъ кар[тинки] и за картинками нарядно мечталъ.

М Курилко. Victor et vita. Офортъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника и заграничная поѣздка).

Нынче всѣ мечты и думы Корявки были ... сандровичѣ.

Ни съ чѣмъ несообразная, выдуманная же... ксандровича на Павочкѣ—всѣ лѣтніе ихъ пла... потерпѣли полную неудачу, и дѣло приняло сов...

Ерыгины вернулись въ Петербургъ на Во... Александровичъ не замедлилъ, зачастилъ на Ф... режную, но послѣ каждаго своего свиданія съ... вращался къ себѣ на Пушкинскую, повѣси... нос...

Павочка встрѣчала его всегда радушно, — ... тикъ, и никто такъ не смотрѣлъ на нее, такъ ... Иванъ Александровичъ! Но когда пробовалъ И... вичъ заговаривать съ нею о самомъ своемъ ... тихой райской семейной жизни на Каменноостровскомъ, теперь уже отдѣланномъ, домѣ,—Павочка или ровно не понимала, или представлялась, что не понимаетъ: она удивленно смотрѣла на него, раскрывъ свой алый ротикъ, или отдѣлывалась пустяками, или просто смѣялась. И въ этомъ смѣхѣ, въ болтовнѣ и взглядѣ Иванъ Александровичъ чувствовалъ что-то оскорбительное—вѣдь такъ далеко ушелъ онъ съ Корявкой въ мечтахъ, а и тѣни подобнаго не было.

...откуда онъ взялъ, что Павочка выйдетъ за него замужъ?
...да.

...тельно и больно ему было отъ ея взгляда, бол...

...ни постоянно толклись у Ерыгиныхъ, и оскор...о было видѣть Ивану ...что Павочка держалась ...какъ съ нимъ, относи...ъ же...къ и къ нимъ. ...а было.

...?—рѣзъ все замѣчалъ, да ...огда не были такъ далеки. ...на оскорбительно и ...это, а выносимо, но съ ...ръ Иванъ Александровичъ ...пришелъ въ уныніе: съ нѣкоторыхъ поръ въ разговорахъ неизмѣнно сталъ поминаться какой-то докторъ, и при этомъ какія-то таинственныя перемигиванія съ Веточкой.

Кто же этотъ таинственный докторъ? Ужъ не женихъ ли?

Сколько Иванъ Александровичъ ни разспрашивалъ и всякими намеками наводилъ, чтобъ бы дознаться правды, а добиться ничего не могъ. Павочка по пятницамъ ѣздила къ ...доктору на пріемъ, ...доктора, кромѣ старичка ...вановича, Иванъ Александро... ...не встрѣчалъ.

...живетъ этотъ докторъ, женихъ? ...ъ Александровичъ открылся во ...Корявкѣ. И Корявка взялся устроить ...Божье попущенство, надо и своей ...ой дѣлать! Корявка прослѣдитъ квар... доктора, пойдетъ къ доктору на пріемъ и убѣдится собственными глазами, такъ это или не такъ.

Объ этомъ дѣлѣ своемъ секретномъ Корявка и думалъ, перелистывая нарядныя картинки. Угодить Ивану Александровичу, помочь другу было для него выше и самой завидной именинной мечты: онъ ужъ согласенъ навсегда остаться Корявкой, тѣмъ самымъ прежненькимъ и жалкимъ Корявкой, какимъ мы его всѣ знаемъ, лишь бы Иванъ Александровичъ снова по-лѣтнему ожилъ.

Куда ему ожить! Иванъ Александровичъ, и совсѣмъ незамѣтно, все ближе подходилъ къ самой настоящей правдѣ. А эта правда убивала его, онъ ужъ чувствовалъ свою ненужность. Онъ вдругъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что никому не нуженъ, а потому не нуженъ, что ей не нуженъ.

— А раньше?

— Раньше не то... раньше онъ былъ нуженъ...

— Какъ, развѣ измѣнилось отношеніе?

— Нисколько.

— Въ чемъ же дѣло?

А вотъ въ мечтѣ его, въ мечтахъ его, вѣдь мечты его были такъ далеки, а на самомъ дѣлѣ ничего не было, и все было по-прежнему.

Иванъ Александровичъ теперь и самъ понималъ, что Павочка къ нему нисколько не измѣнилась, что отношеніе ея къ нему такое же, какое было тамъ, на дачѣ, и что нуженъ онъ ей ничуть не больше и не меньше, а чувствовалъ еще большую свою ненужность. Онъ ужъ дня не могъ прожить, чтобы не увидѣть Павочки, а видѣть ее ...яло въ его сердцѣ одну боль. Павочка ...но, и онъ хотѣлъ бы радоваться съ нею, но она танцовала съ другими, и ему было больно. И когда въ разговорахъ Павочка кого-нибудь хвалила, ему было больно. Ему было больно отъ всякаго ея взгляда, отъ всякаго ея слова, отъ всякаго ея движенія, если ея взглядъ, ея слова, ея движеніе относились не къ нему, а къ другимъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ неутолимѣй эта боль. И онъ неизмѣнно уносилъ эту боль. И лишь въ рѣдкіе дни, когда у Ерыгиныхъ никого не было, и Павочка занималась только съ нимъ, онъ на время забывался, но и тутъ что-нибудь мѣшало: или перемигиванія съ Веточкой о докторѣ, или Павочка начнетъ вспоминать какихъ-нибудь своихъ поклонниковъ, да мало ли что—мелочи, о которыхъ часто не легко додуматься и при самомъ подозрительномъ желаніи.

А. Яковлевъ. Рисунокъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. За картину „Баня“ присуждено званіе художника и заграничная поѣздка.

Иванъ Александровичъ никогда не ходилъ по ресторанамъ, но теперь при всякомъ удобномъ случаѣ тащилъ съ собой Корявку. Пить онъ хоть и не пилъ, но кабацкая обстановка дѣйствовала, онъ выбиралъ рестораны съ музыкой и всякіе самарканды.

— Знаешь, Алексѣй Тимоѳеевичъ, хотѣлъ бы Машу встрѣтить и такъ просто посидѣть съ нею, поплакать. Жизнь моя загублена!

— Чтó вы, Иванъ Александровичъ, надо душой переболѣть, надо горести принять—и тогда желаніе получите. Это всегда такъ, а почему такъ, и почему надо—неисповѣдимо.

— Да у меня свѣту нѣту,—понимаешь? И не виноватъ я передъ нею.

— Жизнь, Иванъ Александровичъ, жестокая она, иго ея нелегкое, и если ужъ рѣшать по-человѣческому—и ключа не найти, — Корявка тянулъ себя за свою козью бородку:—а можетъ, и совсѣмъ не жестокая, и не такъ это мы, Иванъ Александровичъ, небесныхъ словъ не знаемъ, и все не такъ выходитъ.

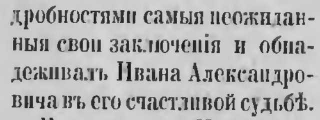
— И она не виновата.

— Неисповѣдимо, Иванъ Александровичъ.

Корявка могъ смыслить всякое дѣло и дать смысленъ отвѣтъ, но и мудрованія Корявкины не успокаивали Ивана Александровича, не успокоило его и открытіе о таинственномъ докторѣ.

Докторъ, къ которому по пятницамъ ѣздила Павочка, дѣйствительно, по отзыву Корявки, оказался какимъ-то необыкновеннымъ: и красивъ и ловокъ, да и брови безъ перерыва, словно углемъ намазаны,—это ли не красота? — и самъ поспѣшный на все и живой необычайно, — лѣчитъ по косметической части, сбавляетъ вѣсъ и выводитъ усики, пріемная ломится отъ дамъ, но жениться, какъ кажется, не собирается, притомъ же онъ семейный,—и эту тайну раскрылъ Корявка,—семья въ Москвѣ.

Чего же еще? Дѣло ясное—выводитъ усики! И безпокоиться за Павочку тутъ совсѣмъ не годится: съ усиками Павочка или безъ усиковъ—все Павочка! Да за это и не безпокоился Иванъ Александровичъ, а только ему и покоя-то нигдѣ не было. Видно, боль прошла глубоко, и вотъ въ душѣ столкнулся онъ съ настоящею правдой. Онъ не только не думалъ, какъ лѣтомъ, какъ еще недавно, о женитьбѣ, куда тамъ думать!—какъ теперь далекъ онъ былъ отъ мечты своей, и понялъ вдругъ, что все-то онъ мечталъ,—однѣ мечты!—и это понялъ онъ сейчасъ, когда Корявка, довольный своими розысками, выкладывалъ съ мельчайшими по-

дробностями самыя неожиданныя свои заключенія и обнадеживалъ Ивана Александровича въ его счастливой судьбѣ.

Не того хотѣлъ Иванъ Александровичъ. Правда побѣдила его мечту. И онъ принялъ правду. Ему хотѣлось разъ и навсегда высказаться, вывернуть передъ ней всю свою душу.

„Онъ одинъ — онъ это знаетъ!—онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любитъ безъ всякой надежды, любитъ всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Послѣ морозовъ наступила оттепель, а за оттепелью дохнулъ вѣтеръ.

Е. Эборовичъ. Старый мотивъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

Гдѣ-то тамъ зародившись межъ Исландіей и Англіей на океанѣ, черезъ море, черезъ скалы прилетѣлъ вѣтеръ на нашу Россію. Вѣтеръ, вихрясь, леталъ по улицамъ и, словно шалуя, набрасывался изъ переулковъ на прохожихъ, и шалый, насмѣтный, жестокій разгулялся.

Вѣтеръ гулялъ по Петербургу, и творилось Богъ знаетъ чтó.

Къ ночи онъ собралъ всю свою силу, къ ночи завихóрилъ въ гульбѣ.

Или это ангелъ, водящій облаки, пустилъ съ небесныхъ улицъ всю вѣтрову силу?

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Несмѣтный, ему мало нашихъ улицъ,—дай, дай простору!—и онъ рвалъ желѣзо съ крышъ и трубъ, рвалъ швыркомъ, грозилъ и свистѣлъ. Свистъ его, какъ свистъ змѣи, въ сердцѣ огонь, и клятвами не заклясть и искупа не дать, и нѣтъ поруки, ему мало, ему тѣсно—дай, дай простору! Не чужой, знаетъ, при градарѣ-царѣ, при Петрѣ, ой, какъ гулялъ—было тогда посвободнѣй, а теперь ему тѣсно...

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И онъ врывался въ дома и свистѣлъ въ щеляхъ, свистѣлъ въ окнахъ, весь свистомъ наполнялъ нашъ домъ. Или онъ высвистывалъ, выманивалъ на волю погулять съ нимъ по волѣ? Ничего не страшно, и сколько хочешь пали изъ пушекъ, не угоняться, ему не страшно! И онъ свистѣлъ, выговаривалъ,—рѣчи его странны, намъ незнаемы,—выговаривалъ и стучалъ, стучалъ желѣзомъ, звонилъ въ колокола. Собиралъ ли звономъ колокольнымъ свою силу въ свальный бой, или насъ выкликалъ погулять съ собой въ ночи на волѣ. Звонилъ въ колокола и тушилъ фонари и дергалъ столбы. Въ его сердцѣ горѣлъ огонь.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И, ставъ головой до звѣздъ, зазвѣздный, онъ пустился отъ Знаменья черезъ Аничковскій мостъ, а кони его, какъ голуби, а въ гривахъ перегудаютъ звонцы, и бѣлымъ огнемъ жигалъ по пути—и!

Вѣтеръ! Вѣтрило! Помилуй!

На Невѣ вода подымалась.

Есть, по Корявкѣ, три естества у воды: первое — мы по ней плаваемъ, второе—мы ею моемся, третье—мы ее пьемъ; а есть и четвертое—насъ она топитъ. На Невѣ вода подымалась, и до какихъ краевъ дойдетъ, никто не зналъ, да и сама рѣка не знала. Ужъ ограда чернѣла близко. Къ оградѣ вода подымалась.

На Французской набережной изъ оконъ отъ Ерыгиныхъ все было видно. Но не тревога, вольница стояла въ домѣ. Миронія Алексѣевна наканунѣ уѣхала въ Москву, оставалась одна молодежь. Были гости. И вѣтеръ, какъ свой, выкликалъ изъ залы, или это, вольный, въ залу пустить просился...

Иванъ Александровичъ, рѣшившійся въ послѣдній разъ все высказать Павочкѣ и клятву положившій на свою душу до смерти не видѣться, не могъ найти и минуты побыть съ нею наединѣ. И была попрежнему боль отъ ея словъ, отъ ея смѣха, отъ ея взгляда, отъ ея движеній, и боль подымалась въ его сердцѣ, какъ вода въ Невѣ. И вотъ дошла, должно-быть, до той самой ограды гранитной—и сѣкнуло сердце. Иванъ Александровичъ вдругъ перемѣнился и, тихій, пошелъ ходить по залѣ странно, словно танцуя.

Было весело и шумно, и до Ивана Александровича никому не было дѣла. Но Павочка его замѣтила,—какъ странно, словно танцуя, ходилъ онъ по залѣ!

— Иванъ Александровичъ—лунатикъ,—сказала Павочка.— Иванъ Александровичъ чтó угодно можетъ сдѣлать. Иванъ Александровичъ,—позвала она:—подойдите, я вамъ чтó скажу!

Иванъ Александровичъ покорно и пошелъ къ ней: Иванъ Александровичъ—лунатикъ. Павочка—луна!

— Иванъ Александровичъ сейчасъ такое сдѣлаетъ, чего никто не можетъ!—кричала Павочка и прыгала отъ удовольствія.

— А чтó такое, чтó онъ сдѣлаетъ?

— А вотъ увидимъ.

Павочка тянула къ балкону. Надо растворить балконъ и посмотрѣть, чтó тамъ дѣлается. У! Какъ засвиститъ вѣтеръ. Вѣтеръ! Вѣтрило!

Кто-то погасилъ электричество. И на минуту въ залѣ пробѣжалъ холодокъ. И на минуту подумалось: „можетъ, ничего и не надо затѣвать, вернется Миронія Алексѣевна, узнаетъ, разсердится, или Веточка простудится!“ Въ темнотѣ не растворялись двери: двери были замазаны крѣпко. Электричество снова зажгли, и двери наконецъ поддались и съ трескомъ распахнулись.

Вѣтеръ со всей своей силой дохнулъ въ залу.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Не было силъ устоять на волѣ. Вѣтеръ гналъ въ комнаты. И одной минуты нельзя было пробыть на балконѣ.

— Иванъ Александровичъ! — кричала Павочка и указывала ему на балконъ, и голосъ ея казался Ивану Александровичу сильнѣе и крѣпче самого вѣтра.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Иванъ Александровичъ покорно шелъ къ балкону: онъ—лунатикъ, Павочка — луна, — неопасливо шелъ, и всюду пойдетъ, куда ему скажутъ.

Если бы только зналъ Корявка, онъ превратился бы въ Сенеку и остерегъ, отговорилъ бы своего друга, но Корявка, пригрѣвшись подъ своей лысой еноткой, подъ свистъ вѣтра похрапывалъ.

Иванъ Александровичъ—лунатикъ, Павочка—луна. Иванъ Александровичъ все можетъ, онъ можетъ пройти по карнизу, и подъ любымъ вѣтромъ ему ничего не станетъ.

Двери за нимъ затворились.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Павочка бросилась къ окну.

И черезъ минуту въ окнѣ показалось лицо: — Иванъ Александровичъ шелъ по карнизу и вотъ дошелъ до окна и сталъ — изъ черной вѣтреной ночи глядѣло лицо.

П. Львовъ. Классный рисунокъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

Въ залѣ примолкло. Лишь вѣтеръ струйкой бѣжалъ черезъ балконную щель и свистѣлъ.

А въ окнѣ все стояло лицо, и, какъ углемъ, обведены были ночью глаза.

„Онъ одинъ—онъ это знаетъ!— онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любитъ безъ всякой надежды, любитъ всѣмъ существомъ, и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Павочка закрылась рукой.

И въ окнѣ—Вѣтеръ! Вѣтрило!. Тамъ, за рамой, глядѣла лишь ночь.

Бѣдный Иванъ Александровичъ, гдѣ тутъ удержаться подъ такимъ вѣтромъ!

Бѣдный Корявка, какъ-то проснется, какъ-то узнаетъ, на кого будетъ восхищаться, гдѣ его Балда Балдовичъ — Иванъ Александровичъ?

Снились Корявкѣ черти, по набережной будто скачутъ, какъ палочки черныя, скачутъ, а вмѣсто головы полшапки, и чертовка съ ними ходитъ, маленькая, немолодая, и самъ главный Ѳеоѳусъ, бѣсъ бѣлый, глаза бѣлые...

П. Львовъ. Праздникъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

— Мы тебя, Корявка, любить будемъ!— говорятъ черти.

— Иванъ Лек-сан-дры-ычъ!

И въ послѣдній разъ вѣтеръ, взвинтивъ надъ Петербургомъ, улетѣлъ съ своей силой въ мѣста непроходныя: тамъ, на Печорѣ, вкругъ Желѣзныхъ воротъ, погулять ему.

Съ вихремъ не нашимъ надъ нашей землей летѣлъ Иванъ Александровичъ, не Иванъ Александровичъ Галузинъ, надворный совѣтникъ, душа человѣчья. Третьи ужъ сутки, какъ сорвался, и летѣлъ и летѣлъ... не вверхъ, не внизъ, не налѣво, не направо, а такъ, какъ летаетъ душа человѣчья.

И видѣлъ Иванъ Александровичъ, душа человѣчья, безъ перерыву и Россію, всѣ концы ея видѣлъ, и въ то же время свою Пушкинскую квартиру съ малиновой наклейкой на парадной двери о сдачѣ, и въ то же время у стола надъ зеркальцемъ Корявку—Корявка трудился надъ своей бородсикой, маленькими ножничками подстригалъ ее чисто, какъ бритвой:—завтра въ баню, завтра суббота!—и въ то же время старичка генерала надъ архивнымъ дѣломъ—это дѣло Иванъ Александровичъ съ недѣлю, какъ взялъ отъ Корявки для генерала, и видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ, только хотѣлось увидѣть—подъѣзжали министры съ докладомъ, и какъ все было не такъ, какъ онъ думалъ!—и Государя увидѣлъ, и себя увидѣлъ — да гдѣ же это онъ, Господи?—вѣнчикъ на лбу съ тремя крестами: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“ — и Павочку увидѣлъ, она у окна стояла, раскрывъ свой алый ротикъ... близко и не коснешься, и смотритъ и не видитъ, и не сказать и не окликнуть,—и онъ въ тоскахъ заметался.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсіяетъ?

А мимо по стезямъ и дорогамъ другіе проходили претерпѣвшіе въ жизни—въ скорбяхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ очищеніяхъ, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благости, въ Духѣ Святѣ, въ любви нелицемѣрной, въ словахъ истины, въ силѣ Божіей—по стезямъ и дорогамъ къ Звѣздѣ Пресвѣтлой.

И маленькія дѣвочки въ синихъ платьицахъ, сплетаясь руками, другъ за дружкой гуськомъ шли навстрѣчу отъ Звѣзды Пресвѣтлой.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсіяетъ?

Иванъ Александровичъ съ болью рванулся отъ окна — оторваться не можетъ.

Онъ ей завѣченъ?

Завѣченъ,—на весь вѣкъ.

И смерть не отсѣкла?

Смерть никогда не отсѣкаетъ.

Онъ рванулся и понялъ,—онъ понялъ, что все это нужно, и то, что̀ было, и то, что̀ есть, и то, что̀ будетъ,—и тарабаниться нечего. И повисъ... тамъ, гдѣ мучатся души и тоскуютъ.

„Онъ одинъ—онъ это знаетъ! — онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любитъ безъ всякой надежды, любитъ всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Сонетъ.

Одни живутъ въ тенетахъ суеты,
Ни радостью ни солнцемъ не согрѣты,
И мысли ихъ—истертыя монеты,
И чувства ихъ—дыханье темноты.

И есть иные... Рыцари мечты —
Мечтатели, художники, поэты.
Имъ ввѣрены рапсодіи, сонеты
И вздохи волнъ, и звѣзды, и цвѣты.

И если въ скорбной жизненной пустынѣ
Изъ тьмы вѣковъ намъ свѣтитъ и донынѣ
Ихъ вѣчная и страстная мечта,—

Люби ихъ путь, ихъ музыку, ихъ строки...
Дитя мое, мы въ мірѣ одиноки,
Но съ нами Богъ. Но съ нами Красота.

Г. Вяткинъ.

Маймунъ.

Разсказъ **Николая Архипова.**

Ходитъ маленькій Аликперъ отъ дачи къ дачѣ и носитъ подъ мышкой еще меньшаго Маймуна.

Имъ вмѣстѣ нѣтъ еще и десяти лѣтъ.

Маймунъ—совсѣмъ маленькая обезьянка, съ крохотной задумчивой мордочкой и маленькими руками.

Еще покойный отецъ говорилъ Аликперу, что Маймунъ — слабенькая обезьянка, и что съ нею нужно обращаться мягко: не бить, а легонько прикасаться хлыстикомъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обезьянка не хочетъ исполнять какого-нибудь сложнаго номера.

Маймунъ иногда покашливалъ, и лицо его при этомъ дѣлалось грустнымъ и озабоченнымъ... Но въ общемъ это—послушная и понятливая обезьянка, и работать съ нею легко.

И все шло хорошо при жизни отца, пока они не попали сюда, въ эту невѣдомую для Аликпера лѣсистую мѣстность.

Несчастье случилось совсѣмъ неожиданно.

Жили они въ какомъ-то очень большомъ русскомъ городѣ, гдѣ были такіе большіе дома, какихъ Аликперъ не видѣлъ не только въ своемъ родномъ Салмассѣ, но даже и въ Баку, гдѣ они проѣздомъ жили два дня.

Въ этомъ большомъ русскомъ городѣ, названіе котораго ему никакъ не припомнить, вообще много разныхъ чудесъ: люди ѣздятъ въ страшныхъ экипажахъ безъ лошадей, и экипажи эти бѣгаютъ очень быстро, гораздо быстрѣе тѣхъ, которые съ лошадьми.

А однажды Аликперъ собственными глазами видѣлъ, какъ люди, сидя на какихъ-то большихъ птицахъ, летали въ воздухѣ, и очень высоко.

Чудесный былъ городъ, и хорошо имъ жилось въ немъ... Отецъ былъ большой, собакъ не боялся, и потому они заходили въ каждый дворъ. И почти всюду въ шапку Аликпера летѣло много монетъ, не только мѣдныхъ, но даже и серебряныхъ... А однажды какая-то очень веселая и очень румяная барыня дала маленькую золотую монету. Тогда еще отецъ сказалъ, что барыня эта—нехорошая...

Аликперъ однако до сихъ поръ не можетъ понять, почему собственно барыня нехорошая, разъ она дала золотую монету, которую можно обмѣнять на много монетъ серебряныхъ и мѣдныхъ...

Очень хорошо они жили въ этомъ городѣ.

Но вотъ наступила жара, жители начали разъѣзжаться по деревнямъ, и отъ этого меньше стало попадать денегъ въ шапку Аликпера.

Тогда отецъ сказалъ:

— Нужно и намъ, Аликперъ, ѣхать въ деревню, тамъ теперь всѣ жители, и дѣла наши пойдутъ опять хорошо... А когда мы накопимъ много тумановъ, вернемся домой, въ Салмассъ...

Они сѣли въ поѣздъ и черезъ очень короткое время пріѣхали сюда.

Но какъ только вышли изъ вагона, съ отцомъ сдѣлалось очень нехорошо: его начало рвать, весь посинѣлъ, легъ на землю и корчился въ судорогахъ...

Аликперъ совсѣмъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, и плакалъ.

Вскорѣ подошли къ отцу какіе-то озабоченные люди въ бѣлыхъ халатахъ и начали внимательно осматривать его.

Отецъ открылъ глаза и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Аликперъ, я, кажется, заболѣлъ холерой... Это—болѣзнь, отъ которой въ Тавризѣ умерла твоя бабушка... Береги Маймуна — онъ тебя прокормитъ...

Что-то еще хотѣлъ сказать, но глаза закрылись...

А люди въ бѣлыхъ халатахъ суетливо уложили его на носилки и понесли.

Аликперъ пошелъ-было за ними, но его не пускали.

Странные люди, не пускаютъ къ отцу!

Но какъ Аликперъ останется безъ отца?.. Онъ не хотѣлъ слушаться бѣлыхъ людей, кричалъ, кусался, плакалъ и рвался къ носильщикамъ.

Подошелъ какой-то рыжій человѣкъ съ саблей и кокардой. Ударивъ Аликпера кулакомъ по головѣ, онъ вырвалъ изъ его рукъ Маймуна и швырнулъ объ землю...

Все завертѣлось въ глазахъ Аликпера.

А когда онъ очнулся отъ удара, отца уже унесли, а Маймунъ лежалъ съ закрытыми глазами на желѣзѣ, по которому бѣгаютъ вагоны, и тихо стоналъ.

Взявъ на руки Маймуна, Аликперъ сталъ умолять всѣхъ встрѣчныхъ, чтобы его пустили къ отцу.

Но его никто не понималъ. Онъ тоже не понималъ, что̀ ему говорили.

Тогда они сѣли съ Маймуномъ у станціи и терпѣливо стали дожидаться возвращенія отца. Долго дожидались.

Очень часто, шипя и громыхая, приходили поѣзда и каждый разъ привозили много людей.

Иногда пріѣзжающіе съ любопытствомъ посматривали на Аликпера и Маймуна, улыбались и, равнодушные къ его горю, уходили прочь.

Уже стемнѣло, ярко загорѣлись два большихъ фонаря, а отецъ все не возвращался.

Аликперъ нѣсколько разъ принимался плакать, такъ тяжело быть одному среди совсѣмъ-совсѣмъ чужихъ людей.

Маймунъ иногда тихонько скулилъ, иногда покашливалъ и время отъ времени вопросительно посматривалъ на Аликпера, — ему, вѣроятно, хотѣлось ѣсть.

Тутъ Аликперъ вспомнилъ, что ни онъ ни обезьяна ничего съ утра не ѣли. И когда это вспомнилъ, голодъ началъ мучительно сосать подъ ложечкой.

Но ѣсть было совсѣмъ нечего, денегъ тоже не было.

Поѣзда приходили все рѣже и рѣже. И наконецъ вовсе ихъ не стало.

А вскорѣ погасили большіе фонари, и наступила тьма.

Было холодно и страшно. Аликперъ поближе прижалъ къ себѣ тихо дремавшаго Маймуна. И стало теплѣе и не такъ страшно... А потомъ въ головѣ все какъ-то перепуталось... затуманилось...

Проснулся онъ отъ чьего-то прикосновенія. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ въ бѣломъ.

Весело играетъ утреннее солнце, а человѣкъ въ бѣломъ что-то говоритъ ему на непонятномъ языкѣ.

Аликперъ очень хочетъ понять, но совсѣмъ ничего не понимаетъ.

Подошелъ другой человѣкъ въ бѣломъ и тоже что-то говоритъ, протягивая ему на ладони какія-то серебряныя и мѣдныя монеты.

Смотритъ Аликперъ на монеты и вдругъ узнаетъ среди нихъ маленькую персидскую монетку, которую отецъ привезъ изъ Салмасса.

Онъ спрашиваетъ у бѣлыхъ людей, гдѣ же отецъ и скоро ли вернется?..

Тогда одинъ изъ людей показываетъ на небо и говоритъ единственное извѣстное ему персидское слово:

— Ектуръ, ёктуръ *).

Теперь Аликперъ понялъ все: отца больше нѣтъ, и онъ остался совсѣмъ одинъ... Да Маймунъ еще.

Много тогда плакалъ маленькій Аликперъ, много бился головой о землю...

И сталъ ходить Аликперъ съ Маймуномъ отъ дачи къ дачѣ... Теперь Маймунъ не былъ ему просто Маймуномъ, маленькой обезьяной, купленной отцомъ въ Рештѣ... Теперь это—единственное близкое существо, такое же почти близкое, какъ покойный отецъ...

Очень плохи дѣла Аликпера. Онъ такъ боится собакъ и потому съ большой опаской подходитъ къ дачамъ. Прежде чѣмъ войти во дворъ, нужно еще издали обслѣдовать его. И если имѣется малѣйшее подозрѣніе на присутствіе собакъ, Аликперъ сейчасъ же уходитъ возможно дальше, минуя всѣ сосѣднія дачи, на которыхъ, быть-можетъ, и нѣтъ собакъ.

Иногда цѣлыми часами ходитъ онъ такимъ образомъ по улицамъ, не рѣшаясь никуда заходить.

Да и здоровье Маймуна стало совсѣмъ слабымъ. Обезьянка все время кашляетъ и съ большимъ трудомъ продѣлываетъ положенные номера.

Иногда среди какого-нибудь номера она останавливается и смотритъ на Аликпера печальными, сосредоточенными глазками.

Тогда онъ понимаетъ, что ей очень больно, и прекращаетъ представленіе иногда въ самомъ началѣ, за что ему, конечно, не даютъ никакихъ монетъ.

Сначала Аликперъ недоумѣвалъ, отчего бы это такая болѣзнь приключилась, но потомъ вспомнилъ, какъ рыжій человѣкъ съ кокардой бросилъ Маймуна о желѣзную дорогу, и вспомнилъ, что съ того именно дня и захирѣла обезьянка.

Почти совсѣмъ перестала ѣсть. Сидитъ все, пригорюнившись, печально поглядывая на Аликпера своими человѣческими глазами и безсильно опустивъ маленькія лохматыя руки съ крохотными черными пальчиками.

Сегодня Маймунъ совсѣмъ слабъ.

На три дачи заходилъ Аликперъ и трижды начиналъ представленіе, но каждый разъ ничего изъ этого не выходило.

Обыкновенно Аликперъ начиналъ свою программу съ очень интереснаго номера, который называется по-русски: „какъ пьяный баба на базаръ ходитъ“.

Для этого Маймунъ бралъ палку и ходилъ съ нею, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ это дѣлаютъ пьяные.

Номеръ обыкновенно имѣлъ большой успѣхъ, особенно у дѣтей.

Сегодня ничего не получалось: Маймунъ покорно бралъ палку, но при первомъ же покачиваньѣ валился на спину и виноватыми глазами смотрѣлъ на Аликпера.

Очень было жаль больного Маймунку, но все же, угрожая хлыстикомъ, онъ пытался принудить его къ работѣ.

Обезьянка еще болѣе виновато мигала глазками, но ничего сдѣлать не могла.

Такъ они проходили до обѣда, а потомъ Аликперу стало ясно, что сегодня Маймунъ совсѣмъ боленъ, и не слѣдуетъ напрасно его мучить.

Нужно было отправляться домой.

Квартиры собственно у Аликпера не было. Онъ называлъ домомъ опушку лѣса, гдѣ вотъ уже нѣсколько ночей спятъ они съ Маймуномъ на сухой травѣ.

Первые два дня послѣ смерти отца ночевали на станціи. Но на третій вечеръ, когда послѣ ужина кускомъ булки Аликперъ расположился на отдыхъ, явился вдругъ тотъ самый рыжій человѣкъ, который ушибъ Маймуна, и прогналъ ихъ со станціи, больно толкнувъ при этомъ Аликпера въ спину.

Долго тогда, терзаемый ночнымъ страхомъ, ходилъ онъ по уснувшей дачной мѣстности, пока не набрелъ наконецъ на опушку молодого сосняка.

Забравшись въ кусты, усталый и разбитый заснулъ онъ рядомъ съ Маймуномъ.

Съ тѣхъ поръ и ночуютъ на опушкѣ. Немного это страшно, но зато никто не прогоняетъ...

Рѣшивъ прекратить работу, Аликперъ подумалъ объ ѣдѣ. Денегъ было очень мало: только одна маленькая мѣдная монета, съ большимъ трудомъ сегодня заработанная.

Онъ знаетъ, что въ мелочной лавкѣ за нее дадутъ только одну маленькую булочку. Этого, конечно, очень мало не только для двоихъ, но даже для одного Аликпера.

Впрочемъ, врядъ ли Маймунъ будетъ сегодня ѣсть. Совсѣмъ плохъ Маймунъ: притихъ, съежился комочкомъ и грустно мигаетъ глазами, глядя куда-то въ пространство.

Аликперъ вошелъ въ лавку, протянулъ бородатому человѣку монету и указалъ на сложенныя въ плетенкѣ булочки.

На этотъ разъ лавочникъ далъ ему двѣ булочки, погладилъ по головѣ Маймуна и прибавилъ еще кусокъ сахару.

Придя на опушку, Аликперъ посадилъ Маймуна на мягкую траву и приступилъ къ обѣду.

Отломивъ кусокъ, онъ протянулъ его Маймуну. Тотъ посмотрѣлъ спокойно на булку и равнодушно перевелъ свой взглядъ на Аликпера, точно говоря:

— Не могу... ѣшь самъ.

— Кушай, Маймунка, кушай, милый!.. — какъ человѣка, упрашиваетъ Аликперъ.

Но и ласка не помогаетъ. Обезьянка равнодушно мигаетъ глазами и кашляетъ.

Тогда онъ протянулъ Маймуну сахаръ. Обезьянка очень любила это лакомство.

Вялой рукой она взяла бѣлый кусочекъ, поднесла въ носу, два раза лизнула и положила на траву.

Аликперу очень жалко маленькаго больного друга. Смотритъ онъ на обезьянку, и крупныя слезы текутъ изъ глазъ.

И хочется ему сейчасъ быть великимъ волшебникомъ, такимъ волшебникомъ, чтобы по одному его слову Маймунка выздоровѣлъ.

Быстро Аликперъ съѣлъ двѣ булочки, слегка хоть утоливъ голодъ. А потомъ занялся обезьянкой:

— Милый Маймунка, поспи немного... Потомъ проснешься и будешь здоровымъ... Я спрячу для тебя сахаръ, а ты его потомъ съѣшь. Сахаръ вѣдь очень-очень вкусный... Поспи, Маймунка.

Онъ нѣжно гладитъ Муймуна по головкѣ и ведетъ съ нимъ тихую бесѣду.

Точно понявъ совѣтъ хозяина, обезьянка закрыла глаза и стала тихо дремать, слегка вздрагивая по временамъ.

Аликперъ долго смотрѣлъ на Маймунку жалостливыми глазами, а потомъ среди лѣсной тишины, подъ ласковыми лучами сѣвернаго солнца, и самому захотѣлось спать. Свернулся калачикомъ и заснулъ.

Спали оба: маленькій, заброшенный Богъ вѣсть куда человѣкъ и маленькая обезьянка.

Обоимъ не было еще и десяти лѣтъ.

И снился обезьянкѣ тропическій лѣсъ, гдѣ густой стѣной росли пальмы и ліаны, гдѣ такъ много сестеръ рѣзвится на деревьяхъ, гдѣ весело, привольно, тепло, гдѣ можно рѣзвиться безъ устали и совсѣмъ не нужно показывать, „какъ пьяный баба на базаръ ходитъ“.

Маленькому человѣку тоже снился сонъ. Онъ видѣлъ густой садъ около ихъ дома въ Салмассѣ. Отецъ, мать, сестра Надира и онъ сидятъ на мягкой травѣ; передъ ними низкій круглый столъ, и ѣдятъ они горячій сочный пилавъ. Боже, какой вкусный пилавъ! Аликперъ много-много ѣстъ пилава... И какой странный: таетъ во рту, и никакъ нельзя имъ наѣсться. Потомъ пришелъ Гуссейнъ, товарищъ Аликпера, и они вмѣстѣ идутъ купаться. Но около рѣчки стоитъ рыжій человѣкъ съ кокардой и грозитъ имъ большой саблей. Надо уходить отъ рыжаго человѣка, но почему-то совсѣмъ не слушаются ноги, точно къ нимъ привязали что-то очень тяжелое; Аликперъ кричитъ, зоветъ отца и —просыпается.

Открываетъ глаза и съ удивленіемъ озирается вокругъ. Уже ночь. На синемъ холодномъ небѣ спокойно плыветъ большая серебряная луна. Ни Гуссейна, ни рѣчки, ни рыжаго человѣка...

Маленькими кулачками протеръ Аликперъ глаза и вдругъ горько заплакалъ. Такой онъ былъ одинокій, никому не нужный мальчикъ...

Еще такъ недавно у нихъ была большая семья: отецъ, мать, старшая сестра, дядя Али, тетка Шагры. У отца была на базарѣ лавка, а въ ней много разныхъ вкусныхъ вещей: чурхчела, инжиръ, собза, фурма... Все было... И такъ хорошо онъ игралъ съ Гуссейномъ въ саду.

А потомъ пришли какіе-то люди... Стрѣляли, сажали на колъ, вѣшали, и было очень страшно... Аликперъ собственными глазами видѣлъ, какъ висѣлъ добрый дядя Али.

Послѣ этого пришли казаки и тоже стрѣляли. Очень много стрѣляли... Убили тетку Шагры и ранили сестру Надиру, послѣ чего она умерла... Подожгли домъ и лавку...

Домъ совсѣмъ сгорѣлъ, а въ немъ сгорѣла и мать...

Говорили, что все это очень хорошо, что послѣ этого будетъ меджилисъ. Аликперъ не знаетъ, для чего собственно нуженъ меджилисъ, но если онъ необходимъ, то неужели не могли такъ устроить, чтобы не сжигать дома и лавки, чтобы не вѣшать добраго дяди Али?

Не понять всего маленькой головѣ Аликпера... Онъ только знаетъ, что послѣ этого отецъ долженъ былъ купить Маймуна и ѣхать на заработки въ далекую, невѣдомую Россію...

И еще знаетъ, что теперь онъ остался совсѣмъ-совсѣмъ одинъ... Только Маймунъ есть, одинъ Маймунъ, милый больной Маймунъ.

Аликперъ посмотрѣлъ на Маймуна; освѣщенная луной обезьянка лежитъ съ закрытыми глазами и еле замѣтно дышитъ.

— Маймунъ, Маймунка!..

Испуганный Аликперъ тормошитъ обезьянку. Та пріоткрыла глазки, мигнула разъ-два и опять закрыла.

И страшная мысль пронеслась въ головѣ мальчика:

„А вдругъ Маймунка умретъ!..“

Нѣтъ, нѣтъ, Аллахъ не такой жестокій! За что ему наказывать такого маленькаго мальчика? Что̀ ему сдѣлалъ Аликперъ?..

— Маймунка, милый Маймунка!..

Онъ горячо ласкаетъ маленькаго друга. Нѣжно гладитъ его по крохотной головкѣ и цѣлуетъ въ крохотную мордочку.

Маймунъ временами открываетъ глаза и сосредоточенно смотритъ на Аликпера.

Но все рѣже и рѣже смотрятъ глаза, а дыханье стало вдругъ такимъ хриплымъ, точно какую-то машинку внутри завели.

— Маймунъ, Маймунъ, воды хочешь?

Аликперъ схватилъ шапку и побѣжалъ къ рѣчкѣ за водой.

Страшная рѣчка ночью: кажется, что невѣдомыя чудовища смотрятъ изъ воды и норовятъ схватить Аликпера за ногу.

Страшно подойти близко къ берегу. Но, пересиливъ страхъ, онъ быстро зачерпнулъ въ шапку воды и помчался къ опушкѣ.

Маймунъ воды не захотѣлъ...

Теперь онъ лежитъ съ открытыми глазами, и какое-то новое выраженіе появилось въ нихъ, выраженіе нѣмой покорности...

Чѣмъ Аликперъ можетъ помочь больному другу? Онъ вѣдь совсѣмъ ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ...

Склонился надъ больной обезьянкой и плачетъ безутѣшно...

Вдругъ онъ вспомнилъ о той барынѣ, которая живетъ на голубой дачѣ. Барыня очень добрая: каждый разъ даетъ монету, гладитъ Маймуна и даритъ два вкусныхъ пряника: одинъ для него, другой —для обезьянки.

Что̀, если понести сейчасъ Маймуна на голубую дачу и показать барынѣ, что обезьянка больна?

Барыня вѣдь очень добрая и можетъ дать лѣкарства, отъ котораго Маймуну станетъ лучше...

Бережно беретъ Аликперъ обезьянку на руки и быстро-быстро идетъ къ доброй барынѣ.

Онъ очень торопится, каждая минута дорога.

Луна большая — свѣтло итти. Очень боится собакъ, но нужно терпѣть.

Дойдя до первыхъ дачъ, Аликперъ видитъ, что во всѣхъ окнахъ совсѣмъ темно.. Вѣроятно, уже очень поздно, за полночь.

И, слѣдовательно, на голубой дачѣ тоже темно.

А быть-можетъ, добрая барыня не спитъ?..

Аликперъ прибавляетъ шагу.

Вотъ уже видна голубая дача. Огибаетъ рѣшетчатый заборъ и, къ полному своему ужасу, видитъ въ окнахъ такой же мракъ, какъ и во всѣхъ другихъ дачахъ...

Вездѣ темно, даже на станціи.

Послѣдняя надежда угасла въ сердцѣ Аликпера.

Онъ безпомощно оглядывается по сторонамъ, точно ища помощи откуда-то извнѣ.

Спитъ добрая барыня, молчитъ голубая дача... И не къ кому обратиться за помощью, никому нѣтъ дѣла до Аликпера и его больной обезьянки.

Посмотрѣлъ Аликперъ на Маймуна и уныло поплелся домой.

Когда пришелъ на опушку и положилъ Маймуна на траву, обезьянка уже не хрипѣла и почти не дышала. Безсильно легли руки у маленькаго тѣла, мутнѣлъ взоръ.

До ужаса стало ясно, что единственный другъ кончается.

— Маймунъ, Маймунъ, не умирай! — сквозь потокъ слезъ молилъ Аликперъ обезьянку.—Какъ же я безъ тебя, Маймунъ?..

Слезы скатывались на маленькое лохматое тѣльце. Иная слезинка попадала на мордочку умирающаго. Тогда обезьянка слабо вращала глазами и смотрѣла на Аликпера, какъ будто понимала его глубокое горе и сочувствовала ему.

Долго-долго сидѣлъ Аликперъ и смотрѣлъ, какъ постепенно угасала жизнь въ маленькомъ лохматомъ человѣчкѣ, такомъ близкомъ и единственномъ...

Все было уже ясно, и отъ этого холодный ужасъ окуталъ Аликпера.

Но вотъ Маймунъ зашевелился, широко открылъ глаза...

И лучъ надежды невольно блеснулъ въ душѣ мальчика.

Блеснулъ и сейчасъ же погасъ: обезьянка пріоткрыла глаза, глубоко вздохнула и вытянулась... Вытянулась въ послѣдній разъ...

Маймуна не стало, Маймунъ совсѣмъ умеръ...

Сидитъ Аликперъ, какъ окаменѣлый, и неподвижными глазами долго смотритъ на бездушную, милую и дорогую, обезьянку.

Долго-долго смотритъ, а потомъ поднялъ глаза на синее чужое небо и, сжавъ маленькіе кулаки, сказалъ съ горькимъ укоромъ:

— Аллахъ! Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, что умеръ отецъ, умеръ Маймунъ и не умеръ я? Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, Аллахъ?..

Молчало чужое небо, такое синее, далекое и строгое...

Только ночное эхо шумно побѣжало по темному лѣсу.

Прильнулъ Аликперъ лицомъ къ умершему другу и съ ужасомъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ мгновеніемъ все холоднѣе и холоднѣе становилось лохматое тѣльце.

И не было уже слезъ, какой-то тяжелый камень залегъ въ маленькомъ сердцѣ...

*) Ектуръ—нѣтъ.

Къ 350-лѣтію русской книги.

Очеркъ **Н. Инсарова.**

I.

Ровно три съ половиною вѣка тому назадъ — 1 марта 1564 г. появилась въ Россіи первая типографія и вышла въ свѣтъ первая книга, напечатанная въ предѣлахъ нашего государства.

Это достопамятное событіе совершилось во времена царя, съ именемъ котораго связаны и политическія удачи, и коварство, и побѣды русскаго оружія, и звѣрскія расправы съ боярами, и мудрость, и безуміе, и вѣрность пониманія государственныхъ задачъ. По волѣ и иждивеніемъ царя Ивана Грознаго къ намъ былъ впущенъ печатный станокъ, и съ той поры книга понемногу проникла въ нашу жизнь, въ нашъ культурный обиходъ, въ нашу школу, семью, общество, стала сопутствовать человѣку на всѣхъ ступеняхъ его общественнаго положенія, формируя его взгляды на жизнь, людей и обязанности, на религіозныя вѣрованія и моральные догматы, обогащая его душу новыми чувствами, а его умъ и память—новыми знаніями.

За истекшія три вѣка Россія обогатилась громадной литературой, имѣетъ цѣлыя библіотеки цѣнныхъ научныхъ сочиненій, и ежедневно ея печати выбрасываютъ горы бумаги, изъ которыхъ составляются многія сотни тысячъ книгъ. 350 лѣтъ тому назадъ было выпущено нѣсколько десятковъ книгъ, а въ наше время ихъ ежегодно печатается болѣе 100 милліоновъ экземпляровъ на сумму около 40 милліоновъ рублей. Та самая Москва, въ которой впервые появилась русская книга, теперь ежегодно выпускаетъ около 50 милліоновъ экземпляровъ на сумму 15 милліоновъ рублей.

Книга вошла въ нашу жизнь, какъ желанный гость, какъ учитель и наставникъ, только со временъ Петра Великаго, а до той поры не выходила за предѣлы церкви, но и тамъ, въ сущности, въ первое время она скорѣе играла чисто служебную роль. Но за всѣмъ тѣмъ начало книгопечатанія и, благодаря этому, сравнительно быстрое распространеніе книги, ставшей значительно болѣе дешевой, сыграло немаловажную роль.

Зародившись и выросши изъ потребностей церкви, книга у насъ прежде всего сдѣлала христіанство доступнымъ народнымъ массамъ. Идеи религіи понемногу стали проникать въ народную толщу и разрушали вѣковыя привычки и взгляды нашего народа, воспитаннаго на язычествѣ. Мы, правда, приняли христіанство еще въ X вѣкѣ, но это не сдѣлало насъ христіанами. Христіанское русское общество раздѣлилось на двѣ неравныя половины: на ограниченную численно кучку увлеченныхъ новой вѣрой

подвижниковъ, усердно воспроизводившихъ утонченнѣйшіе подвиги восточнаго благочестія, и на огромную народную массу, оставшуюся такими же язычниками, какими они были и до крещенія Руси.

Но могла ли быть народная масса иной, если ея духовные наставники говорили и писали не на томъ языкѣ, который она только и понимала? До самаго татарскаго ига почти всѣ наши митрополиты и значительная часть епископовъ были греки, прибывшіе къ намъ изъ Константинополя и не знавшіе ни единаго русскаго слова. Только тогда, когда ученые наши іерархи стали русскими по происхожденію, возможна стала болѣе или менѣе широкая работа на пользу церкви и идей христіанства. Когда на церковныхъ каѳедрахъ появились русскіе архіереи, а народъ услышалъ родную, понятную ему рѣчь, онъ началъ просвѣщаться, ибо церковь, церковное краснорѣчіе и пропаганда христіанскихъ идей были въ тѣ времена единственнымъ источникомъ мудрости и знанія.

Однако ни распространеніе слова Божія, ни правила церкви, ни правила благочестія и христіанскаго нравственнаго поведенія безъ пропаганды были невозможны. Наконецъ безъ книги и безъ книжнаго знанія невозможна была и подготовка самихъ пастырей. Правда, книга существовала, но это была дорогая, малодоступная книга, а главное—съ сугубо-извращеннымъ текстомъ. Перепесчики зачастую искажали переписываемое и по невѣжеству, и по небрежности, и въ силу склонности внести въ книгу свое, освѣтить текстъ по-своему или исправить его, если онъ имъ казался неправильнымъ. Такое искаженіе текстовъ привело къ анархіи въ церкви, вызвало разногласія, исказило смыслъ вѣроученія и рождало смуту въ умахъ. А такъ какъ церковь стояла впереди государственной жизни, и ея интересы и вліяніе пользовались заботами народа и государства, то отсюда становится понятнымъ, что переписываемая отъ руки книга надѣлала много хлопотъ и привела къ церковной разрухѣ и даже „нестроенію и смутѣ“.

Писанная же книга была, кромѣ всего, рѣдкостью и не могла распространиться широко даже среди пастырей церкви. Не имѣя возможности получать путемъ чтенія подготовку и развивать свой умъ и знанія, наши пастыри стояли по своему умственному развитію очень низко и не могли достойнымъ образомъ воздѣйствовать на свою паству. Пока среди нашего духовенства были ученые греки, его умственный уровень стоялъ сравнительно высоко, но съ уходомъ нашихъ первыхъ учителей и вѣроучителей сразу начало замѣчаться паденіе уровня образованности среди русскаго духовенства, а вмѣстѣ съ этимъ—измельчаніе его религіозныхъ идеаловъ.

Печатный Дворъ въ Москвѣ. Видъ съ Никольской улицы. (По рис. XVII вѣка).

При замѣщеніи пастырскихъ мѣстъ чувствовался недостокъ въ подготовленныхъ людяхъ не только на низшія духовныя мѣста, но и на высшія. Для того, чтобы показать, въ какомъ положеніи было это важное для старой Руси дѣло, достаточно привести жалобу извѣстнаго въ исторіи новгородскаго архіепископа XV вѣка Геннадія.

„Приведутъ ко мнѣ мужика,—пишетъ Геннадій,—(ставиться въ попы или діаконы):—а я велю ему Апостола дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю Псалтырь дать—и по тому еле бредетъ.. Я велю ектиніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, воучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются: „такова земля, господине: не можетъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ“. То же самое подтвердилъ и Стоглавый соборъ, собранный для обсужденія нуждъ церкви черезъ полвѣка послѣ только что приведенной жалобы архіепископа. „Ежели не посвящать безграмотныхъ,—говоритъ Стоглавъ:—церкви будутъ безъ пѣнія, а христіане будутъ умирать безъ покаянія“. Однако, какъ утверждаютъ наши историки, религіозный уровень народныхъ массъ понемногу подымался, и вѣра принимала свою національную окраску. Народъ сталъ чувствовать потребность въ проповѣдникахъ и толкованіи Священнаго Писанія, а проповѣдниковъ-то и не было. Иностранцы-лютеране и католики писали изъ Россіи, что народъ не знаетъ Евангелія, что изъ десяти человѣкъ жителей едва ли одинъ знаетъ молитву Господню, не говоря уже о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ. Одинъ иностранецъ спросилъ однажды у какого-то русскаго, отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ ни „Отче нашъ“ ни „Богородице“? На это спрашивавшій получилъ въ отвѣтъ: „Это не про насъ. Это очень для насъ высокая наука. Это по уму только патріархамъ, духовнымъ да господамъ, у кого нѣтъ работы, а не для простого мужика...“

Когда на престолъ Руси вступилъ царь Иванъ Васильевичъ, то прежде всего его вниманіе остановилось, благодаря добрымъ совѣтчикамъ, на церковныхъ дѣлахъ, въ которыхъ было много „нестроенія и смуты“. Среди этого нестроенія особенно выдѣлялись неграмотность духовенства и постоянныя искаженія при перепискѣ церковныхъ книгъ. Малограмотные священники, по справедливому выраженію Максима Грека, „по чернилу только бродили, силы же писаннаго не разумѣли“. Церковный соборъ по повелѣнію царя въ 1551 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ постановленій, но они не могли войти въ жизнь, потому что священники зачастую были неграмотны, невѣжественны, суевѣрны, и имъ было не у кого учиться, а въ то же время они сами должны были учить и вести школы. По существовавшимъ тогда постановленіямъ собора, священникъ долженъ былъ „заводить училища въ своемъ домѣ“, а между тѣмъ на томъ же соборѣ объявлялось, что приходится ставить въ попы и дьяконы лицъ, которыя „грамотѣ мало умѣютъ, а не поставить ихъ — церкви будутъ безъ богослуженія, православные будутъ умирать безъ покаянія“.

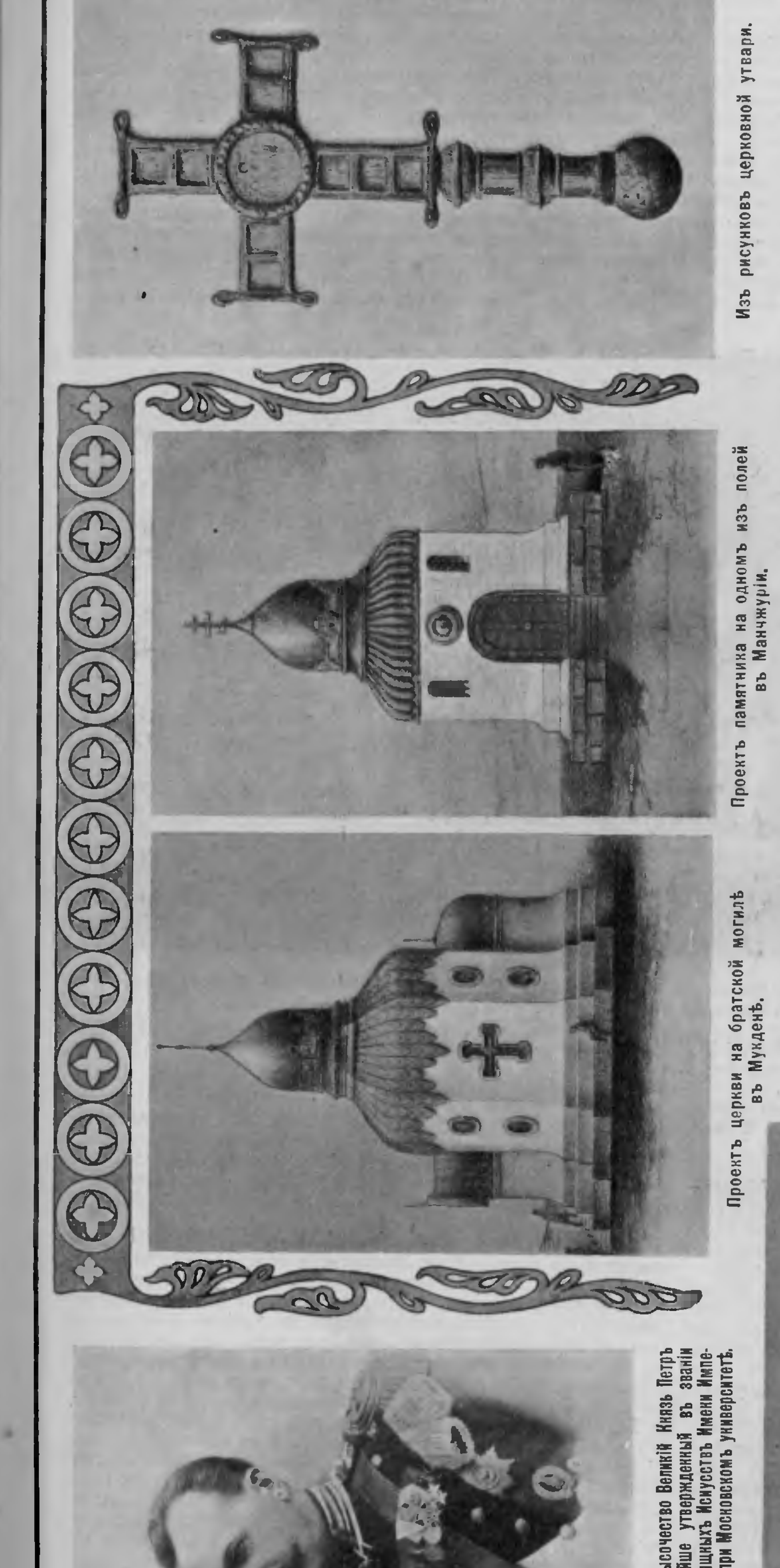
Все это заставило подумать царя и его приближенныхъ о способахъ распространить правильно написанныя съ хорошихъ переводовъ богослужебныя книги, а это было возможно только при помощи печатнаго станка.

Здѣсь умѣстно будетъ добавить, что мысль о необходимости завести у насъ печатаніе книгъ явилась еще у царя Іоанна III. Еще онъ послалъ своего посла, Трифаніота, за художниками и типографами, предлагая имъ громадное жалованье. Посолъ обратился къ знаменитому любекскому типографщику Варѳоломею и предложилъ ему службу у московскаго царя, но тогда было много недоброжелателей у Россіи, и они постарались отговорить Варѳоломея отъ поѣздки. Дѣло это такъ и не осуществилось, и только лишь въ царствованіе Ивана Грознаго была сдѣлана снова попытка ввести въ нашу жизнь печатный станокъ и блага книгопечатанія.

Когда царь завелъ объ этомъ рѣчь, то первымъ, кто поддержалъ благое пожеланіе царя, былъ митрополитъ Макарій. Надо полагать, что и самъ царь пришелъ къ мысли о первой типографіи благодаря настояніямъ такого ученаго и умнаго совѣтчика, какимъ былъ Макарій. Всѣ данныя, имѣющіяся у насъ, говорятъ за то, что благодаря именно этому святителю нашей церкви мы получили первую книгопечатню, и хотя первая, затѣянная имъ же, книга и не была при его жизни доведена печатаніемъ до конца, но несомнѣнно, что, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ въ государствѣ и главное—близостью къ царю и громаднымъ на него вліяніемъ, Макарій провелъ въ жизнь идею первой типографіи въ государствѣ Московскомъ.

Для полноты исторической картины надо сказать, что Макарій не смотрѣлъ на книгу, какъ на распространителя просвѣщенія ума, а, настаивая передъ царемъ на необходимости открытія типографіи, желалъ только лишь дать нашей церкви и священнослужителямъ исправленныя книги. Макарій, какъ и его два видныхъ единомышленника и писателя XVI вѣка, Іосифъ и Даніилъ, былъ типичнымъ представителемъ русской образованности и русскаго благочестія того времени. „Всѣмъ страстямъ мати,—говоритъ Іосифъ:—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе“. Поэтому всякое „мудрствованіе“—отъ лукаваго, а все, что говоритъ писатель, онъ долженъ говорить „отъ книги“.

Проекты храмовъ и памятниковъ работы Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича.

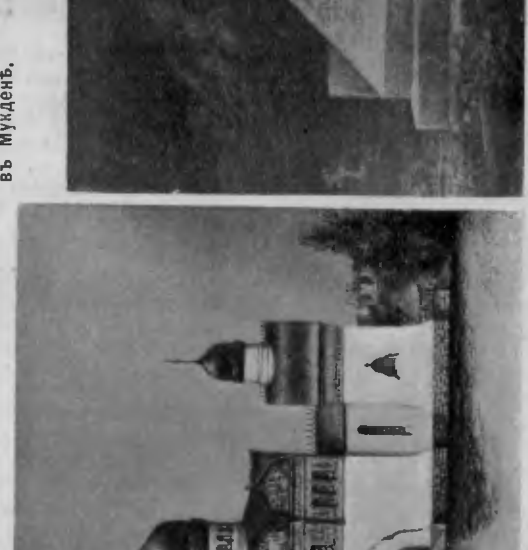
Изъ рисунковъ церковной утвари.

Проектъ памятника на одномъ изъ полей въ Манчжуріи.

Проектъ церкви на братской могилѣ въ Мукденѣ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ, Высочайше утвержденный въ званіи Покровителя Музея Изящныхъ Искусствъ Имени Императора Александра III при Московскомъ университетѣ.

Проектъ богодѣльни съ церковью въ Крыму, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи „Конандъ“ кн. С. С. Юсупова гр. Сумарокова-Эльстона.

Памятникъ на одномъ изъ полей сраженія въ Манчжуріи.

Проектъ церкви.

Во всякомъ случаѣ въ лицѣ митрополита Макарія мы имѣемъ выдающагося церковнаго дѣятеля. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ благоустроенію нашей церкви, составилъ обширный сборникъ всѣхъ существовавшихъ до его времени житій русскихъ угодниковъ. Задавшись цѣлью собрать „всѣ чтомыя книги, яже въ русской землѣ обрѣтаются“, Макарій такимъ путемъ составилъ всѣмъ хорошо и до сихъ поръ извѣстный сборникъ: „Великія Макарьевскія Четьи-Минеи“.

Въ 1542 г. Макарій дѣлается митрополитомъ всея Руси и побуждаетъ молодого Ивана Грознаго создать типографію и печатаніе книгъ. Почему же дѣло созданія типографіи требовало вмѣшательства царя, и почему Макарій самъ не выполнилъ того, въ чемъ прежде всего и послѣ всего нуждалась церковь и только одна церковь? Потому что наша церковь, отдѣлившись отъ византійской, вошла въ самый тѣсный союзъ съ государствомъ, чего не было на Западѣ. Наше государство приняло на себя заботу и охрану интересовъ церкви, и всякое дѣло церкви неразрывно было связано этимъ путемъ съ дѣломъ государства и вмѣшательства государственной власти.

Новый Августѣйшій Президентъ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ—Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ на первомъ торжественномъ засѣданіи Педагогическаго Совѣта Художественнаго Училища.

По правую руку Августѣйшаго Президента: Н. К. Рерихъ, В. И. Зарубинъ, Н. П. Хкмона, А. Ф. Бѣлый. Стоятъ: К. К. Врублевскій, Г. М. Бобровскій, Г-жа И. А. Малеванная, А. Р. Эберлингъ, Н. Е. Макаренко, И. Я. Билкбинъ, П. С. Наумовъ, А. Э. Щуко, В. И. Навозовъ, К. Г. Яцута, С. С. Митусовъ, В. А. Ворошиловъ, Ѳ. П. Ѳедоровъ, В. А. Плотниковъ, А. А. Рыловъ, проф. В. В. Матэ, Ѳ. Ѳ. Бухгольцъ, И. И. Андріолети, Д. М. Тюлинъ, О. П. Машукова, Э. Н. Доссъ.

II.

Когда царь рѣшился приняться за печатаніе книгъ, то Макарій благословилъ царя и его намѣреніе „съ великою радостью“ и при этомъ пояснилъ, что книгопечатаніе—„даръ свыше сходящій“, и что поэтому несомнѣнно благая мысль царя внушена ему Самимъ Богомъ.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ хозяйственную сторону новаго дѣла, стали пріискивать мастеровъ типографскаго искусства. Ихъ, разумѣется, искать на Руси было бы безполезно, а потому царь поручилъ нѣмцу Шлитту набрать у себя на родинѣ, въ нѣмецкой землѣ, „разныхъ мастеровъ и художниковъ“, а въ томъ числѣ и типографщиковъ. Первая попытка съ приглашеніемъ иноземныхъ мастеровъ Шлитту не удалась, и нѣмцы въ Россію не попали.

Первая неудача не остановила царя, и онъ послалъ просьбу о присылкѣ мастеровъ-типографщиковъ датскому королю Христіану III. Король прислалъ мастера Ивана Богбиндера, но тотъ сталъ толковать свое призваніе чрезвычайно своеобразно и распространительно. Мастеръ оказался ревностнымъ сторонникомъ ученія Лютера, которое тогда стало распространяться въ Даніи, и вмѣсто того, чтобы приступить къ организаціи типографіи, онъ сталъ склонять царя къ переходу въ лютеранство. Не соглашаясь работать книги, несогласныя съ его вѣрой, присланный мастеръ оказался такимъ образомъ непригоднымъ, и пришлось подумать о новомъ приглашеніи. Оставались католическія страны, но пригласить католика для печатанія православныхъ священнослужебныхъ книгъ считали неудобнымъ и даже почему-то опаснымъ.

Во время этихъ хлопотъ по пріисканію иноземнаго мастера оказалось, что на сей разъ можно обойтись и безъ помощи со стороны. Въ самой столицѣ царя объявились люди, знакомые съ типографскимъ дѣломъ. Они не только переняли новое искусство печатанія, но и „возлюбили его всѣмъ сердцемъ“. То были діаконъ нынѣ уже не существующей въ Москвѣ церкви Николы Готунскаго въ Кремлѣ, Иванъ Ѳедоровъ, да еще нѣкто Петръ Тимофеевъ, по прозванію Мстиславцевъ.

Когда народъ узналъ, что Иванъ Васильевичъ желаетъ ввести у насъ печаніе книгъ и для этого приглашаетъ иноземныхъ мастеровъ, не раздѣляющихъ нашего вѣроученія и не признающихъ догматовъ православной церкви, то сталъ выражать свое неудовольствіе. Это неудовольствіе еще больше выросло, когда по Москвѣ стали носиться слухи, что въ самой Москвѣ имѣются пригодные для этого дѣла мастера, которые „малыми нѣкими и неискуссными начертаніи печатаваху книги“. Услышавъ это, царь былъ очень обрадованъ и немедленно поручилъ дѣло Ивану Ѳедорову и его закадычному другу Петру Тимофеевичу. Печатный станокъ и все необходимое для работы было привезено изъ Польши. Надо отдать должное царю: онъ хотѣлъ широко поставить печатное дѣло и не щадилъ на это средствъ.

Какъ выучились первые наши книгопечатники неизвѣстному ремеслу, откуда узнали о пріемамъ и способахъ типографскаго дѣла—сказать трудно, но надо полагать, что талантливый Иванъ Ѳедоровъ, познакомившись съ неоднократно пріѣзжавшими въ Москву итальянцами, уразумѣлъ отъ нихъ секреты печатнаго дѣла. Возможно, впрочемъ, что дѣло было иначе, и что Ѳедоровъ получилъ техническія свѣдѣнія отъ русскихъ людей, побывавшихъ за границей, въ Венеціи или Краковѣ. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что Ѳедоровъ не только взялся за дѣло постановки первой типографіи и за печатаніе первой книги, но и выполнилъ свою задачу съ просто неожиданнымъ искусствомъ. Судя по тому, что наши первопечатники принадлежности типографскаго ремесла называли итальянскими именами, можно утверждать, что первыя свѣдѣнія о техникѣ дѣла пришли къ намъ не изъ нѣмецкой, а именно изъ итальянской земли.

Итакъ, къ счастью, царь нашелъ мастеровъ у себя дома, и они съ гордостью и благоговѣніемъ принялись за святое дѣло.

Прежде всего надо было пріискать мѣсто для будущей типографіи; и его нашли на Никольской улицѣ, гдѣ и стали возводить зданіе Печатнаго Двора. Техника строительнаго дѣла и оборудованіе мастерской типографіи подвигались довольно медленно, и поэтому Печатный Дворъ былъ готовъ только черезъ 10 лѣтъ послѣ его закладки.

Въ первое время, при царѣ Иванѣ, это было большое каменное зданіе о двухъ жильяхъ, т.-е. два этажа съ подклѣтками или погребами. Оконницы въ зданіи были слюдяныя, кровли и другія пристройки деревянныя. Самый Печатный Дворъ былъ окруженъ острымъ частоколомъ, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ кровлей.

Наконецъ все было окончено, и печатники 19 апрѣля 1563 г. приступили къ набору и печатанію первой русской книги на славянскомъ языкѣ. 1 марта 1564 г. она была окончена и выпущена въ свѣтъ. То были Дѣянія Апостольскія. Работу, которую вынесли на своихъ плечахъ наши первые печатники, можно

поистинѣ назвать колоссальной. Они были не только наборщиками и печатниками текста, но и справщиками, т.-е. корректорами: они же исправляли и самый текстъ и печатали его. Оконченная первая книга поражаетъ точностью, красотой и чистотой работы. Одинъ нашъ историкъ говоритъ: „Чистота, отчетливость буквъ и красота въ книгахъ первой печати нашей поразительна. Вся азбука одной мѣры и одного рисунка. Азбука взята была изъ крупнаго полууставнаго письма нашего. Ея строчныя буквы толсты, слегка изогнуты и наклонены вправо. Краска прекрасная, и не только черная, но и красная (киноварь) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и въ рукописи буквы окрашены краснымъ цвѣтомъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, если принять въ расчетъ, что это была первая попытка печатанія, что наши мастера первый разъ принялись за это нелегкое и довольно сложное дѣло, то надо будетъ согласиться, что оно было превосходно выполнено. Правда, наборъ былъ не лишенъ ошибокъ, текстъ трудно читается, потому что типографы не сдѣлали интерваловъ между словами текста, главы отмѣчены счетомъ на поляхъ, а изъ знаковъ препинанія употреблены только точка и запятая, и то не всегда удачно: въ концѣ строки не помѣщены, гдѣ надо, переносные знаки, и счетъ листовъ напечатанъ въ самомъ неудачномъ мѣстѣ—на нижнемъ углу правой стороны страницы,—но вѣдь это была первая книга на Руси.

Въ концѣ книги приложено послѣсловіе, въ которомъ говорится объ основаніи первой книгопечатни и объ исторіи ея созиданія. Нѣкоторые наши историки увѣряютъ, что дѣло созданія печатни и первой нашей книги все же не обошлось безъ самаго непосредственнаго участія упомянутаго уже мастера Ивана (Ганса) Богбиндера, но въ послѣсловіи ничего объ этомъ не говорится, и если это не умолчаніе, то честь созданія первой типографіи и первой книги принадлежитъ цѣликомъ двумъ русскимъ печатникамъ.

Итакъ, первая книга была закончена, и казалось, что дѣлу книгопечатанія на Руси открыта широкая дорога, и что первый успѣхъ обезпечиваетъ дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи. Самъ царь проникся важностью этого дѣла и не жалѣлъ на него денежныхъ затратъ. Не успѣла однако появиться въ свѣтъ первая книга, какъ на нее было поднято гоненіе. Прежде всего на печатниковъ вооружились переписчики, ибо они почуяли, что ихъ вѣкъ отошелъ вмѣстѣ съ новымъ искусствомъ, что печатный станокъ отобьетъ у нихъ заработокъ. Они стали распускать въ народѣ молву, что печатаніе книгъ—дѣло недоброе, не благословенное Богомъ, что печатники—еретики, и что если предоставить имъ творить свое злое дѣло, то не быть добру. Клевета на печатниковъ и ихъ дѣло, быть-можетъ, и не имѣла бы тѣхъ трагическихъ послѣдствій, которыми закончилось созданіе первой печатни, но на помощь темнымъ силамъ пришли невѣжество русскаго народа и невѣрный взглядъ на книгу и книжное знаніе. Народъ привыкъ къ тому, что святыя книги создавались путемъ ихъ переписыванія, и всякое новшество въ этой области разсматривалъ, какъ отступленіе отъ древняго благочестія и традицій православія. Печатный станокъ пришелъ къ намъ изъ чужой земли, и поэтому его примѣненіе въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ печатаніе священныхъ книгъ, казалось уже само по себѣ грѣховнымъ. Словомъ, клевета удалась, и невѣжественный, темный народъ бросился на Печатный Дворъ и сжегъ его. Ярость народа и его злоба противъ первопечатниковъ была настолько велика, что имъ пришлось бѣжать изъ Москвы. Они ночью съ большими предосторожностями, тайно снарядились въ путь и, захвативъ съ собою принадлежности своего ремесла, бѣжали изъ предѣловъ государства Московскаго.

Такъ закончилась исторія первой книги на Руси, и такъ народъ московскій принялъ дѣло печатанія. Иванъ Ѳедоровъ скрылся въ Литву, гдѣ было много магнатовъ и людей просвѣщенныхъ, и, работая, не покладая рукъ, до гробовой доски, остался бѣднякомъ, хотя счастье неоднократно улыбалось ему. Если въ Москвѣ онъ преодолѣлъ техническія трудности новаго и совершенно неизвѣданнаго имъ дѣла, то и въ этомъ случаѣ ему на помощь пришли его воодушевленіе и взглядъ на свое дѣло не какъ на ремесло, а какъ на святой подвигъ, какъ на христіанскую задачу жизни. Когда въ Литвѣ магнатъ Ходкевичъ, расположившійся въ пользу кроткаго, трудолюбиваго печатника, хотѣлъ подарить ему имѣніе, то Ѳедоровъ отвѣтилъ: „Неудобно мнѣ плугомъ или сохою и сѣяніемъ сѣмени жизнь свою сокращать: я имѣю вмѣсто плуга мое художество, мои сосуды (т.-е. орудія печати), вмѣсто сѣмянъ пшеницы или ржи могу сѣять духовныя сѣмена по вселенной“.

Несмотря на печальный опытъ Ивана Ѳедорова, его усилія и труды не пропали даромъ и со временемъ дали свои щедрые плоды. Печатному дѣлу на Руси не суждено было погибнуть, оно снова возродилось, и на этотъ разъ уже навсегда.

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича на Печатномъ Дворѣ приказано было возвести новыя постройки, и знаменитый нашъ дѣятель русскаго просвѣщенія, Симеонъ Полоцкій, привлеченъ къ этому дѣлу. Полоцкій извѣстенъ исторіи, какъ выдающійся проповѣдникъ, педагогъ и вмѣстѣ съ этимъ стихотворецъ. Онъ былъ приглашенъ въ числѣ другихъ западно-русскихъ ученыхъ въ Москву и сталъ придворнымъ поэтомъ и воспитателемъ дѣтей царя. Симеонъ много писалъ и чувствовалъ все несовершенство примитивнаго способа размноженія книгъ, а потому и рѣшилъ возобновить дѣло несчастнаго Ивана Ѳедорова. Пользуясь громаднымъ значеніемъ и вліяніемъ на молодого царя Ѳедора Алексѣевича, бывшаго его воспитанника, Симеонъ Полоцкій завелъ типографію, называвшуюся „верхней“, и тамъ, кромѣ другихъ книгъ, печаталъ и свои собственныя сочиненія. Теперь первой книгой, напечатанной въ русской типографіи, былъ „Тестаментъ“ Василія, царя греческаго, а затѣмъ — Псалтирь, переведенный стихами самимъ Симеономъ Полоцкимъ. Въ типографіи появились уже не только славянскія, но и греческія и латинскія буквы.

Съ той поры работала московская типографія до 1705 г., т.-е. до того времени, пока Петръ Великій не заказалъ въ Амстердамѣ нашего гражданскаго шрифта и не сталъ печатать не только церковныя, но и свѣтскія сочиненія. Первой книгой, напечатанной новымъ шрифтомъ, была: „Приклады, какъ пишутся комплименты“.

Съ этого момента можно считать, что историческая роль московской первопечатни окончилась, и Царь-Преобразователь открылъ новую, но уже въ новой своей столицѣ.

Ламаншскій туннель.

(Съ 4 рис. на этой стр. и на стр. 196).

Постройка туннеля подъ дномъ Ламанша, между Англіею и Франціею, повидимому, въ скоромъ времени осуществится. Разговоры о немъ идутъ уже болѣе ста лѣтъ, но противъ него выставлялись возраженія, которыя сильно дѣйствовали на общественное мнѣніе Англіи и создавали тамъ рѣшительное сопротивленіе осуществленію этого грандіознаго сооруженія. Мы посвятимъ дальше особое мѣсто этимъ возраженіямъ, а сначала сдѣлаемъ краткій историческій обзоръ вопроса о сооруженіи этого туннеля.

Первая мысль о немъ была подана французскимъ инженеромъ Матьё, въ 1802 году, при Наполеонѣ I, тогда еще первомъ консулѣ. Отъ него тогда многое зависѣло; но этотъ человѣкъ, весь поглощенный своими воинственными затѣями, часто бывалъ глуховатъ къ вопросамъ высшаго техническаго прогресса. Извѣстно, что идея сооруженія перваго перехода была имъ чуть не съ пренебреженіемъ отринута: отринулъ онъ и мысль Матьё. Примѣнительно къ тогдашнимъ путямъ сообщенія (это было задолго до употребленія пара, какъ тяги), проектъ Матьё былъ очень скроменъ. Онъ предлагалъ вырыть каналъ-туннель подъ дномъ Ламанша, предназначая его лишь для движенія почтовыхъ экипажей и для передвиженія товаровъ гужевою тягою: его проектъ не только никто не подумалъ тогда осуществить, но никто, кажется, и не подумалъ серьезно разсмотрѣть его: по тогдашнимъ понятіямъ это была затѣя почти фантастическая, сюжетъ для карикатуры.

Рис. 1. Карта береговъ Англіи и Франціи, между которыми пройдетъ туннель.

Впослѣдствіи подавалось немало новыхъ проектовъ Ламаншскаго туннеля, но изъ нихъ многіе были и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ фантастичны, а другіе представляли явные техническіе недостатки, такъ что о нихъ не стоитъ и упоминать. Ближайшимъ, послѣ проекта Матьё, былъ проектъ Томэ-де-Гамона, составленный въ 1867 году. Это былъ серьезный, хорошо продуманный планъ туннеля, но, къ сожалѣнію, авторъ его избралъ неудачное направленіе: его туннель долженъ былъ проходить черезъ пласты почвы, проницаемые для воды, которая такимъ образомъ вѣчно угрожала бы туннелю и требовала бы усиленныхъ мѣръ борьбы съ его затопленіемъ. Однако самъ по себѣ проектъ Гамона былъ такъ серьезенъ, что имъ невольно заинтересовались,

и такимъ образомъ за этимъ инженеромъ остается та заслуга, что онъ вывелъ Ламаншскій туннель изъ области грезъ и фантазій, заставилъ на него смотрѣть, какъ на предпріятіе осуществимое и несомнѣнно полезное.

Отнюдь не унывая отъ неудачъ, которыя преслѣдовали его проектъ въ теченіе двухъ лѣтъ, Томэ-де-Гамонъ въ 1869 году сформировалъ первое французско-англійское общество, поставившее себѣ задачей окончательно выработать проектъ туннеля и добиться концессіи на его сооруженіе. Начались переговоры по этому вопросу между правительствами обоихъ заинтересованныхъ государствъ, и 30 мая 1876 года послѣдовало правительственное одобреніе проекта. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ образовалось новое французское общество Ламаншскаго туннеля, въ и августѣ 1875 года оно получило разрѣшеніе на сооруженіе желѣзной дороги съ французскаго берега подъ Ламаншемъ до соединенія ея съ британскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Это общество существуетъ и до сихъ поръ и обладаетъ всѣми своими первоначальными правами. Въ Англіи образовалось соотвѣтствующее общество—„Submarine Railway Company“ (компанія подводной желѣзной дороги), начавшее свою дѣятельность въ 1886 году. Начались работы съ обоихъ концовъ туннеля. Съ французскаго берега начали бурить отъ Сангатты (деревенька на берегу моря, въ четырехъ верстахъ къ западу отъ Калэ); пробурили пробную галлерею, длиною болѣе полуторы версты. Англійское общество пробурило такую же галлерею. Работы шли полнымъ ходомъ, и пробныя галлереи доказали, что направленіе было выбрано удачно, что туннель идетъ по совершенно водонепроницаемымъ пластамъ, и если бъ имъ не помѣшали, то теперь уже туннель давно былъ бы оконченъ. Но въ самый разгаръ этихъ первыхъ работъ британское правительство вдругъ ихъ пріостановило,

Рис. 2. **Мысъ Бѣлый Носъ (Blanc Nez), у котораго будетъ входъ въ туннель на французскомъ берегу. Передъ этимъ входомъ устраивается віадукъ.**

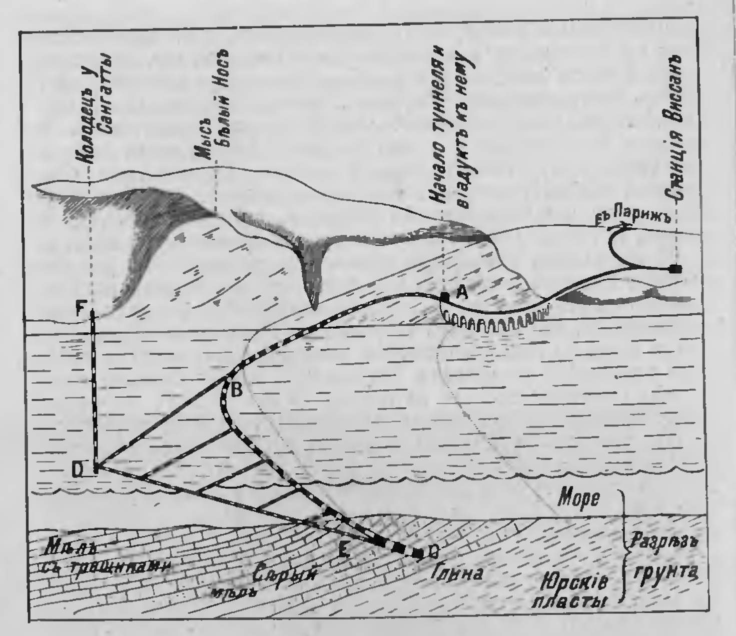

Рис. 3. **Схематическій разрѣзъ французской половины туннеля.** ABC — туннель. DE — туннель-каналъ для стока воды изъ главнаго туннеля. DF—колодецъ около Сангатты для выкачиванія воды, собравшейся въ сточномъ каналѣ.

уступивъ давленію своего всемогущаго общественнаго мнѣнія, которое долго глухо роптало на это сооруженіе и наконецъ разразилось рѣшительнымъ протестомъ противъ него.

Ропотъ противъ туннеля сводился къ двумъ главнымъ мотивамъ: политическому и торговому. Чѣмъ отвѣтили на чисто патріотическіе вопли англичанъ, объ этомъ мы скажемъ дальше; займемся пока нападками на туннель, исходившими отъ торговаго міра. „Кому неизвѣстно, что главная сила британской торговли зиждется на ея громадномъ торговомъ флотѣ? Теперь представьте себѣ, — говорили противники туннеля: — что произойдетъ съ флотомъ, обслуживающимъ берега Европы, ближайшіе къ Англіи, когда будетъ прорытъ туннель? Всѣ грузы хлынутъ въ него, всѣ пассажиры устремятся туда же, и значительная часть англійскаго флота очутится не у дѣлъ“. На эти страхи свѣдущіе люди, вооруженные цифрами современнаго торговаго движенія, отвѣчали, что большая часть грузовъ, перевозимыхъ на судахъ британскаго торговаго флота (около 9/10 всего количества), состоитъ изъ дешевыхъ и громоздкихъ товаровъ, въ родѣ каменнаго угля, которые, при высокихъ тарифныхъ ставкахъ туннельной дороги, никакъ не могутъ быть направляемы по туннелю и, слѣдовательно, какъ были, такъ и останутся въ пользованіи британскаго флота. Что же касается пассажировъ, то громадное ихъ большинство пользуется желѣзными дорогами, и туннель отниметъ отъ англійскаго судоходства лишь ту ничтожную часть этого груза, которая обращается непосредственно между Англіею и Франціею, да и то, конечно, не всю—опять-таки изъ-за того же тарифа, такъ какъ переправа на пароходахъ все-таки будетъ навѣрное дешевле.

Перевозка же дорогихъ товаровъ, не боящихся высокихъ тарифныхъ ставокъ, а также многочисленныхъ пассажировъ-туристовъ и особенно дѣловыхъ людей чрезвычайно облегчится. Благодаря туннелю путь между Парижемъ и Лондономъ сократится до 5 — 5½ часовъ. Коммерсантъ или иного рода дѣлецъ можетъ утромъ уѣхать изъ Лондона въ Парижъ, въ теченіе дня обдѣлать свои дѣла и вернуться ночевать къ себѣ домой.

Проектъ туннеля подъ Ламаншемъ представляется нынѣ въ такомъ окончательномъ видѣ: на французскомъ берегу онъ начинается около мыса, называемаго Бѣлый Носъ (Blanc Nez), лежащаго къ западу отъ Сангатты, направляется въ сторону Сангатты, потомъ полого поворачивается подъ дно пролива, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ ширину около 37 верстъ. Туннель идетъ подъ моремъ, слегка изгибаясь (см. чертежъ) въ своей „британской“ половинѣ, и подходитъ къ англійскому берегу въ мѣстности, называемой Шекспировой Скалой, лежащей между Дувромъ и Фолькстономъ, верстахъ въ 2—3 отъ Дувра. Общее протяженіе всего туннеля съ изгибами и заворотами — 54 километра, т.-е. 50,6 верстъ. Весь туннель будетъ пролегать по толщѣ горныхъ породъ, совершенно водонепроницаемыхъ, и потому безопасенъ отъ просачиванія въ него воды. Тѣмъ не менѣе при постройкѣ приняты самыя серьезныя мѣры для его полнаго обезпеченія съ этой стороны. Подъ нимъ прорытъ самостоятельный малый туннель, спеціально предназначенный для стока воды, собирающейся въ главномъ туннелѣ; оба они соединены между собою колодцемъ. Главный туннель идетъ, постепенно склоняясь отъ береговъ къ серединѣ канала; значитъ, наибольшее его углубленіе приходится на серединѣ пролива. Здѣсь устроенъ колодецъ, черезъ который вся скопившаяся въ главномъ туннелѣ вода уходитъ въ водосборный нижній туннель. Этотъ послѣдній изогнутъ въ обратномъ смыслѣ по сравненію съ главнымъ туннелемъ, т.-е. его концы ниже середины. На этихъ концахъ на берегу устроены колодцы, черезъ которые вода и выкачивается.

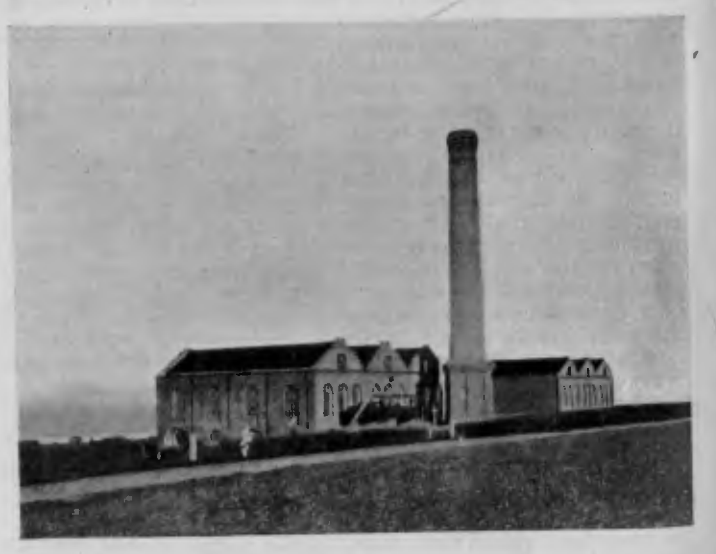

Рис. 4. **Заводъ въ Сангаттѣ, который обслуживалъ работы по буренію пробной галлереи, прорытой въ 1883 году.**

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Автопортретъ знаменитаго русскаго зодчаго.

Желѣзная дорога, проходящая по туннелю на французскомъ берегу, начинается отъ Виссана, находящагося въ четырехъ верстахъ къ западу отъ входа въ туннель. Само собою разумѣется, что съ Виссаномъ связаны всѣ главныя желѣзнодорожныя линіи Франціи. Здѣсь, въ Виссанѣ, оканчивается паровая тяга поѣздовъ и начинается электрическая, простирающаяся по всему протяженію линіи, проложенной по туннелю. На обоихъ берегахъ пролива построены громадныя электрическія станціи, поставляющія токъ, обслуживающій туннель: одна въ—Англіи, другая—во Франціи. На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представлена вся французская половина туннеля въ схематическомъ видѣ.

Для того, чтобы на случай войны англичане не боялись туннеля, какъ дороги для перевозки французской арміи, строителями туннеля придумано очень простое средство. Электрическая станція, питающая энергіею поѣзда, отправляющіеся изъ Франціи въ Англію, находится не на французскомъ, а на англійскомъ берегу, и наоборотъ. Въ случаѣ войны, Англія можетъ мгновенно прекратить впускъ тока во Францію и этимъ прервать движеніе поѣздовъ со стороны Франціи. Сверхъ того, никто не мѣшаетъ обѣимъ сторонамъ наглухо закупоривать свой выходъ изъ туннеля, даже заваливать его на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи, вполнѣ прерывая этимъ сообщеніе черезъ него.

Въ Виссанѣ, который, какъ сказано, будетъ начальнымъ пунктомъ желѣзнодорожной линіи туннеля, будетъ производиться чрезвычайно быстрая, требующая всего нѣсколькихъ минутъ времени, замѣна паровоза электровозомъ. Эта смѣна будетъ представлять собою самую ничтожную задержку, не больше обычной остановки на небольшихъ станціяхъ. На пробѣгъ же туннеля потребуется не болѣе 40 минутъ для пассажирскихъ и часа полтора для товарныхъ поѣздовъ.

По условіямъ мѣстности, на французскомъ берегу у входа въ туннель будетъ устроенъ довольно длинный віадукъ, который можно видѣть на нашихъ рисункахъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, общественное мнѣніе Англіи чрезвычайно заинтересовано Ламаншскимъ туннелемъ. Нѣсколько времени тому назадъ образовался комитетъ для самой широкой пропаганды этого туннеля. Въ этотъ комитетъ вступило до сотни членовъ парламента обѣихъ партій—либераловъ и консерваторовъ. Представители промышленности и торговли, которымъ раньше не очень улыбалась мысль о сооруженіи туннеля, теперь стали ярыми ея приверженцами. Даже самые рѣшительные противники туннеля—военные—и тѣ теперь стоятъ за него. Недавно въ Лондонѣ состоялся митингъ финансистовъ и общественныхъ дѣятелей, постановившій предложить правительству заняться разработкой цѣлой сѣти новыхъ желѣзнодорожныхъ линій для того, чтобы черезъ туннель связать англійскія дороги съ французскими. На этомъ митингѣ, между прочимъ, упоминалось и о томъ, что прежнія сомнѣнія насчетъ опасности со стороны туннеля въ случаѣ войны съ Франціею теперь утратили всякій смыслъ. Одинъ изъ ораторовъ жестоко осмѣивалъ тѣхъ, кто еще продолжаетъ бояться туннеля, какъ трубы, черезъ которую континентъ впуститъ свои ужасныя арміи на британскую территорію. „Этотъ туннель, — говорилъ одинъ изъ ораторовъ на митингѣ: — станетъ величайшимъ памятникомъ цивилизаціи и мира, памятникомъ братства Франціи и Англіи. Постройка туннеля продлится около шести лѣтъ и обойдется въ 160.000.000 рублей. Эта сумма ничтожна въ сравненіи съ тѣми шестью милліардами, которые Европа ежегодно тратитъ на вооруженія. Военные расходы — расходы непроизводительные. Между тѣмъ туннель принесетъ огромныя выгоды промышленности и торговлѣ и сблизитъ культурные народы“.

А. Н. Воронихинъ. (Портр. и 7 рис. на стр. 197—199).

21 февраля с. г. исполнилось столѣтіе со дня кончины знаменитаго строителя Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ—художника и архитектора Андрея Никифоровича Воронихина.

Воронихинъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ въ то время чисто-русскихъ талантливыхъ людей, которымъ удалось выбиться къ свѣту изъ самыхъ общественныхъ низовъ. Онъ былъ крѣпостной крестьянинъ по происхожденію, родился въ далекомъ Пермскомъ краю, и только крупный талантъ да просвѣщенное меценатство его „барина“, графа Строганова, выдвинули его на свѣтъ Божій и спасли отъ безвѣстности и гибели его дарованіе. Судьба Воронихина до извѣстной степени походитъ на судьбу Ломоносова: оба родились на сѣверѣ Россіи, оба происходили изъ крестьянскаго сословія. Оба отличались рѣдкой даровитостью. Разница лишь въ томъ, что Ломоносовъ самъ пробилъ себѣ дорогу, а у Воронихина былъ могущественный покровитель. Но затѣмъ и тотъ и другой одинаково возвысились до степеней извѣстныхъ: Ломоносовъ украшалъ русскую науку и литературу, Воронихинъ украшалъ Петербургъ, создавъ такіе памятники искусства, какъ Казанскій соборъ, дворцы и т. п.

Воронихинъ родился въ 1759 году въ селѣ Новое Усолье Пермской губерніи.

Замѣтивъ у юнаго Воронихина художественное дарованіе, графъ Строгановъ отправилъ его въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Воронихинъ занимался подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ въ то время архитекторовъ и художниковъ, а позднѣе былъ отправленъ, опять-таки на средства помѣщика, за границу. Оттуда Воронихинъ вернулся уже зрѣлымъ художникомъ, написалъ нѣсколько портретовъ и за представленную имъ въ Академію Художествъ картину „Картинная галлерея графа Строганова“ (перспективное изображеніе) получилъ званіе академика. Еще ранѣе того графъ Строгановъ далъ ему отпускную, и Воронихинъ занялъ такое общественное положеніе, о какомъ ему не приходилось бы и мечтать по его рожденію...

Памятникъ на могилѣ профессора архитектуры А. Н. Воронихина на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Къ 100-лѣтію со дня его кончины.

Воронихинъ былъ однако болѣе архитекторъ, чѣмъ художникъ-живописецъ. Онъ и память о себѣ оставилъ преимущественно какъ строитель, какъ художникъ-зодчій, имя котораго стоитъ наравнѣ съ другими знаменитыми зодчими, украшавшими Петербургъ: Растрелли, Гваренги... Лучшимъ памятникомъ его творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей столицы безспорно является великолѣпный Казанскій соборъ, оконченный Воронихинымъ почти наканунѣ Отечественной войны

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Казанскій соборъ, сооруженный проф. архитектуры А. Н. Воронихинымъ. Съ современной гравюры Ф. Алексѣева. (Импер. Эрмитажъ). По фот. Я. Штейнберга.

и послужившій потомъ какъ бы Пантеономъ для реликвій этой войны. Этимъ храмомъ Воронихинъ пріобрѣлъ себѣ неувядаемую славу въ исторіи нашего искусства.

Воронихинъ проектировалъ и строилъ соборъ въ теченіе десяти лѣтъ слишкомъ. Начатый въ 1801 году, Казанскій соборъ былъ оконченъ въ 1813 г. Послѣ торжественнаго открытія и освященія собора (церемоніалъ этого освященія былъ изображенъ на многихъ интересныхъ гравюрахъ того времени) строитель получилъ нѣсколько наградъ и въ томъ числѣ пожизненную пенсію.

Къ 100-лѣтію со дня кончины профессора архитектуры А. Н. Воронихина. Казанскій соборъ, сооруженный проф. архитектуры А. Н. Воронихинымъ, въ нынѣшнемъ видѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Изъ другихъ воронихинскихъ построекъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ извѣстны: зданіе Горнаго института, домъ Государственнаго казначейства, колоннады и каскадъ въ Петергофѣ, дворцы въ Стрѣльнѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ и др. Всѣ эти зданія отличаются рѣдкимъ благородствомъ стиля и стройной законченностью линій. Большинство изъ нихъ построено въ стилѣ итальянскаго Возрожденія, а нѣкоторыя—въ ново-классическомъ стилѣ.

А. Н. Воронихинъ скончался въ 1814 году и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Къ рисункамъ.

Въ одномъ изъ прошлыхъ нумеровъ нашего журнала мы помѣстили портреты молодыхъ художниковъ-лауреатовъ Академіи Художествъ. Въ настоящемъ номерѣ „Нивы" мы знакомимъ читателей съ той выставкой, на которой появились ихъ произведенія и картины ихъ товарищей — съ послѣдней Конкурсной выставкой въ Академіи Художествъ.

Офорты М. Курилко *„Маленькій Колумбъ"*, *„Смерть св. Вацлава"* и *„Victor et vita"* обращаютъ на себя вниманіе тонкостью и изяществомъ рисунка. На одномъ изъ нихъ изображенъ великій мореплаватель въ дѣтствѣ: окруженный картами и планами, маленькій Христофоръ разсматриваетъ съ недѣтскимъ вниманіемъ какую-то неразборчивую надпись на старинной картѣ. Въ „Смерти св. Вацлава" художникъ даетъ символическій образъ знаменитаго чешскаго герцога Вацлава (928—936 г.г.), который вводилъ христіанство въ Чехіи и боролся съ язычествомъ. Вацлавъ былъ убитъ язычникомъ-братомъ и его товарищами и послѣ смерти сталъ почитаться патрономъ страны. „Victor et vita" —

эффектный символическій образъ торжества силы и жизни: „Побѣдитель и Жизнь". Сильный побѣждаетъ все, и Жизнь принадлежитъ ему, какъ принадлежитъ побѣдителю-рыцарю отвоеванная имъ дѣвушка.

Въ картинѣ Н. Ивановой *„Горе"* много выразительности и тяжелаго, щемящаго настроенія. Груснымъ настроеніемъ вѣетъ и отъ картины Е. Эборовичъ *„Старый мотивъ"*: старинная мелодія принесла съ собою старыя воспоминанія, и сжалось отъ нихъ сердце. И съ тревогой оглянулась молоденькая піанистка на плачущую мать.

„Рисунокъ" лауреата-художника А. Яковлева обращаетъ на себя вниманіе строгостью и отчетливостью линій и выразительностью наивнаго дѣтскаго лица. Такъ же выразительны и жизненны *„Классный рисунокъ"* (барабанщикъ-солдатъ въ старинной петровской формѣ)

Колонная зала Горнаго института въ Петербургѣ, сооруженная проф. А. Н. Воронихинымъ. По фот. Я. Штейнберга.

Деталь ограды, окружающей садъ съ западной стороны Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

Мраморныя консоли—деталь царскаго мѣста внутри Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

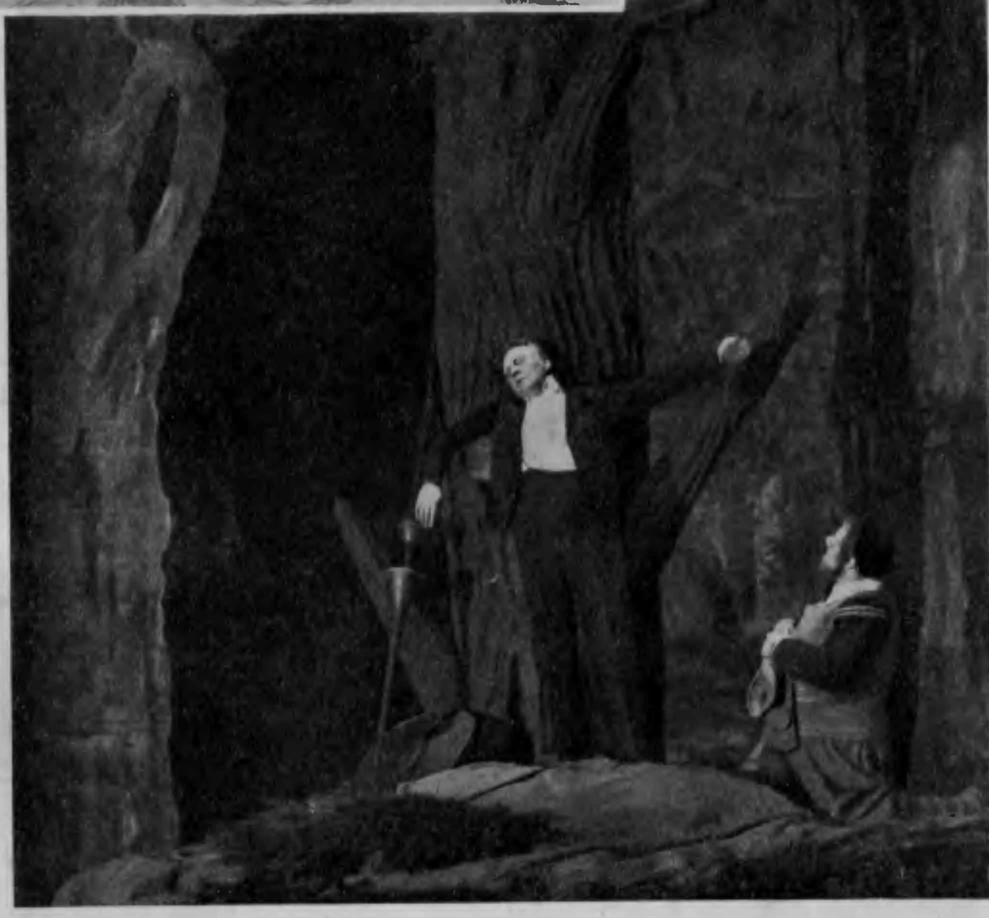
Царское мѣсто, помѣщающееся у юго-западнаго пилона внутри Казанскаго собора. По фот. Я. Штейнберга.

и „*Праздникъ*“ П. Львова: подгулявшіе крестьяне, пляшущіе въ погожій день за околицей съ неизбѣжной гармоникой.

Эскизный фасадъ санаторіи для престарѣлыхъ писателей, художниковъ и артистовъ, сооружаемый Е. Э. Картавцевымъ въ его имѣніи „Маріоки“ (близъ Теріокъ въ Финляндіи) въ память скончавшейся супруги-писательницы Маріи Всеволодовны Крестовской-Картавцевой, дочери писателя Всеволода Крестовскаго. Проектъ архитектора-художника Л. Р. Сологуба.

Ѳ. И. Шаляпинъ не только великій пѣвецъ и артистъ, но и выдающійся режиссеръ. На нашей фотографіи изображена сцена изъ бытовой жизни опернаго дѣла — та трудная, упорная и невидимая для публики художественная работа, въ результатѣ которой получается одинъ изъ шаляпинскихъ сценическихъ образовъ, такъ потрясающихъ и трогающихъ зрителя. Ѳ. И. Шаляпинъ поставилъ въ этомъ сезонѣ на сценѣ Народнаго Дома Императора Николая II оперу Масснэ „Донъ Кихотъ“. Эта опера (послѣднее по времени произведеніе Масснэ) была написана французскимъ композиторомъ спеціально для нашего великаго артиста. Въ „Донъ-Кихотѣ“ Шаляпинъ производитъ глубоко-трагическое впечатлѣніе въ особенности въ финальной сценѣ оперы, гдѣ Донъ - Кихотъ — Шаляпинъ умираетъ подъ деревомъ въ присутствіи Санхо-Пансы.

Репетиція „Донъ-Кихота“—оперы Масснэ, поставленной на сценѣ Народной Аудиторіи Имени Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго при Народномъ Домѣ Императора Николая II. По фот. К. Булла.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 5“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 11 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 марта 1914 г. • Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 2.

Лиза (какъ можно громче). Да полноте-съ! Фамусовъ (зажимаетъ ей ротъ). Помилуй, какъ кричишь. Съ ума ты сходишь? (Дѣйствіе I, явленіе 2-е).

„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.

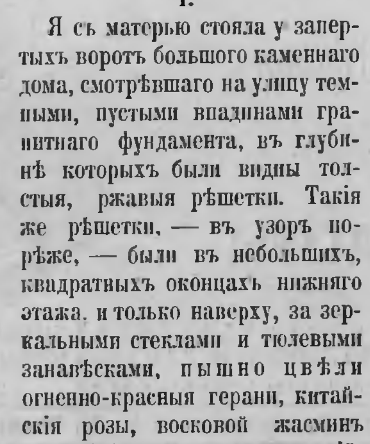
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть С. Караскевичъ *).

«Есть прелесть тайная во всемъ, что не сбылось».

Лермонтовъ.

С. Караскевичъ

I.

Я съ матерью стояла у запертыхъ воротъ большого каменнаго дома, смотрѣвшаго на улицу темными, пустыми впадинами гранитнаго фундамента, въ глубинѣ которыхъ были видны толстыя, ржавыя рѣшетки. Такія же рѣшетки, — въ узоръ порѣже, — были въ небольшихъ, квадратныхъ оконцахъ нижняго этажа, и только наверху, за зеркальными стеклами и тюлевыми занавѣсками, пышно цвѣли огненно-красныя герани, китайскія розы, восковой жасминъ и усыпанный сплошь цвѣтами кустъ блѣдно-розовыхъ камелій. Если бы не эти растенія—можно бы подумать, что домъ пустуетъ: ни одного открытаго окна, ни живого человѣка за стеклами оконъ, ни одного звука за наглухо-запертыми дубовыми воротами, на которыхъ между двумя гранитными балясинами укрѣплена желѣзная доска съ надписью въ прорѣзь: „1815“.

На улицѣ стояла та непробудная тишь, какая бываетъ въ захолустныхъ городкахъ въ глухой послѣполуденный часъ, когда сонъ смариваетъ человѣка, а солнце загоняетъ въ тѣнь все живое. Только въ концѣ улицы, тупикомъ упершейся въ ворота женскаго монастыря, сидѣла монашка-привратница, назойливо и жалобно звякая колокольчикомъ на концѣ бархатной сумочки. Сонъ морилъ и монашку: звуки колокольчика становились все рѣже, все тише, пока не замирали совсѣмъ, чтобъ черезъ минуту зазвенѣть испуганно, виновато и тревожно.

Много разъ обошли мы домъ, пока замѣтили въ одной изъ полукруглыхъ приворотныхъ калитокъ толстую веревку съ петлей, пропущенную сквозь выпиленную доску.

— Ужъ не звонокъ ли?

Я дернула за веревку — и сейчасъ же за воротами раздался глухой, низкій ударъ колокола, а за нимъ—отчаянный лай собакъ и звяканье катушки, съ дребезжаньемъ катившейся по канату.

— Настоящая крѣпость,—сказала мама, стараясь улыбнуться.

Гдѣ-то далеко, въ глубинѣ двора, послышались медленные, шаркающіе шаги, засовъ завизжалъ на калиткѣ, она подалась внутрь, и, заслоняя жгучее солнце, на ея порогѣ показался высокій мужикъ въ розовой рубахѣ распояской и опоркахъ на босу ногу.

— Мы къ Секлетеѣ Герасимовнѣ... Насъ ждутъ.

На лицѣ человѣка мелькнуло выраженіе подозрительности, онъ плотнѣе придвинулся къ калиткѣ и внимательно оглядѣлъ насъ обѣихъ.

— Никакой тутъ Секлитеи нѣтъ и не бывало. А вы чьихъ?

— Такъ доложите Аннѣ Ѳедоровнѣ:—къ Секлетеѣ пришли.

— Спитъ сама-то... Погодите маленько. Я доложусь.

Опять завизжалъ засовъ, и мы остались однѣ. И странно было думать, что въ десяти минутахъ ходьбы отсюда—большая Дворянская улица торговаго города, на которой блестятъ стеклами витринъ богатые магазины, гремятъ фаэтоны извозчиковъ и стоитъ большой бѣлый домъ съ надписью по фронтону: „Женская Министерская Гимназія“.

Въ эту гимназію меня только-что зачислили ученицей шестого класса, и мама со мною пошла къ старой пансіонской подругѣ, которая брала на себя заботу приглядѣть за мной, пятнадцатилѣтней дѣвочкой, на чужой сторонѣ. Объ этой подругѣ, Катѣ Стебаковой, моя мать, не отрѣшившаяся отъ пансіонскаго обожанія, говорила очень часто, и я знала ея романическую исторію со всѣми захватывающими подробностями. Внучка богатѣйшаго въ городѣ купца, она влюбилась въ пансіонскаго учителя и восемнадцати лѣтъ убѣжала съ нимъ прямо изъ пансіона, не побоявшись ни бѣдности ни родительскаго проклятія. Съ этого мѣста повѣсть любви становилась печальной: по проискамъ вліятельной родни, молодого талантливаго учителя перевели изъ губернскаго города въ захолустье, въ городское училище. Жили молодые плохо, и пришлось Катѣ вернуться въ родной домъ, гдѣ не сладко ея житье: мужъ паспорта не даетъ, и, откупаясь отъ полиціи деньгами, она живетъ затворницей, такъ что добраться до нея можно только, условившись заранѣе о словахъ и именахъ. Поэтому и у воротъ пришлось спрашивать ее подъ именемъ „Секлетеи“. И эта таинственность придавала въ моихъ глазахъ особенную прелесть новому знакомству.

Прошла добрая четверть часа. Мы сидѣли на дубовой доскѣ, вдѣланной въ каменный пролетъ запертой калитки, по другую сторону воротъ, а черезъ дорогу свѣшивались съ забора, утыканнаго гвоздями, ярко-красныя кисти рябины и на нашихъ глазахъ будто дозрѣвали и рдѣли на припекѣ. На монастырской колокольнѣ ударило четыре... Жаръ сталъ чуть спадать.

За калиткой послышались шаги, и тотъ же мужикъ, уже подпоясанный и прибранный, распахнулъ ее со словами: „Пожалте! Просить приказано“. Вслѣдъ за нимъ мы прошли мимо широкаго чернаго крыльца, на которомъ закипали, врозь трубы, два ведерные, ярко вычищенные самовара, мимо двухъ каменныхъ лѣсенокъ внизъ, къ подвалу, запертому кованными дверями, и наконецъ постучались въ маленькую, ничѣмъ не защищенную, дверь на угольномъ крылечкѣ. Дверь открылась, и за нею, въ темной глубинѣ большой комнаты, мама бросилась на шею высокой, стройной женщинѣ. Она была статна и красива. По модѣ того времени, черныя косы ея лежали на головѣ короной, а темныя брови близко сходились, придавая лицу повелительное, немного суровое выраженіе. „Императрица византійская!“—мелькнуло у меня въ головѣ нежданное сравненіе изъ только-что сданнаго на экзаменѣ курса средней исторіи.

Катерина Егоровна первая оправилась отъ радостной встрѣчи. По лицу ея мелькнула чуть уловимая улыбка, когда она сказала, отстраняя мою мать:

— А ты, Лизокъ, такъ и осталась плаксой. Чего ревешь? Живы... свидѣлись... И за то слава Богу!

И она пошла ко мнѣ, протягивая обѣ большія, необыкновенно бѣлыя, красивыя руки.

— А это—младенецъ? Ну, здравствуй, женщина будущаго вѣка! Жить вѣдь тебѣ придется въ двадцатомъ... Тонка слишкомъ... какъ будто жидковата. Мы съ тобою, Лиза, въ ея годы надежнѣе казались.

— Только казались... Я, Катечка, ужъ совсѣмъ плоха.

— Я не о здоровьѣ... Тѣ изъ нашихъ подругъ, кого мнѣ встрѣчать приходилось, стали удивительно дряблымъ и пакостнымъ бабьемъ...

Я чувствовала, что мѣшаю, и растерянно бродила глазами по большой, темноватой комнатѣ, напоминавшей толстыми стѣнами и сводчатымъ потолкомъ монастырскую трапезную. Вся она была тѣсно заставлена дорогой, точно съ пожара разрозненной, мебелью: трюмо въ золоченой рамѣ, круглый массивный столъ карельской березы, шифоньерочки изъ краснаго дерева и палисандра... Въ одномъ углу пышно бѣлѣла кровать съ множествомъ кружевныхъ покрышекъ, а противъ нея—большая печь съ лежанкой изъ изразцовъ, на которыхъ были изображены синія, яркохвостыя птицы.

— Соловья баснями не кормятъ, сейчасъ будемъ чай пить,—сказала хозяйка и принялась доставать изъ шкапа посуду, потомъ—маленькій складной самоварчикъ, который налила водою изъ большого мѣднаго кувшина, и, вытащивъ изъ-подъ рукомойника шляпную картонку, стала класть изъ нея въ самоваръ уголья и лучину. И странно было видѣть эту нарядную, красивую женщину съ сосредоточеннымъ видомъ разжигающей сосновыя щепки.

Мама бросилась-было ей помогать.

— Сиди смирно... Я привыкла. У насъ весь домъ полонъ доносчиковъ. А такъ какъ по дѣдушкинымъ узаконеніямъ ѣсть можно только за общимъ столомъ, то приходится своими

*) Стефанія Стефаніевна Караскевичъ-Ющенко—постоянный сотрудникъ «Нивы»,—недавно отпраздновала 25-лѣтіе своей литературной дѣятельности.

средствами устраиваться, если наверхъ итти не захочешь... Впрочемъ, мамаша насъ навѣрное не забудетъ.

— Катечка! Да разскажи мнѣ...

Катерина Егоровна указала на меня предостерегающими глазами и предложила поискать книгъ въ сосѣдней комнатѣ:

Фамусовъ. Не слушаю, подъ судъ! подъ судъ! (Дѣйствіе II, явленіе 2-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

— Тамъ журналы есть,—картинки посмотришь.

Я очень обрадовалась возможности уйти. Въ другой комнатѣ, еще болѣе темной отъ тусклой двойной рамы единственнаго окна, стояли длинные, узкіе столы, покрытые цвѣточками, луковицами и плошками съ чуть поднявшейся въ нихъ цвѣточной разсадой. По стѣнамъ громоздились сундуки, кованныя бѣлой жестью укладки и шкатулки до самаго потолка, а въ образной бѣлѣли серебромъ окладовъ и мягко свѣтились жемчужными, низанными ризами старинныя иконы, освѣщенныя снизу нѣжнымъ свѣтомъ зеленой лампадки. Въ шкапикѣ подъ этой образной, рядомъ съ кубикомъ роснаго ладана и бутылкою лампаднаго масла, лежала стопка книгъ. Я взяла самую большую изъ нихъ... Съ ея отогнутой страницы на меня глянуло прекрасное, зловѣщее лицо: женщина съ черной распущенной косой, съ огнистымъ вѣнцомъ на головѣ, шла къ убогимъ селеньямъ, навѣвая на нихъ смерть бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ крови. И была ли такъ сильная художественной экспрессіей картина, или нервы мои были слишкомъ напряжены, но это изображеніе „Чумы“, въ ту пору бродившей по берегамъ Волги, охватило меня ужасомъ. Я почувствовала, какъ волосы шевельнулись у меня на лбу отъ страха, и, закрывъ глаза, захлопнула книгу.

Въ слѣдующую минуту все мое вниманіе было поглощенъ разговоромъ въ другой комнатѣ:

— Какой ужасъ, Катя! Какъ онъ могъ такъ сильно измѣниться

— Онъ совсѣмъ не мѣнялся. Просто былъ такой, — толь

мнѣ было его не видно изъ-за пансіонскихъ стѣнъ.

— Когда же ты все узнала?

— Въ первый же день нашего пріѣзда. Онъ, видно, надѣялся, что я догадаюсь захватить малую толику изъ дѣдушкиныхъ сундуковъ, потому что даже на свадьбу не припасъ ничего. И пришлось попу за вѣнчанье заплатить моими брильянтовыми сережками изъ ушей,—благо „отецъ“ былъ пьянъ и потому сговорчивъ. А дома, въ его пропахшей водкой конурѣ, шафера наши—дьячокъ, письмоводитель станового да фельдшеръ-франтъ въ ярко-красномъ галстухѣ—всѣ, перепившись, стали требовать, чтобы я показала приданое, принесенное изъ милліоннаго дома. И мужъ, едва держась на ногахъ, вытряхнулъ передъ ними все содержимое моего дорожнаго мѣшечка. Тамъ были щетки, гребенки, ночныя туфельки и много любовныхъ писемъ. Больше ничего не было, потому что я не догадалась подобрать ключъ ни къ одной дѣдушкиной шкатулкѣ. И хохотали они надъ моей простотой отъ души.

— И ты не ушла отъ него въ ту же ночь?

— Куда?..—Голоса на минуту смолкли.—Тебѣ кажется непонятнымъ, почему я теперь здѣсь, и ты не рѣшаешься спросить. Видишь ли, другъ единственный, ко всякому жизненному ужасу человѣкъ приходитъ добровольно только черезъ еще большій ужасъ... Съ того вечера для меня стали нипочемъ бѣдность, непривычная черная работа и побои пьянаго мужа. А заставили уйти—дѣти.

— Развѣ есть?

— Были... Двое. Одинъ умеръ двухлѣтнимъ. Ласковый былъ, умница. Умеръ въ судорогахъ, отъ воспаленія мозга. Другой—при самомъ рожденіи, тоже отъ эпилепсіи. Тогда мамаша, давно все простившая и все понявшая безъ словъ, тайкомъ отъ него увезла меня въ Москву. Впрочемъ, паспортъ онъ выслалъ срокомъ на три мѣсяца, для лѣченья. Съ тѣхъ поръ такъ и маюсь съ просроченнымъ паспортомъ, потому что въ Москвѣ знаменитый профессоръ сказалъ: „Въ вашемъ положеніи рожать дѣтей—преступленіе, потому что отъ пьяницъ родятся или эпилептики, или идіоты“.

— А мужъ что же? Какъ ты отъ него откупаешься?

— Въ томъ-то и горе, что откупиться нельзя: ни на какія условія не соглашается и по нѣскольку разъ въ годъ держитъ весь домъ въ осадѣ. Зато полиціи большой и малой пришлось переплатить столько, что, принеси я благовѣрному столько денегъ въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ, пріятели только бы ахнули.

— Ты еще шутишь, Катя,—не то съ удивленіемъ, не то съ упрекомъ сказала мама.

— А ты поплачь за меня—вотъ и выйдетъ раздѣленіе труда. Здѣсь, какъ водится, весь ритуалъ соблюли. Два дня простояла я на черномъ крыльцѣ, и наши добрыя души—приказчики—отворачивались отъ меня, какъ честные бюргеры старой Англіи отъ лэди Годивы. Потомъ дѣдушка вышелъ, хлестнулъ меня раза два плеткой, пожаловалъ къ рукѣ и указалъ дѣло въ домѣ: за цвѣтами ходить да неугасимыя лампадки наблюдать... Ты не смѣйся: ихъ, неугасимыхъ-то, одиннадцать. Какъ правнукъ родится—двѣнадцатую заведутъ,—тоже дѣло не легкое.

За дверью послышался голосъ:

— Къ тебѣ, Катя, можно?

— Вамъ, мамаша, всегда можно.

Вошла высокая, сѣдая старуха, и по разительному сходству сразу было видно, что она—мать Катерины Егоровны,—только глаза были мягче. Анна Ѳедоровна принесла подносъ, уставленный графинчиками и закусками, и поставила на столъ.

— Закусите, Лизанька, чѣмъ Богъ послалъ.—И тутъ же прибавила:—Окошечко бы лучше закрыли, а то, того гляди, дѣдушкѣ донесутъ.

Неслышно ступая бархатными лапками, вошелъ за нею большой, раскормленный котъ. Онъ усѣлся на стулъ, переступилъ съ лапки на лапку и, какъ человѣкъ, внимательно и серьезно сталъ оглядывать тарелки. Глаза у него были зеленые съ огнистыми искорками въ глубинѣ, а оторванный кончикъ уха болтался, какъ кисточка.

— Рекомендую,—сказала Катерина Егоровна:—воспитанникъ мой и другъ: котъ-Негрикъ. Какъ по уху видишь—въ походахъ и сраженіяхъ участвовалъ.

— Какихъ сраженіяхъ?—спросила я.

— Мартовскихъ. Насъ тутъ кошачій родъ одолѣлъ. Въ монастырѣ у монашекъ у каждой по кошечкѣ, а у насъ въ ссыпныхъ амбарахъ на вольныхъ мышахъ раскормились не котищи, а какіе-то тигры лютые. Вѣришь ли, такіе любовные концерты задаютъ, что монашки только отплевываются: „искушеніе“.

Была тихая августовская ночь, когда мы уходили. Большія голубыя звѣзды одна за другой срывались съ неба и, чертя огненный слѣдъ, падали въ рѣку. Три огромныя собаки-овчарки громко хлебали помои у чернаго крыльца, и какая-то баба, стоя на его верхней ступени, вопила:—Макаръ, а Макаръ! Неси ключъ, что ли! Самъ спрашиваетъ!

Лохматый мужикъ, уже снаряженный въ ночь, въ тулупѣ и съ колотушкой, отперъ намъ калитку огромнымъ, точно церковнымъ ключомъ и задвинулъ засовъ.

II.

Старика Стебакова, Капитона Парменыча, въ городѣ звали Капиталомъ Процентычемъ и, говоря объ его богатствѣ, называли какую-то

Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ? (Дѣйствіе II, явленіе 5-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Чацкій. Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе. (Дѣйствіе II. явленіе 8-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго.
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

многомилліонную сумму, въ реальность которой самъ говорившій не вѣрилъ. Но имя перваго городского богача всѣми произносилось съ тѣмъ безкорыстнымъ и безсмысленнымъ благоговѣніемъ, какое испытываетъ огромное большинство рода людского передъ всякимъ богатствомъ.

Съ такимъ выраженіемъ благоговѣнія и даже легкой оторопи вошла въ нашъ классъ классная дама и сказала, обращаясь ко мнѣ:

— За вами, Карповичъ, отъ Анны Ѳедоровны Стебаковой экипажъ прислали.

Товарки любопытно повернули головы въ сторону „новенькой“, и я, краснѣя отъ дѣтскаго тщеславія, пошла садиться въ нарядную пролетку рядомъ со странной одноглазой женщиной, одѣтой въ темное полумонашеское платье. Женщина съ нескрываемымъ любопытствомъ косила на меня свой единственный глазъ и угодливо повторяла:

— Барышня, миленькая, осторожнѣй ножку-то на подножку!..

Не знаю, чѣмъ и какъ объяснили мое появленіе хозяину молчаливаго дома, но съ этого дня фактъ признавался совершившимся, и я сдѣлалась своимъ человѣкомъ въ семьѣ Стебаковыхъ.

Давно уже отобѣдали въ столовой, но въ комнатѣ Катерины Егоровны меня ожидалъ накрытый столъ.

— Торопись, милый младенецъ, а то сейчасъ придутъ звать насъ къ чаю,—говорила хозяйка, подвигая мнѣ одно блюдо за другимъ.—Дѣдушка любитъ, чтобы у стола вся семья была въ сборѣ.

Черезъ маленькую дверцу угловой комнаты мы прошли въ темный коридоръ, а изъ него какимъ-то тайничкомъ въ стѣнѣ—въ широкія, свѣтлыя сѣни, на потолкѣ которыхъ, въ куполъ, была нарисована нагая женщина на лебедѣ. И оттого, что куполъ былъ полонъ золотого вечерняго свѣта, казалось, она плыветъ въ прозрачномъ облакѣ на бѣлой, ширококрылой птицѣ. Высокая лѣстница съ золочеными перилами и краснымъ ковромъ вела въ верхній этажъ. И все это было странно непохоже на суровый обликъ сѣраго, мрачнаго дома.

Молчалинъ. Есть у меня вещицы три... (Дѣйствіе II, явленіе 12-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Катерина Егоровна замѣтила мое удивленіе:

— У насъ по старинѣ живутъ,—сказала она, подымаясь по лѣстницѣ: — въ жилыхъ комнатахъ семья задыхается, а для парадныхъ отведено полъ-этажа.

Въ передней, выложенной рѣзнымъ дубомъ, старый домъ напомнилъ о своихъ порядкахъ: при нашемъ входѣ задребезжалъ звонокъ, прикрѣпленный свернутой пружиной къ входной двери, и дребезжалъ долго и крикливо, пока черезъ длинную амфиладу гостиныхъ, диванной и угловой мы добрались въ столовую. Огромная комната казалась тѣсной отъ множества буфетовъ, поставцовъ и „горокъ“ съ серебромъ, а въ углахъ мягко бѣлѣли облитыя свѣтомъ лампадъ большія иконы, вырѣзанныя изъ слоновой кости. Посрединѣ были накрыты два круглыхъ стола, и на каждомъ изъ нихъ сиротливо высилась одна свѣча въ высокомъ серебряномъ подсвѣчникѣ. За столомъ сидѣли Анна Θедоровна, какая-то худощавая, костистая женщина съ восковымъ лицомъ и старикъ въ широкомъ парусинномъ сюртукѣ.

— Вотъ, папаша, какого младенца намъ Богъ послалъ, — сказала Катерина Егоровна, подводя меня къ отцу.

Егоръ Капитонычъ пожалъ мою руку пухлой, нездоровой рукой, долго смотрѣлъ на меня свѣтло-голубыми, добрыми глазами и сказалъ, улыбнувшись ясной, дѣтской улыбкой:

— Хорошій младенецъ... уже большой.

Такъ и утвердилась за мною эта насмѣшливо-ласковая кличка. Правда, среди этихъ большихъ, дородныхъ людей я, маленькая ростомъ, съ дѣтски-покатыми плечами и пепельной косой, казалась ребенкомъ, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ. Семнадцатилѣтній Ваня, братъ Катерины Егоровны, сидѣвшій за другимъ столомъ, былъ настоящій богатырь: выше отца ростомъ, съ широкими плечами и темными кудрями-скобкой на головѣ, онъ напоминалъ мать глубокимъ и мягкимъ взглядомъ черныхъ, ласковыхъ глазъ. Другой братъ, Семенъ, съ дѣтства росъ калѣкой; горбунъ съ непомѣрно большой головой и длинными руками, онъ выглядѣлъ больнымъ и жалкимъ, и только глаза, умные и свѣтлые, какъ у отца, скрашивали его блѣдное, некрасивое лицо. За этотъ второй, „дѣтскій“ столъ усѣлись мы къ своимъ приборамъ, у которыхъ уже стояли налитыя чашки чаю и лежало по два куска сахару и по ломтю ситнаго хлѣба. Въ уголкѣ, у самовара, сидѣла одноглазая Матрена Петровна и дружески мнѣ улыбалась. Въ комнатѣ долго молчали, поглядывая на дверь коридора. Наконецъ хозяинъ сказалъ:

— Тятенька, видно, сегодня не придетъ... Дай-ка, Анюта, газету.

Пока Анна Θедоровна ходила за газетой, у „большого“ стола разгоралась бесѣда: Матрена Петровна сообщила, что сегодня, возвращаясь со мною изъ гимназіи, встрѣтила головиху съ соборнымъ регентомъ.

— Истинно стыдъ потеряли,—рисовала она захватывающія подробности: — среди бѣла дня подъ ручку голубками гуляютъ.

— А сынъ ихній, давеча я видѣла...

— Перекрестись, Θеона Ивановна! — остановила вошедшая хозяйка: — какой у головихи съ регентомъ сынъ?.. Какъ ни какъ, а она мнѣ кума... Нехорошо тебѣ такъ говорить.

Егоръ Капитонычъ засмѣялся, злорадно хихикнула Матрена, а Θеона Ивановна, раздосадованная своей обмолвкой, насупилась и замолчала. Обѣ приживалки, взятыя въ домъ главнымъ образомъ для того, чтобы скрасить непомѣрную скуку хозяекъ-затворницъ, ревниво подстерегали хозяйское благоволеніе, постоянно ссорились другъ съ другомъ и плели вокругъ всего населенія большого, но глухого города непрерывную, безконечную паутину губернскихъ сплетенъ... Онѣ знали всѣ любовныя тайны, всѣ городскіе скандалы, всѣ новости общественной жизни. Теперь рѣчь зашла о подношеніи, которое именитое купечество посылало въ Петербургъ къ какому-то юбилейному торжеству.

— И нашли ее, эту ендову, у какого ни есть захудалаго мѣщанинишки, шебая, у насъ же въ Слободкѣ, — повѣствовала Матрена Петровна.

— Золотая она, что ли?..

Вдругъ за запертою дверью въ коридорѣ послышались тихіе, точно крадущіеся шаги, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскочили со своихъ мѣстъ и застыли, глядя на дверь... На порогѣ ея стоялъ маленькій, сѣденькій, темноликій старичокъ, въ бархатныхъ сапогахъ, съ деревяннымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, который вмѣсто углубленія наверху оканчивался гвоздикомъ.

— Огарочки, Аннушка, ты мнѣ собрала, что ли? — спросилъ онъ невѣстку.

И Анна Θедоровна сорвалась съ мѣста и побѣжала въ другую комнату:

— Какъ же, какъ же, тятенька, сейчасъ принесу!

Остальные суетились около старичка, усаживая его въ кресло, подставляя скамеечку подъ его опухшія ноги.

Хозяйка вернулась съ пригоршней низко обгорѣлыхъ стеариновыхъ огарковъ, одинъ изъ которыхъ тутъ же приладила къ гвоздику на подсвѣчникѣ.

— Спасибо, доченька! Да вы что встали?.. Пейте чай. Я ничего... Я съ вами посижу пока до наряда. Почитай-ка газету, Ягоръ.

Егоръ Капитонычъ взялъ номеръ „Новаго Времени“, которое въ ту пору и по возрасту было новымъ, и сталъ читать.

Въ общественной нашей жизни стояла тогда глухая, удушливая и жуткая гладь. Недавно отзвучали послѣдніе отклики великихъ событій: голгоескаго стоянія на Шипкѣ, 1-го марта, процесса Вѣры Засуличъ... Отсудили интендантовъ и мать Митрофанію съ „червонными валетами“,—тихо стало... А человѣческая душа тосковала и ждала чего-то новаго.

Въ тишинѣ замолкшей столовой было слышно, какъ приживалки откусываютъ сахаръ, какъ хрустятъ корочки на зубахъ Вани и Анна Θедоровна тянетъ чай съ блюдечка. И меня удивляло: почему всѣ эти испуганные появленіемъ дѣдушки люди пьютъ при

немъ чай съ такой откровенной жадностью? Мнѣ чай казался невкуснымъ, ѣсть не хотѣлось, и я легонько отодвинула чашку.

— Пей непремѣнно, — шепнула мнѣ Катерина Егоровна, незамѣтно придвигая мой приборъ обратно.

— Кто шепчетъ? О чемъ, бишь? — спросилъ дѣдушка, обладавшій удивительно тонкимъ слухомъ.

— Да Ванюша чайку еще проситъ,—пришла намъ на помощь Анна Θедоровна.

— Что жъ, дай. Ты ему дай. Послаще вели налить.

И опять безъ конца пили чай, и Егоръ Капитонычъ читалъ про адресы и земскія собранія. А сухенькій старичокъ смотрѣлъ, облизывалъ языкомъ сизыя губы, чмокалъ и сжималъ и разжималъ узловатые, скрюченные пальцы,—ни дать ни взять, какъ сжимаетъ паукъ-косарь свои уже оторванныя отъ туловища лапы.

— Брось!— наконецъ сказалъ старикъ.—Туды поѣхали, сюды пріѣхали... все ни къ чему. Ты мнѣ настоящее дѣло вычитай: въ какомъ городѣ какой купецъ померъ, сколько капиталу оставилъ, кому да кому отказалъ. А не то поищи, не строютъ ли гдѣ новыхъ церквей-обителей,—надо бы облаченія послать.

Приживалки принесли работу: глазетовый „воздухъ“ и епитрахиль малиноваго бархата, и дѣдушка собственноручно зажегъ своимъ огарочкомъ одинокія свѣчи на обоихъ столахъ.

— Ну, работайте съ Господомъ, со Христомъ... А ты, Ягоръ, неси счета: никакъ „мальчонка“ съ мельницы за нарядомъ пріѣхалъ.

Егоръ Капитонычъ взялъ отца подъ руку, обѣ приживалки, толкая другъ друга, подхватили другой локоть... Слѣдомъ прошелъ въ кабинетъ дѣдушки „мальчонка“—сорокалѣтній приказчикъ, необычайно грузный, угрюмый, навѣки чѣмъ-то пришибленный человѣкъ. Когда дверь за ними закрылась, Катерина Егоровна сказала мнѣ тихонько:

— Я забыла тебя предупредить: при дѣдушкѣ надо непремѣнно дѣлать видъ, что ѣшь.

Наталія Дмитріевна. Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ. (Дѣйствіе III. явленіе 6-е).
„Горе отъ ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго
Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Лиза. Вы, сударь, камень, сударь, ледъ. (Дѣйствіе IV, явленіе 12-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Ванина комната была внизу, за темнымъ тайничкомъ. Такія же въ ней были квадратныя, подслѣповатыя окна, какъ и въ комнатѣ Катерины Егоровны, и поражала она съ перваго взгляда богатствомъ цвѣтовъ и растеній во всѣхъ ея концахъ. Особенно хороши были кильскіе тростники, циперусы, стройные и широковерхіе, какъ маленькія пальмы. Они наполняли большой акваріумъ, стоявшій посрединѣ, и купами темнѣли по угламъ, гдѣ тянулись какіе-то шнуры и проволоки.

Ваня дотронулся до стѣны — и комната освѣтилась мягкимъ, ровнымъ голубымъ свѣтомъ, упавшимъ съ потолка. Въ глухихъ захолустьяхъ тогда только краемъ уха слышали объ электричествѣ, и бѣлый шаръ, освѣтившій комнату Вани, мнѣ показался чудомъ. А внизу, въ акваріумѣ, изъ-подъ камней и тростниковъ выплывали золотыя рыбки и уставлялись жемчужными глазами на свѣтъ, высунувъ изъ воды свои тупыя, простодушныя головы; и радужными нитями тянулись водяные пузырьки отъ разыгравшихся морскихъ коньковъ.

Вошла Анна Ѳедоровна съ полными руками лакомствъ и сластей. Но мнѣ было не до ѣды... Комната Вани, вся обвитая электрическими проводами, которые заставляли звонки звенѣть, маленькія лодочки и паровозы двигаться, волшебный фонарь свѣтиться,—стала для меня сказочнымъ царствомъ, которое еще такъ недавно жило въ моей душѣ, не успѣвшей оторваться отъ родного дома, отъ нянниныхъ сказокъ, отъ лѣсныхъ страховъ родныхъ деревень.

— Да мнѣ не хочется.

— Ты хоть пустой ротъ шевели: — надо исполнить прихоть больного человѣка... У дѣдушки — суженіе пищевода. онъ давно питается одною жидкою пищей и рано или поздно умретъ отъ голода...

Она выговорила эти пугающія слова жестко и холодно и, когда я спросила:

— Зачѣмъ же онъ смотритъ, какъ другіе ѣдятъ? — въ отвѣтъ шевельнула плечомъ:

— Тоже своего рода болѣзнь... Когда другіе жуютъ, ему кажется, будто и онъ наѣдается. Прежде въ ротъ бралъ кусокъ и жевалъ все время, когда мы ѣли. Да докторъ запретилъ: сдержать себя не можетъ — пытается проглотить, а это для него опасно.

Ваня распахнулъ дверь на балконъ. На дворѣ стоялъ еще бѣлый день, и въ его блескѣ сиротливо утонуло желтое пламя ненужныхъ свѣчей. Заря погорѣла далеко, за рѣкою, за широкимъ шляхомъ, усаженнымъ березами, въ сизыхъ лучахъ, гдѣ бѣжалъ поѣздъ, развивая за собою бѣлую, облачную ленту пара, который свѣтился розовыми и золотыми отблесками въ лучахъ заката... Донесся крикъ локомотива, четкіе удары монастырскаго колокола, и голуби, туча голубей, звеня крыльями, носились надъ дворомъ и крышами амбаровъ.

III.

— Мы, Ваня, къ тебѣ сидѣть пойдемъ,— объявила Катерина Егоровна, вставая изъ за стола.

Чацкій. Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ. (Дѣйствіе IV, явленіе 14-е).
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова, съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

— А какъ твой телефонъ?—спросила Катерина Егоровна.

— Не совсѣмъ ладится. Хочешь попробовать?

Онъ ушелъ въ другую комнату, а Катерина Егоровна стояла у стѣны, положивъ себѣ въ уши черныя палочки,—и лицо ея свѣтилось смѣхомъ, какъ во время веселой бесѣды. За Катериной Егоровной телефонъ слушалъ Сеня, потомъ мать.

Наконецъ пришла моя очередь.

— Стойте неподвижно, руками до проводовъ не дотрагивайтесь,—училъ Ваня, вкладывая мнѣ въ уши каучуковые рожки.

Онъ ушелъ. Я стояла вся замерши отъ напряженія и вдругъ услышала, какъ стѣна спросила голосомъ Вани:

— Отчего у васъ, Таня, такой веселый, дѣтскій смѣхъ и такіе печальные глаза?

Я вскрикнула и опустила трубки... Тѣмъ временемъ Сеня досталъ скрипку. Играть ему можно было только въ этой, отдаленной отъ кабинета, части дома. Иногда чуткое ухо старика улавливало поющіе звуки, и тогда говорили ему, что въ „молодцовскую" пришелъ соборный регентъ разучивать новый тропарь... Поэтому Сеня началъ съ духовныхъ пѣсенъ. И долго игралъ онъ пьесу за пьесой, забывъ и дѣдушку и насъ, сидѣвшихъ вокругъ него въ тихомъ и свѣтломъ забытьѣ. Изрѣдка вздыхала Анна Ѳедоровна, да чуть слышно всплескивалась рыбка въ бассейнѣ. На колокольнѣ пробило девять. Торопливымъ боемъ, перегоняя звонъ, отбили часики на письменномъ столѣ. Звуки скрипки оборвались на половинѣ такта...

— Ужинать пора; идемте, дѣти!

Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ стояла черная тьма. Мы шли, взявшись за руки цѣпью, и мнѣ казалось, что кто-то черный и страшный тянется длинными руками къ намъ изъ угловъ.

За ужиномъ ѣли плохо: кусокъ не шелъ въ горло подъ холоднымъ, свѣтящимся жадностью, взглядомъ старика. А онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, дрожалъ отвисшей челюстью, жевалъ сизыя губы и сучилъ длинными, узловатыми пальцами. Потомъ позвали въ столову повара Дормидона и „молодцовскую" кухарку, древнюю Федулиху, и долго обсуждали, что̀ и кому завтра ѣсть. — Пирогъ, курникъ, каравайчикъ, леванное, соковое, тѣльное,— раздавались со всѣхъ сторонъ предложенія. Ѣда было единственное общее дѣло, соединявшее всѣхъ обитателей стараго дома, и дѣдушка не хотѣлъ выпустить этого важнаго дѣла изъ своихъ слабѣющихъ рукъ. А когда все обсудили, и старый хозяинъ ушелъ, Анна Ѳедоровна поставила около себя десятокъ крошечныхъ чашекъ и тарелочекъ и начала въ нихъ раскладывать котлетку, соусъ, пирожокъ, пару черносливинъ изъ компота...

— Для кого это?—удивленно спросила я Катерину Егоровну.

— Для бабушки... Она у насъ вѣчно голодаетъ.

— Тоже больная?

— Нѣтъ, здоровая. И очень любитъ покушать. Только дѣдушка за давностью лѣтъ не привыкъ отдѣлять жену отъ себя самого и съ тѣхъ поръ, какъ его посадили на молоко и разболтанныя яйца, требуетъ, чтобы и бабушка тѣмъ же питалась. Вотъ мамаша и разставитъ всѣ эти чашечки и тарелочки по дому: за занавѣски, подъ шкапъ, въ ящики... Какъ только дѣдушка задремлетъ — бабушка и перехватитъ кусочекъ. Жаль только, что спитъ онъ плохо: иной разъ всю ночь по дому бродитъ, и не дай Богъ, если съѣстное найдетъ: — всѣмъ тогда достается, и случается, въ наказанье всю семью дѣдушка сажаетъ на борщъ и кашу.

Тревожно спалось мнѣ въ ту ночь. Сторожъ билъ въ колотушку, кричали коты. Постель, приготовленная на длинной укладкѣ изъ груды перинъ, была непривычно горяча и мягка. И неопредѣленные, смутные страхи охватывали душу: чудилась „чума" съ окровавленнымъ платкомъ въ рукѣ, вспоминалась голодная бабушка, слышались крадущіеся шаги умирающаго съ голоду дѣдушки, который бродитъ по дому съ огаркомъ въ рукѣ, дрожитъ отвисшею челюстью и сучитъ свои жадные, узловатые, скрюченные пальцы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Горе отъ ума".

въ иллюстраціяхъ
академика Д. Н. Кардовскаго.

(Съ 9 иллюстраціями на стр. 201—209).

Выдающіеся западные писатели то сплошь, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ произведеніяхъ бывали часто предметомъ вниманія талантливыхъ художниковъ-иллюстраторовъ. Извѣстны цѣлыя галлереи иллюстрацій къ Шекспиру, Байрону, Мольеру, Шиллеру, Гёте. Художественная интерпретація текста, исполненная талантливо, въ соотвѣтствіи духу даннаго автора, съ соблюденіемъ историческихъ чертъ эпохи, не только украшаетъ книгу, но ближе знакомитъ читателя съ изображаемымъ міромъ, усиливаетъ литературныя впечатлѣнія.

Русскіе классики до сихъ поръ иллюстрируются рѣдко и лишь отрывочно. Иллюстрированныя русскія издаиія и серіи рисунковъ къ отдѣльныхъ крупнымъ произведеніямъ можно по пальцамъ перечесть. Разумѣется, ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ, ни Толстой не были забыты иллюстраторами, но ни одинъ изъ этихъ великихъ писателей до сихъ поръ не нашелъ художника-интерпретатора, который освѣтилъ бы его творческое наслѣдіе цѣликомъ и въ единомъ стилѣ отъ начала до конца.

Въ этомъ смыслѣ повезло одному только Грибоѣдову. Онъ весь сказался въ одномъ произведевіи—въ „Горѣ отъ ума". Все остальное написанное имъ далеко уступаетъ этой комедіи; въ ней одной его права на безсмертіе, и лишь „Горе отъ ума" должно привлекать вниманіе иллюстраторовъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣльные рисунки, случайно появлявшіеся въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, между прочимъ, и въ „Нивѣ", мы упомянемъ лишь болѣе крупныя попытки. Таковы изданія Н. Тиблена, 1862 г., съ 26 рисунками М. С. Башилова; К. Н. Шамова, 1864 г., съ рисунками Іогансона; „Общественной Пользы". 1866 г., съ 32 рисунками П. А. Соколова; Н. Аскарханова, 1897 г., съ 10 рисунками К. Изенберга. Обо всѣхъ этихъ иллюстраціяхъ можно сказать одно: онѣ не чужды крупныхъ техническихъ недостатковъ и весьма мало историчны; среди нихъ на первомъ мѣстѣ, впрочемъ, надо поставить рисунки Башилова. Сценическія постановки „Горя отъ ума" закрѣплены въ изданныхъ въ 1887 г. журналомъ „Будильникъ" восьми фототипіяхъ, воспроизведенныхъ съ фотографій

Лиза. Переведу часы..
„Горе отъ ума". Комедія А. С. Грибоѣдова съ иллюстраціями Д. Н. Кардовскаго. Изданіе Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

(постановки московскихъ Малаго театра и театра Корша), и въ приложенной къ „Вѣстнику Европы“ 1910 г. серіи типовъ комедіи въ постановкѣ московскаго Художественнаго театра, зарисованныхъ Д. И. Россинскимъ.

Но лучшаго интерпретатора, сумѣвшаго колоритно, продуманно, съ полной исторической точностью освѣтить текстъ рядомъ рисунковъ, знаменитая комедія нашла въ лицѣ академика Д. Н. Кардовскаго, однотонныя и красочныя иллюстраціи котораго воспроизведены въ безподобномъ по роскоши изданіи „Горя отъ ума“, недавно выпущенномъ извѣстной петербургской издательской и типографской фирмой Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даны въ настоящемъ № „Нивы“. Читатель оцѣнитъ по достоинству и общую композицію рисунковъ, и историческія подробности костюмовъ и обстановки, и типическую выразительность лицъ, изъ которыхъ особенно удались Д. Н. Кардовскому Фамусовъ и Молчалинъ.

Н. Л—ръ.

* * *

Въ сердцѣ моемъ только свѣтлая нѣжность,
Молчаніе свѣтлой безвольной печали,
Въ немъ темныя жалобы плакать устали,
Умерла безнадежность.

Я больше тебя не люблю: не страдаю
Въ разлукѣ съ тобой, не молюсь, не тоскую,
Слѣды твоихъ маленькихъ ногъ не цѣлую,—
Я тебя забываю.

Я чары твои—сказку счастья—забуду,
Улыбкѣ твоей—дорогому обману—
Я больше молиться безсильно не стану,
Больше плакать не буду.

Въ сердцѣ моемъ умерла безнадежность,
И стало въ немъ тихо, свѣтло и печально.
Въ немъ только сіянье улыбки прощальной:
Только свѣтлая нѣжность.

Л. Андрусонъ.

Чужіе.

Посмертный разсказъ **Виктора Гофмана.**

Стройно и мѣрно, словно въ осуществленіе какого-то чудеснаго плана или управляемая скрытой системой двигателей, вращается, колеблется, прокладываетъ свои плавные круги катающаяся на скэтингъ-ринкѣ толпа. Кажется, ничѣмъ не остановить этого движенія, этого сложно дѣятельнаго механизма: если же отдаться ему, вступить на сверкающій трэкъ—мгновенно подхватятъ момогучія силы, вовлекутъ, втянутъ въ свой размѣренный, шумно мятущійся ходъ...

Увидѣвъ знакомыхъ, Зина стала выбираться изъ катающейся толпы. Не сразу удалось ей задержать, замедлить бѣгъ коньковъ, не сразу сумѣла она, закладывая ногу за ногу, повернуть на середину обширнаго круга, гдѣ меньше народу и ярко блеститъ электричествомъ полъ; оттуда, круто повернувшись, она быстро и ловко подкатилась къ барьеру.

У барьера, глядя куда-то вверхъ передъ собою, стояла ея подруга Маня съ неизмѣннымъ спутникомъ своимъ Гурычевымъ; съ ними—еще какой-то высокій студентъ. Они казались ошеломленными свѣтомъ, шумомъ, безпрерывнымъ мельканіемъ катающихся фигуръ; глаза ихъ блуждали гдѣ-то надъ толпою, вдоль разукрашенныхъ стѣнъ скэтингъ-ринка.

— Ахъ, вотъ и она,—обрадовалась Маня, завидя подругу.—Мы такъ и думали, что ты здѣсь...—Потомъ быстро повернулась къ незнакомому студенту:—Позвольте васъ познакомить... Господинъ Жухинъ—моя подруга.

Зина протянула ему руку. Онъ неловко согнулся, здороваясь, и заглянулъ ей въ лицо.

„Долговязый какой-то“,—подумала Зина.

— Какой здѣсь однако шумъ,—быстро и словно встревоженная чѣмъ-то говорила Маня.—И народу сколько, ужасно. Что значитъ—мода. А помѣщеніе, правда, очень красиво.

Всѣ оглянулись. Скользнули взоромъ по разрисованнымъ плафонамъ, на которыхъ красовались верблюды и тропическія пальмы, по задрапированнымъ стѣнамъ; разсѣянно посмотрѣли на разноцвѣтныя гирлянды электрическихъ фонариковъ, тянущіяся надъ боковыми балконами.

— Ну, помѣщеніе-то не изъ изящныхъ,—тономъ знатока заявилъ Гурычевъ.—Я ожидалъ куда лучшаго. Безвкусно, и стиля никакого. Что за нелѣпость, напримѣръ, эти синіе фонари! Одно хорошо, это—полъ. Смотрите, блеститъ, какъ зеркало.

Ему ничего не отвѣтили, хотя и посмотрѣли на полъ. Плавно заигралъ оркестръ, Жухинъ придвинулся къ Зинѣ.

— Вы что же—большая любительница кататься?—спросилъ онъ тихо.—Это весело?

— Очень.—Она задорно взглянула на него.—А вы сами не катаетесь?

— Нѣтъ, я не умѣю. Мы пришли только посмотрѣть. Я вѣдь впервые на скэтингѣ.

Голосъ у Жухина былъ низкій; ротъ, когда онъ говорилъ, странно удлинялся. Зина съ любопытствомъ приглядывалась къ нему.

Музыка разливалась полнѣй и шире. Звуки ея глубоко и сочно звенѣли въ высокой залѣ. На трэкѣ набиралось все больше мелькающихъ, безпокойныхъ, чернѣющихъ фигуръ. Раздался тихій, продолжительный звонокъ—и что-то непонятно и глухо прокричалъ маршалъ поля.

Зина опять подошла къ Манѣ.

— А ты не будешь сегодня бѣгать?—спросила она, невольно скользнувъ взглядомъ по ея фигурѣ. Маня легко передернула плечами.

— Нѣтъ, мнѣ что-то нездоровится,—объяснила она. Дѣйствительно, она выглядѣла блѣдной, и легкая тѣнь залегла у нея подъ глазами.—Владиміръ Васильевичъ, пойдемте на хоры.

Въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ Гурычеву, слышалась какая-то старательная принужденность. Чувствовалось, что наединѣ они говорятъ иначе.

— Сейчасъ будетъ кинематографъ,—радостно объявлялъ тотъ.—Теперь вѣдь здѣсь завели и кинематографъ. Впрочемъ, мы можемъ смотрѣть и сверху.—Онъ взялъ Маню подъ руку.

— Какое мельканіе, какое смятеніе, какая тревога,—смотрите,—указывалъ Зинѣ Жухинъ на оживившійся трэкъ.—Неистовый трепетъ жизни. Мнѣ кажется, я бы чувствовалъ себя тамъ очень безпокойно. И еще эти разноцвѣтные лучи съ боковъ...

Зинѣ онъ казался страннымъ. Но почему-то ей было очень весело и хотѣлось смѣяться. Заиграли ея любимый вальсъ; напѣвая, она направилась къ катку.

— Мы наверхъ,—напомнила Маня съ лѣстницы Жухину.—Вы съ нами?

— Сейчасъ.—Онъ послушно отошелъ отъ Зины. Увлекательно ширясь, звенѣлъ вальсъ. Громко стуча по деревянному помосту коньками, Зина уже выходила на трэкъ.

— До свиданія,—крикнула она Жухину, вкатываясь въ плавно скользящую толпу. Со смѣхомъ бѣгло и лукаво обернулась. Сухо позвякивающіе коньки уносили ее, вовлекали въ общее теченіе. Точно морской прибой, хлещущій о прибрежные камни, несмолкаемый со всѣхъ сторонъ окружилъ ее шумъ.

Завершивъ кругъ, Зина взглянула на балконъ и сейчасъ же увидѣла Жухина. Низко и неуклюже склонясь надъ барьеромъ, онъ смотрѣлъ на нее.

Кататься весело. Трэкъ въ самомъ дѣлѣ чудесный: гладкій, блестящій, изжелта-сѣрый; скользишь по нему, какъ по льду. Легко катятся, неудержимо увлекаютъ коньки; кажется, выросли крылья, или кто-то крылатый и вольный сзади движетъ, подхватываетъ и ведетъ. На блестящемъ полу смятенно отражены подвижныя, быстрыя тѣни бѣгущихъ, и длинными, сіяющими полосами лежитъ свѣтъ. И какъ-то спуталось, смѣшалось все: трепещетъ, колышется, шумитъ,—безумная радость, безумная суета!

То и дѣло музыка. Почему-то кажется, что она цвѣтная: всѣ звуки окрашены въ глубокіе яркіе цвѣта. Весело, что она такъ звучна. И опять вальсъ, чудесный, упоительный вальсъ.

Зина въ самой гущѣ толпы, пестрой, шмыгающей, обгоняющей среди подвижныхъ фигуръ, среди мятущихся тѣней, въ самомъ блескѣ и шумѣ. Какой странный этотъ шумъ: точно ссыпаютъ куда-то камни, или волны неустанно перекатываютъ крупный прибрежный песокъ. Если закрыть глаза—можно представить себѣ, что со всѣхъ сторонъ—мятежное, необозримое море. Но это только на минуту; потомъ опять все становится ясно: катятся неудержимо коньки—вправо, влѣво, все быстрѣе бѣгъ. Каждый шагъ выходитъ вольнѣе и дальше, чѣмъ ожидала сама.

Опять заливчатый, серебристый, трепетный звонокъ. Среди катающихся легкое смятеніе: пріостановились, повертываютъ; надо очистить поле. Толпятся у барьеровъ, заполняя придвинутые къ нимъ ресторанные столы.

На замолкшемъ, пустынномъ трэкѣ длинный англичанинъ-инструкторъ съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ показываетъ свое искусство. Вальсируетъ, вертится волчкомъ, сгибается, вотъ почти опрокинулся, вотъ плавный прыжокъ—и опять пошелъ красивымъ дробнымъ бѣгомъ. Точно мелкими молоточками ударяетъ коньками въ полъ. Другой инструкторъ издали сопровождаетъ его, серьезно слѣдя за его маневрами. Зину окружили знакомые; постепенно собрались постоянные ея кавалеры—Розенгольцъ, Семеновъ, Шишко. Толпясь вокругъ нея, они смотрятъ на инструктора, дѣлаютъ свои замѣчанія. Зинѣ неинтересны ихъ мнѣнія, и она почти не слушаетъ ихъ. Маня, Гурычевъ и Жухинъ остались гдѣ-то наверху.

Опять залился звонокъ, и инструкторъ объявилъ общее катанье. Мгновенно заполнился катокъ, зарябилъ, закишѣлъ, зашумѣлъ. И Зина оттолкнулась отъ барьера.

Поочередно, то съ тѣмъ, то съ другимъ катается Зина. Сплетя руки, плавно движутся въ парѣ. Такъ часто переходитъ она отъ одного къ другому, что уже почти не помнитъ, съ кѣмъ она сейчасъ. Всѣ ухаживаютъ, всѣ что-то говорятъ, и со всѣми весело. Зина безпрестанно смѣется, много сама говоритъ, и ей кажется все, что она говоритъ сегодня, очень весело, хорошо и нравится ея кавалерамъ. Все вокругъ—точно пестрый сонъ. Такъ далеко отошла всегдашняя жизнь: магазинъ, гдѣ она служитъ, домашніе. Никогда еще не было ей такъ странно весело на каткѣ.

Шишко неразговорчивъ. Но онъ прекрасно катается, и Зина учится у него. И сейчасъ онъ обучаетъ ее дѣлать на одной ногѣ поворотъ, голландскому шагу и полькѣ.

— Ничего, ничего, не бойтесь,—ободряетъ онъ ее.—Не упадете. Лѣвѣе, лѣвѣе. Не упирайтесь такъ на мою руку. Видите, какъ легко.

Музыка бойко-разсыпчато заиграла „па-де-патинеръ“. Шишко ловко повелъ Зину веселымъ, быстро скользящимъ, красивымъ шагомъ...

Розенгольцъ ревнуетъ.

— Вы что-то очень веселы сегодня,—говоритъ онъ ей многозначительно.

— А почему бы мнѣ не веселиться?—съ непонимающимъ видомъ смѣется она.

— Я васъ ждалъ вчера,—добавляетъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Зинѣ нравится, что онъ сердится и ревнуетъ. Это такъ пріятно: чувствуешь себя важной и сильной. Онъ очень влюбленъ, несчастный. Но не можетъ же она быть только съ нимъ, не отходить отъ него, все дѣлать ему въ угоду!

— А вы стали очень мрачнымъ,—торжествующе заявляетъ она.—Почему такъ?.. Вы знаете Жухина? Меня только-что съ нимъ познакомили. Когда увидимся... не знаю. Неправда ли, Маня сегодня очень интересна?

Семеновъ, толстый и бѣлокурый, старается забавлять ее. Между остротами увѣряетъ, что безнадежно въ нее влюбленъ, и допытывается, очень ли она любитъ Розенгольца. Не вѣритъ, когда она утверждаетъ, что нисколько. А между тѣмъ это правда,—сегодня она это вполнѣ поняла. Около эстрады онъ показалъ ей сестеръ Гурычева, двухъ похожихъ другъ на другу тоненькихъ барышень въ синихъ шелковыхъ платьяхъ. Барышни вертляво переминались на одномъ мѣстѣ. Зинѣ показалось, что онѣ посмотрѣли на нее презрительно. А Шишко, по словамъ Семенова, живетъ съ генеральшей безъ зубовъ... Зинѣ не понравилось, что онъ сплетничаетъ про товарищей.

На поворотѣ, когда они оба столкнулись, онъ крѣпко обхватилъ ее за талію, слишкомъ высоко однако дотрагиваясь до ея груди. Зина быстро обернулась къ нему, вопросительно взглянула въ лицо. Онъ ей нѣжно улыбнулся. Тогда, мгновенно разсердившись, она высвободилась отъ него и, ни слова не говоря, наискось, черезъ весь катокъ, покатила къ берегу.

— Позвольте, я сниму съ васъ коньки.—Жухинъ проговорилъ это нерѣшительно. Зина удивилась.

— Вы? Развѣ сумѣете?—Потомъ сразу рѣшила:—Снимайте.—Ковыляя, быстро подошла къ скамейкѣ и стремительно упала на нее.—Все-таки я устала!

Жухинъ опустился передъ нею на одно колѣно.

— Гдѣ же вашъ ключъ?—Съ серьезнымъ видомъ сталъ развязывать ремень.

Зинѣ было пріятно, когда онъ касался ея тѣснаго ботинка своими большими, жилистыми руками. Какъ-то неловко и покорно согнулся онъ передъ нею. Отъ напряженія на лбу обозначалась синяя жила.

— А вы что дѣлали?—допрашивала она его.—Все стояли да смотрѣли? Интересно?

Вотъ сняты коньки; странное ощущеніе чего-то разминающаго, неловкости и вмѣстѣ съ тѣмъ легкости въ ногахъ. Жухинъ проситъ ее еще немного съ нимъ остаться. Вмѣстѣ они подошли къ барьеру.

— Вотъ смотрѣлъ я,—медленно говорилъ Жухинъ:—и казалось мнѣ, катокъ этотъ, точно міръ, или что-то важное дѣлаетъ въ мірѣ. Какъ многихъ онъ объединяетъ и, можетъ-быть, сводитъ здѣсь. Необходимы ли эти встрѣчи... или все—только случай и его игра?...

Зина его не особенно поняла и ничего не нашлась отвѣтить. Но это и не занимало ея. Съ невольнымъ удивленіемъ глядѣла она на него, бѣглыми, боковыми взглядами присматривалась къ его лицу, еще незнакомому, кажущемуся какимъ-то нецѣльнымъ, разрозненнымъ, въ которомъ еще видна каждая часть. Носъ у него съ горбинкой. „Онъ некрасивый,—подумала она съ приливомъ внезапной нѣжности:—некрасивый и долговязый“.

— Вотъ и Марія Павловна,—прервалъ себя Жухинъ.

Маня приближалась все съ тѣмъ же встревоженнымъ, дѣланно-развязнымъ видомъ. За нею, какъ пристегнутый, шелъ Гурычевъ. Зина опять невольно скользнула взоромъ по ея фигурѣ. Они уходятъ домой. Зина тоже стала собираться.

— Позволите васъ проводить?—тихо попросилъ ее Жухинъ. Она опять нѣсколько удивилась. Онъ не такой уже неловкій, какъ думалось сначала. Но все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, казалось ей попрежнему неожиданнымъ и страннымъ.

— Пожалуйста.—Потомъ зачѣмъ-то спросила:—А вамъ развѣ по пути?—Посмотрѣвъ на Гурычева, думала: „Неужели онъ не женится на Манѣ? Какъ это она могла?“ Зина была увѣрена, что съ нею ничего подобнаго не можетъ случиться.

Вдругъ передъ нею выросъ Розенгольцъ.

— Гдѣ вы были? Мы васъ ищемъ. Уже сняли коньки? Уходите?—Онъ казался растеряннымъ.

— Кланяйтесь всѣмъ отъ меня. Мнѣ пора.

— Васъ нельзя проводить?—и взволнованнымъ голосомъ тихо:—Зина, что это? Почему такая перемѣна?

Зина увѣряетъ, что ничего не перемѣнилось. Все—какъ прежде. Ну, хорошо, завтра онъ можетъ встрѣтить ее у магазина. Тогда объяснятся.—До свиданія.

— Пойдемте,—подала она руку Жухину. Вспомнила вдругъ, что у Розенгольца дрожала сейчасъ нижняя губа. И все жъ не почувствовала къ нему жалости.

Вышли на улицу. Тихій, мерцающій, тускло-серебряный вечеръ. Сразу захватили въ свой міръ пестрые огни, колышащіяся, пятнистыя тѣни, холодная бѣлизна снѣговъ. Улица мерцаетъ, зоветъ, пьянитъ. Они идутъ подъ руку. Въ головѣ звенитъ навязчивый вальсъ скэтингъ-ринка.

— Вы служите? Въ магазинѣ?—допытывался Жухинъ со странной настойчивостью.

— Да вамъ на что?—удивлялась Зина.—Что за любопытство!

Но онъ упорно продолжалъ ее разспрашивать. Онъ все хотѣлъ знать: какъ она живетъ, кто ея подруги и знакомые, какъ проводитъ свободное время? Она попрежнему его не понимала, все еще продолжая къ нему присматриваться.

Онъ говорилъ странныя вещи.

— Я думаю, не мало разсудочнаго лежитъ обыкновенно въ основѣ каждой любви. Какъ будто спрашиваютъ сначала разсудокъ, можно ли опьяниться душѣ. Приноравливаются, приспосабливаются другъ къ другу и, лишь если сходны, подобны, удобны другъ другу, позволяютъ или сочиняютъ себѣ любовь. Но если любовь слѣпо и стихійно связываетъ двухъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго—ни соотвѣтствія ни пониманія, совсѣмъ чужихъ, которымъ внѣ любви вообще нечего дѣлать вмѣстѣ? Какъ вы думаете, къ чему это можетъ привести?

Зина ничего объ этомъ не думала, но слушала съ любопытствомъ. Ей нравился звукъ его голоса и какъ онъ тяжело и устало опускалъ свои вѣки. И ей было пріятно, что онъ что-то говоритъ о любви.

Онъ тѣснѣе взялъ Зину подъ руку и, словно подъ вліяніемъ этой близости, вдругъ перемѣнилъ тонъ, говоря теперь ей близко и понятно:

— Мнѣ ужасно нравится, что вы такая веселая. Ничего-то вы еще не понимаете. Сегодня я любовался вами на этомъ каткѣ. Скажите, это опьяняетъ—кататься? И засмѣйтесь, пожалуйста.

— Ха-ха-ха!—смѣется Зина и уже не можетъ остановиться. Смѣхъ звонкій, легкій, неудержимый; ей кажется, кто-то другой смѣется съ нею.

— Этимъ смѣхомъ вы напоминаете мнѣ одинъ старый эпизодъ,—началъ Жухинъ лѣнивымъ голосомъ. Но Зина вдругъ перебила его.

— Что это тамъ? Смотрите, что тамъ такое?—Она вытягивалась, приподымаясь на носкахъ. На углу улицы черно и густо толпился народъ. Насѣдали со всѣхъ сторонъ, громоздясь безпорядочной грудой. И все новые тянулись, спѣшили туда: женщины съ ридикюлями, бородатые студенты, бѣлобрысые, заплатанные парни.—Что тамъ такое? Что-нибудь случилось?—съ возрастающимъ волненіемъ спрашивала Зина, стараясь протискаться, подымаясь на цыпочки, чтобы посмотрѣть поверхъ плечъ и между головъ. Никто не могъ дать объясненія.

— Разойдитесь, господа. Не велѣно толпиться. Будьте любезны разойтись,—усовѣщевали полицейскіе.—Чего лѣзешь!—вдругъ свирѣпо обратился одинъ къ парню въ заплатанномъ кожухѣ.

— Что случилось? Что такое?—взволнованно спрашивали въ толпѣ.

— Задавили кого-то,—передавался изъ устъ въ уста отвѣтъ; слѣва на рельсахъ, словно вереница глазастыхъ звѣрей, стоялъ рядъ остановленныхъ трамваевъ.

Вдругъ толпа раздалась, и два городовыхъ съ дворникомъ вывели подъ руку женщину. Она шла, вся скорчившись, словно не въ силахъ разогнуться, съ повисшей на бокъ головой. Нѣтъ, ее несли: ноги ея не касались земли. Все лицо было въ чемъ-то густо-красномъ, темно-багровомъ, на что было непріятно смотрѣть. Почему-то не сразу приходило въ голову, что это—кровь. Кровью же были залиты руки и подолъ.

Жухинъ невольно передернулся и отвернулся.

— Ай-ай-ай, пойдемте! Не хочу смотрѣть!—закричала Зина, дергая его за рукавъ.—Пойдемте, пойдемте скорѣе!..

Но Жухинъ уже спокойно разговаривалъ съ какимъ-то маленькимъ сосѣдомъ, на котораго ему приходилось смотрѣть сверху внизъ. Зина опять дернула его за рукавъ.

— Бросилась подъ трамвай,—сообщилъ онъ ей только-что услышанное.—Трамвай успѣли остановить...

Онъ еще разъ посмотрѣлъ куда-то черезъ всю толпу.

Нѣкоторое время потомъ оба задумчиво молчали. Идя, еще дважды обернулись къ толпѣ, которая долго не рѣдѣла...

Сидѣли на бульварѣ, среди снѣговъ. Бѣло и серебряно цвѣла зима. Захватывало, зачаровывало непонятное мертвое царство. Шептались вѣтры, припадая къ оголеннымъ деревьямъ; съ тонкимъ присвистомъ пушисто взлетала снѣговая пыль. Потомъ опять было тихо и загадочно. И оградилось это бѣлое царство: тонкая проволочная изгородка, сплошь залѣпленная снѣгомъ, выглядѣла крѣпкой стѣной.

— Вамъ не холодно? — спрашивалъ Жухинъ, улыбаясь Зинѣ длинной, нѣжной улыбкой.—Вамъ хорошо?—Онъ взялъ ея руку.—Нѣтъ, озябла ручка. Пусть идетъ домой. — И онъ укладывалъ ручку въ муфту.

Зина стала молчаливой. Онъ наклонился къ ней:

— Что̀ это вы задумались? Не можете забыть этой женщины? Да, можетъ-быть, и это любовь. Ну, что̀ же дѣлать?..

Зина улыбнулась. По бѣлой дорогѣ, раскачиваясь, прошли двѣ черныя фигуры.

— Посмотрите,—испуганно указала она на нихъ.

— Мнѣ не страшно,—пошутилъ онъ...—Ну, давайте опять разговаривать. Какая у васъ мама?

Зина вмѣсто отвѣта поглядѣла на него. И опять почувствовала невыразимую нѣжность къ нему: къ его лицу, губамъ, рукамъ, голосу. Все показалось, какъ во снѣ. Зачарованно цвѣла бѣлая зима.

— Почему вы такой грустный?—наконецъ рѣшилась она спросить. Произнесла эти слова тихо, точно прикасаясь къ чему-то дорогому и нѣжному.

— Я не грустный,—немного удивился Жухинъ.—Я равнодушный. И со мною скучно.—Потомъ, словно извиняясь:—Вамъ будетъ скучно со мною...

Онъ уже не сомнѣвался, что она будетъ съ нимъ. Она была благодарна за это.

— Вообще мы такъ не похожи съ вами. Разные, и едва ли можемъ понимать другъ друга. Мы чужіе.—Онъ вяло растягивалъ слова.—Странно, что насъ бросаетъ другъ къ другу любовь.

При словѣ любовь Зина вдругъ страшно заволновалась. Но онъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ:

— Знаете, у меня все еще звучитъ въ головѣ этотъ вальсъ. Что̀ за навязчивый мотивъ.

Зина вспомнила, что уже навѣрно очень поздно. Ей давно нужно домой. Что̀ скажетъ мама? И завтра надо рано на службу. Но такъ не хотѣлось вставать, и она знала, скажи онъ,—она всю ночь просидитъ здѣсь съ нимъ вмѣстѣ. Какъ что-то смѣшное и дѣтское, смутно припомнилась вдругъ ея прежняя любовь къ Розенгольцу.

Вдругъ тихо, но властно онъ обнялъ ее. Притянулъ къ себѣ. Она замерла, какъ завороженная. Онъ дважды глубоко и долго поцѣловалъ ее въ губы. Она молчала съ испуганнымъ видомъ. Потомъ, сильно дыша, отвернулась отъ него.

— Не сердись, дѣвочка. Такъ надо.

Волнуясь, она стала собираться домой. Онъ упрашивалъ ее еще остаться, еще съ нимъ пройтись. Пусть сердится мама.

— Нельзя,—грустно вымолвила Зина. И все же осталась.

— Какъ странно,—говорилъ онъ, когда они встали со скамьи: — какъ быстро!—Потомъ съ своей длинной улыбкой:—Бываетъ ли необъяснимая любовь?

Зина была, какъ во снѣ. Чувствовала, что что-то очень важное произошло въ ея жизни. Вдругъ словно стала старше. Лишь въ туманномъ отдаленіи могла она припомнить теперь вчерашній день, магазинъ, маму. Точно все это было въ прошломъ году. А въ душѣ эта безумная, мучительная нѣжность.

Дома, за вечернимъ чаемъ, Зинѣ все помнились лицо Жухина, вальсъ на каткѣ, отрывочныя слова ихъ разговоровъ. Мама, комната, сестра Люба, маленькіе братья, блестящій самоваръ—все это было какое-то ненужное и далекое. Хотѣлось уединиться, уйти въ тишину и темноту, чтобы подумать надъ тѣмъ, что̀ случилось сегодня.

Такъ много, такъ безпорядочно и безконечно много случилось. Но у Зины не было отдѣльной комнаты: вмѣстѣ съ Любой она спала здѣсь же, въ столовой, и поэтому должна была ждать. Покорно сидѣла она возлѣ самовара, а въ головѣ звенѣлъ вальсъ скэтингъ-ринка; Зина едва удерживалась, чтобы не запѣть его вслухъ.

Наконецъ убрали самоваръ, и ушли въ свои комнаты мама и братья. Вдругъ, когда она расшнуровывала корсетъ, вспомнилась ей окровавленная женщина на улицѣ. Зина содрогнулась. Почему случилось именно сегодня, когда въ первый разъ она шла съ нимъ?

Потомъ стала думать о Манѣ и ея беременности. Хотѣла опять удивиться Манѣ: какъ это она могла? Но уже не удивлялась, не чувствовала прежняго недоумѣнія. И вдругъ, посмотрѣвъ на себя, полураздѣтую, въ рубашкѣ, на минуту совершенно ясно, отчетливо почувствовала, что и она уже не та (Что-то перемѣнилось въ ней, она уже почти такая же, какъ Маня). Это было больше, чѣмъ предчувствіе. На одну минуту она почувствовала себя женщиной, матерью. Испугалась и закрыла глаза. Поспѣшно легла въ постель.

Передъ закрытыми глазами все время сверкалъ скэтингъ-ринкъ. Проносились, налетали, скрещивались, смѣшивались быстрыя фигуры; льющійся свѣтъ фонарей казался потоками воды, и всѣ купались, всѣ легко плавали въ немъ. Звенѣлъ опьяняющій вальсъ, подходили, подкатывались знакомые. Вдругъ звонокъ: надо очистить поле. Зина видитъ себя, какъ она спѣшитъ къ барьеру. Но что̀ это такое? Тамъ ее встрѣчаетъ сгорбленная женщина съ окровавленнымъ лицомъ и руками. Зина однако не испугана; радостно бросается она къ ней—и въ то же мгновеніе становится ясно, что это—Маня, потомъ—что это она сама. На минуту видны улица, сгрудившаяся толпа и рядъ остановленныхъ трамваевъ, точно стая глазастыхъ звѣрей. Опять звенитъ вальсъ, серебристо заливается звонокъ, волчкомъ вертится длинный инструкторъ съ бѣлымъ нарциссомъ въ петлицѣ. А сверху, низко и неуклюже склонясь надъ барьеромъ ложи, смотритъ Жухинъ.

Всю ночь снился Зинѣ скэтингъ-ринкъ.

Отъ народной пѣсни къ музыкальной драмѣ.

Очеркъ музыкальнаго развитія Финляндіи Евгенія Браудо.

Въ исторіи художественной культуры Финляндіи музыка является самымъ молодымъ изъ искусствъ, и въ то время какъ Рунебергъ ужъ давно занялъ свое мѣсто въ пантеонѣ всемірной литературы, и произведенія финскихъ живописцевъ за послѣднія десятилѣтія выдвинулись весьма замѣтно на горизонтѣ новаго искусства, композиціи финскихъ музыкантовъ только въ самое недавнее время стали появляться на программахъ симфоническихъ концертовъ. Причины такого поздняго проявленія звукотворческихъ силъ націи заключаются въ томъ, что страна не выдвинула до сихъ поръ геніальнаго художника, которому по силамъ было бы поднять музыкальную „тягу земли“ родной и возвыситься въ обработкѣ этнографическихъ моментовъ, коими пользуется большинство современныхъ финскихъ авторовъ, до общечеловѣческихъ правдъ, до новыхъ идейныхъ прозрѣній.

А между тѣмъ молчаливая и замкнутая въ себѣ „страна тысячи озеръ“ хранитъ понынѣ цѣлую сокровищницу дивныхъ пѣсенъ, проникнутыхъ глубокими откровеніями первобытнаго религіознаго сознанія. Музыка финновъ такъ же, какъ и все ихъ искусство, взлелѣяна необъятностью снѣжныхъ равнинъ, жуткимъ покоемъ дѣвственныхъ лѣсовъ, мрачной фантастикой прибрежныхъ скалъ. Какіе-то призраки, таинственныя видѣнія, неразгаданные звуки, несущіеся съ гранитныхъ холмовъ, что-то холодное, пугающее воображеніе, но привлекательное для него,—таковы ея поэтическій спектръ, ея основныя настроенія, знакомыя всякому, кому хоть разъ въ жизни пришлось провести лѣтнюю ночь у береговъ Саймы. И чары мягкаго колорита іюньскихъ вечеровъ, отраженнаго въ звукахъ, особая, чисто-финская грусть, свѣтлая и мечтательная, оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе, когда слышишь впервые финскую музыку. Число друзей ея растетъ быстро, и русская публика, которая только въ самое недавнее время стала знакомиться съ музыкальнымъ творчествомъ Финляндіи, сразу почувствовала въ произведеніяхъ новыхъ финскихъ мастеровъ нѣчто близкое къ нашей музыкѣ по духу и настроеніямъ.

Несомнѣнно, что тысячелѣтнее сосѣдство русскихъ славянъ съ финскими племенами, какъ извѣстно, отразившееся въ языкахъ этихъ народовъ рядомъ заимствованій, должно было бы также сказаться и въ музыкѣ, особенно въ обрядовой пѣснѣ, не менѣе консервативной, чѣмъ языкъ. Молодая финская наука съ рѣдкой тщательностью и энергіей стала собирать памятники первобытной музыкальной культуры Финляндіи, но, несмотря на обиліе записей, она все же не располагаетъ еще достаточнымъ матеріаломъ для систематическаго сравнительнаго изученія этихъ отношеній. Однако сходство мелодическаго состава нѣкоторыхъ финскихъ пѣсенъ съ русскими,—сходство, едва ли могущее считаться случайнымъ,—показываетъ намъ, что совпаденія эти восходятъ къ одному общему источнику, отъ насъ весьма отдаленному.

Старинныя обрядовыя пѣсни финновъ лучше всего сохранились въ русской Кареліи, въ Олонецкой губ., у береговъ Ладожскаго озера, Невы, вплоть до ближайшихъ окрестностей Петербурга. Финны обозначаютъ ихъ древнимъ германскимъ словомъ „руна“ (Runolaulua). Имъ нѣкогда приписывалась особая магическая мощь въ силу тѣхъ шаманскихъ вѣрованій, которыя господствовали въ древности среди финскихъ племенъ, и это свое обаяніе надъ сердцами „дѣтей полуночнаго солнца“ руны не утеряли еще понынѣ. Но въ наши дни, конечно, ихъ распѣваютъ лишь изрѣдка, по праздникамъ, когда деревенскіе парни и дѣвушки собираются для танцевъ или для того, чтобы покачаться на качеляхъ (національное финское развлеченіе). Особенно любопытно бываетъ послушать старинныя пѣсни вечеромъ, при свѣтѣ большого костра. Если среди присутствующихъ находится нѣсколько стариковъ, то молодежь окружаетъ ихъ тѣснымъ кольцомъ и сосредоточенно, безъ всякихъ лишнихъ движеній, повторяетъ за ними унылые напѣвы. Въ наиболѣе отдаленныхъ областяхъ Финляндіи можно встрѣтить и чрезвычайно интересныхъ народныхъ пѣвцовъ-сказателей, хранящихъ въ памяти тысячи рунъ и дополняющихъ ихъ все новыми и новыми импровизаціями. Такимъ импровизаціямъ свойственно извѣстное однообразіе мелодическаго рисунка, постоянныя повторенія одного и того же мотива,—быть-можетъ, отражающія природную настойчивость и упорство финна. Пѣніе рунъ смѣняется обыкновенно игрой на „кантеле“, финскомъ народномъ инструментѣ, похожемъ нѣсколько на цитру. Кантеле, подробно описанный Пѣтуховымъ и Фаминцинымъ, обыкновенно имѣлъ пять или семь струнъ, и только въ послѣднее время ихъ количество стало доходить до 13. О его происхожденіи національный эпосъ „Калевала“ разсказываетъ слѣдующее:

„Первый кантеле сдѣлалъ царь пѣвцовъ Вейнемёйненъ: онъ взялъ древесину одинокой березы, оплакивавшей свою долю; золотыя и серебряныя колки принесла въ своемъ клювѣ кукушка; струнами послужили волосы дѣвушки, поджидавшей возлюбленнаго.

„И кантеле подъ перстами Вейнемёйнена сталъ издавать столь сладкіе звуки, что всѣ живыя существа и даже духи воздуха, земли и водъ собирались его слушать.

„Старый вѣрный Вейнемёйненъ
День играетъ и другой день.
Не осталося героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа
Ни жены, носящей косы,
Кто бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронулось бы сердце“.

(„Калевала“, пер. Л. Бѣльскаго).

Неудивительно, что наиболѣе типичные образцы рунъ сопровождаются припѣвами, передающими глубокое, почти истерическое, всхлипываніе.

Такой же сѣдой, первобытной стариной вѣетъ отъ мелодій пастуховъ-рожечниковъ (по-фински Torventoitotusta). Онѣ очень живо напоминаютъ собой наигрыши шотландскихъ горцевъ (bag pipers). Чрезвычайно примитивная послѣдовательность звуковъ заключается мелодической фигурой, исполняемой однимъ изъ пастуховъ, въ то время какъ три товарища, окружающіе его, выдерживаютъ тонику.

Суровы и меланхоличны по своимъ основнымъ настроеніямъ также финскія пѣсни болѣе поздняго происхожденія.

Музыкальной лирикѣ финновъ совершенно чужда сентиментальная мягкость славянской пѣсни. Ея серьезная сосредоточенность свидѣтельствуетъ о неутомимой работѣ мысли маленькаго народа, пролагающаго себѣ пути среди каменныхъ громадъ и топкихъ болотъ. Правда, въ интересныхъ сборникахъ, издаваемыхъ финскими научными обществами, при участіи лучшихъ музыкантовъ страны, мы находимъ цѣлый рядъ пѣсенъ, выражающихъ идиллически радостныя настроенія; однако эти черты характерны лишь для прибрежныхъ жителей, живущихъ у привѣтливыхъ зеленыхъ водъ фіордовъ.

По представленіямъ сказателей рунъ, пѣніе есть могучая творческая сила природы, голосъ божества въ мірозданіи, и съ помощью этой божественной силы, болѣе грозной, чѣмъ мечъ и топоръ, мудрые герои „Калевалы“ побѣждали своихъ враговъ. Даже понынѣ еще нѣтъ страны, гдѣ пѣніе было бы такъ широко распространено, какъ въ Финляндіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ того маленькаго городка, затеряннаго гдѣ-нибудь среди безконечныхъ равнинъ Сѣвера, который не располагалъ бы хорошо организованнымъ пѣвческимъ обществомъ. Но совершенно особый, своеобразный характеръ финской музыкальной жизни придаютъ пѣвческія празднества, организуемыя обществомъ народнаго просвѣщенія и имѣющія такое же значеніе для національнаго единенія финновъ, какъ олимпійскія игры въ Элладѣ. Празднества эти устраиваются по очереди въ разныхъ городахъ, и на фонѣ общественной жизни страны, небольшой и бѣдной, выдѣляются, какъ событія чрезвычайнаго значенія. Демократическія начала, которыми была проникнута вся культура Финляндіи, проявляются во время такихъ народныхъ торжествъ съ особенной яркостью. Чтобы дать возможность принять участіе въ празднествахъ широкимъ кругамъ населенія, финскія желѣзныя дороги установили половинный тарифъ для всѣхъ участниковъ. Члены хоровыхъ обществъ, оркестровые музыканты и т. д. получаютъ, кромѣ того, и даровое помѣщеніе не только въ школьныхъ и тому подобныхъ зданіяхъ, но и во многихъ частныхъ домахъ. Благодаря обилію музыкальныхъ организацій въ Финляндіи, празднества отличаются всегда чрезвычайнымъ многолюдствомъ и обширностью своихъ программъ, заключающихъ часто не мало превосходныхъ обработокъ народныхъ пѣсенъ для хоровъ различнаго состава. Торжество продолжается обыкновенно три дня. Въ первый день происходятъ спѣвки, гимнастическія состязанія, состязанія духовыхъ оркестровъ, народные пѣвцы-сказатели декламируютъ былины. Второй день посвящается состязанію различныхъ хоровыхъ организацій — мужскихъ, женскихъ, смѣшанныхъ. Пьесы разсылаются желающимъ принять участіе въ состязаніи за нѣсколько мѣсяцевъ до начала празднествъ. Послѣдній день, наиболѣе торжественный, открывается рѣчами общественныхъ дѣятелей, съѣхавшихся на празднества, потомъ слѣдуетъ концертъ какого-либо выдающагося финскаго артиста, хора или оркестра, и все заканчивается веселымъ народнымъ праздникомъ, съ пѣніемъ, танцами, процессіями при свѣтѣ костровъ и раздачей призовъ. Послѣдніе состоятъ изъ почетныхъ дипломовъ и музыкальныхъ инструментовъ (главнымъ образомъ — національнаго кантеле). Ни о какихъ безчинствахъ, продажѣ спиртныхъ напитковъ на такихъ празднествахъ и рѣчи быть не можетъ. Вся публика, начиная съ бѣднаго торпаря и кончая депутатомъ сейма, сливается въ одномъ порывѣ энтузіазма и сознанія своей принадлежности къ народу, создавшему въ лицѣ героевъ Калевалы вѣчные символы всепобѣждающей свѣтлой силы духа. И это сочетаніе наивной радости съ высокимъ идеалистическимъ полетомъ національнаго воодушевленія мы не можемъ назвать иначе, какъ „олимпійскимъ“.

„Проклятіе Куллерво“. Картина Галлена. (Къ симфоническимъ поэмамъ Сибеліуса и Каянуса).

Однако, несмотря на такой культъ народной пѣсни, музыкальное искусство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова стало развиваться въ Финляндіи значительно позже, чѣмъ въ другихъ культурныхъ государствахъ Сѣвера. Вѣковая владычица молчаливой страны Суоми — Швеція, сама столь отсталая въ своемъ музыкальномъ развитіи, надолго задержала ростъ творческихъ силъ финскаго народа въ этой области, и только въ томъ году, когда Финляндія освободилась отъ шведскаго господства (въ 1809 г.), родился „отецъ финской музыки“, Фр. Паціусъ, положившій основаніе самостоятельной національной школѣ. Такимъ образомъ финская музыка понынѣ насчитываетъ не болѣе двухъ поколѣній композиторовъ и является самой молодой отраслью западно-европейскаго искусства. Но и Паціусъ не былъ по своему происхожденію финномъ. Онъ родился въ Гамбургѣ, музыкальное образованіе получилъ у Шпора и Гауптмана, вѣрнымъ послѣдователемъ которыхъ онъ оставался всю жизнь. Паціусъ былъ превосходнымъ организаторомъ и замѣчательнымъ педагогомъ. Онъ, собственно говоря, наладилъ всю музыкальную жизнь Гельсингфорса, основалъ тамъ симфоническій оркестръ, хоровое общество, студенческій музыкальный кружокъ, высшее музыкальное училище. Финской націи онъ подарилъ ея народный

Финскій композиторъ Жанъ Сибеліусъ

гимнъ на слова Рунеберга. Очень популярны въ Финляндіи нѣсколько торжественныхъ пѣснопѣній Паціуса, безъ которыхъ еще и понынѣ не обходится ни одно патріотическое празднество финновъ, а также отдѣльные отрывки изъ его оперы „Kung Carls Jagd“, исполненной впервые въ 1852 году кружкомъ любителей въ Гельсингфорсѣ. За нѣсколько лѣтъ до кончины Паціуса была поставлена и вторая его опера—„Lorley“, очень свѣжая по своимъ мелодіямъ и не чуждая вагнеризмовъ въ деталяхъ звуковой рѣчи. Когда въ 1891 г. мастеръ умеръ въ очень преклонномъ возрастѣ, вся Финляндія облеклась въ глубокій трауръ.

Ближайшіе преемники Паціуса сдѣлали очень много для общаго музыкальнаго развитія страны, но особаго интереса для насъ ихъ произведенія не представляютъ. Ихъ музыка носитъ на себѣ печать благонамѣреннаго нѣмецкаго бидермейерства, въ духѣ Мендельсона и его школы, и напрасно мы стали бы искать въ этихъ композиціяхъ какихъ-либо своеобразныхъ чертъ народно-финскаго искусства. Прочныя традиціи нѣмецкой романтической школы, которыя объединили старое поколѣніе финскихъ музыкантовъ, чрезмѣрная забота о внѣшней красивости и законченности формы, составлявшая альфу и омегу академической эстетики, помѣшали имъ оцѣнить всю своеобразную прелесть финской пѣсни. И странныя мелодіи финновъ, съ суровыми хорами и несимметричными ритмами, въ лучшемъ случаѣ представляли для нихъ лишь интересный экзотическій матеріалъ, къ которому они прибѣгали только изрѣдка, съ осторожностью. Изъ числа болѣе выдающихся композиторовъ „стараго закала“ мы назовемъ лишь имена Филиппа ф.-Шанца (1835—1865 гг.), автора очень любимыхъ финнами хоровыхъ композицій народнаго характера, и Мартина Вегеліуса (род. въ 1846 г.), замѣчательнаго педагога и ученаго, директора Гельсингфорскаго Музыкальнаго института, завоевавшаго широкія симпатіи своими хорами à capella („Паломничество въ Кевелааръ“ и др.). Къ этой же группѣ финскихъ мастеровъ мы относимъ, вопреки хронологическимъ даннымъ, также и Оскара Мериканто (род. 1868 г.), романсы котораго пользуются чрезвычайной популярностью на его родинѣ. Мериканто, превосходный піанистъ, дирижеръ и органистъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ музыкальныхъ дѣятелей Финляндіи, по общему стилю своихъ композицій придерживается старыхъ традиціонныхъ формъ. Какъ педагогъ, артистъ и организаторъ пѣвческихъ и оперныхъ празднествъ, онъ имѣетъ большія заслуги въ музыкальной жизни страны, но назвать его крупной художественной величиной можно развѣ только по мѣстному масштабу.

Наврядъ ли мы ошибемся, если выскажемъ утвержденіе, что Зигфридомъ-освободителемъ всей сѣверной музыки отъ гнета нѣмецкой рутины, столь неблагопріятной для выработки самостоятельнаго стиля, былъ Эдвардъ Григъ. Его свѣжія, по-сѣверному яркія гармоніи (съ обильнымъ примѣненіемъ неразрѣшенныхъ диссонансовъ, неожиданныхъ окончаній музыкальныхъ мыслей, параллелизмовъ), его чуткость къ характернымъ особенностямъ народныхъ пѣсенъ, его жизвеупоенная ритмика—все это не могло не заставить сильнѣе, радостнѣе биться сердца молодыхъ финскихъ музыкантовъ, и именно Грига въ гораздо большей степени, чѣмъ Паціуса, мы можемъ назвать отцомъ новой финской школы, группирующейся въ настоящее время вокругъ наиболѣе одареннаго изъ финскихъ мастеровъ—Жана Сибеліуса. Этой группѣ нельзя отказать въ извѣстной оригинальности, умѣніи находить изысканныя гармоніи и интересныя сочетанія оркестровыхъ красокъ. Еще далекая отъ духовныхъ предчувствій современнаго западно-европейскаго искусства, новая финская музыка возбуждаетъ нашъ интересъ главнымъ образомъ небольшими звуковыми пейзажами импрессіонистскаго типа и мечтательными пьесами, овѣянными фантастическими образами народныхъ преданій.

Сибеліусъ (род. въ 1865 г.) былъ первымъ финскимъ композиторомъ, завоевавшимъ своими произведеніями широкую извѣстность у насъ и въ Западной Европѣ, и нельзя не признать, что онъ обогатилъ современную музыку новыми художественными цѣнностями, скорбными откровеніями сѣверной поэзіи и природы. Въ его творчествѣ чувствуется трепетъ музыкальной души, взволнованной образами героической финской миѳологіи. Сибеліусъ любитъ прибѣгать въ своей музыкальной декламаціи къ мелодическимъ оборотамъ народныхъ пѣсенъ и ихъ необычайной ритмикѣ (5-ти и 7-дольнаго размѣра). Свѣжій ароматъ поэзіи чисто финскаго характера присущъ всѣмъ лучшимъ произведеніямъ Сибеліуса. Таинственный шопотъ лѣсовъ Суоми, острая и необузданная ритмика мужицкихъ танцевъ, скудные аккорды кантеле, суровые образы народныхъ легендъ, точно высѣченные могучимъ рѣзцомъ въ гранитныхъ скалахъ,—все это нашло свое звуковое отображеніе въ его партитурахъ. Уже самое раннее произведеніе Сибеліуса, написанное еще неопытной рукой, было тѣсно связано съ національнымъ эпосомъ финновъ. Это—оркестровая легенда „Куллерво“, впечатляющая большой силой звукового переживанія. Интересна та роль, которую играетъ въ этой композиціи хоръ. Сибеліусъ вводитъ въ свою поэму одноголосый мужской хоръ, монотонно декламирующій текстъ къ той первобытной сагѣ, о коей повѣствуетъ оркестръ. Для другого, пожалуй, лучшаго своего оркестроваго цикла Сибеліусъ избралъ опять-таки одну изъ любопытнѣйшихъ фигуръ „Калевалы“—безпечнаго любимца женщинъ Леминкайнена. Въ четырехъ небольшихъ поэмахъ, посвященныхъ его похожденіямъ („Леминкайненъ похищаетъ Килики“, „Леминкайненъ въ Похволѣ“, „Туонельскій Лебедь“, „Возвращеніе Леминкайнена“), Сибеліусъ на этотъ разъ безъ помощи хора создалъ рядъ чрезвычайно интересно задуманныхъ, колористически неожиданныхъ и оригинальныхъ картинъ финской природы и народной жизни. Но далеко не всегда однако желаніе быть своеобразнымъ и интереснымъ свидѣтельствуетъ о наличности въ творчествѣ Сибеліуса этихъ прекрасныхъ качествъ. Сибеліусъ—композиторъ крайне невыдержанный и неровный. Его нервная музыкальная рѣчь—увы!—слишкомъ часто переходитъ въ безсодержательную патетику, не чуждую даже вульгарности. На ряду съ очень интересными и поэтичными страницами у него встрѣчаются композиціи чисто „садоваго“ пошиба, прелестныя гармоническія комбинаціи смѣняются неожиданно общими мѣстами. Такая неустойчивость стиля Сибеліуса чрезвычайно затрудняетъ общую оцѣнку его художественной индивидуальности. Изъ всего слышаннаго нами мы къ лучшимъ произведеніямъ Сибеліуса должны отнести его циклъ на поэтическіе мотивы изъ „Калевалы“, первыя двѣ симфоніи (всего до сихъ поръ Сибеліусомъ написаны четыре симфоніи), небольшія миніатюры для оркестра („Пиръ Валтасара“ и пр.), сагу, очень экспрессивно передающую мрачную фантастику средневѣковыхъ финскихъ преданій, и интересную сюиту „Король Христіанъ IV“. Особенно намъ хотѣлось бы остановить вниманіе читателей на второй симфоніи Сибеліуса,—произведеніи, импонирующемъ высокимъ полетомъ фантазіи композитора, тематической характерностью, интимностью гармоній, отчасти навѣянныхъ Чайковскимъ, и превосходной разработкой основныхъ мыслей.

Робертъ Каяиусъ. Финскій дирижеръ и композиторъ.

Айно Актэ, знаменитая финская пѣвица и устроительница національныхъ празднествъ.

Сибеліусъ—единственный композиторъ въ Финляндіи, который получаетъ (съ 1902 г.) отъ государства пенсію для того, чтобы обезпечить ему возможность посвятить себя всецѣло художественному творчеству. Финскій народъ видитъ въ немъ идейнаго вождя всей новой финской музыки.

Быть-можетъ, еще сравнительно молодому Сибеліусу было бы гораздо труднѣе найти пути къ всеобщему признанію своихъ новыхъ музыкальныхъ идей, если бъ съ первыхъ шаговъ его художественной дѣятельности не сплотился вокругъ него небольшой кружокъ талантливыхъ музыкантовъ, воодушевленный такъ же, какъ онъ, мечтами о созданіи новой національной финской школы. Среди этихъ друзей-единомышленниковъ Сибеліуса мы раньше всего должны назвать имя Роберта Каянуса (род. въ 1856 г). Каянусъ, собственно говоря, является зачинателемъ національнаго движенія въ исторіи музыкальнаго развитія Финляндіи. Онъ первый изъ финскихъ композиторовъ порвалъ съ традиціями консервативнаго романтизма въ духѣ Паціуса и его послѣдователей и старался воплотить въ звукахъ легендарные образы финской народной поэзіи. По своимъ основнымъ темамъ симфоническія поэмы Каянуса очень близки къ музыкальнымъ легендамъ Сибеліуса. Его такъ же, какъ и автора цикла о Леминкайненѣ, привлекаютъ поэтическіе мотивы Калевалы, особенно мрачный обликъ Куллерво, бунтаря и мстителя за всѣхъ порабощенныхъ и угнетенныхъ. Но какъ композиторъ, Каянусъ гораздо менѣе ярокъ и значителенъ, чѣмъ Сибеліусъ, и въ творчествѣ его опредѣленнѣе чувствуется вліяніе западно-европейскихъ мастеровъ, особенно Грига и Вагнера. Извѣстность Каянуса за предѣлами Финляндіи обусловливается главнымъ образомъ его замѣчательнымъ дирижерскимъ талантомъ. Мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать его финскимъ Никишемъ, котораго онъ очень напоминаетъ чуткостью музыкальной интерпретаціи, соединенной съ огненной силой подъемовъ. Небольшой оркестръ финской филармоніи былъ стараніями Каянуса преобразованъ въ первоклассный концертный ансамбль; въ 1888 году имъ былъ основанъ симфоническій хоръ, исполняющій образцово классическія ораторіи, 9-ю симфонію Бетховена, Берліозовскій реквіемъ и пр. Свои заслуги пропагандиста новой финской музыки Каянусъ дѣлитъ съ близкимъ ему по характеру дарованія композиторомъ и дирижеромъ Армасомъ Ярнефельдтомъ (род. въ 1869 г.), теперешнимъ директоромъ Стокгольмской королевской оперы. Ярнефельдтъ—по преимуществу лирикъ, написавшій рядъ небольшихъ пьесъ и балладъ, не лишенныхъ довольно непріятной дозы сентиментальности и салонной вылощенности. Его большая симфоническая баллада „Корсхольмъ“, наиболѣе крупное и интересное произведеніе Ярнефельдта, рисуетъ введеніе христіанства въ Финляндіи. Болѣе глубокія и серьезныя симфоническія произведенія оставилъ скончавшійся на 20-мъ году своей жизни Э. Милькъ (1880—1900), самый молодой изъ финскихъ мастеровъ, примыкавшій къ кружку Сибеліуса. Музыкальная пресса Финляндіи восторженно привѣтствовала первыя публичныя исполненія его композицій и готова была признать въ немъ даже „финскаго Шуберта“. Но кажется намъ, что эта преувеличенная оцѣнка творческаго таланта Милька объясняется скорѣе обаяніемъ его личныхъ достоинствъ и вѣрой въ блестящее будущее молодого композитора, чѣмъ объективной цѣльностью того, что было написано имъ. По крайней мѣрѣ прослушанныя нами двѣ драматическія увертюры Милька, несмотря на всю солидность фактуры и законченность формы, насъ совершенно не убѣдили въ томъ, что въ лицѣ юнаго автора мы имѣемъ дѣло со столь замѣчательной художественной индивидуальностью.

На ряду съ кружкомъ Сибеліуса въ современой финской музыкальной жизни намѣчается еще небольшая группа композиторовъ, произведенія которыхъ отличаются большой утонченностью звукосозерцанія и сложностью письма. Изъ числа тѣхъ, кого мы могли бы назвать финскими „модернистами“, наиболѣе талантливымъ намъ представляется молодой мастеръ Эрикъ Мелартинъ (род. въ 1874 г.), авторъ четырехъ симфоній, поэтичной, нѣсколько вагнеризованной оперы „Айно“, цѣлаго ряда симфоническихъ поэмъ и камерныхъ вещей. Его музыкальный стиль, интимный и деликатный, не чуждъ вліянію новофранцузскихъ импрессіонистовъ, оркестровая палитра разнообразна, хотя яркія краски часто подернуты дымкой сѣверныхъ тумановъ. Въ области музыкальной живописи Мелартинъ—одинъ изъ тончайшихъ мастеровъ современнаго финскаг искусства. Болѣе популяренъ на своей

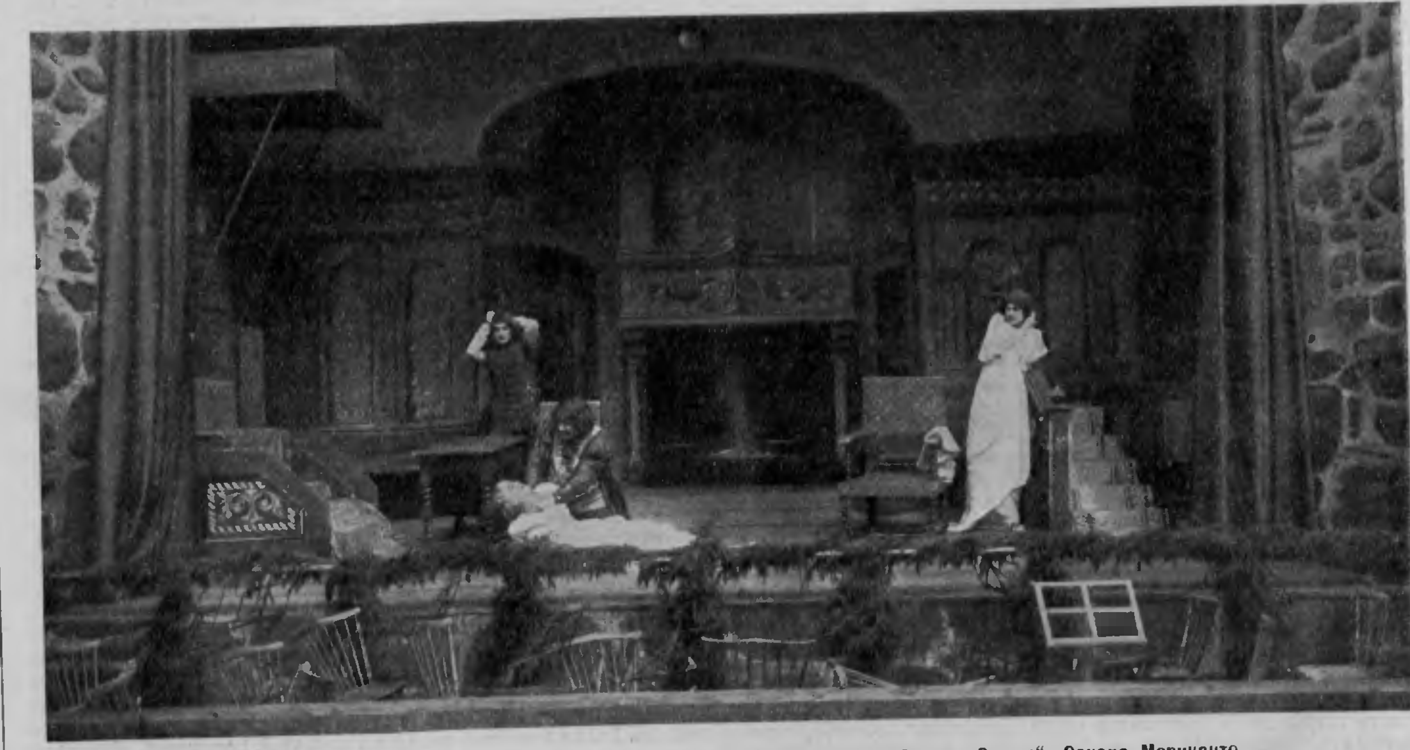
Оперныя празднества въ Нейшлотѣ. Дворъ замка Олафсбургъ во время представленія подъ открытымъ небомъ.

родинѣ, во зато и гораздо менѣе изысканъ и своеобразенъ въ
своихъ композиціяхъ другой представитель новыхъ теченій въ
современной финской музыкѣ:—Селимъ Пальмгренъ (род. въ 1875 г.),
имя котораго вы можете встрѣтить иа любой концертной про-
граммѣ въ Финляндіи. Финны цѣнятъ главнымъ образомъ его мно-
гочисленные мужскіе хоры, для насъ же онъ представляетъ инте-
ресъ, лишь какъ авторъ нѣсколькихъ изящныхъ пьесъ длн рояля,
не вовсе чуждыхъ духу Дебюсси и Равеля и оркестровыхъ
миніатюръ, уступающихъ однако по своимъ музыкальнымъ
достоинствамъ миніатюрамъ Сибеліуса... Для ознакомленія съ
послѣдними вѣяніями въ области финскаго искусства наиболь-
шій интересъ представляютъ, пожалуй, „ботническія сюиты“
Куула (род. въ 1879 г.). Его любопытная обработка мелодій, за-
писанныхъ имъ на далекомъ Сѣверѣ, его причудливыя кар-
тины подстать поэтическимъ видѣніямъ, рожденнымъ народной
фантазіей, — все это заслуживаетъ внимательнѣйшаго отноше-
нія со стороны всякаго, кто интересуется судьбами новой сѣвер-
ной музыки.

Намъ до сихъ поръ не пришлось еще совершенно касаться
финскихъ оперъ. Въ то время, какъ въ лѣтописяхъ симфониче-

распоряженіе г-жи Актэ, выстроившей здѣсь небольшую сцену
для постановки музыкально-драматическихъ произведеній фин-
скихъ авторовъ. Сѣро-лиловыя массивныя стѣны башенъ, пре-
красный большой дворъ, обсаженный тѣнистыми липами,
праздничные національные костюмы женщинъ — вся эта сим-
фонія сѣрыхъ, синихъ, зеленыхъ тоновъ и яркихъ бликовъ
солнца лучше, чѣмъ утонченные пріемы декораціонной живо-
писи, создаютъ необходимое настроеніе, чтобы почувствовать
своеобразную красоту національныхъ сюжетовъ финскихъ
оперъ.

Среди такой поэтичной обстановки, вполнѣ отвѣчающей
характеру финской музыки, столь близкой къ этнографиче-
скимъ элементамъ жизни страны, была поставлена въ первый
годъ существованія празднествъ опера Э. Мелартина „Айно“,
прелестная музыкальная легенда о дѣвѣ Сѣвера, плѣнившей
своей красотой старѣйшаго героя „Калевалы“, пѣвца Вейнемой-
нена. Музыка Мелартина, лишенная того внутренняго драма-
тизма, который обращаетъ звуковую стихію въ выразитель-
ницу глубочайшихъ переживаній человѣка, чрезвычайно при-
влекаетъ къ себѣ изяществомъ, музыкально-художественнымъ

Оперныя празднества въ Нейшлотѣ. Заключительная сцена оперы „Смерть Элины“, Оскара Мериканто.

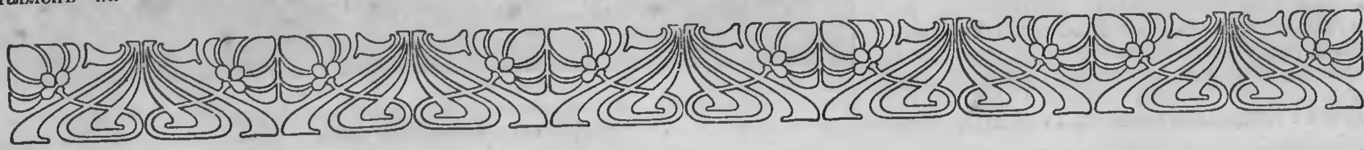
ской и камерной музыки Финляндіи значится нѣсколько произве-
деній, которымъ, повидимому, суждено будетъ сохранить память
о нашихъ дняхъ для будущихъ поколѣній, немногочисленныя
оперы занимаютъ гораздо болѣе скромное мѣсто въ музыкальной
исторіи страны. Такая отсталость финскаго искусства въ области
музыкально-драматической объясняется отчасти непонятнымъ
равнодушіемъ финской публики къ этой важной отрасли художе-
ственной культуры. Достаточно указать только, что Финляндія не
имѣетъ до сихъ поръ своего постояннаго опернаго театра, и всѣ
попытки упрочить существованіе національной оперы съ шести-
десятыхъ годовъ по сію пору заканчивались фатально неудачами.
Потребовалась частная инціатива, чтобы обезпечить на нѣсколько
лѣтъ современнымъ финскимъ композиторамъ возможность зна-
комить со своими музыкально-драматическими произведеніями ши-
рокіе круги родного народа.

Прекрасная мысль устроить рядъ оперныхъ празднествъ, на
подобіе пѣвческихъ, сыгравшихъ столь важную роль въ музы-
кальной жизни Финляндіи, принадлежитъ замѣчательной финской
артисткѣ, одной изъ наиболѣе прославленныхъ пѣвицъ современ-
ности, г-жѣ Айно Актэ. Для этой цѣли ею былъ выбранъ не-
большой городокъ Нейшлотъ, очаровательно расположенный у бе-
реговъ озера Саймы, съ его стариннымъ замкомъ Олафсбургъ,
игравшемъ столь важную роль въ исторіи многострадальной вос-
точной Карелiи. Этотъ Шильонскій замокъ Сѣвера, чрезвычайно
живописно расположенный на могучей гранитной скалѣ, предо-
ставленъ на пять лѣтъ (съ 1912 г.) магистратомъ города въ

образомъ и мягкимъ спектромъ красокъ сѣвернаго импрес-
сіонизма.

Значительно болѣе слабой оказалась новинка текущаго (1913 года):
опера „Смерть Элины“ Оскара Мериканто. Въ ней все разсчитано
на вкусъ средняго обывателя—отъ грубой маски псевдо-драматиче-
скаго паѳоса, взятой на прокатъ у итальянскихъ артистовъ, до
эффектныхъ хоровыхъ ансамблей и танцевъ, заимствованныхъ
изъ обихода народныхъ празднествъ. Нельзя отрицать въ этой
оперѣ наличія удачныхъ музыкальныхъ мыслей и несомнѣннаго
мастерства въ обработкѣ народныхъ мелодій, но полное отсут-
ствіе въ творчествѣ г. Мериканто природной самобытной мощи
дѣлаетъ совершенно безплодными всѣ его усилія воплотить въ
звукахъ одну изъ примѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ балладъ,
знакомую всякому финну съ дѣтскихъ лѣтъ.

Опернымъ празднествамъ въ старинномъ Олафсбургѣ, повиди-
мому, суждено сыграть значительную роль въ исторіи музыкаль-
наго развитія Финляндіи. Талантливой артисткѣ, организовавшей
ихъ, уже теперь удалось привлечь въ Нейшлотъ наиболѣе вы-
дающихся композиторовъ страны. Весь чисто народный характеръ
этихъ празднествъ, вся обстановка ихъ несомнѣнно приведутъ
современныхъ финскихъ художниковъ звука къ непочатому, бо-
гатому кладу сагъ и легендъ страны Суоми. И мы не сомнѣ-
ваемся въ томъ, что въ области оперы-сказки, оперы-легенды
финскимъ музыкантамъ предстоитъ еще сказать свое новое слово,
раскрыть намъ новые источники вѣчной юности и красоты въ
искусствѣ.

К. Е. Маковскій и его новая картина.

(Рис. на этой стр.).

Въ текущемъ году исполнилось 45 лѣтъ съ того времени, какъ въ „Нивѣ“ былъ впервые помѣщенъ оригинальный рисунокъ знаменитаго художника К. Е. Маковскаго. Этимъ рисункомъ началась „Нива“, и одновременно съ этимъ началось сотрудничество К. Е. Маковскаго въ нашемъ журналѣ. Характерно то, что уже тогда К. Е. Маковскій былъ профессоромъ Академіи Художествъ. На помѣщаемомъ здѣсь снимкѣ К. Е. Маковскій изображенъ сидящимъ въ мастерской передъ своей новой картиной „Смерть Петронія“. Въ этой новой картинѣ ярко проявляются всѣ типичныя стороны таланта К. Е. Маковскаго: строгій въ своемъ изяществѣ рисунокъ и рѣдкая колоритность. Въ своемъ новомъ шедеврѣ К. Е. Маковскій изображаетъ трагическій конецъ знаменитаго „magister'a elegantiarum“, автора сатирическихъ произведенія („Satyrikon“ и др.). Петроній кончилъ самоубійствомъ въ пышной обстановкѣ пира, исчерпавъ до дна земныя наслажденія и окруживъ свои послѣднія мгновенія весельемъ и красотою.

„Венера съ зеркаломъ“, картина знаменитаго испанскаго художника Діего-де-Сильва Веласкеца, изрѣзанная англійской суфражисткой. Этотъ новый возмутительный актъ вандализма совершенъ надъ геніальнымъ произведеніемъ, хранящимся въ Лондонской Національной галлереѣ, въ видѣ протеста противъ ареста лондонской полиціей руководительницы суфражистокъ Панкхерстъ.

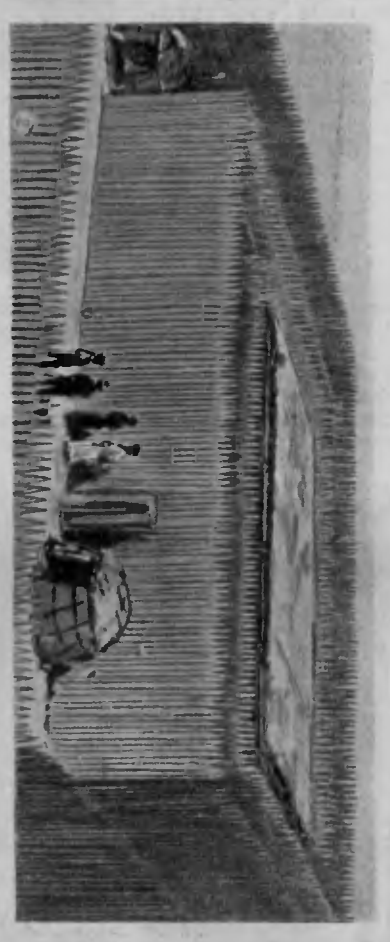
Картина К. Е. Маковскаго производитъ глубокое впечатлѣніе.

Профессоръ Константинъ Егоровичъ Маковскій предъ своей новой картиной „Смерть Петронія“. По фот. Я. Штейнберга.

Мистрисъ Бельстродъ, осмотрѣвшая, съ особаго разрѣшенія монгольскихъ властей, эти подземныя темницы, въ которыхъ заживо погребены люди, открыла культурному міру, до чего изобрѣтательны-жестоки народы Дальняго Востока въ формахъ наказанія, выродившагося въ сплошное мучительство. На небольшомъ пространствѣ, тѣсно прилегая другъ къ другу, обнесенныя высокимъ частоколомъ, расположены пять подземелій, въ которыхъ томятся въ окованныхъ желѣзомъ, навѣки наглухо закрытыхъ, ящикахъ преступники, — большею частью политическіе заключенные изъ китайцевъ высшихъ классовъ, а также и монголы. Закованные въ кандалы, они могутъ просунуть лишь руки въ единственное небольшое отверстіе, чрезъ которое они дышатъ. Голову просунуть трудно; китайцы умудряются это сдѣлать, широкоскулые же монголы почти лишены возможности выглянуть изъ своей живой могилы на Божій свѣтъ, да и свѣтъ этотъ проникаетъ лишь на нѣсколько минутъ два раза въ сутки, когда заключеннымъ приносятъ пищу. Эти ящики-гробы очень коротки, и въ нихъ нельзя вытянуться во весь ростъ, и даже избавительница-смерть застаетъ этихъ несчастныхъ заключенныхъ въ согнутомъ положеніи, жадно припавшими къ единственной узкой отдушинѣ.

Темницы въ подземельяхъ въ Ургѣ (Монголія). (По рисункамъ съ натуры мистрисъ Бельстродъ).

Къ 50-лѣтію крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, торжественно праздновавшемуся въ Варшавѣ. Группа депутатовъ отъ крестьянскихъ учрежденій Привислинскаго края (во главѣ съ непремѣннымъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Калишской губ. д. с. с. Е. А. Кобро) вмѣстѣ съ представителями министерства внутреннихъ дѣлъ, членомъ Государственнаго Совѣта, бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошинымъ, и начальникомъ Земскаго Отдѣла д. с. с. Я. Я. Литвиновымъ, возложившихъ вѣнокъ на гробницу въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

Борьба противъ гомруля.

(Политическое обозрѣніе).

Законопроектъ объ ирландской автономіи, уже прошедшій два чтенія въ парламентѣ, вызываетъ энергичное противодѣйствіе палаты лордовъ и населенія той части Ирландіи, гдѣ господствующее большинство принадлежитъ къ англиканской церкви. По новому закону, въ значительной степени умалившему роль и значеніе верхней палаты, она уже потеряла способность противостоять радикально-демократическому большинству нижней палаты. Когда-то при Гладстонѣ гомруль-билль, принятый парламентомъ, былъ обращенъ въ ничто лордами, и новые выборы, благодаря расколу либеральнаго большинства, отъ котораго отдѣлилась группа Чемберлэна, дали значительный перевѣсъ противникамъ реформы. Широкіе общественные круги и масса народная оказались тогда еще неподготовленными къ реформѣ. Демократизація избирательнаго закона подготовила господство либеральныхъ и рабочихъ партій, и теперь консервативная оппозиція уже не надѣется на побѣду даже въ случаѣ новаго обращенія къ суду избирателей. Поэтому они рѣшили пойти въ борьбѣ съ гомрулемъ не обычнымъ путемъ предусмотрѣнной законами агитаціи, а прибѣгнуть къ совершенно экстра-орди-

Второй съѣздъ тюремныхъ дѣятелей въ Петербургѣ. Группа присутствовавшихъ на открытіи съѣзда: министръ юстиціи статсъ-секретарь И. В. Щегловитовъ, новый начальникъ главнаго тюремнаго управленія П. К. Гранъ, предсѣдательница дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета статсъ-дама Е. К. Нарышкина, ея помощница М. С. Толстая, помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія А. Н. Принцъ, товарищъ министра юстиціи И. Е. Ильяшенко, товарищъ министра юстиціи, управляющій межевою частью Н. Д. Чаплинъ, новый директоръ департамента полиціи В. А. Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ, вице-предсѣдатель финляндскаго сената, бывшій помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія М. М. Боровитиновъ.

Съѣздъ завѣдывающихъ переселенческими районами, почвовѣдовъ и ботаниковъ Переселенческаго Управленія въ Петербургѣ.

Группа участниковъ Съѣзда: Главный Начальникъ Переселенческаго Управленія т. с. Глинка, его помощникъ Г. Ф. Чиркинъ, завѣдывающій почвенными изслѣдованіями проф. К. Д. Глинка, завѣдывающій ботаническими изслѣдованіями Б. А. Федченко, ревизоръ Н. А. Гавриловъ, ревизоръ М. А. Цвѣтковъ, уполномоченный Главноуправляющаго Министерства Землеустройства и Земледѣлія по Амурской области Н. К. Шуманъ, завѣдывающій Иркутскимъ райономъ И. С. Иконниковъ, завѣдывающій Семипалатинскимъ райономъ В. К. Зайковскій, завѣдывающій Сыръ-Дарьинскимъ райономъ А. М. Сахаровъ, завѣдывающій Тургайско-Уральскимъ райономъ В. И. Бѣляевъ, завѣдывающій Семирѣченскимъ райономъ Б. Х. Шлегель, завѣд. Черноморскимъ райономъ Л. П. Трипольскій, завѣд. статистическими изслѣдованіями П. П. Румянцевъ, астрономъ П. К. Долговъ, почвовѣды: С. С. Неуструевъ, Д. А. Драницынъ, Л. И. Прасоловъ, Г. И. Доленко, М. И. Рожанецъ, В. Н. Таганцевъ, А. А. Шимчинскій, А. И. Безсоновъ, Н. В. Благовѣщенскій, К. К. Никифоровъ, А. Я. Ройкинъ, А. И. Ханискій, А. И. Холмскій; ботаники: В. П. Дробовъ, Н. А. Десятовъ, Н. И. Кузнецовъ, С. Е. Кучеровская, М. И. Пташицкій, О. И. фонъ-Кноррингъ, З. И. фонъ-Микквицъ, I. В. Кузнецовъ.

парнымъ к необычнымъ въ Англіи средствамъ въ видѣ вооруженной защиты противъ новаго закона. Дѣло въ томъ, что приблизительно одна пятая часть Ирландіи въ видѣ цѣлаго Ульстерскаго округа, давно уже слившаяся съ англійскимъ элементомъ и культурно, и религіозно, и экономически, откололась отъ собственнаго отечества, отошла отъ католицизма и потому относится крайне враждебно къ самой идеѣ ирландской автономіи. Ульстерцы опасаются, что въ новомъ ирландскомъ парламентѣ на ихъ долю выпадетъ печальная участь гонимаго и тѣснимаго меньшинства, и поэтому рѣшили бороться противъ введенія гомруля чисто революціонными мѣрами съ оружіемъ въ рукахъ. Со свойственной англійскимъ нравамъ широкой свободой они производятъ свои военныя приготовленія къ гражданской войнѣ совершенно открыто, закупаютъ запасы оружія, формируютъ армію, мобилизуютъ цѣлые полки добровольцевъ, обучаютъ ихъ военнымъ пріемамъ и пр. на глазахъ у правительства и парламента. Англійскіе министры, парламентъ и либеральная печать, слѣдуя тѣмъ же священнымъ традиціямъ неограниченной свободы, остаются пока въ роли спокойныхъ зрителей военныхъ приготовленій ульстерской революціи. Ульстерцы ведутъ свою вооруженную демонстрацію противъ гомруля, въ надеждѣ, что гуманное общественное мнѣніе не допуститъ подавленія возстанія силою, и сама армія не станетъ разстрѣливать поднявшихъ картонные мечи гражданъ. Но вѣренъ ли этотъ расчетъ? Главнокомандующій въ Ирландіи сэръ Артуръ Паджетъ торжественно заявилъ, что какія бы то ни были у военныхъ личныя убѣжденія и симпатіи, все-таки армія по первому приказу короля исполнитъ свой долгъ. Въ нижней палатѣ необходимость мирнаго соглашенія между оппозиціею и правительствомъ признается обѣими сторонами. Опираясь на солидарность съ большинствомъ націи, правительство можетъ доставить себѣ роскошь побѣдителя — проявить нѣкоторое великодушіе къ побѣжденнымъ. Именно такой смыслъ и характеръ имѣетъ заявленіе Асквита и Ллойдъ-Джоржа о готовности правительства выдвинуть компромиссъ въ моментъ, который оно сочтетъ благопріятнымъ. Компромиссъ этотъ найденъ въ той формѣ, что, устанавливая автономное управленіе Ирландіей, законъ временно—на 6 лѣтъ—выдѣляетъ по отношенію къ ирландскому парламенту автономное самоуправленіе Ульстера съ тѣмъ, что, по прошествіи шести лѣтъ, по желанію населенія выдѣленіе Ульстера можетъ быть продлено еще на такой же срокъ. На такомъ рѣшеніи въ концѣ концовъ сойдутся и ульстерцы и ирландскіе автономисты. И глава ульстерцевъ Карсонъ, этотъ новый „Кромвель XX вѣка", какъ величаютъ его консервативныя газеты, производящій торжественные смотры своей стотысячной арміи, и глава ирландскихъ автономистовъ Джонъ Реймондъ—оба привѣтствовали желаніе правительства установить путемъ соглашенія прочный миръ на Зеленомъ Островѣ.

Хотя оппозиція выражаетъ недовольство предложенными условіями и снова требуетъ роспуска парламента и обращенія къ суду страны, тѣмъ не менѣе можно почти съ полной увѣренностью сказать, что внутренній миръ въ Англіи не будетъ нарушенъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова". кн. 2.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

XLV г. № 12

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLV 1914

Выданъ 22 марта 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 6.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть С. Караскевичъ

(Продолженіе).

IV.

Съ того дня домъ на Монастырской улицѣ сталъ средоточіемъ всѣхъ интересовъ моей жизни. Внѣ его я чувствовала себя потерянной и одинокой, а съ классными подругами сходилась туго. Выростала я одна въ лѣсной, глухой усадьбѣ, и у меня было гораздо больше общаго съ деревенскими подругами, одѣтыми въ посконныя рубахи съ опояской, чѣмъ съ тѣми городскими барышнями, въ толпѣ которыхъ я очутилась. Почти всѣ онѣ были старше меня и рѣзко дѣлились на двѣ группы: у однѣхъ были стриженые волосы и пальцы, слегка пожелтѣвшіе отъ папироски, другія были болтливы, кокетливы и поголовно влюблены.

И тѣ немногія слова, что доводилось мнѣ слышать въ той или другой группѣ, пугали меня своей необычностью и заставляли еще глубже замыкаться въ свой мірокъ. Школьныя впечатлѣнія занимали меня постольку, чтобы ихъ использовать въ миломъ старомъ домѣ... Тамъ можно было похвалиться хорошей отмѣткой передъ Катериной Егоровной и мальчиками, а главное—разсказать что-нибудь потѣшное изъ тѣхъ нехитрыхъ анекдотовъ, которыми всегда полны классныя лѣтописи. И эта сторона гимназической жизни прежде всего привлекла мое вниманіе. Непомѣрная толщина „нѣмца", лысина географа, французъ, говорившій „запрягать" глаголъ вмѣсто „спрягать",— все это становилось

В. В. Верещагинъ. Панихида.

предметомъ шутовскихъ разсказовъ за столомъ у Стебаковыхъ въ тѣ дни, когда не выходилъ дѣдушка. Удивительно было впечатлѣніе этихъ наивныхъ, дѣтски преувеличенныхъ разсказовъ: ихъ ждали, имъ вѣрили дословно, ими восхищались... Хохотали мальчики, разглаживалась морщинка между темными бровями Катерины Егоровны, тонкимъ, срывающимся смѣшкомъ заливался Егоръ Капитонычъ. Ѳеона твердила:—Искушеніе!—И Матрена Петровна, утирая смѣшливыя слезы съ своего единственнаго глаза, говорила:—Истинно, грѣхи пріѣхали!

Для обитателей стараго дома, отгороженныхъ отъ міра живыхъ людей богатствомъ и трепетомъ дѣдушкинаго гнѣва, эти вѣсти о юности, о волѣ, о молодыхъ проказахъ звучали ново, свѣтло и радостно.

Одна Анна Ѳедоровна не смѣялась, а словно вся свѣтлѣла, слыша смѣхъ въ темнѣющей столовой, и любовно грозила:

— Уймитесь, оглашенные! Дѣдушка услышитъ!

И, тихонько фыркая и грозя другъ другу, мы прокрадывались мимо дверей кабинета внизъ, въ комнату Вани. Собственно, жилая комната обоихъ братьевъ была въ томъ же коридорѣ, и самъ дѣдушка устроилъ ее для внуковъ согласно своей волѣ о каждомъ изъ юношей. По его рѣшенію, „убогенькій“ Семенъ послѣ смерти родителей долженъ былъ итти въ монахи—замаливать грѣхи отцовъ-дѣдовъ. У изголовья Сениной кровати тянулась образная съ темными ликами старинныхъ иконъ, рядами четокъ и „лѣстовокъ“ и полками внизу, заставленными большими книгами въ кожаныхъ и деревянныхъ переплетахъ съ застежками. Ванинъ столъ былъ сплошь покрытъ стопками счетовъ и накладныхъ... Ваня учился прежде въ реальномъ училищѣ. До окончанія курса оставалось всего два года, когда старшій братъ, Павелъ, во порученію дѣда поѣхалъ по дѣламъ въ Рыбинскъ и тамъ неожиданно женился на очень богатой наслѣдницѣ. Тесть передалъ ему все дѣло, а самъ собрался умирать. Но проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Павелъ не возвращался, и дѣдушка, войдя какъ-то въ комнату внуковъ, коротко распорядился, указывая на Ванины учебники:

— Ну, Иванъ, съ завтрашняго дня тебѣ на дѣло становиться. Приходи сегодня къ наряду. А дребедень эту на толкучій пошли: все рублишко какой вернется.

И ни Ванѣ ни его родителямъ не пришло въ голову противорѣчить. Весь блѣдный, вздрагивая по временамъ плечами, словно отъ озноба, выслушалъ онъ дѣдушкинъ нарядъ—въ какіе лабазы съѣздить и куда грузы отправлять. А поздно ночью, когда всѣ въ домѣ заснули, Анна Ѳедоровна, вдоволь наплакавшись вмѣстѣ съ сыномъ, помогла ему устроить комнату внизу, въ „конторкѣ“, заставленной столами съ образцами зерна. Первое время дѣдушка изрѣдка заглядывалъ въ „конторку“ и каждый разъ велѣлъ убирать книги, оставляя только цвѣты и клѣтки съ птицами. Но все тяжелѣе становилось ему спускаться по высокой лѣстницѣ, и теперь только наверху держитъ онъ свой неусыпный доходъ.

— А вотъ „тогда“,—мечталъ Вася,—и всѣ понимали, что онъ говоритъ о дѣдушкиной смерти:—я брошу всѣ эти постылыя бумажонки—счета и накладныя—и вернусь въ училище.

— Отсталъ за эти годы,—сомнѣвалась сестра.

— Нисколько! Вѣдь я постоянно справляюсь у товарищей, что они проходятъ. И если бы въ этомъ году, пожалуй—выпускной еще выдержу.

— Грѣхъ, Ванечка, такъ говорить,—останавливала Анна Ѳедоровна.

— Не лицемѣрьте, мамаша! Всѣмъ намъ полегчаетъ...

— Я ужъ не мечтаю о своемъ ученьѣ,—тихо отзывался Сеня.— Я хотѣлъ бы только разъ въ жизни настоящую игру послушать...

— Потерпите, дѣтки... За терпѣніе даетъ Богъ спасеніе... Не всегда будемъ по ночамъ въ калитку выкрадываться.

Эта калитка въ садовой стѣнѣ играла большую роль въ жизни угрюмаго стараго дома. Не будь ея, десятки молодыхъ, здоровыхъ парней, запертыхъ въ „молодцовской“, дошли бы до сонной одури, до преступленія, быть-можетъ. Не будь ея, было бы еще глуше одиночество Стебаковскихъ затворницъ. Въ нее выпускала Анна Ѳедоровна своихъ приживалокъ по вечерамъ, въ нее выкрадывалась сама, чтобы сходить въ Слободку повидать свою бѣдную родню, съ которой ее разлучило блестящее замужество.

И когда осенній вечеръ былъ тихъ и ясенъ, а изъ городского сада неслись зовущіе звуки далекой музыки, за ужиномъ вилки и ножи нервно дрожали у насъ въ рукахъ... Осторожно, одинъ во одному, сходились мы въ садъ, чтобы не привлечь вниманія одноглазой, но зоркой Матрены Петровны или озлобленной слѣжки Ѳеоны...

Садъ былъ чахлый, малорослый, безлистый. На этомъ мѣстѣ не такъ давно стоялъ кожевенный заводъ, и почва была переудобрена отбросами.

— Отъ крови земля сгорѣла,—говорилъ садовникъ. Только у самой рѣки старыя ивы запушили берегъ, уронивъ въ воду свои кудрявыя вѣтви, подъ которыми таилась длинная, крутобокая, бѣлая „Стрѣлка“—лодочка.

Катерина Егоровна садилась на руль. Съ желѣзнымъ стукомъ падали весла въ уключины. Сеня бережно ставилъ на свои кривыя колѣни ящикъ со скрипкой... И, все еще не смѣя обмѣняться словомъ, мы выплывали изъ черной тѣни на середину рѣки. Темной громадой чернѣлъ домъ на горѣ съ одинокими глазками освѣщенныхъ оконъ, и хотя мы знали, что насъ нельзя разглядѣть оттуда за сумракомъ ночи, все же сердце замирало испуганно и тревожно,—точно самъ дѣдушка взглядывалъ на насъ черными глазницами оконъ своего уснувшаго дома.

Нѣсколькими сильными взмахами веселъ Ваня разгонялъ лодку, складывалъ весла, и мы ныряли въ темный пролетъ моста.

За мостомъ была свобода... Направо высились бѣлыя стѣны и старинныя бойницы монастыря, за нимъ—монастырская роща, разубранная осеннимъ солнцемъ въ золото и багрянецъ.

Ваня не трогалъ веселъ; онѣ чертили по водѣ за нами двѣ серебряныя нити, и лодка, тихо качаясь, плыла мимо рощи, мимо глинистыхъ овраговъ къ широкимъ поемнымъ лугамъ. За нами плыли изъ города звуки музыки, прелестные, смягченные разстояніемъ и просторомъ: это въ ротондѣ городского бульвара допоздна игралъ оркестръ вернувшагося изъ лагеря волка. Темнѣло, а вода оставалась свѣтлой, точно вечернее небо посылало ей свои послѣдніе лучи, на смѣну которымъ въ его глубинѣ зажигались ночныя звѣзды. Мы приставали къ островку, запушенному лозой, аиромъ и осокой, и здѣсь Сеня доставалъ свою скрипку; и когда онъ дотрагивался до нея, его длинныя, узловатыя, какъ у дѣдушки, руки дрожали нетерпѣливо и радостно.

Я никогда не узнала, что игралъ Сеня. Были ли то старыя, давно забытыя пѣсни, найденныя имъ въ дѣдовскихъ сундукахъ и укладкахъ, или молитвы, слышанныя въ монастырскихъ кельяхъ, или звуки рождались сами собою въ его одиноко тоскующей душѣ, чтобы разбудить на мгновенье зачарованную тишь осенней ночи и утонуть въ ней навѣки.

Мы молчали. У руля, въ густой тѣни берега, смутно чернѣла неподвижная, склоненная къ водѣ, фигура Катерины Егоровны, и передъ лицомъ этой безнадежной печали мнѣ становилось стыдно моихъ молодыхъ, свѣтлыхъ силъ. Онѣ стояли у меня въ глазахъ, не проливаясь, и сквозь нихъ, близко-близко я видѣла лицо Вани. Его горячее дыханіе шевелило тонкіе подволоски на моемъ вискѣ... И хотѣлось мнѣ сидѣть такъ и слушать долго, долго... до пѣтуховъ, до свѣту, до смерти.

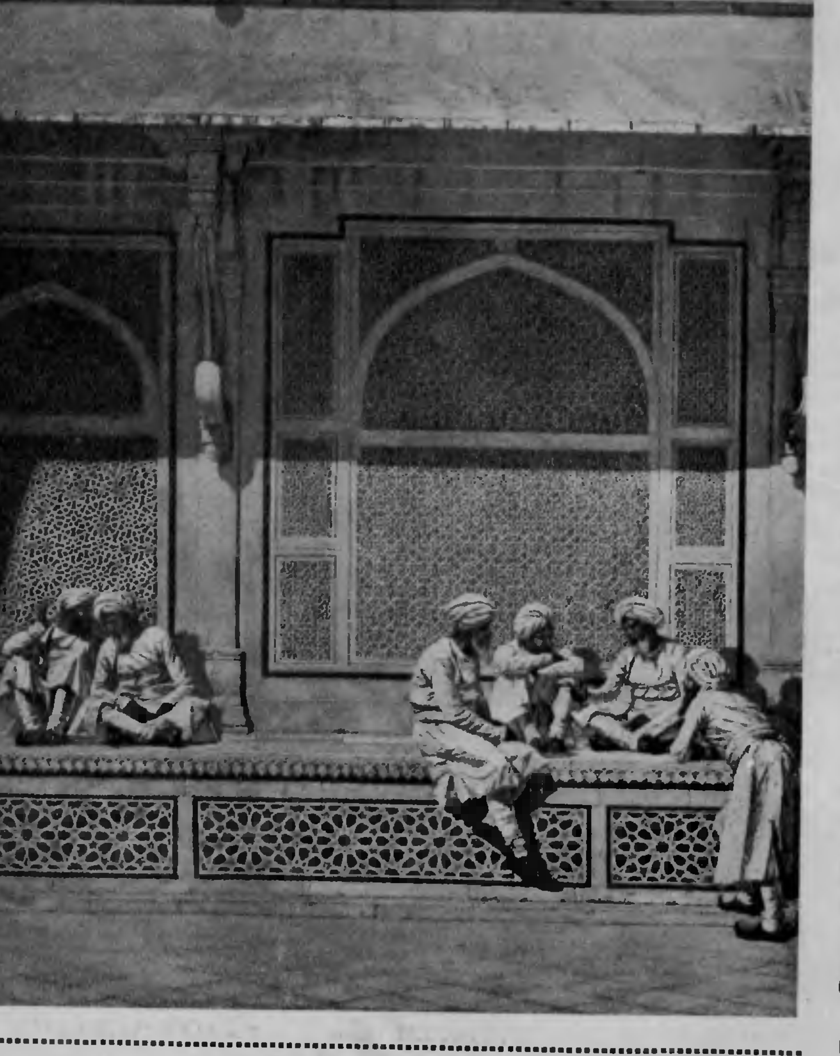
V.

Къ будущей веснѣ Ваня обѣщалъ устроить диковинную лодку на колесахъ, которая будетъ ходить безъ веселъ. Но мысль о ней не могла прогнать грусти, съ которой проводили мы на зиму въ сарай милую бѣленькую „Стрѣлку“. Шли дожди, вечера были длинные. Торговая страда отрывала Ваню и отъ его книгъ и отъ нашихъ вечернихъ бесѣдъ. По субботамъ онъ возвращался только къ ужину, запыленный мукой, усталый послѣ долгой ѣзды по амбарамъ и складамъ, и проходилъ прямо въ кабинетъ дѣдушки къ наряду. И только когда домъ засыпалъ, собирались мы у Катерины Егоровны за круглымъ столомъ. Теперь главнымъ нашимъ развлеченіемъ стала книга. Въ городѣ открылась первая библіотека, но, на бѣду, открыли ее не именитые отцы города, а группа служащихъ въ разныхъ торговыхъ конторахъ. И этого уже было достаточно, чтобы взять подъ подозрѣніе это новое дѣло. Записалась Катерина Егоровна въ библіотекѣ черезъ чьи-то третьи руки, на чужое имя, а книги приносила я въ своей классной сумкѣ. Но не всѣ книги пришлись ко двору въ старомъ домѣ. Когда Ваня сталъ читать намъ вслухъ „Силу и Матерію“,

затративъ на первыя три главы цѣликомъ все воскресенье, у слушателей къ вечеру лица вытянулись. Одна я чувствовала себя удовлетворенной: я почти все понимала въ этой книгѣ, бывшей Кораномъ моихъ подругъ, и теперь ждала и въ нашемъ маленькомъ обществѣ тѣхъ же споровъ о прочтенномъ, какіе приходилось мнѣ слышать въ уголкахъ гимназическаго коридора.

— Эта книжка привела мнѣ на память подругу мою, Варю Перепелкину,—сказала наконецъ Катерина Егоровна.— Выросла Варя полусиротой, безъ матери. И когда была въ послѣднемъ классѣ, сталъ къ ней лѣтомъ студентъ похаживать, вотъ такія же книги читать. А отецъ былъ добрый и дочку ни въ чемъ не стѣснялъ... Вотъ видитъ онъ, перестала Варя въ среду-пятницу постное ѣсть, перестала въ церковь ходить... Идетъ онъ разъ по коридору мимо дочкиной комнаты, заглянулъ въ щелку, видитъ — Варя книжку захлопнула, раздѣлась и, лба не перекрестивши, въ постель легла. Жалко ему стало, пріоткрылъ двери и проситъ:

—Варь, а Варь! Коль ты ужъ въ Бога не вѣришь, такъ встань, хоть „клѣточкѣ“ помолись: все у тебя на душѣ чище станетъ.

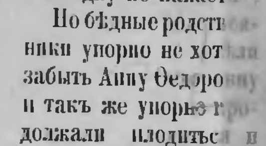
В. В. Верещагинъ. Окно гробницы.

Послѣ „Силы и Матеріи“ я такихъ книгъ въ старый домъ не приносила. Здѣсь жили въ области свѣтлыхъ вымысловъ и яркихъ образовъ, въ которыхъ „Эгмонтъ“ смѣнялся Печоринымъ, Гретхенъ—Настей и Фленушкой Мельниковскихъ „Лѣсовъ“. Щедринскіе герои привлекли даже стариковъ, и Егоръ Капитонычъ отъ души смѣялся своимъ дѣтскимъ заливнымъ смѣхомъ, дѣлая видъ, что не знаетъ, откуда взяты запретныя книги. Впрочемъ, во время чтенія двери все еще держали на запорѣ, боясь доносовъ и дѣдушкиной грозы. Но грозы становились все рѣже: слабѣлъ хозяинъ стараго дома, и одна за другою выпадали изъ его скрюченныхъ рукъ крѣпкія веренки, которыми скрутилъ онъ жизнь и волю своихъ домочадцевъ. Все рѣже выходилъ онъ въ столовую. Какъ вороны, почуявшіе поживу, стали появляться въ домѣ черныя рясы: монашки, тучныя и блѣднолицыя, съ слейными голосами, и плотные, внушительные монахи, подолгу засиживавшіеся въ дѣдушкиныхъ комнатахъ. Чаще стали переходить въ руки Анны Ѳедоровны завѣтные ключи отъ кладовой.

Вѣсть о томъ, что хозяйка пойдетъ въ кладовыя, охватывала волненіемъ все женское населеніе стебаковскаго дома еще наканунѣ. Допоздна оставалась Анна Ѳедоровна съ обѣими приживалками у стариковъ, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какія и изъ чего облаченія сшить и въ какія обители и на поминъ чьей души ихъ послать. Было похоже, точно дѣдушка, собравшись въ дальнюю дорогу къ забытымъ роднымъ, посылаетъ впередъ поминки о себѣ милымъ покойникамъ.

Анна Ѳедоровна тоже постоянно думала о роднѣ,—только о живой, заселившей въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ душъ пестрые домики Зарѣчной Слободки.

Сама она, дочь очень мелкаго служащаго Стебаковыхъ, была взята за красоту „безприданницей“, послѣ долгой и упорной борьбы Егора Капитоныча съ отцомъ. Старшій сынъ Стебаковыхъ за своевольную женитьбу на обѣднѣвшей дворяночк[ѣ] былъ проклятъ отцомъ, другіе умерли... Егоръ, когда отецъ пригрозилъ и ему проклятіемъ, ушелъ изъ отцовскаго дома въ монастыр[ь], объявивъ, что выйдетъ оттуда толь[ко] прямо подъ вѣнецъ и[ли] совсѣмъ останется въ обители. Монахи, з[а]чуявъ хорошую н[а]живу, стали на сторо[ну] сына... И пришл[ось] смириться стари[ку]. Впрочемъ, не прош[ло] и года, какъ молод[ая] невѣстка стала люб[и]мицей свекра. А Его[ръ] Капитонычъ, полож[и]вшій въ борьбѣ [за] свободу молодое чу[в]ство, всѣ силы сво[ей] кроткой души, оста[лся] навѣкъ покорнымъ с[ы]номъ и слѣпымъ испо[л]нителемъ отцовск[ой] воли. Старикъ да[же] примирился съ бѣд[ной] родней, взявъ бо[лѣе] способныхъ изъ ни[хъ] къ себѣ въ приказчи[ки] и подручные. Оста[ль]ную убогую ихъ то[лпу] прозвалъ „лодырям[и]“ и запретилъ невѣст[кѣ] видѣться съ ни[ми]: „христорадничать с[та]нутъ. А мнѣ на [что] Слободку не напаст[и]“.

Но бѣдные родст[вен]ники упорно не хот[ѣли] забыть Анну Ѳедоровну и такъ же упорно продолжали плодиться и множиться за рѣкою, въ ярко-крашеныхъ домишкахъ. И Анна Ѳедоровна вѣчно была занята вопросомъ: гдѣ взять денегъ племянницѣ на приданое или „на зубокъ“ крестнику-внучку? На это уход[или] ея крошечныя кухонныя сбереженія, подарки, которые дѣл[алъ] ей мужъ, а главнымъ источникомъ были неистощимые зап[асы] стебаковскихъ кладовыхъ, куда попадать ей до сихъ поръ приходилось рѣдко и случайно. Теперь завѣтные ключи были въ [ея] рукахъ... И послѣ долгихъ совѣщаній со стариками, праздничнымъ днемъ, тотчасъ послѣ обѣдни, все женское населеніе дома двигалось къ кованымъ дверямъ кладовыхъ. Собакъ загоняли [въ] конуры. Макаръ подпиралъ рогатками канаты, по которымъ [въ] другое время съ грохотомъ катились катушки собачьихъ пр[и]зей, а древняя Ѳедулиха, сгибаясь подъ тяжестью, нач[инала] таскать мѣха и ковры изъ открытыхъ хранилищъ. Изъ ихъ д[верей], распахнутыхъ настежь, тянуло холодкомъ нежилого мѣста, з[апа]хомъ плѣсени, пыли и мышей. А изъ укладокъ и сунду[ковъ], замки которыхъ отмыкались съ тихимъ, мелодическимъ зво[номъ], появлялись на свѣтъ Божій старинныя бархатныя и глазе

В. В. Верещагинъ. Будущій императоръ Индіи.

В. В. Верещагинъ. Отступленіе—бѣгст

платья, штофные сарафаны, кафтаны, шитые золотомъ, съ пожелтѣвшими кружевами роскошныхъ жабо, съ золотыми и корольковыми пуговицами. Были укладки съ мѣхами и холстомъ, съ цѣльными штуками сукна и неразрѣзного бархата и иконами въ шитыхъ и кованыхъ ризахъ...

Пахло лавандой, камфорой и зорей, которыя сберегали все это добро отъ моли, и ладаномъ и кипарисовой стружкой, положенными для защиты кіотовъ отъ шашей. Ѳедулиха сидѣла на верхней ступени параднаго крыльца съ огромною дубиною въ рукахъ,—будто старая вѣдьма готовилась защищать отъ нападенія эти старыя драгоцѣнныя тряпки, а двѣ дюжія работницы съ камышевками и метелками метались вокругъ развѣшенныхъ шубъ и ковровъ, колотя съ такимъ усердіемъ, словно хотѣли пробить ихъ насквозь.

— Сколько поколѣній должны были работать, чтобы собрать все это добро!—сказала я, въ первый разъ увидѣвъ эти груды шелку, бархата и мѣховъ.

— Все это сразу пришло, темнымъ путемъ,—тихо и грустно отвѣтила Катерина Егоровна.—Мой прадѣдъ, первый купецъ въ Стебаковыхъ, разбогатѣлъ скоро:—въ 1812 году подряды на армію бралъ... Богатство выросло въ смутные годы наполеоновскихъ войнъ; недаромъ же нашъ городъ на торговомъ пути—вся Москва мимо бѣжала. Потомъ дѣдушка на откупа пошелъ.

Пока работницы колотили палками, пока Ѳедулиха съ дубинкой на колѣняхъ дремала на осеннемъ пригрѣвѣ, Анна Ѳедоровна въ глубинѣ кладовыхъ, не спѣша, отбирала то, что было назначено стариками въ работу.

По обѣ ея стороны приживалки Матрена и Ѳеона, напряженныя, съ глазами, горящими жаднымъ блескомъ, съ блѣдными лицами и легкою дрожью, рылись въ грудахъ дорогихъ тряпокъ, засовывая въ нихъ по плечи свои несытыя руки. Отобранныя вещи расправлялись, разглаживались и прикидывались по выкройкамъ, и женщины долго спорили о томъ, какъ лучше выгадать: кафтанъ зелено-розоваго бархата, въ полосу, на оплечье къ ризѣ, а малиновый спензеръ на „воздухи“, или кафтанъ на „воздухи“, а спензеръ на оплечье?

— А ужъ штанишки, матушка Анна Ѳедоровна, мнѣ за труды пожалуйте,—умильно просила Матрена Петровна.—Сами изволите знать: не слишкомъ оно хорошо нижнее платье на ризу перешивать.

— А не все равно?.. Небось, каждую ризу святятъ.

— Оно такъ, да все будто думается. А я, можетъ, ридикюльчикъ какой выберу...

— Знаю я тебя:—опять двѣ подушки нашими шелками вышьешь, по двадцать рублей продашь...

— Да что вы, матушка!.. Вотъ съ мѣста не сойти,—за обѣ пятнадцать взяла.

— Да ужъ Богъ съ тобою, бери. Только ризу, смотри, хорошо сшей.

— А мнѣ хоть кружевцо бы пожаловали, — жалобно тянетъ другая.

Ѳеона плохо умѣетъ разсчитывать... Дорогое брюссельское кружево сама хозяйка облюбовала для вѣнчальнаго платья просватанной племянницы и потому отвѣчаетъ съ легкой досадой:

— Ишь, дворянскій глазъ примѣтливый: сразу видитъ, что получше... Нѣтъ ужъ, Ѳеона Ивановна, тебѣ что-нибудь попроще поищемъ.

И долго еще роются въ сундукахъ и скрыняхъ и прискрынкахъ, пока сверху не придутъ звать къ чаю: въ этотъ день всѣ женщины въ стебаковскомъ домѣ и обѣдаютъ походя.

Первые холода рано стали загонять насъ въ комнату Катерины Егоровны. Дѣдушка все рѣже появлялся въ столовой, и чувствовалось, какъ день за днемъ слабѣетъ желѣзная власть его маленькой, цѣпкой руки. Часто теперь чай пили внизу, у Катерины Егоровны, и долго съ вечера просиживали безъ огня. Топилась печь. Для топки приносились два огромные чувала-мѣшка гречичной лузги, и въ открытую дверцу вставлялась заслонка съ желобкомъ и поддуваломъ. Это топливо привозилось высокими плетеными возами со стебаковскихъ крупорушекъ и отлично замѣняло дрова. Топила всегда сама Катерина Егоровна, примостившись передъ печкой на низенькой скамеечкѣ и глядя задумчивыми, неподвижными глазами на узорную прорѣзь, за которой съ гуломъ и свистомъ бушевало красное пламя. Порой съ луговъ налеталъ на городъ ранній снѣжный бурунъ, и тогда по широкому двору крутилась поземь, и вѣтеръ бросалъ въ окна морозную круву. Подъ дверью наметало снѣжный сугробикъ, отъ котораго тянуло холодкомъ. Но въ комнатѣ холодно не было: вѣковыя стѣны хорошо держали тепло, а печь отъ лузги накалялась до-красна... Въ такіе вечера всѣ думали объ одномъ и потому говорили неохотно и мало, таясь отъ другихъ и себя самихъ.

Только Анна Ѳедоровна не выдержитъ, бывало, и вздохнетъ, положивъ на колѣни чулокъ, который вязала безъ огня:

— Господи! Хоть бы поскорѣй тебя, Сенюшка, въ Крымъ увезти...

И всѣ понимали, что и эта терпѣливая душа ждетъ не дождется дѣдушкиной смерти.

Сенѣ не прошли даромъ наши ночныя прогулки: онъ съ самой осени былъ нездоровъ. Но ни на что не жаловался. Только руки у него къ вечеру становились горячими, да глаза ярко свѣтились на блѣдномъ, какъ бумага, лицѣ. Да ѣлъ мало и слабѣлъ съ каждымъ днемъ.

VI.

Вернувшись съ рождественскихъ каникулъ, я дѣдушки не видѣла. Онъ былъ ужъ очень боленъ, и „мальчонка“-приказчикъ поѣхалъ въ Москву приглашать знаменитаго профессора-терапевта.

Семья напряженно ждала, и случалось, умирающій среди ночи звалъ къ себѣ всѣхъ. Катерина Егоровна переселилась наверхъ, и обѣ ея комнаты были заняты шитыми облаченіями, которыя готовились къ похоронамъ. На столахъ, въ перемѣшку съ цвѣточными плошками и луковицами, лежали накроенные куски бархата и парчи, свертки позументовъ, мотки золотыхъ нитокъ и канители, а на блюдечкахъ — счетомъ выданныя блестки и колокольцы: шилось облаченіе для самого преосвященнаго. Вечеромъ рядомъ съ моей постелью устроили постель Ѳеоны Ивановны. Засыпая, я долго смотрѣла, какъ она, одѣтая въ длинную рубаху до пятъ, подпоясанная монастырскимъ „моленнымъ“ пояскомъ, сухая, костлявая и тощая, клала земные поклоны на вышитый коврикъ, какъ кланяются староверы, стараясь попасть лбомъ въ середину вышитаго кружка. И было что-то больное и жалкое въ этомъ безсмысленномъ стараньѣ. Скоро въ моихъ глазахъ вмѣстѣ съ Ѳеоной закачалась вся комната, и я заснула первымъ сладкимъ сномъ.

Меня разбудили шепотъ и теплое, непріятное дыханіе человѣческаго нездороваго рта.

— Что? Кто тутъ?—спросила я, приподымаясь въ испугѣ.

— Это я, милая Танечка.. И какая вы, въ правду, пугливая!

— Что вамъ, Ѳеона Ивановна?

— Ничего, кромѣ удовольствія съ образованной барышней поговорить. Вы не думайте, что если я передъ вами, какъ Матрешка, хвостомъ не верчу, такъ ужъ я вовсе безчувственная. Но не всѣ люди могутъ свою подлость показывать,—потому-что у нея никакого расположенія нѣтъ, а только свой расчетъ и свой интересъ. А я вамъ, какъ родная, могу дать совѣтъ, чтобы вы въ этомъ домѣ не довѣряли и не очень располагались на любовь Ивана Егоровича.

— Какія вы глупости говорите!—крикнула я по-дѣтски, подымаясь съ своего сундука и чувствуя, какъ густая краска залила мнѣ лицо и шею.

— Какія же тутъ глупости? По всему городу въ трубы трубятъ, что Стебаковы младшему сыну хорошенькую дворяночку изъ прогорѣлыхъ баръ припасаютъ... Да и мы тоже не слѣпые,—видимъ.

— Господи! Да что вы видите, когда нѣтъ ничего?

— Очень даже есть, когда у Ивана Егорыча только и разговору съ сестрицей, что про васъ, а въ субботу, какъ вамъ пріѣхать,—онъ, изъ бани-то пришедши, стоитъ передъ зеркаломъ, стоитъ, волосокъ къ волоску прибираетъ, а тамъ къ окну кинется...

— Ничего нѣтъ!.. И не смѣйте мнѣ говорить объ этомъ! Слышите вы!

В. В. Верещагинъ. Усмиреніе возстанія въ Индіи.

— Что жъ, я и замолчать могу, если вы приказываете. Я изъ одного расположенія, сама будучи изъ благороднаго званія, хотѣла васъ, какъ молодую, неопытную дѣвицу, предостеречь.

Ѳеона Ивановна была дочь чиновника и очень гордилась благородствомъ своего происхожденія передъ дьячковной Матреной.

Она обиженно помолчала, а потомъ начала тихонько всхлипывать.

— Вотъ-вотъ, самое это дворянское дѣло, чтобы бѣднаго человѣка обидѣть. Только вы и сами не слишкомъ высоко неситесь,—потому на нихъ, на Стебаковыхъ, не одна дѣвушка плачется. Не вамъ чета была губернанка предводительская: институтъ кончила, отъ самого государя отличіе имѣла за танецъ съ шарфомъ, а тотъ же Павелъ Егоровичъ поигралъ да бросилъ... Всѣ знаютъ, отъ какой-такой болѣзни въ Москву лѣчиться поѣхала.

— Стыдно вамъ такъ говорить про людей, у которыхъ вы живете!

— Эка, подумаешь, важное кушанье!.. А вы бы сперва спросили, легко ли жить у этихъ аредовъ?.. Вы думаете, больно сладокъ стебаковскій хлѣбъ? Да будь они вмѣстѣ съ нимъ трижды прокляты!.. Одного ужъ довелъ Господь, что отъ своихъ милліоновъ долженъ съ голоду пропадать. То жъ и другимъ будетъ. Отольются сиротскія слезы.

— За что вы ихъ такъ ненавидите?

— А за что мнѣ ихъ любить?..

— Грѣхъ вамъ!.. Вы у нихъ въ домѣ живете... Всѣмъ пользуетесь...

— Это еще дѣло десятое, кто отъ кого попользовался... Не пятьдесятъ мнѣ годовъ было, какъ я въ ихнюю проклятую берлогу пришла. Вѣдь онъ, аредъ, тятенькѣ покойнику обѣщалъ съ награжденіемъ замужъ меня отдать... А намѣсто того съ двадцати лѣтъ я на нихъ, не разгибая спины, работала, раньше сроку ослѣпла... А что я за это время отъ нихъ видала?.. Только что души пропитаніе, да когда-никогда рваный обносокъ кинутъ... И не горько было бы, коли бы и вправду люди не встрѣчались, а то были, хорошіе женихи были... Такъ завидно стало, что сироту сватаютъ, а своя внучка за босяка пошла... Вотъ ужо скоро опять объявится ея генералъ... Будетъ наша барыня благородная по амбарамъ хорониться, а его благородіе станетъ въ опорочкахъ передъ окнами выплясывать.

— Стыда у васъ нѣтъ! Грѣхъ, грѣхъ надъ несчастіемъ смѣяться! Катерина Егоровна ничего вамъ не сдѣлала!

— Много вы знаете... Самая она ядная изъ нихъ всѣхъ... Да и всѣ они пропади пропадомъ! Господь-Батюшка, Онъ все видитъ... Ему, Милостивому, парчевымъ покровомъ глаза не закроешь. Хоть тутъ всѣ попы-дьяконы надсадись, а стараго проклену не избудешь... Недаромъ про нихъ, про Стебаковъ родъ, говорится, что прокляты они до шестого колѣна... Отъ нечистаго и богатство все ихнее пришло. Всѣ знаютъ, что какъ французъ на Москву приходилъ, прадѣдъ ихній, простой мужикъ изъ Слободки, съ шайкою по большимъ дорогамъ разбойничалъ. И случилось ему разъ карету заграбить, а въ той каретѣ — богатѣйшая княгиня съ ребеночкомъ. И какъ сталъ онъ ее убивать, положила она на него смертный закленъ: коли младенца убьетъ— анаѳема будетъ, проклятъ до шестого колѣна, а проклятое богатство всегда въ однѣ руки достанется... Хоть двѣнадцать будь сыновей—всѣ перемрутъ. И не убилъ иродъ проклятый младенчика, а въ снѣгъ живьемъ закопалъ...

Я уже не слушала. Смертельный ужасъ охватилъ меня, и, теряя сознаніе, я услышала жалобный, громкій крикъ, не узнавая своего голоса.

Не помню, какъ уснула я въ ту тревожную ночь... Долго суетилась около меня Ѳеона, смачивая мою голову водою и читая молитвы, долго потомъ просила прощенья все норовя поцѣловать руку. Мнѣ хотѣлось одного: закрыть глаза, не видѣть ничего, не помнить... А передъ глазами метались умирающій съ

голоду дѣдушка, и Ѳеона, похожая въ длинной рубахѣ на покойника, и мертвый Ваня, и младенецъ, плачущій за окномъ тонкимъ голосомъ давней мятели.

Я была рада утромъ, что не пришлось итти наверхъ къ чаю: я проспала и торопилась въ классъ. У воротъ ждалъ Ваня, ѣхавшій, какъ всегда, ва мельницу. И когда его горячая, сильная рука бережно и нѣжно взяла мою руку, закрывъ ее всю, до кончиковъ пальцевъ, сердце во мнѣ остановилось, и показалось, что я падаю въ пропасть.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ испугомъ. Молча усадилъ въ сани, прикрылъ полостью мои колѣни и тронулъ вожжи. И во всю дорогу мы не перемолвились словомъ.

Я не смѣла съ того дня заходить въ комнату Вани. Первое, дѣтское, само себя едва осознавшее, чувство, поблекло отъ прикосновенія злой и грубой руки. Мнѣ казалось, что въ каждомъ взглядѣ моемъ родные Вани и онъ самъ прочтутъ мою тайну и вмѣстѣ съ Ѳеоной подумаютъ, что я хочу втереться дворяночкой-безприданницей въ богатый родъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ни на минуту не покидалъ меня смутный, безпричинный и тѣмъ болѣе тягостный страхъ за Ваню... Точно грозила ему какая-то великая опасность, и спасти, оберечь его могла только моя рука. Истомившись долгой недѣлей страховъ и ожиданія, я, пріѣзжая въ субботу, наскоро здоровалась съ хозяевами и уходила въ залу, черезъ которую лежала Ванина дорога, когда онъ возвращался домой. Зимнія раннія сумерки окутывали дальние углы большой комнаты молочно-бѣлой тьмой. По фризу залы шли бѣлыя фигуры въ процессіи Великихъ Панафиней, и иногда послѣдній лучъ солнца, отраженный отъ какого-то дальняго стекла, зажигался вверху нежданной вскрой, освѣщая на мгновеніе фигуру женщины или наклоненную, увѣнчанную цвѣтами, голову быка. На окнахъ зацвѣтали первые вѣстники далекой весны —фіалки и цинераріи, и ихъ горьковатый, бодрящій ароматъ былъ разлитъ въ воздухѣ. Спрятавшись за рояломъ у печки, прислонившись щекою къ ея горячему изразцу, я сидѣла долго-долго, пока за окнами становилась синяя ночь; проходилъ Ваня, и на серебристой синевѣ оконъ проплывала, словно во снѣ, далекая, милая темноволосая голова.

Въ тотъ вечеръ я забыла счетъ часамъ. Они отзванивали четверти, отбивали половины, играли печальную мелодію полныхъ часовъ, а я все сидѣла одна въ огромной, пустой комнатѣ и думала о томъ, что часы эти, недавно заведенные рукою умирающаго дѣдушки, будут итти безъ остановки сто лѣтъ... Умреть дѣдушка, не станетъ доброй Анны Ѳедоровны. Стану я старая-престарая... а часы все такъ же будутъ вызванивать четверти и играть „Коль славенъ...“

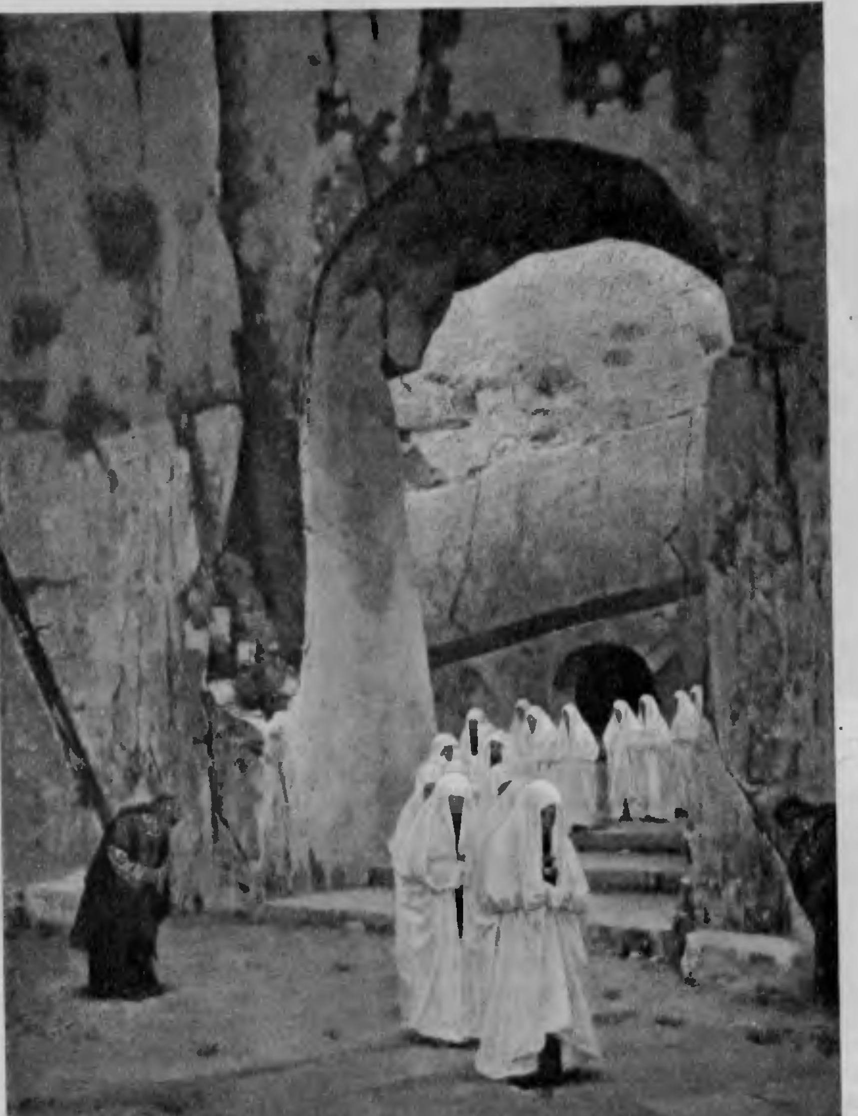
И понемногу смутная тревога за Ваню стала вырастать въ чудовищные страхи: лошадь его разбила... на мельницѣ въ машину втянуло... на ярмарку поѣхалъ, запутался въ пути, и вчерашняя мятель занесла его снѣжнымъ сугробомъ, какъ того загубленнаго младенчика... Вся напряженная, съ похолодѣвшимъ отъ страха сердцемъ я смотрѣла, не отрываясь, на дверь передней и ждала звонка. Обернулась я только тогда, когда за мною, обжигая мнѣ шею горячимъ дыханьемъ, послышался шепотъ:

— Таня моя! Зачѣмъ ты ушла отъ меня?

Ни слова больше не было сказано въ тотъ вечеръ... Только жадныя губы припали на мгновенье къ моимъ губамъ, да сильныя, большія руки, радостныя и тревожныя, бродили по моему лицу, плечамъ и груди, вѣря и не смѣя вѣрить, что я не уходила, что я — его.

— Я, мамаша, сама за ними схожу, — послышался за дверью голосъ Катерины Егоровны.

Она вошла, широко распахнувъ дверь изъ коридора, и въ желтой полосѣ свѣта, упавшаго оттуда, прямо передъ собою, въ другомъ концѣ залы, я увидѣла лицо Сени. Оно было неподвижно и блѣдно, какъ мертвое, и живы были одни глаза, полные ужаса и смертной тоски.

В. В. Верещагинъ. Входъ въ „Гробницу Королей“ въ Іерусалимѣ.

VII.

Умеръ Капитонъ Парменычъ въ самую крестопоклонную среду, и вѣсть объ этомъ въ тотъ же день разнесла по городу нищая братія, державшая денно-нощный дозоръ у воротъ стебаковскаго дома, чтобы не пропустить первую щедрую раздачу. Отъ Катерины Егоровны я получила въ гимназіи коротенькую записку: „Отпросись на похороны. Объ этомъ проситъ мамаша, зная, какъ тебя любилъ покойный...“

Я немножко удивилась: дѣдушка никогда не сказалъ со мною двухъ словъ. Но записку показала начальницѣ, и та освободила меня отъ уроковъ до понедѣльника.

Жутко мнѣ стало, когда, завернувъ за уголъ, я увидѣла старый домъ въ непривычной обстановкѣ. Стояли настежь его калитки и ворота, не только выходившія на Монастырскую улицу, но и парадныя, подворотня которыхъ, заросшая травой, зеленѣла въ переулкѣ; эти ворота, ведущія прямо къ парадному крыльцу, отворились въ исключительныхъ случаяхъ, и по каретѣ, запряженной шестерикомъ, я поняла, что на панихиду пріѣхалъ самъ преосвященный. Широкій дворъ былъ занятъ шумной, галдящей толпой: сошлись нищіе-убогіе не только изъ города, а изъ всѣхъ подгородныхъ селъ и деревень, и запрудили лѣстницы, сѣни и огромную „молодцовскую“, внутренность которой я здѣсь увидѣла въ первый разъ. Низкая казарма, съ закоптѣлыми стѣнами и сводчатымъ потолкомъ, несмотря на настежь распахнутыя двери, обдавала запахомъ кислыхъ щей и застоявшейся затхлости человѣческихъ тѣлъ. Посреди нея, на узкомъ, въ двѣ доски, ничѣмъ не покрытомъ, столѣ, размахивая руками и крича что-то въ голосъ, стояла Ѳедулиха и совала большіе мѣдные пятаки въ протянутыя вверхъ безчисленныя руки, а два подручныхъ въ дверяхъ вопили въ источный голосъ:

— Легче, легче!.. По одному подходи!

Но толпа не слушалась. Здѣсь она была теперь хозяиномъ и, будто въ отместку старому дому за его долголѣтнее молчаливое презрѣніе, нарушала всѣ его обычаи и правила. Сняты были съ завѣсъ пыльныя внутреннія рамы въ „молодцовской“, на нарахъ и подъ нарами въ ней группами сидѣли жующіе и пьющіе люди, тамъ и здѣсь валялись краюшки недоѣденныхъ лепешекъ съ коноплянной избоиной и концы пироговъ, изъ которыхъ была выѣдена капустная и яблочная начинка. А у наглухо заколоченной двери Катерины Егоровны кучей лежали приспособленія, при помощи которыхъ сошлась на стебаковскій дворъ вся эта нищая братія: торчали глубоко загнанные въ землю подожки и посохи, окованные желѣзомъ; парами вдоль стѣнъ стояли прислоненные костыли, и колесеньки всѣхъ видовъ, привезшія припадочныхъ и безногихъ, показывали свои перевернутыя вверхъ колеса. У этого убогаго скарба стоялъ нарядъ будочниковъ, чтобы перепившаяся на поминкахъ нищая братія не искалѣчила другъ друга въ конецъ... И безъ того видъ этой, собранной въ одно мѣсто, человѣческой калѣчи былъ ужасенъ...

Я отвернулась отъ „молодцовской“ и пошла на лѣстницу, но здѣсь мнѣ заступила дорогу сплошная стѣна черныхъ рясъ, и поневолѣ пришлось итти на парадное крыльцо, тоже занятое толпой. Только въ этой толпѣ ярко краснѣли орденскія ленты, маячили золотыя медали, и черными дымками вѣяли модные траурные наряды безъ плерезовъ. И вся эта толпа съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ лицо, смыкаясь за мною съ любопытнымъ и враждебнымъ шушуканьемъ. Наверху, у отворенныхъ настежъ дверей передней, я увидѣла двѣ бѣлыхъ глазетовыхъ крышки, а посреди залы стояли рядомъ два гроба... Теплая, ласковая рука легла на мое плечо, и Анна Ѳедоровна сказала голосомъ, глухимъ отъ непролитыхъ слезъ:

— Пойдемъ, Танюша, къ Сенѣ, хоть у гробика его постоишь.

Онъ отошелъ покорно и тихо, какъ жилъ.

Знаменитый профессоръ, осмотрѣвъ дѣдушку, накинулся на хозяевъ съ упреками.

— Вамъ не за мною, а за попомъ пора посылать... Думаете, заплатили деньги, такъ и купили мое время... Нѣтъ, мои любезнѣйшіе,—потраченное тутъ зря время я, можетъ-быть, у молодого человѣка укралъ, которому жить надо... А дѣдушка вашъ, слава те Господи, пожилъ!

Но тутъ неожиданно Анна Ѳедоровна заявила, что болѣзнь дѣдушки сама по себѣ, а въ домѣ есть другой больной.

— Я и гонораръ двойной приготовила,—прибавила она предусмотрительно

Странная перемѣна произошла съ профессоромъ у постели Сени. Осторожно, почти ласково переворачивалъ и выслушивалъ онъ юношу, разспрашивалъ обо всей его недолгой жизни, даже пошутилъ, что нынѣшняя молодежь оттого и болѣетъ, что жить не старается. А выйдя отъ больного, долго разговаривалъ съ отцомъ и матерью. „Охъ, бѣдные вы, бѣдные! Боюсь, что сынка проморгали. Впрочемъ, въ двадцать лѣтъ сильно естество человѣческое. Везите мальчика сейчасъ же въ Крымъ, а еще лучше—за границу, на берега Средиземнаго моря“

Егоръ Капитонычъ заикнулся-было о томъ — не лучше ли послѣ Святой, но тотъ только головою мотнулъ:

— Смотрите, послѣ Святой и везти будетъ некого.

Недѣлю послѣ отъѣзда знаменитости цѣплялось еще за жизнь изсохшее дѣдушкино тѣло, а Анна Ѳедоровна готовила сына къ отъѣзду. Ѣхать съ нимъ сама не могла, а посылала Матрену да племянника студента-медика, котораго нарочно для этого вызвали изъ Петербурга телеграммой.

Самъ Сеня отнесся къ предположенной перемѣнѣ совершенно безучастно. Онъ лежалъ молча, глядя на всѣхъ ласково своими тихими, лучистыми глазами, а когда подходила мать—любовно гладилъ ея руку своей маленькой, исхудавшей рукой. И въ день смерти дѣдушки, войдя рано утромъ въ комнату Сени, она уже не застала сына. Остыло и окостенѣло его маленькое тѣло, а на ладони правой руки, по-дѣтски подложенной подъ щеку, запеклось нѣсколько капель черной крови, вытекшей съ уголка его холодныхъ и блѣдныхъ устъ. Глаза такъ и остались открытыми, и что ни дѣлали старухи, обряжавшія тѣло, закрыть ихъ не удалось. Не помогли ни пятаки, положенные на вѣки, ни бѣлый воскъ, залѣпившій темныя рѣсницы. Мертвый Сеня смотрѣлъ, и въ его остеклившемся взглядѣ, какъ тогда, у рояля, мнѣ чудилась смертная тоска. А кругомъ женщины говорили на ухо другъ другу: „Быть покойнику въ домѣ... Смотритъ, голубчикъ, смотритъ,—провожатаго себѣ въ дорогу дальнюю выбираетъ“.

И потянулись напряженные, жуткіе дни... Утромъ и вечеромъ человѣческія волны захлестывали старый домъ и широкое подворье. Потомъ надолго все стихало, и только ясный голосъ молодой монахини, стоявшей въ залѣ между двумя гробами, вычитывалъ наивныя ветхія слова: „Простеръ еси небо, яко кожу“...

У изголовья дѣдушки сидѣла старушка въ черномъ газовомъ чепцѣ съ бѣлыми бантами и, когда чужихъ не было, начинала причитать тонко и жалобно:

— Соколикъ ты мой ясный! Капитонъ Парменычъ! На кого ты меня покидаешь? Да кому будетъ меня, горькую, обдумать?

У Сенинаго гробика, сплошь покрытаго цвѣтами, подолгу простаивали мать и отецъ, держа другъ друга за руки, какъ дѣти. Иногда Анна Ѳедоровна звала меня съ собою и долго голубила и ласкала маленькое, ссохшееся тѣльце своего бѣднаго мальчика: приглаживала тонкіе, свѣтлые волоски на его блѣдномъ лбу, оправляя розы на атласной подушкѣ и складывая подъ образкомъ Симеона Столпника блѣдные, тонкіе пальцы, которые еще недавно будили чародѣйными звуками свѣтлую тишь осенней ночи... И въ каждомъ движеніи матери, въ каждомъ ея взглядѣ мнѣ чудился молчаливый и скорбный упрекъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Что зимняя ночь?.. Что безломная вьюга?..
Расплавленнымъ золотомъ полонъ каминъ!..
Мечты не горятъ, ледянѣютъ безъ друга,
И сердце стучитъ: ты одинъ, ты одинъ.

Напрасно въ раздумьѣ углей подбавляешь:
Зачѣмъ?—не согрѣетъ тебя уголекъ...
Напрасно надеждой себя утѣшаешь,
Напрасно ждешь друга: вѣдь ты одинокъ!

Никто не придетъ, не пожметъ твою руку,
Никто къ одинокой груди не прильнетъ,
Никто не раздѣлитъ сомнѣнія муку,
Никто малодушной слезы не утретъ.

Никто, да: никто!.. И мечты ледянѣютъ,
Туманится золото, гаснетъ каминъ,
Ласкающій сумракъ дрожитъ и алѣетъ,
Въ груди же все громче: одинъ ты, одинъ!..

Н. Т. Власовъ.

Самбатіонъ.

Сказка **Юрія Волина.**

— Дѣдушка, а гдѣ находится рай?—спросилъ маленькій мальчикъ стараго дѣда.

Дѣдъ печально улыбнулся, погладилъ внука по головкѣ и отвѣтилъ:

— За рѣкой Самбатіонъ.

— А хорошо въ раю?—спросилъ мальчикъ.

— Очень хорошо, милый. Тамъ счастье. Всегда счастье и для всѣхъ счастье.

— И никто не плачетъ?

— Въ раю нѣтъ слезъ. Однѣ радости. Однѣ улыбки.

Мальчикъ задумался.

— Дѣдушка,—быстро заговорилъ онъ, и въ глазкахъ блеснула радостная мысль:—такъ вѣдь можно переселиться въ рай!

Дѣдъ горько усмѣхнулся:

— Нельзя, дѣтка, нельзя.

— Почему?

— Рай за рѣкой Самбатіонъ.

— Ну, такъ вѣдь можно переплыть рѣку?

— Нѣтъ, милый. Нельзя переплыть Самбатіонъ. Самбатіонъ — страшная рѣка. Она бурлитъ, какъ водопадъ. Много-много храбрыхъ людей хотѣли переплыть Самбатіонъ, но погибли въ его пучинѣ.

— И даже на пароходѣ нельзя?

— Нельзя, милый! Самый большой пароходъ, хотя бы весь выкованный изъ желѣза, превратится въ щепки, какъ только вступитъ въ воды Самбатіона.

Нѣсколько минутъ думалъ мальчикъ, потомъ опять заговорилъ:

— Дѣдушка! А почему не построить мостъ черезъ этотъ самый Самбатіонъ? Вѣдь черезъ водопады и то устраиваютъ мосты!

— Нельзя, дитя. Самбатіонъ—страшный потокъ. Великая буря царитъ на немъ, и даже приблизиться къ нему нельзя. Вихрь сметаетъ столбы и каменья, какъ сухіе листья. А работники оглохнутъ отъ шума и ослѣпнутъ отъ огненныхъ брызгъ раньше, чѣмъ примутся за работу...

— Значитъ, это въ родѣ какъ вулканъ?

— Но вулканъ стихаетъ, а рѣка Самбатіонъ—никогда...

— А далеко рѣка Самбатіонъ?

— Нѣтъ. Совсѣмъ близко!—отвѣтилъ дѣдъ.

Плохо жилось мальчику. Отецъ лежалъ, прикованный къ постели неизлѣчимой болѣзнью. Злая мачеха морила мальчика голодомъ и изводила бранью и побоями. Часто и горько плакалъ мальчикъ.

Шелъ къ дѣду:

— Дѣдушка, когда же мы перейдемъ въ рай, гдѣ нѣтъ слезъ и горя?

— Когда успокоится рѣка Самбатіонъ,—отвѣчалъ дѣдъ.

— Когда же?

— Садись. Я скажу тебѣ,—однажды отозвался дѣдъ на просьбы мальчика.

Мальчикъ сѣлъ и затаилъ дыханіе.

— Видишь ли, дитя! — началъ дѣдъ. — Самбатіонъ — страшная рѣка. Но если она когда-нибудь затихнетъ, успокоится хотя бы на одно мгновеніе, то людямъ не надо будетъ ни лодокъ, ни кораблей, ни пароходовъ. Какъ по атласному ковру, переступятъ они на ту сторону Самбатіона, въ рай.

— Когда же придетъ это мгновенье?

— Не знаю, скоро или нѣтъ, но оно придетъ!—отвѣтилъ дѣдъ.— Если бы люди захотѣли, оно давно наступило бы.

— Что же надо для этого дѣлать?—живо спросилъ мальчикъ.

— Надо не обижать другъ друга. Только. Надо, чтобы хоть одинъ день на свѣтѣ не было пролито ни одной капли крови и ни одной слезы; чтобы воинъ опустилъ свой мечъ; чтобы хозяинъ разнялъ руку, сдавленную въ кулакъ надъ головой раба; чтобы сильный по-братски обнялъ слабаго; чтобы ни одинъ стонъ битаго, ни одинъ возгласъ бьющаго не нарушили покоя вселенной... И когда такая минута настанетъ—сейчасъ же утихнетъ великая буря Самбатіона, сейчасъ же остановится потокъ ея волнъ, и сольются оба берега, и войдутъ люди въ рай.

Тихо спросилъ мальчикъ:

— Почему же люди не сдѣлаютъ такъ? Развѣ имъ не хочется въ рай?

— О, имъ очень хочется въ рай! Но они не знаютъ о Самбатіонѣ и не могутъ сговориться.

— Такъ я пойду, объясню имъ!

Усмѣхнулся старый дѣдъ, но ничего не сказалъ.

Мальчикъ принялся за дѣло. Сосѣдъ-сапожникъ пригрозилъ кулакомъ, когда мальчикъ сталъ увѣщевать его не драться. Двое пьяныхъ, сцѣпившихся въ дракѣ, за попытку вмѣшаться изрядно отколотили его.

Но мальчикъ не падалъ духомъ.

— Дѣдушка! Я не оставлю этого! Вѣдь люди не такъ глупы, они поймутъ, что имъ въ раю будетъ лучше!—говорилъ мальчикъ.

— Помоги тебѣ Богъ, дитя!—отвѣчалъ дѣдъ и грустно, грустно улыбался.

Мальчикъ учился въ школѣ.

И вотъ пришла ему въ голову мысль призвать на помощь товарищей. Каждому отдѣльно разсказывалъ онъ о страшной рѣкѣ Самбатіонъ и о прекрасномъ раѣ, что на той сторонѣ рѣки, и о томъ, какъ можно усмирить великую бурю Самбатіона. Многіе изъ товарищей повѣрили ему, особенно бѣдные, которымъ приходилось переносить побои, часто плакать и голодать. И съ тѣхъ поръ, какъ они узнали тайну Самбатіона, они перестали плакать, въ глазахъ засвѣтилась смѣлая мечта.

И разсыпались они по городу, по всѣмъ концамъ и угламъ его, проникли въ подвалы и на чердаки, къ богатымъ и бѣднымъ и вездѣ говорили:

— Не обижайте никого. Не бейте никого,—тогда затихнетъ рѣка Самбатіонъ.

Но въ школѣ были злые и грубые забіяки, которые издѣвались надъ ними, затѣвали драки и даже донесли учителю на мальчика и его товарищей.

Учитель призвалъ ихъ:

— Рѣка Самбатіонъ? Гдѣ находится рѣка Самбатіонъ? Ну-ка, разыщи на картѣ!

Ни на одной изъ географическихъ картъ не оказалось рѣки Самбатіонъ.

И учитель торжественно заключилъ:

— Надо вѣрить не сказкамъ глупаго дѣда, а учебнику, утвержденному начальствомъ!

А мальчика, какъ главнаго зачинщика, учитель посадилъ въ карцеръ.

Прошло много лѣтъ.

Мальчикъ окончилъ школу и университетъ и изъ мальчика превратился въ хорошаго человѣка.

Хорошій человѣкъ вошелъ въ жизнь. Хорошій человѣкъ успѣлъ видѣть людскія страданія и полюбилъ людскую скорбь. Хорошій человѣкъ испыталъ и любовь, и измѣну, и вражду, и мерзость людскую. Но хорошій человѣкъ все мечталъ о раѣ, гдѣ нѣтъ слезъ. И всегда былъ хорошій человѣкъ со слабыми противъ сильныхъ, съ обиженными противъ обидчиковъ.

Въ поискахъ рая всеобщаго счастья бросался хорошій человѣкъ отъ одной правды къ другой и со всѣмъ пыломъ любящей души отдавался каждой изъ нихъ. Но всѣ онѣ обманули. И усталъ хорошій человѣкъ. Правда сплелась съ ложью, и въ отчаяніи изнывалъ хорошій человѣкъ.

И вотъ однажды вспомнилъ онъ первую мечту своей жизни. Вспомнилъ тайну рѣки Самбатіонъ, которую повѣдалъ ему старый дѣдъ.

И стало ясно ему, человѣку, то, что казалось таинственной сказкой мальчику.

Рѣка Самбатіонъ это—потоки крови и слезъ, это—гулъ стоновъ и воплей. Близко течетъ Самбатіонъ—вездѣ. И, оглушая и ослѣпляя, отдѣляетъ человѣка отъ счастья.

Долженъ успокоиться Самбатіонъ! И не мало храбрыхъ, умныхъ и великодушныхъ людей хотѣли пересилить его. Но не приходила имъ въ голову тайна стараго дѣда. Одни строили бронированныя суда и подводныя лодки, — но тонули чудовища въ Самбатіонѣ, въ рѣкѣ Страданія. Другіе пытались перелетѣть Самбатіонъ на аэропланахъ и дирижабляхъ, но такъ широко разлилась рѣка Страданія, что ни одинъ изъ отважныхъ не достигъ берега. Третьи строили мосты примиренія, но гибли въ порывѣ вихря Самбатіона. И бурлилъ попрежнему Самбатіонъ. Сильнѣе прежняго ревѣли волны его. И съ опущенными головами, со слезами отчаянія отходили отъ него мечтавшіе о раѣ.

А хорошій человѣкъ зналъ, какъ усмирить бурю Самбатіона.

И какъ когда-то, въ школѣ, началъ онъ собирать товарищей, чтобы итти къ людямъ съ проповѣдью любви и мира.

Микель Анжело Буонарроти.

(1475—1564).

Его жизнь и творчество.

Очеркъ **Н. Фореггера.**

I.

Три лика являетъ намъ Ренессансъ въ лицѣ трехъ геніевъ: Рафаэля, Леонардо да-Винчи и Микель Анжело. Одинъ — нѣжный, улыбающійся, веселый. Такой женственный, что, по словамъ Вазари [1], „всякое дурное настроеніе пропадало, когда его видѣли товарищи, исчезала всякая недостойная мысль, и это было такъ потому, что всѣ чувствовали себя побѣжденными его привѣтливостью, его прекрасной натурой“.

Мотылекъ, порхающій съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ вбиралъ въ себя всю сладость цвѣтка, онъ любилъ все граціозное, гибкое, томное, онъ не зналъ ни бурныхъ страстей ни трепетныхъ волненій. Жизнь его была такъ спокойна, какъ спокойны деревья и ручьи на его картинахъ, женщины ему такъ маняще улыбались, какъ его Мадонны. И напрасно стремятся увидать въ Рафаэлевскихъ Мадоннахъ мистическое, небесное выраженіе—ему тутъ не мѣсто. Его Мадонны—женщины съ обѣщающими взглядами или съ глазами, вспоминающими о только-что минувшихъ ласкахъ, руки ихъ лежатъ свободно, усталыя отъ объятій.

Взгляните на лицо Рафаэля — блѣдное, радостно-утомленное отъ любви, лицо избалованнаго мальчика, лицо любимца судьбы.

Любимецъ судьбы, онъ беретъ у всѣхъ: у Перуджино—тихій пейзажъ и округлыя лица дѣвушекъ изъ Перуджи, у Леонардо да-Винчи—томныя глаза, струящуюся улыбку и нѣжную усталость позъ, у Микель Анжело—богатство движеній и мощь нагого тѣла,—но все это онъ претворяетъ въ себѣ, чтобы создать еще болѣе прекрасные, болѣе гармоничные образы. „Онъ,—по словамъ Мутера,—захватываетъ всѣ нити, преобразуетъ цѣнности, созданныя отдѣльными геніями, въ новое стильное единство“ [1]. Элегантный, граціозный, нѣжный и влюбленный съ женщинами, любезный со всѣми, всѣми любимый и любящій всѣхъ, онъ — улыбка Ренессанса.

Ренессансъ—эпоха юности, эпоха кипучихъ силъ, эпоха здороваго веселья. Пиры, маскарады, торжества по самому незначительному поводу, празднества, въ которыхъ всѣ граждане принимаютъ участіе и, опьяненные виномъ и весельемъ, поютъ ту пѣсенку, что сочинилъ самъ Лоренцо Великолѣпный:

„Какъ прекрасна молодость. Но она бѣжитъ. Кто хочетъ быть счастливъ—да будетъ имъ. Не вѣренъ завтрашній день.

„Вотъ Вакхъ и Аріадна, прекрасные и воспламененные любовью. И такъ какъ время бѣжитъ и обманываетъ насъ, то они всегда счастливы, когда очутятся вдвоемъ.

„Эти нимфы и другія веселы пока. Кто хочетъ быть счастливъ— да будетъ счастливъ. Не вѣренъ завтрашній день.

„Эти маленькіе сатиры, влюбленные въ нимфъ, разставили имъ сотни западней въ пещерахъ и лѣсахъ; теперь, воспламененные Вакхомъ, они пляшутъ и прыгаютъ въ ожиданіи грядущаго.

„Не вѣренъ завтрашній день.

„Дамы и влюбленные юноши! Да здравствуютъ Вакхъ и Любовь. Пусть каждый играетъ, поетъ и пляшетъ; пусть сердце загорится сладостной любовью; пусть прекратятся тревоги и скорбь; да будетъ счастливъ, кто хочетъ имъ быть.

„Не вѣренъ завтрашній день“.

„Quant'è bella giovenezza!“ (какъ хороша юность),—восклицаютъ они, но опытъ говоритъ имъ „Ma si fugge tuttavia“ (но она бѣжитъ) и предостерегаетъ: „Di doman non c'è certezza“ (на завтра не надѣйся).

Ихъ радость ужъ не бездумная радость ребенка,— опытъ нѣсколькихъ тысячелѣтій лежитъ у нихъ на плечахъ. Снявъ маски, оставивъ пиршество, они идутъ на пріемъ пословъ, они начинаютъ войны, они защищаютъ родной городъ, они наконецъ измышляютъ всѣ правые и неправые пути, чтобы уничтожить своего врага. Di doman non c'è certezza! Завтра изъ-за угла можетъ выскочить брави и отправить васъ на тотъ свѣтъ, завтра ваши рѣчи не понравятся какому-нибудь молодцу—и онъ, не говоря лишнихъ словъ, проколетъ васъ шпагой.

Будь веселымъ, но будь и хитрымъ, умѣй скрывать свои мысли, пусть лицо твое не выражаетъ твоихъ волненій,—учили мыслители Ренессанса. Лукавый Бальтазаръ да-Кастильонэ учитъ: „Я хочу, чтобы нашъ придворный имѣлъ незаурядныя познанія въ гуманитарныхъ наукахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя называются изящной литературой; чтобы онъ не зналъ не только латинскій языкъ, но и греческій, по причинѣ множества и разнообразія божественныхъ твореній, написанныхъ на этомъ языкѣ; чтобы онъ хорошо былъ знакомъ съ поэтами, равно какъ и съ ораторами и историками, и, кромѣ того, искусно писалъ самъ прозой и стихами, особенно на нашемъ народномъ языкѣ; ибо, кромѣ того удовлетворенія, которое получитъ онъ самъ, у него никогда не будетъ недостатка въ пріятныхъ словахъ въ разговорѣ съ дамами, которыя обыкновенно любятъ вещи этого рода.

„Я былъ бы недоволенъ нашимъ кавалеромъ, если бы онъ не былъ, кромѣ того, музыкантомъ и, сверхъ пѣнія по нотамъ, не умѣлъ играть на разныхъ инструментахъ... Ибо, кромѣ развлеченія и отдохновенія отъ трудовъ, которыя музыка даетъ каждому, она часто служитъ утѣхой дамамъ, нѣжныя и утонченныя сердца которыхъ легко проникаются гармоніей и наполняются отрадой при звукахъ ея.

„Есть еще нѣчто, чему я придаю большое значеніе: это—художественныя способности и умѣнье рисовать, которымъ нашъ кавалеръ не долженъ пренебрегать.

„Я хочу, чтобы нашъ придворный превосходно ѣздилъ верхомъ на всякихъ сѣдлахъ; и такъ какъ итальянцы славятся своимъ умѣньемъ держать коня въ уздѣ, управлять по всѣмъ правиламъ самыми неукротимыми конями, биться на копьяхъ на скаку и метать ихъ, то во всемъ этомъ онъ долженъ быть однимъ изъ первыхъ среди итальянцевъ.

„Что касается турнировъ, фехтованія, скачекъ между барьерами, то здѣсь онъ долженъ быть не ниже лучшихъ изъ французовъ... Въ бою на палкахъ, въ погонѣ за быкомъ, метаньѣ дротиковъ и копій ему слѣдуетъ выдѣляться между испанцами... Кромѣ того, надо, чтобы онъ умѣлъ прыгать и бѣгать. Другое благородное упражненіе—игра въ мячъ, и не меньшее значеніе я придаю умѣнью джигитовать“.

Когда читаешь эти страницы изъ „Il Coregiano“ [1], невольно въ умѣ встаетъ образъ стройнаго, высокаго человѣка, съ холодными голубыми глазами и бѣлокурой бородой, столь сильнаго, что свертывалъ пальцами серебряныя монеты; игравшаго на серебряной лирѣ, сдѣланной самимъ, сладостныя пѣсни; изобрѣтавшаго съ одинаковымъ спокойствіемъ самые хитроумные аппараты какъ для увеселенія, такъ и для истребленія людей; художника, передъ яркимъ талантомъ котораго склонялись короли и папы. „Художникъ этотъ—архитекторъ и ювелиръ, музыкантъ и пиротехникъ, философъ и магъ, инженеръ и ботаникъ, механикъ и чернокнижникъ, живописецъ и скульпторъ Леонардо да-Винчи“ [2].

Необычайной кажется намъ его дѣятельность. Когда читаешь письмо его къ Людовико Моро, гдѣ Леонардо самъ разсказываетъ о всѣхъ своихъ знаніяхъ [3], то останавливаешься, пораженный передъ мощностью человѣческаго генія, передъ той „несокрушимой увѣренностью“ въ своей силѣ, какой дышатъ слова Леонардо. „Письмо это,—по словамъ Гитиа,—должно было показаться при первомъ чтеніи—письмомъ сумасшедшаго или генія“. Необъятнымъ кажется намъ его умъ. И когда, изучая Ренессансъ, мы стремимся постичь его мысли и его знанія, то неизбѣжно встаетъ на этомъ пути фигура мудреца-мэссэра Леонардо да-Винчи, ибо онъ воплощаетъ весь умъ Ренессанса.

А героическій пылъ, страсти титановъ, мощные крики скорби, чувства, способныя потрясти весь міръ, муки Прометея, жаждущаго свободы, бурный темпераментъ новаго человѣка, человѣка Возрожденія, явилъ намъ Микель Анжело.

II.

„Классическимъ называютъ то, о чемъ каждый говоритъ, но чего никто не читаетъ“,—этотъ парадоксъ О. Уайльда какъ нельзя болѣе подходитъ къ Микель Анжело.

Мы мало понимаемъ его геній, даже очень талантливые и знающіе историки искусства стремятся обойти творчество Микель Анжело и говорятъ о немъ сдержанно, подчасъ съ недоумѣніемъ. Они точно стараются въ чемъ-то оправдать его и неизбѣжно приводятъ его слова: „Я—скульпторъ, но долженъ рисовать“. Но не въ немъ дѣло, онъ былъ художникъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—pittore, scultore, architetto, fiorentino. „Онъ не зналъ уродливыхъ желаній,—говоритъ Кондиви [4]:—въ силу той любви, которую онъ питалъ не только къ красотѣ человѣческой, но и ко всякому предмету на свѣтѣ—будь то красивая лошадь, красивая собака, красивый видъ, красивое растеніе, красивая гора, красивый лѣсъ, ко всякой красивой мѣстности и ко всякой вещи, прекрасной и рѣдкой, которой онъ любовался, преисполненный восторга.

„Такимъ образомъ онъ собиралъ прекрасное въ природѣ, какъ пчела собираетъ медъ на цвѣтахъ“.

Дѣло не въ Микель Анжело, а въ насъ самихъ. Мы черезчуръ измельчали, мы не знаемъ ни бурныхъ страстей ни огневыхъ волненій. Наша жизнь течетъ тихо, какъ маленькая рѣчонка, иногда наткнется на камень, забурлитъ и снова бѣжитъ дальше. Все яркое, грозовое насъ какъ-то коробитъ. „Гдѣ нашъ современникъ могъ наблюдать тѣло?—пишетъ Тэнъ [5].—Онъ бывалъ въ купальняхъ и созерцалъ эту смѣшную лужу, въ которой полощатся всякіе уроды; можетъ-быть, если онъ любопытенъ, ему приходилось три-четыре раза въ жизни смотрѣть ярмарочныхъ силачей; онъ не видѣлъ болѣе откровенной наготы, чѣмъ въ балетѣ“...

„Аристократъ же или рыцарь эпохи Возрожденія утромъ первымъ дѣломъ раздѣвался до-нага и становился противъ своего фехтмейстера съ кинжаломъ въ одной рукѣ и шпагой въ другой...

„...Такой человѣкъ, когда онъ запрется у себя и очутится передъ изображеніемъ прекрасной куртизанки или мадонны, передъ Геркулесомъ или Вѣчнымъ Отцомъ, съ мощными мускулами и въ величественномъ одѣяніи,—болѣе способенъ, чѣмъ нашъ современникъ, понять ихъ красоту и совершенство тѣлесныхъ формъ. Онъ почувствуетъ, не учившись въ мастерской, въ силу невольной симпатіи, героическую наготу и грозныя мышцы Микель Анжело. Мы же знаемъ лишь сентиментально-прилизанныя, анемичныя тѣла „Nu“, которыя усердно плодитъ Парижскій Салонъ.

И намъ непонятна влюбленность Микель Анжело въ человѣческое тѣло, намъ чужды та страстность, съ которой онъ осязаетъ могучіе торсы своихъ героевъ, тотъ пылъ, съ какимъ придаетъ онъ имъ гибкія позы.

Микель Анжело всѣмъ своимъ творчествомъ защищаетъ завѣтъ, который высказалъ Бервенуто Челлини [6]: „въ пластическомъ искусствѣ самое главное—умѣть изобразить нагого мужчину или нагую женщину“. И самъ Микель Анжело, по словамъ Вазари, говоритъ, что живопись пейзажей надо предоставить, какъ забаву и въ видѣ утѣшенія, мелкимъ талантамъ, предметомъ же истиннаго искусства является человѣческое тѣло. На одномъ изъ ве-

---

[1] Vasari. Vite de piu eccelenti pittori

[1] Мутеръ. Исторія живописи, т. II.

[1] „Придворный“.

[2] А. Бенуа. Исторія живописи, т. II.

[3] Письмо это цѣликомъ приведено въ книгѣ А. Волынскаго: „Леонардо да-Винчи“. Изданіе А. Ф. Маркса.

[4] „Vita di Michelangelo Buonarrotti“.

[5] Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ.

[6] „Мемуары Бенвенуто Челлини, писанные имъ самимъ“.

черовъ у маркизы Пескары, Викторіи Колонны, блестящей и образованнѣйшей женщины Ренессанса, Микель Анжело высказалъ свой взглядъ на искусство [1]). Начавъ, по просьбѣ маркизы, излагать свое мнѣніе о фламандской живописи, онъ осудилъ послѣднюю, найдя, что „эта живопись лишена всего существеннаго и всякой силы... Творимая же въ Италіи живопись одна лишь заслуживаетъ названія истинной живописи, и вотъ почему хорошая живопись называется итальянской. Хорошая живопись сама по себѣ и благородна и благочестива, ибо, согласно мудрецамъ, ничто не подымаетъ болѣе душу и не возноситъ ее такъ до истиннаго благочестія, нежели преодолѣніе трудностей въ стремленіи къ совершенству, благодаря которому мы приближаемся къ Богу, и намъ дается возможность съ Нимъ слиться. Въ сущности, хорошая живопись не что иное, какъ подобіе совершенства Господа, тѣнь Его кисти, наконецъ музыка, мелодія, и лишь очень жизненный умъ можетъ никнуть во всѣ ея трудности“. Живопись—дѣло святое, а художникъ—жрецъ. Художникъ долженъ не подражать землѣ, а искать въ себѣ образы, столь прекрасные, чтобы они были подобны Господу. Надо въ душѣ своей искать образы скорби и радости, образы отчаянія и небеснаго ликованія. И Микель Анжело, такъ много страдавшій, возноситъ душу свою къ небесамъ, воплощая свои мечты въ картинахъ и мраморѣ.

III.

Въ 1474 году Людовико Буанарроти Симоне назначается подестой [2]) небольшихъ городковъ Кіузи и Капрезе близъ Казентина. Съ женой, уже беременной, онъ отправляется въ путь верхомъ. Въ дорогѣ жена падаетъ съ лошади, и лошадь ее нѣкоторое время волочитъ по землѣ. Однако это не сказывается гибельно на ея здоровьѣ, и 6 марта 1675 г. въ 2 часа ночи она рожаетъ мальчика. „Уже само рожденіе,—говоритъ Кондиви:—указывало, какимъ человѣкомъ и какимъ геніемъ будетъ этотъ ребенокъ. Такъ Венера и Меркурій, соединившись въ это знаменательное время подъ знакомъ Юпитера, предвѣщали то, что впослѣдствіи свершилось. И при такихъ обстоятельствахъ было рожденіе этой благородной и возвышенной души, которой все удавалось во всѣхъ ея предпріятіяхъ и особенно въ искусствахъ, которыя очаровываютъ наши чувства, каковы: живопись, скульптура и архитектура“. Патрономъ этого мальчика при крещеніи избрали Архангела Михаила.

Отецъ Микель Анжело былъ честнымъ и благочестивымъ человѣкомъ, твердо державшимся старины. Онъ былъ homo religioso ebono e piuttosto d'antichi costumi che no“ [3]), — по словамъ Кандиви, и, узнавъ о чудесномъ предзнаменованіи, сопровождавшемъ рожденіе сына, началъ мечтать о томъ, какъ маленькій Микель Анжело достигнетъ высокихъ чиновъ на службѣ у Флоренціи, сдѣлается богатымъ, всѣми уважаемымъ купцомъ, будетъ однимъ изъ лучшихъ флорентійскихъ гражданъ, на что онъ имѣлъ полное право по своему происхожденію. „Буонарроти,— разсказывалъ Людовико своему сыну:—происходятъ отъ стариннаго рода. Въ 1250 году графъ Симоне Каносса переѣхалъ въ Флоренцію и былъ удостоенъ тамъ правъ природнаго флорентійскаго гражданина. Своему первенцу онъ далъ имя Буонарроти, и, по обычаю, имя это укрѣпилось въ роду, и стали мы именоваться Буонарроти Симоне. А въ роду графовъ Каносса течетъ королевская кровь, родоначальницей ихъ рода была Беатриче, сестра Генриха II“.

Послѣдующія поколѣнія, изысканія современныхъ ученыхъ оставили подъ сильнымъ сомнѣніемъ эту семейную легенду, но во времена Микель Анжело она пользовалась глубокимъ довѣріемъ, и графъ Александръ Каносса именуетъ въ письмѣ Микель Анжело — parente onorato—„достоуважаемый родственникъ“. И самъ Микель Анжело гордится своимъ происхожденіемъ,—онъ съ горечью пишетъ своему племяннику, что нѣкоторые флорентійцы пишутъ ему въ Римъ письма, подписывая: Микель Анжело—скульптору, тогда какъ въ Римѣ его знаютъ, какъ Микель Анжело—Буанарроти.

Въ 1476 году Людовико уѣхалъ снова во Флоренцію и отдалъ своего сына кормилицѣ въ селеніи Сеттиньяно, близъ Флоренціи, гдѣ было небольшое помѣстье Буонарроти. Въ этомъ селеніи было развито искусство отдѣлки камня. Сеттиньянцы славились своимъ мастерствомъ, и ихъ призывали къ участію во всѣхъ архитектурныхъ работахъ. Мужъ кормилицы былъ также scarpellino (каменотесъ), и впослѣдствіи Микель Анжело шутя поговаривалъ, что любовь къ скульптурѣ онъ всосалъ съ молокомъ кормилицы. Съ самаго ранняго дѣтства онъ обнаружилъ любовь къ живописи. Въ Сеттиньяно, гдѣ онъ прожилъ свои дѣтскіе годы, еще въ XVIII вѣкѣ показывали слѣды его первыхъ рисунковъ. „Микель Анжело сталъ рисовать съ того самаго дня, какъ научился владѣть руками“,—пишетъ профессоръ Гриммъ [4]). Но когда Микель Анжело достигъ отроческаго возраста, отецъ забралъ его во Флоренцію, гдѣ отдалъ въ школу Франческо изъ Урбино [5]) изучать латинскую грамматику. Однако Микель Анжело, увлекавшійся нѣсколько лѣтъ спустя бесѣдами съ другимъ просвѣщеннѣйшимъ гуманистомъ Анжело Поллиціано, въ школѣ не считался образцовымъ ученикомъ. Онъ постоянно убѣгалъ изъ нея, чтобы любоваться статуями на площади, фресками церквей или новыми картинами въ мастерской Доменико Гирландайо, Франческо Граначчи. Подъ вліяніемъ послѣдняго онъ рѣшаетъ бросить школу и стать художникомъ. Гирландайо, замѣтившій способности Микель Анжело, поддерживалъ его стремленія. И послѣдній, выдержавъ сильную борьбу съ отцомъ и братьями, которые, видя въ живописи недоходное, низкое ремесло, всячески противились его желанію,—добился, что отецъ 1 апрѣля 1488 года заключилъ договоръ съ Доменико и Давидомъ Гирландайо. По этому договору Микель Анжело поступалъ къ братьямъ Гирландайо на три года, „какъ ученикъ для упражненія въ живописи, и долженъ, кромѣ того, исполнять все, что хозяева ему прикажутъ; въ вознагражденіе за услуги его Доменико и Давидъ платятъ ему сумму въ 24 флорина: 6 въ первый годъ, 8 во второй и 10 въ третій“.

Какъ разъ въ это время Доменико Гирландайо по порученію семьи Торнабуони сталъ расписывать хоры въ церкви Санта Марія Новелла, и Микель Анжело очутился среди кипучей, напряженной художественной работы. Не довольствуясь работой подмастерья, онъ копировалъ гравюры старыхъ мастеровъ, которыя находилъ у Гирландайо. Одну изъ нихъ—„Искушеніе Святого Антонія“, Мартина Шонгауера—онъ нарисовалъ красками въ увеличенномъ масштабѣ и такъ искусно, что самъ Гирландайо, увидѣвъ ее, воскликнулъ, что Микель Анжело—восходящая звѣзда, столь яркая, что затмитъ со временемъ другія, ярко блещущія теперь. И, относясь ревниво къ своей славѣ, выдаетъ эту картину [1]) за свою, „на что, впрочемъ, ему давали право обычаи того времени“,—замѣчаетъ Гриммъ.

Однако съ этого времени Гирландайо начинаетъ относиться къ Микель Анжело недружелюбно, а шутка, которую позволилъ себѣ Микель Анжело, еще болѣе обострила отношенія между учителемъ и ученикомъ. Дѣло въ томъ, что учитель всегда давалъ ученикамъ свои рисунки для производства копій. Такой рисунокъ получилъ и Микель Анжело; спустя нѣкоторое время, онъ возвратилъ его учителю, который, ничего не подозрѣвая, принялъ рисунокъ. Тогда Микель Анжело показалъ ученикамъ такой же рисунокъ, столь похожій на рисунокъ учителя, что самъ Гирландайо не могъ ихъ различить. Оказалось, что Микель Анжело отдалъ свой рисунокъ учителю, а его оставилъ себѣ. Это еще болѣе раздражило Гирладайо и ускорило разрывъ между ними.

Микель Анжело, не получая работъ отъ Гирландайо, ходитъ по городу и копируетъ въ церквахъ фрески старыхъ мастеровъ. Впослѣдствіи, уже живя у Медичи и копируя однажды въ капеллѣ Бранкаччи фрески Мазарріо, онъ ссорится съ однимъ молодымъ художникомъ по имени Торриджано и получаетъ отъ него ударъ кулакомъ по носу. Этотъ случай, изуродовавшій лицо Микель Анжело, сильно повліялъ на его жизнь. Характеръ, и прежде строптивый, онъ становится еще болѣе вспыльчивымъ въ своихъ поступкахъ, еще болѣе бурнымъ въ своихъ страстяхъ. Онъ уже теперь обращаетъ особенное вниманіе на мастеровъ, близкихъ ему по духу. Красочные, чуть-чуть, вычурные мастера, какъ Ботичелли, Перуджино, Веррокіо, Поллайуоло, были ему чужды, хотя онъ отдавалъ имъ должное, какъ большимъ мастерамъ рисунка и краски. Самъ онъ больше тяготѣлъ къ художникамъ, сосредоточеннымъ въ себѣ, болѣе простымъ и болѣе глубокимъ, хранившимъ еще благоговѣйное отношеніе къ живописи, каковы Джотто, Мазарріо.

Изучая художниковъ Ренессанса, онъ проходилъ прекрасную школу; однако изученіе лишь ихъ не могло завершить вполнѣ его развитіе. Они всѣ учились и воспринимали традиціи отъ искусства Грецій и Рима, вновь открытаго ими. Для Микель Анжело нуженъ былъ первоисточникъ, ему надо было поучиться у тѣхъ бѣломраморныхъ боговъ, которые заботливо сохранялись гуманистами. Ему нужно было попасть въ сады Св. Марка, гдѣ заботами Медичи на просвѣщеніе флорентійскаго юношества были собраны прекрасные образцы античной скульптуры, гдѣ старый скульпторъ Бертольдо училъ о красотѣ человѣческаго тѣла, а просвѣщеннѣйшіе гуманисты разсказывали о возвышенныхъ легендахъ античности.

Случай помогъ Микель Анжело.

IV.

Фраческо Граначчи, бывшій на пять лѣтъ старше Микель Анжело, красивый, даровитый юноша, постоянно участвовалъ въ карнавалахъ, которые Медичи устраивали для увеселенія флорентійскихъ гражданъ, и обратилъ на себя вниманіе самого Лоренцо, разрѣшившаго ему съ товарищемъ посѣщать Св. Марка. Тутъ Микель Анжело замѣтилъ самъ великолѣпный Лоренцо, поразившійся исполненной юнымъ скульпторомъ головой фавна. Желая помочь развитію таланта, Лоренцо Медичи приглашаетъ къ себѣ отца Микель Анжело, удрученнаго, что сынъ его изъ живописца хочетъ стать „каменотесомъ“, и, обезоруживъ его своей любезностью, добивается у суроваго флорентійца увѣренія, что „не только сынъ его, но и самъ онъ со всѣми домочадцами готовъ служить его великолѣпію жизнью и состояніемъ“.

Микель Анжело поселяется во дворцѣ Медичи, получивъ отдѣльную комнату и ежемѣсячно пять дукатовъ [2]). Онъ весь уходитъ въ изученіе античнаго міра. Самое высокое искусство, по его мнѣнію, заключается здѣсь, въ статуяхъ, наполняющихъ сады

[1]) Письмо португальскаго художника де-Голланда къ королю Португаліи Іоанну III около 1537 г.

[2]) Подеста—выборный градоначальникъ.

[3]) Человѣкъ благочестивый и добрый и болѣе склонный къ обычаямъ старины.

[4]) Herrmann Grimm. Leben Michel Angelos.

[5]) Извѣстный гуманистъ, первый составитель латинской грамматики.

[1]) Картина сохранилась донынѣ и находится, по однимъ свѣдѣніямъ, у семьи Бьянкони, а по другимъ—у скульптора де Трикети въ Парижѣ.

[2]) Золотая монета, около пяти руб.

Св. Марка. Наибольшей похвалой для него является сравненіе съ античностью. И ученые, группировавшіеся подлѣ Лоренцо Медичи, также проникнуты восторгомъ предъ античнымъ міромъ, и слова ихъ еще болѣе зажигаютъ въ Микель Анджело любовь къ Греціи и Риму и заставляютъ его пылать стремленіемъ къ благородному соревнованію. По совѣту Анджело Поллиціано [1]), онъ работаетъ надъ барельефомъ „Бой кентавровъ съ лапиѳами“. Въ этой работѣ, вызвавшей всеобщее восхищеніе, уже замѣтны тѣ элементы, которые впослѣдствіи развернулись въ творчествѣ Микель Анжело.

Микель Анжело былъ слишкомъ богатъ художественными образами и слишкомъ необузданъ въ своемъ порывѣ. Въ восторгѣ передъ человѣческомъ тѣломъ, онъ нагромождаетъ тѣла, заставляетъ глазъ утомляться созерцаніемъ богатства позъ, смѣлостью раккурсовъ, и потому его богатство кажется иногда излишествомъ, его смѣлость — вычурностью. Однако силой своего генія онъ удержался на столь необъятной высотѣ, что послѣ него могъ наступить только упадокъ, вырожденіе Ренессанса въ барокко. „Бой кентавровъ съ лапиѳами“ именно поражаетъ множествомъ сплетенныхъ тѣлъ на небольшой сравнительно поверхности мрамора. Видно, что Микель Анжело подражаетъ антикамъ, но не эпохи расцвѣта Эллады, а эпохи угасанія эллинскихъ традицій въ Римѣ, когда пышность и умѣлость мастера цѣнились выше, чѣмъ простота и глубина замысла.

Но это произведеніе все еще дѣтское, въ немъ онъ больше учится, чѣмъ творитъ. Восторгъ передъ открытыми римскими саркофагами, которые дали Микель Анжело методъ выполненія „кентавровъ“, мѣшаетъ ему вполнѣ найти себя. И въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ мы будемъ находить слѣды юношескихъ увлеченій, слѣды поклоненія передъ Римомъ и передъ скульпторомъ Донателло, пока онъ не выработаетъ свой стиль, свою манеру.

Скульпторъ Бертольдо, ученикъ Донателло, многое разсказываетъ Микель Анжело о своемъ учителѣ. И творенія Донателло пришлись по сердцу Микель Анжело, потому что онъ нашелъ отголосокъ творчества Донателло у себя въ душѣ, потому что они были геніями одной породы, одной напряженности. Указываютъ, что Микель Анжело находился подъ несомнѣннымъ обаяніемъ творчества Донателло, что „Св. Іоаннъ“ послѣдняго навѣялъ ему мысль „О Моисеѣ“ а „Св. Георгій“—о „Давидѣ“, и наконецъ въ палаццо Мартелли хранится статуя, которую и по настоящее время ученые не знаютъ, кому приписать — Микель Анжело или Донателло.

Во Флоренціи Микель Анжело, научившись у Бертольдо литью изъ бронзы, выливаетъ барельефъ „Мадонну“, тоже увлеченный творчествомъ Донателло, и задумываетъ рядъ произведеній, подражающихъ антикамъ. Смерть Лоренцо мѣняетъ образъ его жизни, онъ селится у отца и секретно, опасаясь обвиненія въ волшебствѣ и чернокнижіи, изучаетъ анатомію въ монастырѣ Санъ-Спирито.

Микель Анжело Буонарроти. Автопортретъ.

Флоренція переживала въ то время состояніе кающейся грѣшницы, ее бичевалъ жестокими рѣчами Савонарола, и она, уставшая отъ вѣчнаго веселья и карнаваловъ, покорно преклоняла голову передъ его проклятіями. Флорентійскіе граждане все болѣе и болѣе жаждали свободы, и все сильнѣе росло ихъ негодованіе противъ Пьеро Медичи, сына Лоренцо, не прекращавшаго веселой, распутной жизни, несмотря на несчастія, надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера двигался на Италію французскій король Карлъ VIII, а въ небесахъ и на землѣ, по словамъ лѣтописцевъ, не прекращались чудесныя явленія Божьяго гнѣва.

Священныя изображенія источали кровь, гдѣ-то ночью въ небѣ загорѣлись три солнца: проѣзжавшіе ночью близъ Флоренціи видѣли, какъ въ воздухѣ носятся гигантскія арміи на бѣшеныхъ коняхъ, и слышали звонъ ихъ мечей. Когда умиралъ Лоренцо Il Magnifico, то внезапно загремѣлъ при ясномъ небѣ громъ, и молнія ударила въ куполъ Санта Фіоре, а ночью погасла яркая звѣзда, стоявшая надъ дворцомъ Медичи.

Джироламо Савонарола все болѣе мощнымъ словомъ призывалъ людей къ покаянію, умерщвленію земныхъ помысловъ, изгнанію земныхъ владыкъ и созданію изъ Флоренціи града Божьяго.

Не дождавшись открытаго возстанія, Микель Анжело съ музыкантомъ Кардьеро покидаетъ въ 1794 году Флоренцію и отправляется въ Венецію, а оттуда—въ Болонью. Здѣсь онъ дружится съ семьей уважаемаго болонскаго гражданина Альдобранди, который достаетъ ему работу—двѣ статуи для церкви св. Петронія, гдѣ хранятся мощи св. Доминика. Эти статуи и должны были быть включены въ число статуй, украшающихъ саркофагъ. Удачно выполненная работа вызвала зависть болонскихъ скульпторовъ, и они стали добиваться удаленія Микель Анжело изъ Болоньи. Но, желая избѣгнуть непріятностей, онъ самъ покидаетъ городъ и возвращается во Флоренцію.

За полуторагодичное отсутствіе Микель Анжело Флоренція многое пережила. Она изгнала Медичисовъ, въ ней хозяйничали войска Карла VIII, а къ пріѣзду Микель Анжело она покорно исполняла всѣ велѣнія суроваго Савонаролы. Флорентійцы сносили всѣ произведенія искусства свѣтскаго, всѣ „орудія тщеты и порока“ на площадь Синьоріи и все созданное „мірской суетой“ складывали въ одинъ огромный костеръ [1]), надъ которымъ о. Джироламо произносилъ свои пламенныя рѣчи. Однако слишкомъ глубоко вѣрилъ Микель Анжело въ святость своего искусства, въ то, что оно — подобіе Божіе, чтобы слова Савонаролы могли убѣдить его. И подъ покаянные псалмы проходящихъ по улицѣ флорентійцевъ онъ изваялъ спящаго Амура. Амуру этому онъ придалъ видъ античнаго, найденнаго при раскопкахъ, и отправилъ въ Римъ для продажи. „Амуръ“ былъ купленъ кардиналомъ Ріаріо, какъ античный. Но вскорѣ Ріаріо узналъ поддѣлку и послалъ во Флоренцію справиться, есть ли тамъ столь даровитый художникъ, и пригласить его въ Римъ. Посланный нашелъ Микель Анжело и убѣдилъ его въ іюнѣ 1496 г. ѣхать въ Римъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Живыя палочки.

Очеркъ прив.-доц. **П. Ю. Шмидта.**
(Съ 7 рисунками на стр. 235).

Всѣмъ извѣстно, что въ Индіи и въ другихъ тропическихъ странахъ водятся насѣкомыя, которыя своимъ внѣшнимъ видомъ чрезвычайно напоминаютъ стебли растеній или просто сухія палочки,—ихъ такъ и называютъ живыми палочками или палочниками. Навѣрное не всѣ однако знаютъ, что одно изъ такихъ насѣкомыхъ уже лѣтъ десять тому назадъ привезено французскими миссіонерами изъ сѣверной Индіи въ Европу, разводится тамъ у многихъ ученыхъ и любителей и наконецъ дошло и до насъ—появилось въ Петербургѣ и, кажется, въ Москвѣ.

Будучи однимъ изъ обладателей этихъ курьезныхъ насѣкомыхъ, научное названіе которыхъ Carausius morosus (изъ семейства фазмидъ, относящагося къ прямокрылымъ), я позволю себѣ по-

[1]) Блестящій знатокъ греческой и римской литературы, поэтъ, другъ Лоренцо.

[1]) По словамъ хроникъ, венеціанскіе купцы предлагали за этотъ костеръ 20.000 дукатовъ.

дѣлиться съ читателями нѣкоторыми своими наблюденіями и опытами надъ живыми палочками.

Представьте себѣ палочку дюйма въ 2—2½ длиною и въ половину тоньше карандаша, свѣтло-зеленаго цвѣта, на шести длинныхъ и тонкихъ ножкахъ, которыми она можетъ съ большою ловкостью карабкаться по вѣтвямъ и даже ходить по стеклу. На головѣ—длинные щетинкообразные усики и маленькіе въ видѣ пятнышекъ глаза. Тѣло насѣчками раздѣлено на сегменты, и на немъ незамѣтно никакихъ признаковъ крыльевъ. Переднія ножки обладаютъ нѣсколько утолщенными бедрами, и въ нихъ имѣются глубокіе вырѣзы, въ которые какъ разъ помѣщаются щеки, когда ножки вытянуты впередъ. Эти вырѣзы—ярко-краснаго цвѣта и рѣзко выдѣляются на зеленомъ фонѣ остальной окраски насѣкомаго.

Все строеніе и вся внѣшность нашей палочки приспособлены къ тому, чтобы обманывать ея враговъ—насѣкомоядныхъ птицъ, древесныхъ ящерицъ и змѣй, которыя также навѣрное не прочь полакомиться крупной и вкусной добычей. Когда же это существо сидитъ неподвижно на стеблѣ или сучкѣ растенія, между листьями, то и человѣческій глазъ лишь съ трудомъ отличаетъ его. Мнѣ нерѣдко приходилось при перемѣнѣ растеній въ садкѣ, гдѣ у меня жили палочки, проглядывать ту или другую бѣглянку и выбрасывать ее вмѣстѣ съ объѣденными растеніями. Лишь когда насѣкомое начинаетъ шевелиться и быстро-быстро раскачиваться на своихъ длинныхъ ногахъ, оно обращаетъ на себя вниманіе.

Едва ли найдется насѣкомое, болѣе удобное для разведенія въ комнатѣ, какъ наша палочка. Къ пищѣ она чрезвычайно нетребовательна, и, выращивая съ дѣтскаго возраста, ее можно пріучить почти къ любому растенію; такъ, у меня онѣ кормились зимою петрушкой, а лѣтомъ—шиповникомъ. Впрочемъ, разъ пріученное къ какой-нибудь пищѣ, насѣкомое уже лишь съ трудомъ переучивается.

Въ качествѣ жилища палочкамъ лучше всего можетъ служить садокъ для гусеницъ, но можно ихъ держать и просто въ большой банкѣ, завязанной сверху металлической сѣточкой или кисеею. Пищу приходится перемѣнять черезъ 2—3 дня, въ зависимости отъ аппетита насѣкомыхъ.

Размножаются палочки чрезвычайно легко; при томъ особенно замѣчательно, что всѣ тѣ, которыя до сихъ поръ удалось вывести въ неволѣ,—исключительно самки,—ни одного самца никому еще не удалось получить. Впрочемъ, и на родинѣ самцы встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, и очевидно, тамъ точно такъ же нормально происходитъ „дѣвственное размноженіе“ или „партеногенезъ“. Каждая палочка, достигнувъ вполнѣ взрослаго состоянія, откладываетъ постепенно одно за другимъ, съ большими промежутками, яички—овальной формы, темно-бураго цвѣта, имѣющія видъ зеренъ. Насѣкомое нисколько не заботится о своемъ потомствѣ и просто даетъ яичкамъ падать на землю, гдѣ они и лежатъ, вплоть до вылупленія молодыхъ, въ теченіе 3—3½ мѣсяцевъ.

При вылупленіи съ одного конца яйца какъ бы снимается крышечка, и оттуда выползаетъ длинная, тоненькая палочка, лежавшая тамъ, повидимому, свернувшись въ три погибели. Молодое насѣкомое уже вполнѣ напоминаетъ своимъ строеніемъ взрослое, только непропорціанально тоньше и брюшко свое держитъ загнутымъ кверху. Иногда при вылупленіи одна изъ ножекъ не можетъ освободиться отъ клейкой скорлупы яйца, и новорожденное насѣкомое нѣсколько дней гуляетъ, волоча за собою скорлупу на ногѣ и напоминая каторжника, прикованнаго къ ядру.

Молодая палочка сперва бураго цвѣта, но затѣмъ, какъ только она попробуетъ зелени, она сама зеленѣетъ и начинаетъ быстро расти и развиваться. При этомъ она шесть или семь разъ сбрасываетъ свою наружную хитиновую оболочку или, какъ говорятъ, линяетъ; каждый разъ послѣ смѣны шкурки насѣкомое оказывается значительно выросшимъ и наконецъ черезъ 5—6 мѣсяцевъ достигаетъ зрѣлаго возраста и начинаетъ нести яички. Весь этотъ циклъ развитія совершенно не зависитъ отъ времени года; такъ, на своей родинѣ палочки не знаютъ зимы и лѣта. Живутъ онѣ, впрочемъ, не долго: отъ выхода изъ яйца всего 10—12 мѣсяцевъ.

Такова несложная и не представляющая ничего особеннаго жизнь палочки, и ея развитіе ничѣмъ не отличается отъ развитія другихъ прямокрылыхъ, напримѣръ, нашихъ кузнечиковъ. Въ одномъ отношеніи однако палочки все же представляютъ нѣкоторую замѣчательную особенность, на которой слѣдуетъ остановиться подробнѣе,—это ихъ пребываніе въ состояніи каталепсіи.

Обыкновенно днемъ палочки сидятъ на растеніяхъ совершенно неподвижно, преимущественно въ той позѣ, какая изображена на рис. 2. Переднія ножки вытянуты вмѣстѣ съ усиками и образуютъ какъ бы естественное продолженіе палочкообразнаго туловища. Насѣкомое не только не покидаетъ своего мѣста, но даже и не шелохнется. Лишь вечеромъ оно приходитъ въ движеніе, влѣзаетъ на листья и начинаетъ ихъ обгладывать.

Покойное состояніе палочки можно было бы принять за дневной сонъ, наблюдаемый у большинства ночныхъ животныхъ, но стоитъ сдѣлать нѣсколько самыхъ простыхъ опытовъ, чтобы убѣдиться, что сонъ этотъ не совсѣмъ обыкновенный.

Дѣйствительно, возьмемъ пинцетъ (щипчики), поднимемъ переднюю часть тѣла насѣкомаго такъ, чтобы она стояла подъ угломъ, раздвинемъ его переднія ножки и согнемъ ихъ — насѣкомое останется стоять въ такомъ необычномъ положеніи (рис. 3) и пробудетъ въ немъ нѣсколько часовъ. Вмѣсто передняго конца тѣла можно точно такъ же поднять задній конецъ и заставить насѣкомое стоять на четырехъ переднихъ ногахъ.

При нѣкоторой сноровкѣ можно произвести еще болѣе курьезный опытъ: можно поставить насѣкомое прямо на голову (рис. 1). Для этого приходится согнуть угломъ его переднія ноги, разставить вторую пару ногъ и придать палочкѣ такую позу, чтобы она упиралась въ плоскость стола усиками, головой, согнутой первою парою ногъ и кончиками лапъ второй пары. Поставленное въ такую неудобную позу, насѣкомое стоитъ, не шелохнется и можетъ простоять такъ нѣсколько часовъ. Въ одномъ изъ опытовъ оно пробыло у меня въ такомъ положеніи 4½ часа!

Далѣе можно заставить палочку изображать изъ себя цирковаго борца, дѣлающаго „мостъ“: для этого надо поставить ее на голову, а затѣмъ перегнуть туловище назадъ, спиною внизъ, и упереть его конецъ въ какой-нибудь предметъ (рис. 5). И въ этой невѣроятной позѣ палочка стоитъ, какъ заколдованная, безъ конца!

При опытахъ этихъ обнаруживается, что всѣ мышцы палочки напряжены, и при томъ чрезвычайно сильно. Для того, чтобы согнуть туловище или ножку, надо употребить нѣкоторое усиліе, но когда сопротивленіе преодолѣно, и конечности придано новое положеніе, то это новое положеніе удерживается съ такою же стойкостью. Покоящаяся палочка кажется сдѣланной изъ воска и мягкой проволоки,—ей можно придать какую угодно позу, и она эту позу сохраняетъ очень долгое время.

Такое состояніе мышцъ наблюдается и у высшихъ животныхъ и у человѣка при каталепсіи, т.-е. въ состояніи гипноза. Въ каталепсической стадіи гипноза человѣку можно придать точно такъ же какую угодно позу, и онъ удерживаетъ ее часами, не обнаруживая никакой усталости. Всѣ мышцы его обладаютъ, какъ говорятъ физіологи: „восковою пластичностью“. Точно такое же состояніе мышцъ можно наблюдать и у многихъ животныхъ, если привести ихъ въ состояніе, сходное съ гипнозомъ человѣка.

Наша живая палочка отличается однако отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, обнаруживающихъ каталепсическое состояніе, тѣмъ, что она сама себя приводитъ въ каталепсію, тогда какъ другихъ животныхъ приходится приводить различными, производимыми надъ ними, манипуляціями.

Вывести ее изъ состоянія каталепсіи можно, но довольно трудно: для этого необходимо очень сильно раздражать ее, либо сдавливая конецъ брюшка пинцетомъ, либо давая сильные электрическіе удары, или, наконецъ, нагрѣвая до температуры 37,5° Ц. Съ другой стороны, пораненія и отрѣзаніе конечностей и даже брюшка не выводятъ насѣкомое изъ неподвижнаго состоянія. У насѣкомаго, стоящаго въ каталепсическомъ оцѣпенѣніи, можно по кусочкамъ отрѣзать брюшко, отрѣзать ножки и усики—и оно не проснется, даже не дрогнетъ!

Сходство состоянія покоящихся палочекъ съ каталепсіей можно доказать еще однимъ курьезнымъ опытомъ, обнаруживающимъ, какъ велико у палочки напряженіе всѣхъ мышцъ. Извѣстно, что гипнотизеры часто показываютъ такой опытъ: загипнотизированнаго субъекта кладутъ на два стула такъ, чтобы затылкомъ онъ лежалъ на сидѣньѣ одного стула, а пятками—на сидѣньѣ другого. Тѣло его при наступленіи каталепсіи вытягивается, какъ палка, и становится твердымъ и не сгибающимся. Человѣкъ въ такомъ состояніи можетъ пролежать часами, и на его туловище можно даже положить еще значительную тяжесть.

То же самое легко продѣлать и надъ палочками. Палочку, вытянувшуюся въ струнку, можно положить между двумя книгами или между двумя ящичками такъ, что она будетъ упираться концами переднихъ ножекъ и усиковъ и концомъ брюшка (рис. 3). Въ такомъ положеніи палочка можетъ пролежать безконечно долго. Ее можно при этомъ нагрузить нѣкоторой тяжестью, напр., повѣсить нѣсколько бумажныхъ полосокъ или прицѣпить даже къ ней другую палочку (рис. 4). Тѣло ея согнется дугою, но напряженіе мышцъ такъ велико, что она все же удержится и въ этомъ трудномъ положеніи!

Такое удивительное свойство впадать въ столь глубокую и сильную каталепсію должно, конечно, объясняться какой-нибудь потребностью, зависящей отъ образа жизни. Если вдуматься въ условія жизни палочки, то не трудно догадаться, въ чемъ дѣло. Все строеніе и весь образъ жизни насѣкомаго приспособлены къ тому, чтобы походить на неодушевленные предметы. Каталепсія прибавляетъ еще одну лишнюю черту сходства. Если мы представимъ себѣ, что насѣкомое въ его неподвижномъ состояніи задѣлъ падающій листъ или сучокъ и придалъ ему иную, новую позу, то оно не сдѣлаетъ рѣзкаго движенія, какъ сдѣлало бы всякое другое живое существо, не отдернется и не шелохнется. Оно не выдастъ себя и не позволитъ замѣтить окружающимъ врагамъ, что оно живо,—нѣтъ, оно будетъ вести себя, благодаря каталепсіи, совершенно какъ неодушевленный предметъ, какъ настоящая палочка.

Даже если бы его задѣла ящерица или клюнула птица, оно выдержало бы и это испытаніе и сохранило бы свое инкогнито,—быть-можетъ, ему при этомъ и на самомъ дѣлѣ удалось бы ввести въ заблужденіе врага, заставить его подумать, что это не живая, а мертвая палочка!

Въ этой-то поддѣлкѣ подъ неодушевленный предметъ и кроется, безъ сомнѣнія, разгадка каталепсіи живой палочки.

Рис. 1. Палочка, стоящая на головѣ.

Рис. 4. Гипнотическій опытъ.

Рис. 2. Живыя палочки въ натуральную величину.

Рис. 5. „Мостъ“ борца.

Рис. 6. „Живой“ букетъ.

Рис. 3. Гипнотическій опытъ.

Рис. 7. Палочка въ каталепсіи.

Живыя палочки.

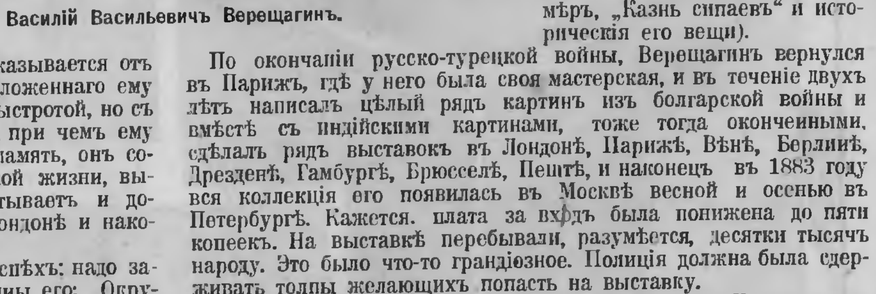
В. В. Верещагинъ.

(1842—1904).

Очеркъ І. І. Ясинскаго. (Съ портр. и 6 картинами на стр. 221—228).

Минуло десять лѣтъ со времени трагической и вмѣстѣ геройской смерти одного изъ величайшихъ русскихъ художниковъ— Василія Васильевича Верещагина. Почти вся жизнь этого человѣка, яркая и интересная, пронеслась передъ нами, какъ метеоръ, несмотря на то, что она не была бѣдна количествомъ лѣтъ: когда Верещагинъ взошелъ на бортъ злополучнаго „Петропавловска", ему было уже за шестьдесятъ. Но таково свойство духа великихъ людей, подобныхъ Верещагину, что жизненный путь, пробѣгаемый ими, когда слѣдишь за нимъ на историческомъ разстояніи, всегда кажется головокружительно-быстрымъ.

Верещагинъ былъ сыномъ помѣщика, которому хотѣлось сдѣлать изъ него свѣтскаго человѣка въ ближайшемъ будущемъ, а въ отдаленномъ — по крайней мѣрѣ адмирала. Но юноша, уже будучи гардемариномъ, весь ушелъ въ рисунокъ, сталъ посѣщать классы живописи „Общества Поощренія", поступилъ въ Академію, не могъ подчиниться ея требованіямъ, хотя обратилъ уже на себя вниманіе профессоровъ, и въ теченіе ряда лѣтъ мы видимъ его то на Кавказѣ, рисующимъ кавказскіе типы, то въ Парижѣ, гдѣ его черные рисунки принимаются въ „Салонѣ" и вызываютъ ропотъ одобренія, то въ Новгородской губерніи за этюдами бурлаковъ (онъ чуть не предупредилъ Рѣпина), то вдругъ въ Туркестанѣ, въ Средне-Азіатскихъ степяхъ. Онъ участвуетъ съ палитрой въ одной рукѣ и съ винтовкой въ другой въ походахъ, дѣлаетъ эскизы на лету, насыщаетъ свой глазъ пестрыми красками Закаспійскаго Востока и, въ качествѣ „охотника", защищаетъ Самаркандъ отъ десятковъ тысячъ туркменъ въ то время, какъ у него подъ командой едва пятьсотъ человѣкъ гарнизона. Офиціальный начальникъ гарнизона въ восторгѣ отъ его храбрости, мужества и разумной разсудительности. Верещагинъ много разъ рискуетъ жизнью, наводитъ страхъ на врага, своей отвагой вызываетъ къ себѣ довѣріе и любовь солдатъ, получаетъ Георгія, но отказывается отъ чиновъ, какъ впослѣдствіи онъ отказался отъ предложеннаго ему Академіей званія профессора. Съ изумительной быстротой, но съ затратой великихъ трудовъ и точныхъ наблюденій, при чемъ ему помогаетъ необыкновенно развитая зрительная память, онъ создаетъ рядъ всевозможныхъ картинъ изъ азіатской жизни, выставляетъ ихъ частью въ Петербургѣ, перерабатываетъ и доканчиваетъ ихъ въ Мюнхенѣ, выставляетъ въ Лондонѣ и наконецъ опять въ Петербургѣ.

Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Въ Петербургѣ выставка его имѣла огромный успѣхъ: надо замѣтить, она была безплатная. Потрясающія картины его: „Окружили, преслѣдуютъ", гдѣ изображена была горсть русскихъ солдатъ, тѣснимыхъ врагами, „Забытый"—русскій солдатъ, умирающій одиноко въ степи, а также „Вошли",—на которой одинъ изъ русскихъ солдатиковъ куритъ трубку, были уничтожены самимъ авторомъ, такъ какъ въ „сферахъ" нашли, что картины эти тенденціозны. Тутъ сказался горячій темпераментъ Верещагина. Кромѣ картинъ, было еще множество рисунковъ. Туркестанскую выставку пріобрѣлъ извѣстный коллекціонеръ Третьяковъ.

Съ Академіей Верещагинъ, можно думать, никогда не ссорился. Если онъ отказался отъ званія профессора, которое было ему присуждено послѣ Туркестанской выставки, то потому, что онъ крѣпко былъ убѣжденъ не только въ безполезности, но и въ вредности чиновъ и отличій: онъ просто остался вѣренъ самому себѣ. Но Академія выразила свое порицаніе поступку Верещагина тѣмъ, что исключила его изъ списка своихъ членовъ. Въ это время онъ находился уже въ Индіи, гдѣ пробылъ два года. Взбирался на Гималайскія горы, гдѣ чуть не погибъ во [illegible]ахъ. Поселился въ Парижѣ и писалъ картины по своимъ индійскимъ этюдамъ. А какъ только возгорѣлась русско-турецкая война, бросился на Дунай въ отряды Скобелева и Гурко. Въ немъ жилъ безпокойный творческій духъ, и сильна была его жажда живописныхъ и драматическихъ впечатлѣній. На Дунаѣ, чтобы видѣть, какъ взрываются бомбы въ водѣ, онъ съ красками и кистями располагается на обстрѣливаемой турками баркѣ и до тѣхъ поръ пишетъ съ натуры, пока барка подъ нимъ не распадается на щепы. Когда лейтенантъ Скрыдловъ, нынѣ адмиралъ (лично передававшій мнѣ подробности дѣла), пошелъ съ миноноской на турецкій боевой пароходъ, Верещагинъ взялъ на себя командованіе механической частью. Пули сыпались градомъ на миноноску. Что-то около двадцати ранъ получилъ Скрыдловъ, и огромная рана въ бедро была получена Верещагинымъ. Потомъ онъ долго лежалъ въ Бухарестѣ, но едва излѣчился, какъ уже помчался опять на театръ войны. Бои на Шипкѣ онъ писалъ съ натуры, а вокругъ него разрывались бомбы. Восхожденіе на гору онъ совершилъ съ ящикомъ красокъ на второй день послѣ битвы уже по разлагающимся трупамъ. Верещагинъ ненавидѣлъ войну, какъ человѣкъ, и странной любовью любилъ ея ужасы, какъ живописецъ. При генералѣ Струковѣ, совершившемъ кавалерійскій набѣгъ на Адріаноноль, Верещагинъ исполнялъ всѣ обязанности начальника штаба.

Кто не помнитъ его поразительной картины „Панихида"? Все поле усѣяно трупами, стоитъ священникъ вмѣстѣ съ солдатикомъ, исполняющимъ должность понамаря, и отпѣваетъ убіенныхъ. Въ свое время указывали на неестественность такой панихиды, но Верещагинъ говорилъ, и я самъ это слышалъ, что панихида, изображенная имъ, была написана по этюду съ натуры. Онъ писалъ всегда только то, что было, и что онъ самъ видѣлъ. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя индійскія картины его (напримѣръ, „Казнь сипаевъ" и историческія его вещи).

По окончаніи русско-турецкой войны, Верещагинъ вернулся въ Парижъ, гдѣ у него была своя мастерская, и въ теченіе двухъ лѣтъ написалъ цѣлый рядъ картинъ изъ болгарской войны и вмѣстѣ съ индійскими картинами, тоже тогда оконченными, сдѣлалъ рядъ выставокъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Брюсселѣ, Пештѣ, и наконецъ въ 1883 году вся коллекція его появилась въ Москвѣ весной и осенью въ Петербургѣ. Кажется, плата за входъ была понижена до пяти копеекъ. На выставкѣ перебывали, разумѣется, десятки тысячъ народу. Это было что-то грандіозное. Полиція должна была сдерживать толпы желающихъ попасть на выставку.

Разсказывали, что будто Императоръ Александръ II остался недоволенъ картинами Верещагина. Но это невѣрно. Пора установить фактъ, что Государь, напротивъ, лично благодарилъ Верещагина за правдивое изображеніе войны, и если были недовольные, то среди тѣхъ генераловъ, которые, окружая Дворъ, еще не нюхали пороху, и которыхъ естественно отпугивала отъ себя будничная сторона войны. Имъ хотѣлось бы видѣть на боевыхъ картинахъ только парадныя краски, какъ и водилось въ старое доброе время.

За свои картины Верещагинъ получалъ огромныя деньги, но онъ ихъ не цѣнилъ и бросалъ на новыя впечатлѣнія. Въ 1884 г. онъ отправился опять въ Индію, а изъ Индіи—въ Палестину и Сирію.

Палестинскія картины его были выставлены потомъ въ Вѣнѣ, и здѣсь онѣ вызвали полемику между католическими и раціоналистическими газетами. Католическій епископъ даже проклялъ картины Верещагина. Выставлена была, между прочимъ, картина „Входъ въ Гробницу Королей". Конечно, не она была предметомъ

полемики, а сцены изъ жизни Іисуса Христа. Въ Вѣнѣ же была выставлена картина „Тріумфальный въѣздъ индійскаго вице-короля", которую раньше видѣли петербуржцы, и „Индійская казнь"—разстрѣлъ изъ пушекъ. Тамъ же, въ видѣ протеста противъ смертной казни, были выставлены еще двѣ картины подобнаго же содержанія. Послѣ выставки этихъ картинъ въ Берлинѣ и въ Лейпцигѣ Верещагинъ перевезъ ихъ въ Америку, гдѣ онѣ страшно нашумѣли.

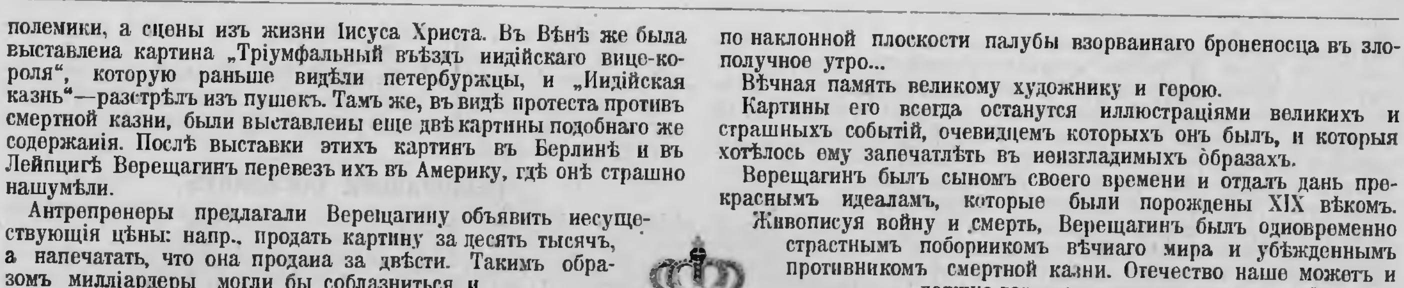
Антрепренеры предлагали Верещагину объявить несуществующія цѣны: напр., продать картину за десять тысячъ, а напечатать, что она продана за двѣсти. Такимъ образомъ милліардеры могли бы соблазниться, и вмѣстѣ съ антрепренерами Верещагинъ заработалъ бы по крайней мѣрѣ полмилліона на свою долю. Но Верещагинъ отказался отъ такой „системы". Между прочимъ, антрепренеры въ концѣ концовъ надули Верещагина, и нѣкоторыя картины его погибли.

Время шло, но не успокаивался Верещагинъ. Въ Америкѣ онъ написалъ нѣсколько картинъ мѣстнаго характера, вернулся въ Россію, создалъ циклъ картинъ 1812 года, какъ бы параллельныхъ безсмертнымъ страницамъ „Войны и Мира", побывалъ въ Японіи, написалъ тамъ экзотическіе этюды и, какъ только разразилась гроза на берегахъ Тихаго океана, ринулся на Дальній Востокъ. Онъ былъ еще очень бодръ, хотя очевидцы передавали намъ, что Верещагинъ уже слегка горбился. Писалъ онъ на „Петропавловскѣ", простаивая по цѣлымъ часамъ на верхней палубѣ. Капитанъ Іенишъ разсказываетъ, что въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Верещагина, какъ тотъ скользилъ по наклонной плоскости палубы взорваннаго броненосца въ злополучное утро...

Вѣчная память великому художнику и герою.

Картины его всегда останутся иллюстраціями великихъ и страшныхъ событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, и которыя хотѣлось ему запечатлѣть въ неизгладимыхъ образахъ.

Верещагинъ былъ сыномъ своего времени и отдалъ дань прекраснымъ идеаламъ, которые были порождены XIX вѣкомъ. Живописуя войну и смерть, Верещагинъ былъ одновременно страстнымъ поборникомъ вѣчнаго мира и убѣжденнымъ противникомъ смертной казни. Отечество наше можетъ и должно гордиться, насчитывая въ числѣ своихъ гражданъ такихъ людей, какъ покойный Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Къ прибытію въ Россію Высокихъ Гостей — Румынскаго Наслѣднаго Принца Фердинанда, Августѣйшаго племянника Его Величества Короля Карла I, съ Августѣйшей Супругой, принцессой Маріей, дочерью Великой Герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской Маріи Александровны, Августѣйшей Сестры Императора Александра III, и Августѣйшимъ Сыномъ, будущимъ наслѣдникомъ Румынскаго престола, принцемъ Каролемъ, числящимся въ спискахъ 16-го пѣхотнаго Вологодскаго полка.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій.

(Портр. на стр. 238).

26 февраля с. г. скончался въ преклонномъ возрастѣ—88 лѣтъ отъ роду—послѣдній изъ могиканъ великой эпохи реформъ, непосредственный участникъ освобожденія крестьянъ отъ рабской зависимости и вмѣстѣ всемірно-извѣстный ученый географъ, Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянь-Шанскій.

Въ лицѣ покойнаго отошелъ изъ этого міра замѣчательный общественный дѣятель, посвятившій свою долгую жизнь служенію высшимъ идеаламъ общественности. Его имя тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ, что было лучшаго въ нашей общественности, и что вошло въ нее въ эпоху реформъ, когда около Царя-Освободителя сплотились замѣчательнѣйшіе наши государственные люди для дружной работы по обновленію нашего

внутренняго строя. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій былъ однимъ изъ этихъ людей, и притомъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся... Онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцева въ грандіозной работѣ проведенія крестьянской реформы и послѣ смерти Ростовцева замѣнилъ послѣдняго въ его непосредственныхъ сношеніяхъ съ Государемъ по дѣламъ крестьянской реформы. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій принималъ громадное участіе въ трудахъ знаменитой Редакціонной Комиссіи и упорно боролся съ противниками реформы, стремясь провести ее во всей полнотѣ. И та степень полноты, которой удалось добиться дѣятелямъ освобожденія крестьянъ, въ весьма значительной степени была результатомъ дѣятельности покойнаго П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Послѣ реформы дѣятельность покойнаго продолжала итти тѣмъ же путемъ сознательнаго и цѣлесообразнаго служенія народному благу. Имъ было совершено громадное по своему значенію изслѣдованіе поземельной собственности въ Россіи, въ которомъ собрано множество цѣнныхъ данныхъ о нашемъ народномъ богатствѣ, о способахъ использованія этого богатства и о состояніи народныхъ землевладѣльческихъ силъ вообще. Затѣмъ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій много и плодотворно работалъ по переселенческому вопросу въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ области статистики. Знаніемъ статистическихъ данныхъ, умѣло разработанными статистическими пріемами онъ побѣждалъ своихъ противниковъ въ Редакціонной Комиссіи при разработкѣ освободительной реформы. Позднѣе П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій впервые у насъ, въ Россіи, создалъ правильную официальную статистику и въ теченіе долгихъ 35 лѣтъ былъ директоромъ Статистическаго Совѣта. Дѣятельность его въ этомъ направленіи отмѣчена большими заслугами. Въ качествѣ статистика, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій явился организаторомъ первой Всероссійской переписи (въ 1897 году) этого грандіознаго статистическаго предпріятія, до той поры небывалаго въ Россіи.

Таковы значеніе и роль П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ сферѣ государственно-общественной дѣятельности. Не менѣе извѣстенъ онъ и какъ ученый. Еще до своего блестящаго выступленія въ качествѣ дѣятеля эпохи великихъ реформъ онъ уже составилъ себѣ имя крупными научными трудами по ботаникѣ и географіи. Позднѣе онъ специализировался на географіи, совершилъ нѣсколько экспедицій съ научной цѣлью въ далекую Азію, на Шпицбергенъ и на Кавказъ и сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ географическихъ изслѣдованій. Онъ былъ первымъ изслѣдователемъ Тянь-Шаня и далъ свое имя одному изъ высочайшихъ пиковъ этой горной области. Прибавка къ его фамиліи „Тянь-Шанскій" обязана своимъ возникновеніемъ именно этимъ географическимъ заслугамъ покойнаго.

Членъ Государственнаго Совѣта Петръ Петровичъ Семеновъ-Тянь-Шанскій, знаменитый географъ, ученый и общественный дѣятель, послѣдній изъ остававшихся въ живыхъ участниковъ великой крестьянской реформы 1861 г. (1826—1914 г.). Съ портрета работы И. Е. Рѣпина.

Больше сорока лѣтъ онъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Русскаго Географическаго Общества, которому отдалъ, можно сказать, всю свою душу. Исторія этого общества переплетается съ личной біографіей П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и цѣликомъ входитъ въ его жизнь. Постоянно собирая и систематизируя географическія знанія, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій создалъ и редактировалъ географическій словарь; по его же иниціативѣ и подъ его редакторствомъ вышелъ въ свѣтъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ по изученію нашихъ азіатскихъ окраинъ.

Географическое Общество увѣковѣчило его заслуги учрежденіемъ двухъ медалей его имени. Медали эти присуждаются за выдающіяся путешествія и географическія изслѣдованія. Увѣнчала его и Академія Наукъ, избравъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго своимъ почетнымъ членомъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій былъ выдающимся знатокомъ и любителемъ живописи. Онъ коллекціонировалъ картины голландской школы и сумѣлъ составить прекрасную коллекцію картинъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ. Эта коллекція по справедливости считается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Мы имѣемъ возможность въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Нивы" помѣстить нѣкоторые шедевры изъ богатой сокровищницы П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Въ послѣдніе годы П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. На этомъ почетномъ посту его и застигла кончина, поразившая болью и сердечнымъ сокрушеніемъ всѣхъ, кто зналъ его.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ статсъ-секретаря Горемыкина.

Иванъ Логгиновичъ. Призвавъ васъ на отвѣтственный постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Я имѣлъ въ виду, что вашъ государственный опытъ, ваша спокойная твердость и испытанная вѣрность Нашему Престолу послужатъ къ истинному объединенію, подъ вашимъ мудрымъ руководствомъ, Моего правительства и къ дальнѣйшему улучшенію условій русскаго быта.

Нынѣ Я призналъ за благо преподать вамъ нѣкоторыя общія указанія, которыя должны опредѣлить всю предстоящую правительственную работу.

Дальнѣйшее и неуклонное упроченіе въ странѣ государственнаго и общественнаго порядка должно быть положено въ основу заботъ правительственной власти. Только порядокъ и уваженіе къ утвержденному Мною закону могутъ создать тѣ условія, при которыхъ законодательная работа будетъ успѣшной и плодотворной.

На томъ же уваженіи къ закону и на взаимномъ довѣріи должна быть основана работа Моего правительства и законодательныхъ учрежденій. Она должна преслѣдовать единую цѣль — благо Россіи. Но такъ какъ полнота и ясность въ выполненіи Мною указанныхъ задачъ требуютъ отъ ихъ исполнителей твердаго сознанія своей отвѣтственности передъ Властью Верховною и Россіею и не допускаютъ ни произвола, ни послабленій въ ущербъ достоинства правительства и въ угоду какимъ бы то ни было стороннимъ побужденіямъ, то Я ожидаю отъ васъ постояннаго вниманія къ тому, чтобы великій образъ Русскаго Государства не затемнялся личными соображеніями, и чтобы благо Моего народа не приносилось въ жертву безпочвеннымъ стремленіямъ, порою совсѣмъ чуждымъ тѣмъ народнымъ завѣтамъ и историческимъ устоямъ, которыми росла и крѣпла Россія.

Возлагая на васъ заботу объ осуществленіи изложенныхъ Моихъ предначертаній, Я хочу вѣрить, что любовь къ Родинѣ соединитъ въ дружной общей работѣ всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ, и что между Моимъ правительствомъ, облеченнымъ полнымъ Моимъ довѣріемъ, и законодательными учрежденіями, кругъ вѣдомства коихъ строго очерченъ въ законѣ, установится то необходимое согласіе—въ общемъ служеніи Россіи и Мнѣ—которое, съ Божьей помощью, обезпечитъ дальнѣйшій ростъ русской мощи, послужитъ залогомъ подъема духовныхъ и экономическихъ силъ Нашей великой Родины и будетъ началомъ полнаго расцвѣта ея міроваго значенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

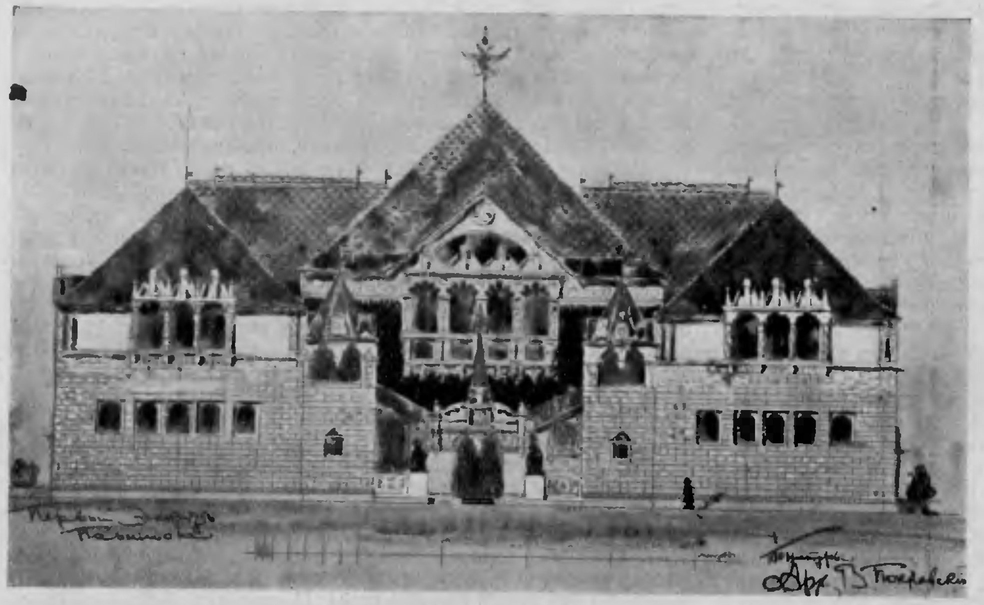
„НИКОЛАЙ".

Царское Село.
6-го Марта 1914 года.

Подъ знаменемъ законности.

(Вопросы внутренней жизни).

Обновленіе правительства съ замѣною графа В. Н. Коковцова въ качествѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинымъ и въ качествѣ министра финансовъ П. Л. Баркомъ сопровождалось двумя многознаменательными актами—Высочайшими рескриптами на имя обоихъ замѣстителей. Оба рескрипта по высокой важности вопросовъ, затронутыхъ въ нихъ, имѣютъ скорѣе значеніе манифестовъ, потому что предвозвѣщаютъ совершенно новые пути въ будущей дѣятельности правительства. Рескриптъ

Зданіе русскаго отдѣла на Всемірной выставкѣ печатнаго дѣла и графическихъ искусствъ въ Лейпцигѣ, открывающейся 1 мая 1914 г. По проекту академика архитектуры В. А. Покровскаго.
По фот. Я. Штейнберга.

на имя П. Л. Барка возлагалъ на министерство финансовъ борьбу съ народнымъ пьянствомъ путемъ энергичнаго сокращенія потребленія спиртныхъ напитковъ и борьбу съ народной бѣдностью путемъ организаціи дешеваго общедоступнаго народнаго кредита и послѣ цѣлой четверти вѣка управленія русскими финансами графомъ Витте и графомъ Коковцовымъ открывалъ собою совершенно новую эру въ дѣятельности финансоваго вѣдомства. Рескриптъ на имя И. Л. Горемыкина возлагаетъ на новаго премьеръ-министра не менѣе важную и трудную задачу — фактическаго объединенія донынѣ совершенно разрозненнаго министерства подъ общимъ знаменемъ законности, борьбы съ произволомъ и съ уклоненіями административныхъ дѣятелей въ сторону личныхъ соображеній, личной политики. Поскольку ничѣмъ не ограниченный произволъ дѣйствуетъ угнетающе на всю общественную жизнь Россіи, постольку призывъ къ насажденію строгой законности зоветъ страну къ общему возрожденію на священныхъ началахъ неприкосновеннаго человѣческаго права, свободы и гражданственности. Нѣтъ вопросовъ важнѣе и серьезнѣе затронутыхъ въ обоихъ рескриптахъ. Практическое осуществленіе выраженныхъ въ нихъ Монаршихъ предуказаній преобразило бы весь ликъ русской жизни, поставило бы ее на другія основы. Но, судя по отзывамъ нашей партійной печати, интеллигентные верхи русскаго общества отнеслись нѣсколько скептически къ самой осуществимости высокихъ и благихъ начинаній. Тысячи голосовъ выражали сомнѣніе въ возможности сколько-нибудь серьезной борьбы правительства съ народнымъ пьянствомъ при построеніи всего государственнаго бюджета на милліардномъ доходѣ отъ винной монополіи. Немного времени прошло со времени опубликованія рескриптовъ, однакоже факты, реальные факты уже показали, что возвѣщенныя преобразованія не ограничиваются одними словами, но быстро переходятъ и въ область государственныхъ дѣлъ. Первый циркуляръ новаго министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами призвалъ ихъ къ практической работѣ по борьбѣ съ пьянствомъ и насажденію трезвости, притомъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ убѣжденными сторонниками трезвости изъ среды мѣстнаго общества и народа.

Новый министръ финансовъ не боится уменьшенія доходовъ казны отъ сокращенія потребленія спиртныхъ напитковъ въ томъ расчетѣ, что „сбереженныя средства, оставаясь въ оборотѣ трудовой жизни и создавая новыя цѣнности, откроютъ и новый источникъ для покрытія возрастающихъ государственныхъ расходовъ". Отсутствіе этого гипнотически внушеннаго страха передъ неизбѣжностью колоссальнаго дефицита, сводившаго всю борьбу съ пьянствомъ къ мертвой канцелярской формальности, сразу и развязало новому министру финансовъ руки и сдѣлало возможнымъ принятіе серьезныхъ мѣръ. Онъ предписываетъ управляющимъ акцизными сборами неуклонно удовлетворять всѣ законно составленные приговоры сельскихъ обществъ о закрытіи и недопущеніи виноторговли, остававшіеся при его предшественникахъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, рекомендуетъ при открытіи новыхъ мѣстъ продажи запрашивать предварительное согласіе уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, а для борьбы съ тайнымъ шинкарствомъ мобилизируетъ всѣ мѣстныя административныя и общественныя силы. Послѣ такихъ приказовъ самый упрямствующій въ скептицизмѣ Ѳома невѣрующій будетъ вынужденъ признать, что въ борьбѣ съ пьянствомъ правительство уже перешло отъ словъ къ дѣлу. Тѣмъ правдоподобнѣе становится осуществленіе преподанныхъ Высочайшихъ указаній въ несравненно менѣе сказочной и трудно достижимой области борьбы съ административнымъ произволомъ и насажденія законности. Законъ есть основа государственнаго порядка, и каждое правительство, стоящее на уровнѣ своей гражданской задачи, должно стихійно стремиться къ торжеству закона въ ясномъ пониманіи того, что административный произволъ неограниченныхъ усмотрѣній по самому существу своему есть не что иное, какъ анархія сверху. Быть-можетъ, всего больше общественному скептицизму содѣйствовала прочно установившаяся за И. Л. Горемыкинымъ репутація убѣжденнаго консерватора. Русское общество забыло, что этотъ консерваторъ лѣтъ пятнадцать назадъ оставилъ самый вліятельный по тому времени постъ министра внутреннихъ дѣлъ, отстаивая права земскаго самоуправленія, которыя одинъ изъ наиболѣе популярныхъ фаворитовъ прогрессивныхъ партій объявилъ логически несовмѣстимыми съ Самодержавіемъ.

Широкіе круги, проходящіе только начальную школу политической жизни, по невѣдѣнію своему всегда смѣшиваютъ консерватизмъ съ темной реакціей, между тѣмъ какъ весь опытъ такихъ передовыхъ странъ, какъ Англія, гдѣ наиболѣе важныя реформы только зачинались либералами, а проводились въ жизнь большею частью консервативными министерствами, показываетъ, что здравый консерватизмъ отличается отъ слишкомъ смѣлаго радикализма отнюдь не принципіальною

Изваяніе Будды, поднесенное Его Величеству Государю Императору правителемъ Лаоса, сѣверной провинціи Сіама (чрезъ русскаго посланника въ Сіамѣ, камергера Е. А. Плансона), и Высочайше переданное въ даръ Этнографическому Музею Императорской Академіи Наукъ. Этому древнему изваянію около 1000 лѣтъ.
По фот. Я. Штейнберга.

враждою къ прогрессу, а только тѣмъ, что служитъ завоеваніямъ того же прогресса съ большей оглядкой на исторію своей страны, съ большимъ вниманіемъ къ исторически сложившимся идеаламъ и взглядамъ своего народа. Именно къ такому типу консерваторовъ, которыхъ правильнѣе было бы назвать косвенными прогрессистами, принадлежитъ, повидимому, и И. Л. Горемыкинъ. Его строгій и выдержанный консерватизмъ нисколько не помѣшалъ ему съ первыхъ же шаговъ по назначеніи премьеромъ явиться насадителемъ чисто прогрессивныхъ началъ. Какъ это ни странно, при гр. В. Н. Коковцовѣ, пользовавшемся репутаціей либерала и прогрессиста, вся дѣятельность правительства была построена на антагонизмѣ съ Гос. Думой. Первымъ шагомъ консервативнаго И. Л. Горемыкина было, напротивъ, болѣе тѣсное сближеніе правительства съ народнымъ представительствомъ, отчасти уже достигнутое на особомъ закрытомъ совѣщаніи по вопросамъ общей и внѣшней политики. Конституціонный принципъ объединенія правительства при гр. Коковцовѣ пришелъ въ упадокъ и смѣнился хаотичнымъ разбродомъ власти. Консерваторъ И. Л. Горемыкинъ изъ собранія автономныхъ министровъ снова сдѣлалъ единое министерство, органъ коллективной воли, послушный указаніямъ, раздавшимся съ высоты Престола. При якобы либеральномъ правительствѣ административный произволъ достигъ крайнихъ проявленій. При консервативномъ правительствѣ раздается властный и многообѣщающій призывъ къ законности. Подъ либеральной этикеткой царили многолѣтній застой, покровительство хищническимъ элементамъ экономической жизни, спаиваніе народа, обнищаніе крестьянства и безконтрольность власти; при консервативномъ правительствѣ предпринимаются первые шаги къ насажденію трезвости, къ защитѣ экономическихъ интересовъ трудящихся массъ, къ утвержденію права, къ ограниченію произвола, къ насажденію государственнаго порядка и прогресса. Не ясно ли, что наши клейма прогрессивности и консерватизма нисколько не выражаютъ дѣйствительнаго характера смѣняющихся во главѣ правительства лицъ и общаго направленія ихъ работы? Въ неожиданныхъ сюрпризахъ мертваго застоя подъ флагомъ либерализма и прогресса подъ флагомъ консерватизма мы можемъ видѣть новое, по счету тысячу первое, подтвержденіе старой истины, что русская психологія и русская жизнь широка, какъ океанъ, и потому никакъ не можетъ вмѣститься въ узкіе формулы западно-европейскаго политическаго опыта.

Переоцѣнка международнаго положенія Россіи.

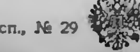
(Политическое обозрѣніе).

Нѣтъ худа безъ добра. Ужъ на что злое начало въ міровой жизни—желтая шовинистическая печать, вѣчно опьяняющая народы ядовитымъ хмелемъ кровавыхъ славъ, вѣчно угрожающая миру, однакоже и она оказала очень благое вліяніе и сыграла въ высшей степени полезную роль. Бранныя слова и чернильныя угрозы нѣмецкой прессы по адресу Россіи повліяли на русское общество и на русскіе правящіе круги несравненно глубже, чѣмъ множество дипломатическихъ ударовъ, нанесенныхъ международнымъ интересамъ Россіи талантливой, дѣятельной и на рѣдкость патріотической берлинской дипломатіей. Мы покорно снесли и аннексію Босніи-Герцеговины, и обратный захватъ турками Адріанополя, и учрежденіе албанскаго королевства, лишившаго Сербію естественнаго выхода къ Адріатическому морю, мы остаемся неизмѣнно равнодушными къ административнымъ истязаніямъ и судебнымъ издѣвательствамъ, которымъ систематически подвергаются въ Австріи родные намъ по вѣрѣ и крови русины только за то, что они считаютъ себя русскими и православными, мы ничего не смѣли возразить и противъ внѣдренія германцевъ въ Малой Азіи въ тѣхъ областяхъ владѣній разваливающейся Турціи, которыя естественно тяготѣютъ къ болѣе сильному и жизнеспособному сосѣду. Но когда бѣшеная націоналистическая печать Берлина, Кёльна и Гамбурга стала нагло грозить переходомъ германской арміи черезъ русскую границу—тогда нашей робости и нашему долготерпѣнію пришелъ конецъ, и подавленная тяжелыми маньчжурскими воспоминаніями Россія сразу заговорила языкомъ великой державы и заявила, что она готова ко всякимъ случайностямъ. Десять лѣтъ, прожитыхъ нами со времени японской войны, и миліарды, употребленные за это время на возрожденіе нашей военной мощи, прошли не безслѣдно. Россія, какъ военная держава, воскресла изъ пепла маньчжурскаго пожарища и, обновленная въ строѣ своей внутренней жизни, готова встрѣтить лицомъ къ лицу всякое нападеніе и съ Востока и съ Запада. Таковъ былъ общій тонъ небольшой, явно инспирированной замѣтки, появившейся въ одной изъ столичныхъ газетъ. Трудно представить себѣ, какое глубокое, почти потрясающее впечатлѣніе произвела она въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи. Всѣ почувствовали, что рѣшительныя слова есть только выраженіе еще болѣе рѣшительной воли. Никто не хотѣлъ играть съ огнемъ, когда выяснилась опасность обжечься. Воинственные призывы нѣмецкихъ газетъ къ „предупредительной войнѣ", долженствующей разгромить Россію въ зародышѣ ея еще неокрѣпшей военной мощи, сразу смолкли и замѣнились миролюбивыми разсужденіями на ту тему, что нѣмцамъ съ нами, собственно говоря, совсѣмъ не изъ-за чего воевать, и въ обоюдныхъ интересахъ гораздо благоразумнѣе продолжать держаться завѣтовъ старой, вѣковой дружбы. Такимъ образомъ кровавый кошмаръ всеобщей войны, уже нависшей надъ изнемогающей подъ бременемъ непосильныхъ вооруженій Европы, разсѣялся отъ одного твердаго слова. Поскольку робость поощряетъ предпріимчивость и требовательность враговъ, постольку мужественная рѣшимость къ самозащитѣ создаетъ лучшую гарантію безопасности и прочнаго мира. Въ концѣ концовъ самому разъяренному изъ берлинскихъ патріотовъ вовсе не хочется толкать свое отечество на рискованную войну съ могучимъ сѣвернымъ колоссомъ и ставить на карту самое существованіе фатерланда. Каждому понятно, что при современной системѣ грандіозныхъ коалицій разъ начатая война не можетъ ограничиться единоборствомъ двухъ державъ, но неизбѣжно повлечетъ за собою вмѣшательство остальныхъ союзниковъ, а въ рѣшительную минуту борьбы на жизнь и смерть скрѣпа, соединяющая Россію, Францію и Англію, въ равной мѣрѣ угрожаемыхъ военно-морской гегемоніей Германіи, едва ли не окажется несравненно болѣе надежной и прочной, чѣмъ связь такихъ непримиримыхъ антагонистовъ, какъ Италія и Австрія. Весьма дѣятельный въ дипломатической борьбѣ тройственный союзъ, когда дѣло дойдетъ до войны, за отпаденіемъ Италіи, можетъ очень легко превратиться въ двойственный, и такъ какъ военная мощь разноплеменной Австріи не преувеличивается, кажется, даже самими австрійцами, то напрягающая всѣ свои силы Германія рискуетъ очутиться передъ сонмомъ военныхъ и морскихъ силъ тройственнаго согласія почти что въ скорбномъ одиночествѣ. Сколько-нибудь ощутимой поддержки ей не можетъ оказать ни разгромленная Турція ни искусственно взбудораженная противъ Россіи Швеція, тѣмъ болѣе, что обновленный балканскій союзъ въ лицѣ Греціи, Черногоріи, Сербіи и оторвавшейся отъ австрійской дружбы Румыніи, располагающей уже полутора милліонами штыковъ, свободно уравновѣситъ ту поддержку, которую будетъ въ силахъ оказать Германіи единственная ея вѣрная союзница—Австрія. Вспомнить о своей мощи Россію заставили дерзкія угрозы германскимъ нашествіемъ,—но, разъ вспомнивъ о ней, русская дипломатія уже не забудетъ ея и при разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ международной жизни. При новомъ курсѣ русской политики Россія воскресаетъ не только въ своей военной мощи, но также и въ патріотическомъ сознаніи единства гражданскаго долга, связывающаго въ одномъ догматѣ національно-государственной самозащиты и власть и общество.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 6.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.